

ISSN 2072-3121

ВЕСТНИК

ЧЕЧЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. А.А. КАДЫРОВА

№ 3 (59)

2025

ВЕСТНИК

ЧЕЧЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. А.А. КАДЫРОВА

Научно-аналитический журнал
Основан в 2007 году

BULLETIN

OF KADYROV
CHECHEN STATE
UNIVERSITY

Scientific and analytical journal
The journal is founded in 2007

ВЕСТНИК
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова»
Адрес: 364093, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Главный редактор:
Саидов Заурбек Асланбекович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Заместители главного редактора:
Мусаев Расул Абдуллаевич
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва
Улезько Сергей Иванович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный
Джамбеков Хамзат Алихаджиевич
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Научно-аналитический журнал
Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Чеченской Республике

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ20-00124 от 28 декабря 2021 г.
Периодичность издания: 4 номера в год

Адрес редакции: 364093, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Вестник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 29.03.2022 г.) по юридическим научным специальностям (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.4. Уголовно-правовые науки) и (с 25.04.2023 г.), по экономическим научным специальностям (5.2.3. Региональная и отраслевая экономика, 5.2.4. Финансы). Индексируется РИНЦ, размещен в CrossRef, НЭБ – eLIBRARY.ru

В соответствии с решением Минобрнауки России при итоговом распределении изданий из рецензируемого Перечня с 2024 года Вестник отнесен к категории К2.

Дата выхода в свет – 01.12.2025 г.
Адрес издательства/типография: 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33

**BULLETIN
of Kadyrov Chechen State University**

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Chechen State University named after Akhmat Abdulkhamidovich Kadyrov»
Address: 364093, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32

Chief Editor:
Saidov Zaurbek Aslanbekovich
FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University», Grozny

Deputy Chief Editors:
Musaev Rasul Abdullaevich
FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University», Moscow
Ulezko Sergey Ivanovich
FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University», Grozny
Dzhambekov Khamzat Alikhadzhievich
FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University», Grozny

Scientific and analytical journal
The journal is registered by the Department of the Federal Service for Supervision in the
sphere of mass communications and information technologies for the Chechen Republic.

Registration certificate
PI № TU20-00124 of December 28, 2021.
Publication periodicity: 4 issues per year

Editorial address: 364093, Grozny, st. Sheripova, 32

The journal is included in the «List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published» of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia (since March 29, 2022), in legal scientific specialties (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences, 5.1.4. Criminal legal sciences), in economic scientific specialties (5.2.3. Regional and sectoral economics, 5.2.4. Finance). The journal is indexed by the RSCI, it is placed in CrossRef database, SEL – eLIBRARY.ru

According to the Resolution of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation since 2024 the Bulletin is attributed to the category K2 in final distribution of publications from the peer reviewed list.

Date of publication – 01.12.2025
Address of the Publishing House: 364037, Grozny, st. Subra Kishieva, 33

Редакционный совет:

Экономические науки

Абдулгалимов Абдулсалим Минхаджович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Арсаханова Зина Абдулловна
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Баснукаев Муса Шамсудинович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Гезиханов Руслан Абдулхамидович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Горшкова Наталья Валерьевна
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Волгоград

Довлетмурзаева Малика Абубакаровна
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Захарова Елена Николаевна
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп

Иванова Елена Александровна
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет», Ростов-на-Дону

Исраилов Магамед Вахаевич
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный

Ильясов Руслан Хизраилевич
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Куцури Георгий Николаевич
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации», Москва

Мамбетова Александра Александровна
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону

Тавбулатова Зулай Кариевна
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Таштамиров Магомед Русланович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Шовхалов Шамиль Ахьядович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Юридические науки

Беляева Галина Серофимовна
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород

Биккинин Ирек Анасович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Быстрова Юлия Викторовна
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», Орел

Богдан Варвара Владимировна
ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», Курск

Гельдибаев Мовлад Хасиевич
Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург

Дашин Алексей Викторович
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

Долгополов Кирилл Андреевич
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь

Зиядова Дуря Зиядиновна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала

Маликов Борис Зуфарович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Маремкулов Арсен Нажмудинович
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик

Працко Геннадий Святославович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный

Сайдумов Джамбулат Хамидович
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный

Сумачев Алексей Витальевич
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень

Халифаева Анжела Курбановна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала

Шатковская Татьяна Владимировна
Южно-Российский институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Editorial advisory board:

Economic sciences

Abdulgalimov Abdulsalim Minkhajovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Arsakhanova Zina Abdullovna

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Basnukaev Musa Shamsudinovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Gezihanov Ruslan Abdulhamidovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Gorshkova Natalia Valerievna

*FSBEI HE «Volgograd State University», Volgo-
grad*

Dovletmurzaeva Malika Abubakarovna

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Zakharova Elena Nikolaevna

FSBEI HE «Adyghe State University», Maykop

Ivanova Elena Aleksandrovna

*FSBEI HE «Rostov State University of Economics»,
Rostov-on-Don*

Israilov Magamed Vakhaevich

*FSBEI HE «Chechen State Pedagogical
University», Grozny*

Ilyasov Ruslan Khizrailevich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Kutsuri Georgy Nikolaevich

*FSBEI HE «Financial University under the
Government of the Russian Federation», Moscow*

Mambetova Alexandra Aleksandrovna

*FSBEI HE «Rostov State University of Economics
(RINH)», Rostov-on-Don*

Tavbulatova Zulay Karievna

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Tashtamirov Magomed Ruslanovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Shovkhalov Shamil Akhyadovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Legal sciences

Belyaeva Galina Serofimovna

*FSBEI HE «Belgorod State National Research Uni-
versity», Belgorod*

Bikkinin Irek Anasovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Bystrova Yulia Viktorovna

*FSBEI HE «Orel State University named after I.S.
Turgenev», Orel*

Bogdan Varvara Vladimirovna

FSBEI HE «Southwestern State University», Kursk

Geldibaev Movlad Khasievich

*Russian State University of Justice,
Saint-Petersburg*

Dashin Alexey Viktorovich

FSBEI HE «Kuban State University», Krasnodar

Dolgoplov Kirill Andreevich

North-Caucasus Federal University, Stavropol

Ziyadova Dureya Ziyadinovna

*FSBEI HE «Dagestan State University»,
Makhachkala*

Maremkulov Arsen Nazhmudinovich

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov», Nalchik*

Malikov Boris Zufarovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Pratsko Gennady Svyatoslavovich

*FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»,
Grozny*

Saidumov Dzhambulat Khamidovich

FSBEI HE «Kadyrov Chechen State University»;

*FSBEI HE «Chechen State Pedagogical Univer-
sity», Grozny*

Sumachev Alexey Vitalievich

FSBEI HE «Tyumen State University», Tyumen

Khalifaeva Anzhela Kurbanovna

*FSBEI HE «Dagestan State University»,
Makhachkala*

Shatkovskaya Tatyana Vladimirovna

*South Russian Institute of Management – branch of
the Russian Academynational economy and public
service under the President Russian Federation,
Rostov-on-Don*

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Абдуев М.Х., Хаджиев У.К., Идигова А.А. Роль человеческого капитала в развитии экономики социальной сферы.....	10
Баснукаев М.Ш., Борушков Д.А. Инвестиции в инфраструктуру: теоретические аспекты.....	21
Гезиханов Р.А. Развитие контрактных отношений между участниками аудиторской деятельности в России.....	32
Горшкова Н.В., Горшков А.А., Даудова П.А. Современное состояние региональных страховых рынков (на примере Волгоградской области).....	39
Демильханова Б.А. Сравнительная оценка реальной доходности вложений физических лиц в среднесрочные государственные облигации.....	49
Довлетмурзаева М.А. Важность НИОКР и инноваций в региональном развитии.....	57
Киян Т.В., Митрофанов С.В., Дадаев Я.Э. Исследование ключевых проблем и барьеров развития кадрового потенциала в цифровой экономике.....	65
Мусханова Х.Ж. Тенденции пространственной концентрации в российской банковской системе.....	74
Семенова Н.Н., Аверин А.Ю. Развитие зерновой отрасли в условиях санкционного давления на российскую экономику.....	83
Сулумов С.Х., Рагозинникова Е.В., Черенцова Г.Г. Адаптация к условиям циклической экономики как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия.....	91
Таштамиров М.Р. Дуальная банковская система в контексте дефиниции и аксиоматики.....	99
Хагаева А.В. Оценка важности пространства в региональной экономике: новый подход к экономической географии.....	121
Хамурадов М.А. Реинжиниринг как технология повышения эффективности работы персонала предприятия.....	128

Юридические науки

Ахъядов Эльман С-М., Тепсуев М.С. Профилактика терроризма в России: роль государственной власти и органов местного самоуправления.....	138
Беженцев А.А. Правовое государство: историко-теоретическая модель.....	147
Гергоков З.Т. К вопросу изучения обычного права на Северном Кавказе: история и современность.....	157
Горлач М.Ю. Нейральные факторы количественных различий в гендерной статистике девиантности: социобиологический подход.....	162
Идрисов Х.В., Ибрагимов Р.А. Юрико-богословское наследие Шейха Сугаипа-муллы Гойсумова: научные труды и религиозно-правовая деятельность.....	169

Канамготов К.А.	
Эволюция федеративной формы государства: мировые векторы трансформации.....	181
Тангиев Б.Б., Гельдибаев М.Х., Мальцагов И.Д.	
Криминологический анализ внешних и внутренних угроз научно-образовательному суверенитету России (на примере эокриминологии).....	191
Масленников Д.А., Працко Г.С., Ярычев Н.У.	
Учения о судебной власти в контексте правовых реформ: от империи к советскому праву.....	196
Пикина Т.В.	
Обороноспособность государства как признак составов преступлений диверсионной направленности.....	203
Улезько И.С.	
Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий.....	210
Чочуева З.А., Хыбыртова М.Р., Дадашов М.М.	
Вмешательство в геном человека: медицинский и уголовно-правовой методы оценки.....	217
Шатковская Т.В.	
Правовое просвещение в СССР в 1941 – 1945 гг.	225
Яргутова В.Ю.	
Минимизация рисков использования криптовалюты в преступных схемах отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.....	232

CONTENTS

Science of Economics

Abduev M.Kh., Khadzhiev U.K., Idigova A.A. The role of human capital in the development of the economy of the social sphere.....	10
Basnukaev M.Sh., Borushkov D.A. Investments in infrastructure: theoretical aspects.....	21
Gezikhanov R.A. Development of contract relations between participants in audit activities in Russia.....	32
Gorshkova N.V., Gorshkov A.A., Daudova P.A. The current state of regional insurance markets (on the example of Volgograd region).....	39
Demilkhanova B.A. Comparative assessment of real return on individuals' investments in medium-term government bonds.....	49
Dovletmursaeva M.A. The importance of R&D and innovation in regional development.....	57
Kiyan T.V., Mitrofanov S.V., Dadaev Ya.E. Study of key problems and barriers to development of human resources in the digital economy.....	65
Muskhanova Kh.D. Tendencies of spatial concentration in the Russian banking system.....	74
Semenova N.N., Averin A.Yu. Development of the grain industry in the context of sanctions pressure on the Russian economy.....	83
Sulumov S.Kh., Ragozinnikova E.V., Cherentsova G.G. Adaptation to a cyclic economy as a tool for ensuring enterprise economic security.....	91
Tashtamirov M.R. Dual banking system in the context of definition and axiomatics.....	99
Khagayeva A.V. Assessing the importance of space in the regional economy: a new approach to economic geography.....	121
Hamuradov M.A. Reengineering as a technology for increasing the efficiency of enterprise staff.....	128

Science of Law

Akhyadov Elman S-M., Tepsuev M.S. Prevention of extremism and terrorism in Russia: the role of state authorities and local governments.....	138
Bezhentsev A.A. Legal state: a historical and theoretical model.....	147
Gergokov Z.T. Towards the study of customary law in the North Caucasus: history and modernity.....	157
Gorlach M.Y. Neural factors of quantitative differences in gender deviance statistics: a sociobiological approach.....	162
Idrisov H.V., Ibragimov R.A. The legal and theological legacy of sheikh Sugaip-mullah Goysumov: scientific works and religious and legal activities.....	169
Kanamgotov K.A. Evolution of the federal form of the state: global vectors of transformation.....	181
Tangiev B.B., Geldibaev M.H., Maltsagov I.D. Criminological analysis of external and internal threats to the scientific and educational sovereignty of Russia (on the example of ecocriminology).....	191

Maslennikov D.A., Pratsko G.S., Yarychev N.U.	
Doctrine on judicial power in the context of legal reforms: from empire to soviet law.....	196
Pikina T.V.	
State defense capability as a legally defined sign of sabotage-related origin crimes.....	203
Ulezko I.S.	
Criminal law challenges of the digital age: regulation of crimes involving artificial intelligence and deepfake technologies.....	210
Chochueva Z.A., Khybyrtova M.R., Dadashov M.M.	
Interference with the human genome: medical and criminal law assessment methods.....	217
Shatkovskaya T.V.	
Legal education in the USSR in 1941-1945.....	225
Yargutova V.Yu.	
Minimizing risks of cryptocurrency use in criminal schemes of money laundering and terrorism financing.....	232

УДК 330.3

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-10-20

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Абдуев М.Х.¹, Хаджиев У.К.², Идигова А.А.²¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный²ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. М.Д. Миллионщикова», г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена анализу роли человеческого капитала как ключевого фактора устойчивого развития экономики социальной сферы – образования, здравоохранения и социального обслуживания. В работе раскрывается теоретико-методологическая база, опирающаяся на концепции человеческого капитала (Г. Беккер [4], Т. Шульц [16], Дж. Минсер [15]), модели эндогенного роста (Р. Лукас [14]) и институциональный подход (Д. Норт, Д. Асемоглу и др.). Показано, что инвестиции в образование, здоровье, навыки и ценностные установки формируют предельную производительность труда, создают положительные внешние эффекты и повышают качество публичных услуг. Особое внимание уделено каналам влияния: росту производительности и качества социальных услуг, инновациям и цифровизации, управленческим компетенциям и организационной эффективности, а также роли социального доверия и институтов. Методика исследования сочетает сравнительный обзор литературы и анализ вторичных международных данных (ОЭСР, Всемирный банк, ЮНЕСКО, ВОЗ), что позволяет оценить метрики человеческого капитала (LAYS, PISA, TIMSS, PIAAC, HCI, DALY) и показатели результативности социальной сферы (доступность, качество, эффективность затрат, удовлетворённость). На основе моделей панельных данных и бенчмаркинга обосновывается необходимость комплексных инструментов оценки и «качественно скорректированных» индикаторов выпуска. Сделан вывод о системообразующей роли человеческого капитала в повышении эффективности и устойчивости социальной сферы и важности совершенствования институциональной среды для максимизации отдачи от инвестиций.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономика социальной сферы, образование, здравоохранение, социальное обслуживание.

Для цитирования: Абдуев М.Х., Хаджиев У.К., Идигова А.А. Роль человеческого капитала в развитии экономики социальной сферы // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 10-20.

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE SOCIAL SPHERE

Abduev M.Kh.¹, Khadzhiev U.K.², Idigova A.A.²¹Kadyrov Chechen State University, Grozny²Grozny State Petroleum Technical University named after M.D. Millionshchikov, Grozny

Abstract. The article analyzes the role of human capital as a key factor in the sustainable development of the economy of the social sphere - education, health care and social services. The work reveals the theoretical and methodological framework based on the concepts of human capital (G. Becker [4], T. Schulz [16], J. Mincer [15]), endogenous growth models (R. Lucas [14]) and the institutional approach (D. North, D. Acemoglu et al.). It is shown that investments in education, health, skills and value attitudes form the marginal productivity of labor, create positive externalities and improve the quality of public services. Particular attention is paid to the channels of influence: growth of productivity and quality of social services, innovations and digitalization, management competencies and organizational efficiency, as well as the role of social trust and institutions. The research methodology combines a comparative literature review and analysis of secondary international data (OECD, World Bank, UNESCO, WHO), which allows us to assess human capital metrics (LAYS, PISA, TIMSS, PIAAC, HCI, DALY) and social sector performance indicators (access, quality, cost-effectiveness, satisfaction). Based on panel data models and benchmarking, the need for comprehensive assessment tools and “qualitatively adjusted” output indicators is substantiated. A conclusion is made about the systemically important role of human capital in increasing the efficiency and sustainability of the social sector and the importance of improving the institutional environment to maximize the return on investment.

Keywords: human capital, social economics, education, health care, social services.

For citation: Abduev M.Kh., Khadzhiev U.K., Idigova A.A. The role of human capital in the development of the economy of the social sphere // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 10-20.

Введение. В условиях структурных сдвигов и демографического старения именно человеческий капитал становится ключевым фактором производительности и устойчивого роста экономики социальной сферы – образования, здравоохранения и социального обслуживания. Понимая человеческий капитал как совокупность знаний, компетенций, здоровья и ценностных установок, следуем классической традиции, заложенной Гэри Беккером [4], Теодором Шульцем [16] и Джейкобом Минсером [15]: инвестиции в образование и навыки приносят частные и общественные доходности, повышая предельную производительность труда и заработки, а также формируя основу долгосрочного роста. Значение этого актива подтверждают международные оценки богатства: по расчётам Всемирного банка, человеческий капитал составляет порядка двух третей совокупного национального богатства мира, что подчёркивает его системообразующую роль для публичных услуг и благосостояния домохозяйств.

Теоретические механизмы воздействия человеческого капитала на макродинамику подробно раскрыты в модели эндогенного роста Роберта Лукаса [14]: накопление знаний и навыков, включая обучение на рабочем месте, генерирует положительные внешние.

Введение. В условиях структурных сдвигов и демографического старения именно человеческий капитал становится ключевым фактором производительности и устойчивого роста экономики социальной сферы – образования, здравоохранения и социального обслуживания. Понимая человеческий капитал как совокупность знаний, компетенций, здоровья и ценностных установок, следуем классической традиции, заложенной Гэри Беккером, Теодором Шульцем и Джейкобом Минсером: инвестиции в образование и навыки приносят частную и общественную доходность, повышая предельную производительность труда и заработки, а также формируя основу долгосрочного роста. Значение этого актива подтверждают международные оценки богатства: по расчётам Всемирного банка, человеческий капитал составляет порядка двух третей совокупного национального богатства мира, что подчёркивает его системообразующую роль для публичных услуг и благосостояния домохозяйств.

Теоретические механизмы воздействия человеческого капитала на макродинамику подробно раскрыты в модели эндогенного роста Роберта Лукаса [14]: накопление знаний и навыков, включая обучение на рабочем месте, генерирует положительные внешние эффекты, повышает темпы инноваций и устойчиво сдвигает траекторию выпуска. Вне пределов чисто частных отдач важны и социальные эффекты образования, измеряемые инструментальными оценками внешней доходности (Дарон Асемоглу [3]), тогда как качество обучения – освоенные когнитивные навыки, а не только годы обучения – статистически сильнее связано с темпами роста производительности (Эрик Ханушек и Людгер Вёссманн [19]). Составляющая «здоровье» внутри человеческого капитала также критична: улучшение выживаемости и здоровья повышает эффективность использования труда и физического капитала, что показано в оценках Дэвида Вейла [8] и в производственной постановке Дэвида Блума и Дэвида Кэннинга [6]. На уровне отраслей и фирм различия в навыках взрослых, фиксируемые международными обследованиями (PIAAC), объясняют существенную долю межстрановых разрывов в производительности.

Одновременно социальная сфера сталкивается с методологическими вызовами измерения результатов и производительности публичных услуг, где связь «входы – выходы – исходы» опосредована качеством человеческого капитала как поставщиков услуг (педагогов, врачей, социальных работников), так и их получателей (учеников, пациентов, семей). Международные обзоры указывают на необходимость совершенствования метрик производительности государства и их встраивания в управление, что особенно важно для оценки эффективности бюджетных инвестиций в человеческий капитал. В этой логике особое место занимает раннее детство: оценки Джеймса Хекмана [20] демонстрируют высокие долгосрочные нормы общественной доходности программ раннего развития за счёт роста образовательных и трудовых исходов и сокращения последующих социальных издержек. Таким образом, исследование роли человеческого капитала в экономике социальной сферы – это не только вопрос ресурсного обеспечения, но и анализа институтов, качества услуг и каналов трансформации инвестиций в

измеримые социально-экономические результаты.

Методика исследования. Методика исследования опирается на объяснительно-аналитический дизайн без экспериментальной части и сочетает сравнительный обзор литературы с анализом вторичных международных данных. Единица наблюдения – «страна-год» (дополнительно, где доступно, «регион-год» и «учреждение»), горизонты анализа – 2000 – 2024 гг. Операционализация человеческого капитала включает показатели уровня и качества образования (охват и завершение уровней, PISA/TIMSS, LAYS), здоровья (ожидаемая продолжительность жизни, показатели смертности/заболеваемости, DALY), профессиональных и когнитивных навыков взрослых (PIAAC), а также участие в непрерывном обучении. Результативность социальной сферы измеряется по четырём блокам: доступность (охват, время ожидания, обеспеченность кадрами), качество (клинические исходы/HCQI, распределение компетентностей, PROMs/PREMs), эффективность затрат (расходы на пользователя, качество-скорректированный выпуск, DEA/SFA для школ и больниц) и удовлетворённость пользователей. Данные нормализуются (z-оценки, приведение направленности «больше-лучше/хуже»), агрегируются в частные индексы и композитные панели; проводится бенчмаркинг по «аналитическим пирам» и верхнему квартилю. Для выявления ассоциаций применяются модели панельных данных с фиксированными эффектами (страна, год), контроль «на ресурсы» и потребность (расходы, демография, эпидемиология), лагирование ключевых переменных, а также чувствительные проверки (альтернативные весовые схемы, источники и спецификации). Корреляционный анализ и регрессионные оценки дополняются качественной интерпретацией институционального контекста. Ограничения: возможная эндогенность (обратная причинность между качеством услуг и человеческим капиталом), измерительные ошибки и неполная сопоставимость рядов; причинные выводы трактуются сдержанно. Реплицируемость обеспечивается фиксацией метаданных, единых дефиниций показателей и прозрачных правил обработки пропусков (impute по медиане/множественная импутация) с публикацией структуры панелей и кода расчётов в приложении.

Основная часть. В классической традиции Гэри Беккера [4], Теодора Шульца [16] и Джейкоба Минсера [14] человеческий капитал трактуется как результат вложений в образование и обучение на рабочем месте, что проявляется, в частности, в устойчивой «минсервской» зависимости заработков от лет обучения и опыта; этим задаётся микроэкономическое основание для измерения доходности инвестиций в человека и оценки альтернативных издержек таких вложений. Структура человеческого капитала в контексте экономики социальной сферы включает четыре взаимосвязанные компоненты: образование (формальное и неформальное, включая обучение в течение жизни), здоровье (как детерминанту эффективного времени труда и качества трудовых усилий), навыки (когнитивные и профессиональные) и ценности/установки (когнитивные характеристики, влияющие на поведение и производственные выборы). Такое расширенное определение согласуется с подходами Всемирного банка («знания, навыки и здоровье, накапливаемые в течение жизни») и ОЭСР («знания, навыки, компетенции и атрибуты, воплощённые в людях»).

Качество, а не только количество обучения, выступает ключевым каналом макроэффектов: сравнительный анализ Эрика Ханушека и Людгера Вёссманна [19] показывает, что вариации результатов обучения (когнитивных навыков) лучше объясняют долгосрочные различия в темпах роста, чем простые показатели охвата и лет обучения. Здоровье как компонент человеческого капитала влияет на выпуск через выживаемость, трудоспособность и накопление навыков; макрооценки Дэвида Вайла и обзоры Дэвида Блума и Дэвида Кэннинга [6] увязывают улучшение здоровья с ростом дохода на душу населения и сбережений, подчёркивая двустороннюю причинность и комплементарность с образованием. Современная литература по некогнитивным (характерологическим) навыкам дополняет эту картину: исследования показывают их сопоставимое с когнитивными навыками предсказательное значение для образовательных и трудовых исходов, что требует учитывать ценности и установки в составе человеческого капитала [5, с. 42].

Ключевые теории связывают накопление человеческого капитала с долгосрочной динамикой выпуска через внешние эффекты и

эндогенную технологическую смену. В модели Роберта Лукаса человеческий капитал порождает положительные внешние эффекты на уровень и рост производительности всей экономики, а в модели Пола Ромера [19] целенаправленные инвестиции в знания и НИОКР, опирающиеся на человеческий капитал, эндогенно определяют траекторию технологического прогресса; в обоих подходах экономика социальной сферы выступает производственной базой для создания и диффузии знаний. Институциональный подход утверждает, что качество институтов (права собственности, верховенство права, стимулы к инвестициям в человеческий капитал) является фундаментальной причиной различий в долгосрочном развитии; при этом институциональная среда определяет частную и общественную доходность образовательных и здравоохранительных вложений. В рамках этой триады – теория человеческого капитала, модели эндогенного роста, институциональный анализ – формируется аналитический каркас для изучения экономики социальной сферы как совокупности отраслей, где выпуск и качество услуг напрямую зависят от объёма и структуры человеческого капитала поставщиков и получателей услуг [2, с. 30].

Методологически исследование опирается, во-первых, на аналитический и сравнительный обзор литературы по указанным направлениям (Беккер [4], Шульц [14], Минсер [15], Лукас [16]), позволяющий синтезировать микроэкономические и макроэкономические механизмы, а также выявить ограничения идентификации причинно-следственных связей в кросс-страновых сравнениях.

Во-вторых, используется анализ вторичных данных из международных источников: индексов и баз Всемирного банка для оценки вклада человеческого капитала в совокупное богатство и потенциальную продуктивность, массивов ОЭСР (PIAAC) для измерения навыков взрослого населения и их связи с производительностью, а также статистики Института статистики ЮНЕСКО для межстрановой сопоставимости образовательных показателей и траекторий достижения целей в области образования. Такой комбинированный подход – теоретическая синтезация и эмпирический анализ вторичных данных – обеспечивает целостное раскрытие понятия и

структуры человеческого капитала и позволяет операционализировать его роль в повышении эффективности и устойчивости экономики социальной сферы.

«Каналы влияния человеческого капитала на экономику социальной сферы проявляются через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, рост предельной производительности и качества услуг в образовании, здравоохранении и социальном обслуживании опирается на накопление знаний, навыков и здоровья у поставщиков и получателей услуг. В образовании качество педагогического труда — измеряемое через добавленную стоимость учителя — связано с долгосрочными трудовыми и доходными исходами выпускников, тем самым повышая будущую совокупную факторную продуктивность и налоговую базу; это подтверждается крупномасштабными оценками влияния «value-added» учителей на доходы и образовательные траектории учащихся во взрослом возрасте. На макроуровне когнитивные навыки, а не просто годы обучения, оказываются устойчивым предиктором темпов экономического роста, что задаёт приоритет повышению эффективности обучения, а не только расширению охвата. В здравоохранении улучшение показателей здоровья населения (продолжительность жизни, заболеваемость) повышает эффективность использования труда и физического капитала и, как следствие, выпуск на работника; сопоставление микро- и макрооценок демонстрирует согласованную положительную «доходность» инвестиций в здоровье. Эти результаты задают экономическую логику инвестиций в человеческий капитал работников и пользователей социальной сферы как источника роста производительности и качества услуг» [7, с. 95].

Во-вторых, человеческий капитал является комплементарным фактором для инноваций и цифровизации. Технологические сдвиги в современном секторе услуг носят выраженный «скилл-байасный» характер: отдача от информационно-коммуникационных технологий и алгоритмов максимизируется при наличии соответствующих навыков у работников и институциональных изменений в организациях. Политэкономическая и эмпирическая литература показывает, что технический прогресс эндогенно смещается в пользу ква-

лифицированного труда и требует сопутствующих нематериальных инвестиций (организационные практики, обучение, аналитика), формируя «J-кривую продуктивности»: измеряемые выгоды накапливаются постепенно по мере адаптации процессов. В здравоохранении цифровая трансформация требует целенаправленного наращивания цифровых и аналитических компетенций медицинского персонала и перестройки организационных регламентов, чтобы конвертировать данные и ИКТ в устойчивый прирост эффективности, качества и доступности. Аналогичная логика применима к образованию и соцобслуживанию: без инвестиций в навыки и управляемую адаптацию технологий цифровизация даёт слабую или нулевую отдачу.

В-третьих, управленческие компетенции и организационная эффективность в социальных отраслях выступают самостоятельным видом «управленческого капитала», повышающим производительность через лучшую постановку целей, мониторинг результатов, стимулирование и распределение ресурсов. Данные международных обследований практик управления показывают, что более высокие управленческие стандарты в школах коррелируют с лучшими образовательными результатами, причём автономия и качество руководства директоров выступают значимыми факторами. В больницах повышение конкуренции и профессионализация управления ассоциированы с улучшением клинических исходов (включая снижение смертности при острых состояниях) и общих показателей эффективности; роль играют масштаб, конкуренция и доля руководителей с клиническим бэкграундом. Эти результаты указывают на важность системного развития управленческих навыков и механизмов «управления по результатам» в бюджетных учреждениях [4, с. 68].

В-четвёртых, социальное доверие и качество институтов модифицируют частную и общественную доходность от вложений в человеческий капитал. Более высокое межличностное доверие снижает транзакционные издержки, облегчает кооперацию «поставщик – получатель» в образовании и здравоохранении и усиливает диффузию знаний и инноваций; причинное влияние доверия на рост показано на межстрановых данных с использованием исторических инструментов. В свою

очередь, институты – права собственности, верховенство права, механизмы подотчётности – определяют стимулы к обучению и накоплению навыков, а также правила контрактов и финансирования в социальной сфере; тем самым институты являются фундаментальной причиной долговременных различий в производительности и качестве публичных услуг. Классические исследования гражданского капитала также демонстрируют, что территории с плотными сетями гражданского участия и доверия имеют более результативные органы управления и лучшую производительность государственных услуг.

Наконец, для корректной оценки указанных каналов требуются методы измерения результата и качества в государственном секторе, чтобы фиксировать не только «входы», но и «выходы» и «исходы» услуг. Международные руководства и обзоры рекомендуют качественные поправки к объёму выпуска в образовании и здравоохранении и развитие системной статистики производительности, что позволяет увязать инвестиции в человеческий капитал с приростом эффективности и благосостояния.

Метрики и инструменты оценки роли человеческого капитала в развитии экономики социальной сферы целесообразно строить на чётком разграничении «входов» (ресурсных затрат), «выходов» (объёма оказанных услуг) и «исходов» (изменений благосостояния, здоровья и навыков населения). Особенность социального сектора – преобладание нерыночных услуг и, как следствие, слабая информативность цен о качестве и продуктивности. «Поэтому используются «качественные поправки» к объёму выпуска – статистические оценки улучшения результатов, которые переводят рост качества в эквивалент прироста выпуска и позволяют корректно измерять производительность государственных услуг в образовании, здравоохранении и соцобслуживании. В практике национальных счётов такая корректировка подробно разработана британским статистическим ведомством: методические материалы ONS объясняют, какие индикаторы включаются в поправки, как сочетаются серии «входов» и «выходов» и как интерпретируются изменения производительности» [11, с. 96].

Первый блок метрик – индикаторы человеческого капитала. В образовании количественные показатели включают охват и завершение уровней (дошкольное, среднее, высшее), ожидаемую продолжительность обучения, расходы на одного учащегося и структуру финансирования; такие ряды системно публикуются ОЭСР в ежегодном обзоре «Образование под микроскопом» и в базе UOE (UNESCO–OECD–Eurostat). Эти индикаторы позволяют сопоставлять страны по доступности и интенсивности инвестиций, но не ловят «качество» обучения, из-за чего простые годы обучения коррелируют с ростом хуже, чем учебные достижения. Поэтому применяются меры качества: результаты международных оценок (PISA для 15-летних, TIMSS для 4-х и 8-х классов) и агрегированные метрики типа «лет обучения, скорректированных на знания» (LAYS), которые объединяют количество и качество образования в единую величину. PISA даёт сопоставимые шкалы по математике, чтению и естествознанию и распределяет учащихся по уровням компетентности; TIMSS обеспечивает тренды по математике и естествознанию с 1995 года; LAYS формируется по методике Всемирного банка и ЮНЕСКО и позволяет преобразовать средние баллы в «эффективные» годы обучения.

Для мониторинга достижения базовой грамотности и рисков «потерь обучения» используется метрика Learning Poverty – доля детей младшего школьного возраста, не читающих и не понимающих простой текст; её разработали Всемирный банк и Институт статистики ЮНЕСКО как индикатор образовательного кризиса и инструмент бенчмаркинга. По методическим записям к LAYS и Learning Poverty подчёркивается, что одна и та же длительность обучения в разных странах порождает различную учебную отдачу, следовательно, измерение качества – необходимое условие корректной оценки человеческого капитала.

Второй столп человеческого капитала – здоровье. В составе интегрального Индекса человеческого капитала (HCI) блок «здоровье» учитывает выживаемость детей до 5 лет, отсутствие хронического отставания в росте (как индикатор раннего здоровья и питания) и выживаемость взрослых; итоговый индекс трактуется как доля потенциальной продуктивности будущего работника относительно

«идеального» ориентира полной школы и полного здоровья. Такая конструкция опирается на литературу по «учёту развития» и позволяет интерпретировать изменения в терминах будущей производительности труда.

Для содержания и международной сопоставимости блока здоровья используются также универсальные меры бремени болезней – годы жизни, скорректированные на нетрудоспособность (DALY), где суммируются годы, потерянные из-за преждевременной смерти, и годы, прожитые в состоянии ухудшенного здоровья. DALY – базовый показатель в глобальных оценках ВОЗ и удобная «общая валюта» для расходов-результатов в анализе эффективности систем здравоохранения и профилактики. При оценке технологий лечения применяется показатель «качество-скорректированные годы жизни» (QALY), что позволяет проводить межпрограммные сравнения «затраты – эффект» и выбирать варианты с наилучшим соотношением стоимости к приросту здоровья.

Третий компонент – профессиональные и когнитивные навыки взрослых, а также участие в непрерывном обучении. Международное обследование компетенций взрослых (PIAAC) измеряет грамотность, числовую грамотность и решение задач в технологически насыщенной среде по сопоставимой методике, обновлённой во втором цикле (2023 – 2024 гг.). Эти данные дают профиль распределения навыков, выявляют дефициты и «разрывы» по группам населения и часто используются для анализа соответствия навыков структурным сдвигам в спросе на труд. Параллельно Евростат публикует «нормы участия» взрослых в обучении (участие в формальном и неформальном обучении за последние 4 недели или 12 месяцев) и методические примечания, различающие источники (EU-LFS и AES), что важно для корректных международных сопоставлений. Такой набор индикаторов показывает не только статический уровень компетенций, но и динамику обновления человеческого капитала через обучение в течение жизни.

Переходя ко второму блоку – показателям результативности социальной сферы, – выделим четыре группы: доступность, качество, эффективность затрат и удовлетворённость пользователей. Доступность в образова-

нии обычно измеряется охватом ступеней, долей завершения уровней, долей молодёжи вне занятости, образования или обучения (NEET), а также барьерами участия для уязвимых групп; в здравоохранении – временем ожидания плановых вмешательств, долей с неудовлетворённой потребностью в медпомощи, географической достижимостью и кадровой обеспеченностью; в соцобслуживании – охватом услуг длительного ухода, долей ухода на дому и обеспеченностью персоналом. ОЭСР ведёт стандартизированные ряды по ожиданию при катаракте, замене тазобедренного и коленного сустава (медиана дней и доля ожидающих более 3 месяцев), что позволяет сравнивать «узкие места» доступа и мониторить эффект реформ маршрутизации и закупок. Для длительного ухода публикуются сопоставимые индикаторы мощности и доступа в «Health at a Glance», включая структуру услуг и нагрузку на неформальных опекунов [1, с. 12].

Качество в образовании захватывается не только средними баллами PISA/TIMSS, но и распределением по уровням компетентности и устойчивостью результатов по когортам. В здравоохранении международный проект показателей качества (HCQI) ОЭСР задаёт каркас для сравнения по клиническим исходам (например, госпитальная летальность при инфаркте и инсульте, показатели избегаемой госпитализации при хронических состояниях), процессам (вакцинация, скрининг) и безопасности. В последние годы появился недостающий слой – индикаторы, сообщаемые пациентами (результаты и опыт, PROMs и PREMs) в инициативе PaRIS, нацеленной на первичное звено и хронические заболевания; это позволяет оценивать «то, что действительно важно людям» и увязать клинические результаты с субъективной оценкой доступности, удобства и координации помощи.

Эффективность затрат (экономия ресурсов при заданных результатах) в социальных услугах измеряется несколькими методами. На уровне систем и учреждений применяются непараметрические и параметрические подходы к оценке «фронтара»: анализ оболочки данных (DEA) и стохастический граничный анализ (SFA). Они сравнивают наблюдаемые комбинации «входов – выходов» с лучшими практиками, выделяя техническую неэффективность и давая основание

для бенчмаркинга школ, больниц и регионов. Мета-обзоры по здравоохранению в странах ОЭСР показывают широкое применение DEA/SFA и значимую чувствительность оценок к выбору входов/выходов и специфике случаев; это требует прозрачности и проверок устойчивости выводов. Дополняют картину «затраты за результат» – например, стоимость случая лечения, стоимость одного «качество-скорректированного года жизни», стоимость «достигнутого уровня грамотности» или «преодоления порога компетентности» в образовании.

Показатели удовлетворённости и доверия – важный индикатор «потребительской ценности» публичных услуг. ОЭСР в серии «Государство в цифрах» публикует сопоставимые данные об удовлетворённости здравоохранением и образованием, а также драйверах удовлетворённости (скорость, удобство, качество) по результатам международных опросов. Эти индикаторы не заменяют клинических и учебных исходов, но дополняют их, фиксируя реакцию граждан на изменения в организации услуг и управленческие реформы; их полезно сопоставлять с объективными показателями доступа и качества для выявления несоответствий.

Третий блок – модели качественного анализа и бенчмаркинга на основе открытых источников и международных индексов. Для стратегического уровня удобны агрегаты, интегрирующие компоненты человеческого капитала и результатов социальной сферы: Индекс человеческого капитала Всемирного банка (HCI) – как оценка будущей продуктивности к 18 годам через выживаемость, школу (с поправкой на качество) и здоровье; Индекс человеческого развития ПРООН (HDI) – как геометрическое среднее нормированных индикаторов здоровья, образования и дохода; метрики LAYS и Learning Poverty – как «мост» между количеством и качеством образования. Эти индексы и показатели доступны в открытом доступе с техническими записками, что позволяет встраивать их в национальные панели и проводить сопоставления с «близкими» по доходу и институциональной модели странами.

«На отраслевом уровне возможно построение композитных панелей по четырём блокам метрик: (1) человеческий капитал

(LAYS, PISA/TIMSS, PIAAC-профили, участие взрослых в обучении, показатели здоровья по возрастам и DALY); (2) доступность (охват, завершение, ожидание вмешательств, охват долговременным уходом, кадровые нормы); (3) качество (HCQI-исходы, индикаторы безопасности, распределение по уровням компетенций, доля «низких» результатов); (4) эффективность затрат (расходы на ученика/пациента, DEA/SFA-оценки по учреждениям/регионам, стоимость единицы результата) и (5) удовлетворённость и опыт (PaRIS для первичного звена, опросы домохозяйств и пользователей, удовлетворённость административными услугами). Источники данных – «Health at a Glance», «Education at a Glance», базы ОЭСР (HCQI, PaRIS), Всемирный банк (HCI, LAYS/learning poverty), ЮНЕСКО-ИС для образования и Евростат для участия взрослых в обучении – обеспечивают воспроизводимость и регулярное обновление серий» [10, с. 103].

Практическая схема бенчмаркинга для ведомства или региона может выглядеть так. Шаг 1: постановка целей и выбор «аналитических близнецов» (пиры по доходу, демографии, институциональному устройству). Шаг 2: сбор индикаторов из открытых источников с приоритетом на стандартизированные цепочки (ОЭСР, Всемирный банк, ЮНЕСКО, ВОЗ) и фиксацией метаданных (определения, охват, период). Шаг 3: нормализация показателей (z-баллы или мин-макс), приведение направленности (больше – лучше/хуже), расчёт частных индексов по четырём блокам. Шаг 4: взвешивание и агрегирование; по умолчанию – равные веса, с проверкой чувствительности к альтернативным схемам (экспертные веса, факторный анализ). Шаг 5: корректировка «на ресурсы» – регрессионный контроль на уровень расходов, возрастную структуру и потребность (сопоставления «при прочих равных»). Шаг 6: географическое и учрежденческое ранжирование (школы, больницы, округа) с верхним квартилем как «эталоном». Шаг 7: встраивание динамики (скользящие средние, темпы прироста) и порогов-сигналов. Шаг 8: верификация качеством – сопоставление с внешними обзорами, аудит данных, кросс-проверка альтернативными источниками (например, сопоставление ожиданий по операциям из административных ре-

естров и опросов пациентов). Такая архитектура создаёт «панель управления» для политики, где прогресс в человеческом капитале увязан с результативностью услуг и бюджетной эффективностью.

Отдельного внимания заслуживает предложение о «качественно скорректированном выпуске» в национальной статистике, уже реализованное для Великобритании. В здравоохранении ONS применяет поправку качества к индексу объёма деятельности (включая показатели выживаемости и удовлетворённости), в образовании – корректировку по образовательным достижениям, при этом методика развивается с учётом искажений, вызванных, например, переходом на учительские оценки в пандемию. Для комплексного мониторинга производительности госсектора готовится обновлённый набор методик с расширением наборов индикаторов качества и переносом подходов в квартальные оценки. Такой опыт – ориентир для статистических служб, стремящихся увязать ресурсы, выпуск и исходы в отраслях социальной сферы.

Для здравоохранения полезен связанный трек «времени ожидания» как индикатора напряжённости доступа: ОЭСР стандартизировала измерение по трём массовым вмешательствам (катаракта, замены суставов) – доля ожидающих более трёх месяцев и медиана дней от решения до операции; этот процессный индикатор следует интерпретировать совместно с исходами и удовлетворённостью (PaRIS), чтобы увидеть баланс между пропускной способностью, качеством и опытом пациента. Кроме того, метрики DALY/HDI/HCI позволяют через единый «язык здоровья» сопоставить сдвиги в человеческом капитале с «вкладом» здравоохранения и профилактики, а экономическая оценка технологий с использованием QALY формирует приоритизацию расходов по критерию «стоимость за единицу здоровья».

В образовании, помимо PISA/TIMSS и LAYS, ключевую роль играет мониторинг участия взрослых в обучении: это «скорость обновления» человеческого капитала. Евростат предлагает сопоставимые нормы участия за 12 месяцев (AES) и за 4 недели (EU-LFS), подчёркивая методические различия; ОЭСР дополняет картину аналитикой по трендам участия и барьерам доступа для уязвимых

групп. В управленческом цикле эти показатели связываются с кадровыми практиками соцотраслей: участие педагогов и соцработников в повышении квалификации, распространённость программ наставничества и т. п., что отражается на качестве услуг и через него – на индексе производительности.

Наконец, в соцобслуживании и долгосрочном уходе важно соединять «входы» (финансирование, кадры), «выходы» (часы и виды помощи) и «исходы» (безопасность, предотвращаемые госпитализации, качество жизни получателей). «Health at a Glance» включает специальный раздел по долгосрочному уходу, что позволяет стандартизировать сравнительный анализ; в дополнение целесообразно использовать опросные данные об удовлетворённости и доступности, чтобы выявлять пробелы между формальной мощностью системы и реальным доступом.

Подводя итог, измерение и оценка человеческого капитала и результативности социальной сферы требует комбинировать: (а) индикаторы запаса (образование, навыки, – HCI, LAYS, PIAAC, DALY), (б) индикаторы потока услуг (объём и доступность – охват, ожидание, мощности), (в) индикаторы качества и исходов (HCQI, распределение компетентностей, PaRIS) и (г) экономические показатели эффективности (расходы на пользователя, качество-скорректированный выпуск, DEA/SFA, «стоимость за QALY/за достигнутый образовательный результат»). Открытые международные источники ОЭСР, Всемирного банка, ЮНЕСКО и ВОЗ обеспечивают сопоставимость и регулярность обновления, а методики качественной корректировки и фронт-анализа позволяют превратить статистику в управленческий инструмент – от мониторинга до приоритизации бюджетов и бенчмаркинга «лучших доступных практик».

Список источников

1. Александров А.В. Стадии формирования человеческого капитала в учреждениях профессионального образования // *International Research Journal*. 2023. № 10(136). – С. 1-14.
2. Арнаут М.Н. Человеческий капитал: базовое определение и принципы управления // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2019. Т. 33. № 1. – С. 27-33.
3. Асемоглу Д., Ангрист Д. Насколько велики внешние эффекты человеческого капитала? Доказательства из законов об обязательном обучении // *NBER Macroeconomics Annual*. 2000. Т. 15. – С. 9-59.
4. Бабенко А.И., Захаренков В.В. Человеческий капитал и стратегия здравоохранения // *Бюллетень СО РАМН*. 2014. Т. 34. № 1. – С. 72-77.
5. Беккер Г.С. Инвестирование в человеческий капитал: теоретический анализ // *Journal of Political Economy*. 1962. Т. 70. № 5 (Ч. 2). – С. 9-49.
6. Блум Д.Е., Кэннинг Д. Здоровье населения и экономический рост // *Commission on Growth and Development Working Paper*. 2008. № 24. – 54 с.
7. Божечкова А.А., Джункеев У., Диденко Д., Кончаков Р. Человеческий капитал и экономическое развитие регионов России в контексте долгосрочной исторической динамики // *Terra Economicus*. 2024. Т. 22. № 2. – С. 60-76.
8. Вейл Д.Н. Учет влияния здоровья на экономический рост // *The Quarterly Journal of Economics*. 2007. Т. 122. № 3. – С. 1265-1306.
9. Власова О.Д. Инвестиции в человеческий капитал как основа устойчивого социально-экономического развития // *Вопросы экономики и управления*. 2025. № 2. – С. 33-48.
10. Гишкаева Л.Л. Человеческий капитал как важнейший фактор современного производства // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 12(2). – С. 216-223.
11. Дьяков М.Ю. Экономическая оценка человеческого капитала региона // *Экономические исследования*. 2022. № 5. – С. 89-101.
12. Збарский А.М. Система развития человеческого капитала как основа устойчивого развития отраслей // *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 6. – С. 2097-2114.
13. Иванов М.И. Основные положения теории человеческого капитала в современном дискурсе // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2021. № 2(45). – С. 112-118.
14. Карпов Р.В. Индекс человеческого капитала: методологические подходы и российские реалии // *Экономическая политика*. 2024. Т. 19. № 3. – С. 91-109.
15. Красова Е.В. Оценка влияния человеческого капитала на ВРП субъектов РФ // *Human Progress*. 2023. Т. 9. № 6. – С. 85-99.
16. Латова Н.В., Тихонова Н.Е. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 488 с.
17. Лукас Р.Э. Механизмы экономического развития // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Т. 22. № 1. – С. 3-42.

18. Минсер Дж. Инвестиции в человеческий капитал и распределение личного дохода // Journal of Political Economy. 1958. Т. 66. № 4. – С. 281-302.
19. Ромер П.М. Истоки эндогенного роста // Journal of Economic Perspectives. 1994. Т. 8. № 1. С. 3–22.
20. Ханушек Э.А., Вёссманн Л. Роль когнитивных навыков в экономическом развитии // Journal of Economic Literature. 2008. Т. 46. № 3. – С. 607-668.
21. Хекман Дж. Дж., Мун С. Х., Пинто Р., Савельев П. А., Явиц А. Ставка возврата от программы дошкольного образования HighScope Perry // Journal of Public Economics. 2010. Т. 94. № 1–2. – С. 114-128.
22. Шульц Т.У. Инвестиции в человеческий капитал // American Economic Review. 1961. Т. 51. № 1. – С. 1-17.

References

1. Aleksandrov A.V. Stages of Human Capital Formation in Vocational Education Institutions // International Research Journal. 2023. № 10(136). – Pp. 1-14.
2. Arnaut M.N. Human Capital: Basic Definition and Management Principles // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2019. Vol. 33. № 1. – Pp. 27-33.
3. Acemoglu D., Angrist D. How Large Are the Externalities of Human Capital? Evidence from Compulsory Education Laws // NBER Macroeconomics Annual. 2000. Vol. 15. – Pp. 9-59.
4. Babenko A.I., Zakharchenko V.V. Human Capital and Healthcare Strategy // Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences. 2014. Vol. 34. № 1. – Pp. 72-77.
5. Becker, G.S. “Investing in Human Capital: A Theoretical Analysis.” Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. № 5 (Part 2). – Pp. 9-49.
6. Bloom, D.E., Canning, D. “Population Health and Economic Growth.” Commission on Growth and Development Working Paper. 2008. № 24. – 54 p.
7. Bozhechkova, A.A., Dzhunkeev, U., Didenko, D., and Konchakov, R. “Human Capital and Economic Development of Russian Regions in the Context of Long-Term Historical Dynamics.” Terra Economicus. 2024. Vol. 22. № 2. – Pp. 60-76.
8. Weil, D.N. Accounting for the Impact of Health on Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 2007. Vol. 122. № 3. – pp. 1265-1306.
9. Vlasova O.D. Investments in Human Capital as the Basis for Sustainable Socioeconomic Development // Voprosy Ekonomika i Upravleniia. 2025. № 2. – pp. 33-48.
10. Gishkaeva L.L. Human Capital as the Most Important Factor in Modern Production // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022. № 12(2). – pp. 216-223.
11. Dyakov M.Yu. Economic Assessment of Regional Human Capital // Economic Research. 2022. № 5. pp. 89–101.
12. Zbarsky A.M. Human Capital Development System as the Basis for Sustainable Development of Industries // Creative Economy. 2023. Vol. 17. № 6. – Pp. 2097-2114.
13. Ivanov M.I. Basic Provisions of Human Capital Theory in Modern Discourse // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2021. № 2(45). – Pp. 112-118.
14. Karpov R.V. Human Capital Index: Methodological Approaches and Russian Realities // Economic Policy. 2024. Vol. 19. № 3. – Pp. 91-109.
15. Krasova E.V. Assessing the Impact of Human Capital on the GRP of the Subjects of the Russian Federation // Human Progress. 2023. Vol. 9. № 6. – Pp. 85-99.
16. Latova N.V., Tikhonova N.E. Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors. – Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 488 p.
17. Lucas, R.E. “Mechanisms of Economic Development”: Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, № 1, – pp. 3-42.
18. Mincer, J. “Investments in Human Capital and the Distribution of Personal Income”: Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66, № 4, – pp. 281-302.
19. Romer, P.M. “The Origins of Endogenous Growth”: Journal of Economic Perspectives. 1994. Vol. 8, № 1, pp. 3–22.
20. Hanushek, E.A., Wössmann, L. “The Role of Cognitive Skills in Economic Development”: Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46. № 3. – Pp. 607-668.
21. Heckman J. J., Moon S. H., Pinto R., Saveliev P. A., Yavits A. “The Rate of Return on the HighScope Perry Preschool Education Program” // Journal of Public Economics. 2010. Vol. 94. № 1-2. – Pp. 114-128.
22. Schultz T. W. “Investing in Human Capital” // American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 1. – Pp. 1-17.

Информация об авторах / Information about the Authors

Абдуев М.Х., канд. пед. наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: aristokrat_95ru@mail.ru

Abduev M.Kh., Candidate of Sciences in Pedagogics, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University, Grozny

Хаджиев У.К., старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. М.Д. Миллионщикова», г. Грозный, e-mail: einstein_95@mail.ru

Khadzhiev U.K., Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs,
Grozny State Petroleum Technical University named after M.D. Millionshchikov, Grozny

Идигова А.А., ассистент кафедры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный
нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова», г. Грозный, e-mail: idigovaaisha@gmail.com

Idigova A.A., Assistant Professor at the Department of Customs Affairs, Grozny State Petroleum
Technical University named after M.D. Millionshchikov, Grozny

УДК 338.49 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-21-31

ИНВЕСТИЦИИ В ИНФРАСТРУКТУРУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Баснукаев М.Ш.^{1,2}, Борушков Д.А.²

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

²ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена исследованию многоаспектной природы инфраструктуры и инфраструктурных инвестиций как стратегического инструмента экономического развития и социального благополучия. Подчёркнуто, что инфраструктура является фундаментальной основой функционирования современной экономики и жизнедеятельности общества, выступая в качестве необходимого условия для эффективного производства товаров и услуг, свободного перемещения людей, товаров и информации. Даны классификации объектов инфраструктуры и инфраструктурных инвестиций. Сделан вывод, что финансирование инфраструктуры представляет собой сложную и динамично развивающуюся сферу на пересечении государственной политики, финансовых рынков и реального сектора экономики.

Ключевые слова: инфраструктура, инфраструктурные инвестиции, инвестиции, экономический рост, государственно-частное партнерство, устойчивое развитие.

Для цитирования: Баснукаев М.Ш., Борушков Д.А. Инвестиции в инфраструктуру: теоретические аспекты // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 21-31.

INVESTMENTS IN INFRASTRUCTURE: THEORETICAL ASPECTS

Basnukaev M.Sh.^{1,2}, Borushkov D.A.²

¹Kadyrov Chechen State University, Grozny;

²Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Abstract. The article is devoted to the study of the multifaceted nature of infrastructure and infrastructure investments as a strategic tool for economic development and social well-being. It is emphasized that infrastructure is a fundamental basis for functioning of the modern economy and the life of society, acting as a necessary condition for efficient production of goods and services, free movement of people, goods and information. Classifications of infrastructure objects and infrastructure investments are given. It is concluded that infrastructure financing is a complex and dynamically developing area at the intersection of public policy, financial markets and the real sector of the economy.

Keywords: infrastructure, infrastructure investments, investments, economic growth, public-private partnership, sustainable development.

For citation: Basnukaev M.Sh., Borushkov D.A. Investments in infrastructure: theoretical aspects // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 21-31.

Введение. Инфраструктура – это комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, систем и объектов, обеспечивающих основу функционирования экономики и жизнедеятельности общества. В широком смысле, инфраструктура представляет собой фундаментальную материально-техническую и институциональную базу, создающую условия для осуществления производственной, социальной, управленческой и иных видов деятельности. С экономической точки зрения, она характеризуется рядом специфических свойств: высокой капиталоемкостью, длительным жизненным циклом, значительными

положительными внешними эффектами, сетевой природой, эффектом масштаба и неделимостью объектов [8]. Инфраструктура часто обладает характеристиками общественного или квазиобщественного блага, что определяет особенности ее финансирования и управления.

В исследованиях институциональных вопросов развития инфраструктуры подчеркивается, что доходы хозяйствующих субъектов зависят от состояния и уровня развития инфраструктуры [2, 4, 18, 20]. Ученые отмечают наличие определенной зависимости между повышением эффективности эконо-

мики и величиной целевых инвестиций в развитие инфраструктуры, описывают механизмы и инструменты развития отраслей инфраструктуры [5, 19]. Ряд исследователей уделяют внимание вопросам проектного финансирования, развитию механизмов создания и управления инфраструктурными проектами, государственными программами развития инфраструктуры, государственно-частному партнерству [9, 13], другие исследуют проблемы развития инфраструктуры, влияния на темпы экономического роста, эффективности инвестиционных вложений [1, 3, 10, 12]. В повестке дня находятся актуальные проблемы развития инфраструктурного комплекса России в рамках пространственного развития, а также его отраслевые аспекты [6, 11, 21, 24, 26, 27]. Несмотря на значительный вклад ученых, глобализационные процессы, происходящие в мировой экономике, приводят к усилению конкуренции на международных рынках, что требует переосмысления вопросов влияния инфраструктуры на темпы и устойчивость экономического роста и позволяет интерпретировать исследование в новом ключе.

Методологической базой исследования послужили общенаучные положения системного подхода, описательный, логический, экспертный анализ, а также сравнительные методы обработки и систематизации данных.

Основная часть. Инфраструктура является фундаментальной основой функционирования современной экономики и жизнедеятельности общества, выступая в качестве необходимого условия для эффективного производства товаров и услуг, свободного перемещения людей, товаров и информации. Качественная инфраструктура создает механизм мультипликативного воздействия на экономический рост через снижение транзакционных издержек, повышение производительности труда и капитала, расширение доступа к рынкам и ресурсам, а также создание условий для технологических инноваций. Исследования Всемирного банка и МВФ показывают, что увеличение инфраструктурных инвестиций на 1% от ВВП может привести к долгосрочному росту ВВП на 1,5%, что подтверждает исключительную значимость инфраструктуры как драйвера экономического развития [7]. Более того, инфраструктура играет ключевую роль в решении глобальных вызовов современности,

включая урбанизацию, климатические изменения и цифровую трансформацию, определяя не только текущую экономическую динамику, но и долгосрочные перспективы устойчивого развития.

В Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года [15] среди многих других выделены, в частности, следующие направления развития Чеченской Республики: развитие транспортно-логистического сектора; развитие дорожной инфраструктуры; развитие энергетической и коммунальной инфраструктуры. Каждое из этих направлений предполагает реализацию определенных целей.

Развитие направления «Транспортно-логистический комплекс (приоритетный инфраструктурный сектор)» ставит следующие цели:

- создание комфортной и современной транспортно-логистической среды для населения и бизнеса,
- обслуживание внутрироссийских и международных транзитных потоков на высоком уровне.

Развитие направления «Дорожная инфраструктура» ставит следующие цели:

- кардинальное повышение качества транспортно-коммуникационной системы Чеченской Республики,
- совершенствование и развитие сети автомобильных дорог общего пользования регионального значения, повышение их транспортно-эксплуатационных характеристик, повышение безопасности дорожного движения.

Развитие направления «Энергетическая и коммунальная инфраструктура» ставит следующие цели – обеспечение потребителей региона доступной энергетической и коммунальной инфраструктурой, в том числе путем реализации проектов, направленных на повышение конкурентных преимуществ региона и опережающее развитие.

Такое направление, как «Строительство (приоритетный сектор)» ставит целью обеспечение населения Чеченской Республики качественным жильем, создание необходимых объектов здравоохранения, культуры, образования, промышленности, коммунального хозяйства и иных сфер и отраслей народного хозяйства.

Как видно, направления развития Чеченской Республики показывают, что социальная значимость инфраструктуры не менее важна, поскольку она напрямую влияет на качество жизни населения, определяя доступность образования, здравоохранения, культурных благ и других социальных сервисов, а также формируя качество окружающей среды и жизненного пространства. Доступ к базовой инфраструктуре остается одним из ключевых факторов сокращения неравенства и повышения социальной мобильности, что особенно актуально для развивающихся стран, где инфраструктурные ограничения часто становятся непреодолимым барьером для социально-экономического развития целых регионов.

Согласно данным ООН, инвестиции в инфраструктуру напрямую связаны с достижением по меньшей мере 9 из 17 Целей устойчивого развития [23], включая ликвидацию бедности, обеспечение продовольственной безопасности, здоровье и благополучие, качественное образование и гендерное равенство. Таким образом, развитие инфраструктуры

представляет собой не просто технический или экономический вопрос, но является ключевым условием социального прогресса и формирования инклюзивного общества, ориентированного на удовлетворение потребностей всех его членов.

Классификация объектов инфраструктуры представлена на рис.1. Современное понимание инфраструктуры также включает концепцию «критической инфраструктуры» – систем и объектов, нарушение функционирования которых может привести к существенному негативному влиянию на национальную безопасность, экономику и общественное благосостояние [22]. В контексте цифровой трансформации экономики особую значимость приобретает понятие «умной инфраструктуры» (smart infrastructure), характеризующейся интеграцией физических объектов с цифровыми технологиями, включая интернет вещей, большие данные и искусственный интеллект, что позволяет оптимизировать эксплуатацию инфраструктурных объектов, повышать их эффективность и адаптивность к изменяющимся условиям.

ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ		
Транспортная инфраструктура ☐ Автомобильные дороги и мосты ☐ Железнодорожная инфраструктура ☐ Порты и водные пути ☐ Аэропорты и аэронавигационные системы ☐ Трубопроводный транспорт ☐ Мультимодальные логистические комплексы	Энергетическая инфраструктура ☐ Объекты генерации электроэнергии (ТЭС, АЭС, ГЭС, объекты ВИЭ) ☐ Электрические сети и подстанции ☐ Газотранспортные системы ☐ Системы теплоснабжения ☐ Объекты хранения энергии ☐ Энергоэффективные технологии	Коммунальная инфраструктура ☐ Системы водоснабжения и водоотведения ☐ Объекты обращения с отходами ☐ Городское освещение ☐ Благоустройство территорий
Телекоммуникационная инфраструктура ☐ Сети связи различных поколений ☐ Центры обработки данных ☐ Широкополосный доступ в интернет ☐ Спутниковые системы коммуникации ☐ Инфраструктура для технологии интернета вещей	Социальная инфраструктура ☐ Учреждения образования ☐ Объекты здравоохранения ☐ Спортивные сооружения ☐ Учреждения культуры ☐ Объекты социального обеспечения	Институциональная инфраструктура ☐ Системы государственного управления ☐ Финансовые институты развития ☐ Правовые и регуляторные механизмы

Рисунок 1. Классификация объектов инфраструктуры.

Таким образом, инфраструктура представляет собой многомерное экономическое явление, охватывающее широкий спектр материальных и нематериальных активов, обеспечивающих функционирование и развитие экономической системы и социальной сферы государства. В условиях глобальных экономических вызовов и возрастающей международной конкуренции инвестиции в инфраструктуру приобретают стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития национальных экономик.

Инфраструктурные инвестиции представляют собой долгосрочные вложения капитала в объекты инфраструктуры с целью создания, модернизации или расширения материально-технических и организационно-экономических систем, обеспечивающих фундаментальные условия для функционирования экономики и жизнедеятельности общества. Данный вид инвестиций имеет ряд специфических характеристик, определяющих их особое место в экономической системе:

- долгосрочный характер – инфраструктурные инвестиции предполагают длительный период окупаемости, исчисляемый зачастую десятилетиями, что требует стратегического подхода к планированию и реализации таких вложений;

- высокая капиталоемкость – реализация инфраструктурных проектов требует значительных первоначальных капиталовложений, что создает существенные барьеры для частных инвесторов и определяет необходимость государственного участия;

- мультипликативный эффект – инфраструктурные инвестиции генерируют зна-

чительные экономические эффекты, стимулируя развитие смежных отраслей и создавая условия для долгосрочного экономического роста;

- социальная значимость – результаты инфраструктурных инвестиций имеют широкое общественное использование и влияют на качество жизни населения, часто выходя за рамки чисто экономических критериев эффективности;

- сетевой характер – многие инфраструктурные объекты функционируют как части единой системы, что требует координации инвестиционных решений и комплексного подхода к развитию инфраструктуры;

- значительные положительные внешние эффекты – инфраструктурные инвестиции создают положительные экстерналии, которые не всегда могут быть монетизированы инвестором, что определяет их недофинансирование в условиях рыночного механизма [14].

Сущность инвестиций в инфраструктуру состоит не только в создании физических активов, но и в формировании фундаментальных условий для экономического роста, повышения производительности и конкурентоспособности экономики в целом. В современных условиях они также рассматриваются как инструмент антициклического регулирования: во времена экономических спадов государства часто увеличивают объем инфраструктурных инвестиций для стимулирования совокупного спроса и создания рабочих мест. Инфраструктурные инвестиции характеризуются значительным разнообразием и могут быть классифицированы по различным критериям (рис.2).

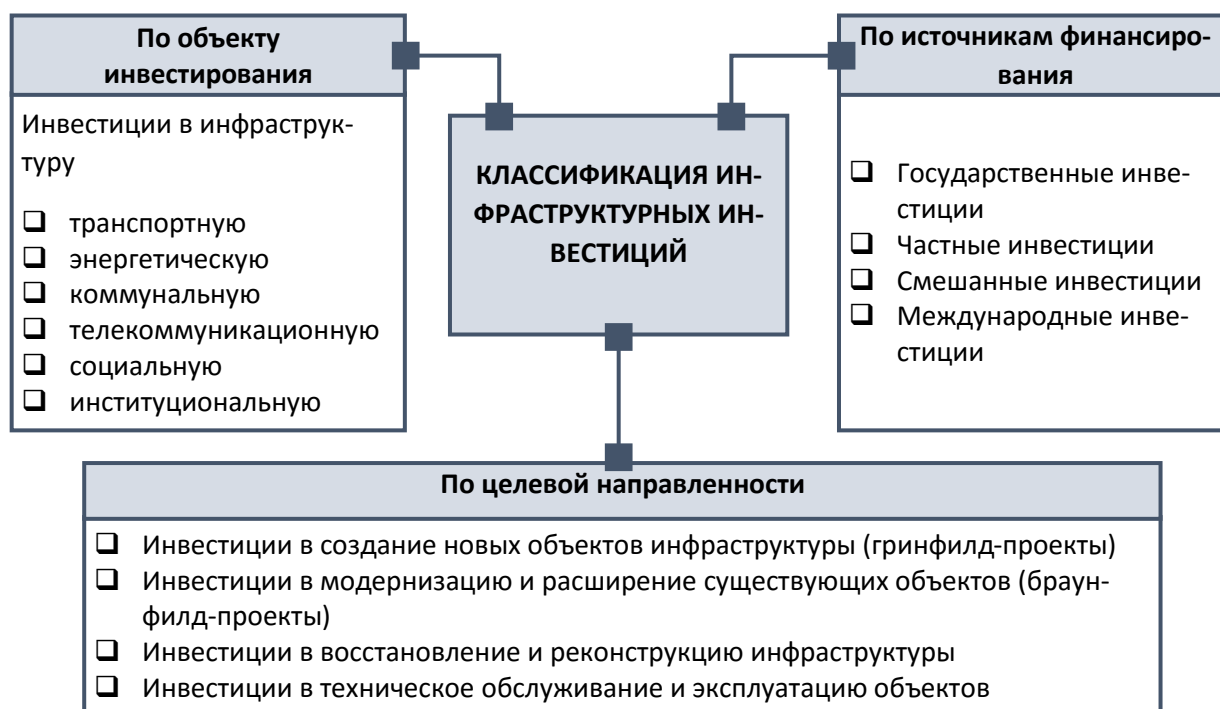

Рисунок 2. Классификация инфраструктурных инвестиций.

Инфраструктурные инвестиции играют ключевую роль в экономическом развитии государств и регионов, формируя основу для устойчивого роста и повышения качества жизни населения. В зависимости от целей, масштаба и характера объектов можно выделить четыре основных типа инфраструктурных инвестиций, каждый из которых имеет свои особенности, преимущества и сферы применения.

Так, гринфилд-инвестиции направлены на создание полностью новых объектов инфраструктуры «с нуля» [17]. Данные проекты реализуются на ранее неосвоенных территориях или в областях, где соответствующая инфраструктура отсутствовала. К ключевым особенностям инвестиций в инфраструктурные гринфилд-проекты относятся: высокий уровень первоначальных затрат, значительная свобода в проектировании и планировании, отсутствие ограничений, связанных с существующими объектами, длительный период окупаемости (как правило, 15 – 30 лет), а также повышенные риски из-за отсутствия истории эксплуатации. Примерами таких инвестиций являются строительство новых аэропортов, прокладка новых железнодорожных магистралей, возведение новых электростанций, создание новых водохранилищ.

Браунфилд-инвестиции направлены на расширение, модернизацию или переоборудование уже существующих объектов инфраструктуры с целью повышения их эффективности или увеличения мощности. Особенности таких инфраструктурных инвестиций являются меньшие первоначальные затраты, более короткие сроки реализации, более предсказуемые риски благодаря наличию эксплуатационной истории, сравнительно более быстрое достижение точки безубыточности, а также некоторые ограничения, связанные с существующей инфраструктурой. К числу примеров подобных инвестиций относятся вложения в расширение портовых терминалов, модернизация электрических сетей, расширение пропускной способности автомагистралей, обновление телекоммуникационного оборудования.

К числу значимых инфраструктурных инвестиций относятся также вложения в восстановление работоспособности и обновление устаревших или поврежденных объектов инфраструктуры для продления срока их службы или адаптации к новым требованиям. Основными характеристиками таких инвестиций являются ориентированность на продление жизненного цикла инфраструктурных систем, обновление технологической базы, а также снижение эксплуатационных издержек в долго-

срочной перспективе. Указанный тип вложений нередко включает элементы модернизации и может предполагать улучшение экологических характеристик соответствующих объектов. Примеры подобных проектов: реконструкция мостов, восстановление исторических зданий с сохранением их функциональности, обновление городских канализационных систем, реконструкция устаревших промышленных объектов.

Инвестиции в техническое обслуживание и эксплуатацию направлены на поддержание текущего функционирования инфраструктурных объектов, предотвращение их преждевременного износа и обеспечение бесперебойной работы. Особенности данной категории инфраструктурных инвестиций являются регулярность и повторяемость вложений, относительно небольшие суммы по сравнению с другими видами инвестиций, критическое значение для предотвращения более дорогостоящих ремонтов, прямое влияние на операционную эффективность, обеспечение безопасности пользователей. К числу подобных вложений относятся плановый ремонт дорожного покрытия, регулярное обслуживание систем водоснабжения, техническое обслуживание оборудования на электростанциях, сезонные профилактические работы на инженерных сетях.

Обеспечение адекватного финансирования инфраструктурных проектов является одной из ключевых проблем экономического развития как для развитых, так и для развивающихся стран. Многообразие источников финансирования инфраструктуры отражает сложность и комплексный характер инфраструктурных объектов, а также разнообразие механизмов привлечения капитала в данный сектор экономики.

Государственные инвестиции традиционно играют доминирующую роль в финансировании инфраструктурных проектов, что обусловлено рядом объективных факторов. В первую очередь, многие инфраструктурные объекты представляют собой общественные или квазиобщественные блага, характеризующиеся неисключаемостью и/или неконкурентностью в потреблении [16]. Данные характеристики делают частное финансирование таких объектов экономически нецелесообразным и определяют необходимость госу-

дарственного участия. Государственное финансирование инфраструктуры осуществляется через различные каналы и механизмы: прямые бюджетные инвестиции, государственные инфраструктурные фонды, инвестиционные программы государственных компаний и естественных монополий, целевые государственные программы развития инфраструктуры.

Прямые бюджетные инвестиции являются наиболее традиционным и распространенным механизмом, при котором финансирование инфраструктурных проектов происходит напрямую из средств федерального, регионального или муниципального бюджетов. Данный механизм особенно актуален для социально значимых объектов инфраструктуры, таких как образовательные учреждения, объекты здравоохранения, дорожная сеть общего пользования. Преимуществами прямого бюджетного финансирования являются относительная простота администрирования и возможность реализации проектов с низкой коммерческой, но высокой социальной отдачей, к числу недостатков относятся бюджетные ограничения и риски неэффективного использования средств в условиях отсутствия рыночных стимулов.

Государственные инфраструктурные фонды представляют собой специализированные финансовые институты, формируемые государством для целевого финансирования инфраструктурных проектов. Указанные фонды могут формироваться за счет различных источников, включая налоговые поступления, доходы от экспорта природных ресурсов, доходы от приватизации и другие. Примерами таких фондов являются Фонд национального благосостояния в России, инфраструктурные фонды на уровне отдельных штатов в США, Национальный инфраструктурный фонд в Великобритании. Преимуществом создания специализированных фондов является возможность долгосрочного планирования и финансирования инфраструктурных проектов, независимо от краткосрочных колебаний бюджетных доходов [14].

Инвестиционные программы государственных компаний и естественных монополий представляют собой важный канал финансирования инфраструктуры, особенно в стратегических секторах экономики. Государ-

ственные компании в энергетическом, транспортном и телекоммуникационном секторах реализуют масштабные инвестиционные программы, направленные на развитие соответствующей инфраструктуры. Механизмы финансирования таких программ могут включать как собственные средства компаний, так и заемное финансирование под государственные гарантии, а также различные формы государственной поддержки, включая субсидирование процентных ставок и налоговые льготы.

Целевые государственные программы развития инфраструктуры предполагают комплексный подход к финансированию взаимосвязанных инфраструктурных проектов в рамках единой стратегии развития. Такие программы часто реализуются на национальном уровне и охватывают как модернизацию существующей, так и создание новой инфраструктуры. Примерами таких программ являются Национальные проекты в России, Infrastructure Investment and Jobs Act в США, программа развития транспортной инфраструктуры TEN-T в Европейском союзе.

Привлечение частного капитала в инфраструктурные проекты позволяет не только преодолеть ограничения государственного финансирования, но и повысить эффективность реализации проектов за счет внедрения рыночных стимулов, передовых технологий и управленческих практик. Корпоративные инвестиции представляют собой вложения частных компаний в создание и модернизацию инфраструктурных объектов, необходимых для их производственной деятельности. Данный механизм наиболее распространен в секторах с высокой степенью коммерциализации, включая телекоммуникации, энергетику, портовую инфраструктуру. Корпоративные инвестиции могут осуществляться как за счет собственных средств компаний, так и за счет привлечения заемного финансирования на рыночных условиях.

Инфраструктурные фонды позволяют привлекать в инфраструктурные проекты средства институциональных инвесторов, включая пенсионные фонды, страховые компании, суверенные фонды, для которых характерен долгосрочный инвестиционный горизонт, соответствующий жизненному циклу инфраструктурных объектов. Инфраструктурные облигации являются специализирован-

ым финансовым инструментом, позволяющим привлекать средства широкого круга инвесторов для финансирования инфраструктурных проектов. Облигации могут выпускаться как частными компаниями, реализующими инфраструктурные проекты, так и специализированными проектными компаниями в рамках государственно-частного партнерства. Инфраструктурные облигации часто предполагают наличие определенных государственных гарантий или налоговых льгот, повышающих их привлекательность для инвесторов.

Проектное финансирование представляет собой механизм привлечения долгосрочного заемного финансирования для крупных инфраструктурных проектов, при котором основным обеспечением выступают будущие денежные потоки от реализации проекта. Данный механизм предполагает создание специальной проектной компании (SPV), которая несет ответственность за реализацию проекта и обслуживание привлеченного финансирования. Проектное финансирование позволяет структурировать сложные финансовые схемы с участием различных типов инвесторов и кредиторов, а также оптимально распределять риски проекта между его участниками.

Венчурные инвестиции в последние годы становятся значимым источником финансирования для инновационных инфраструктурных проектов, особенно в сфере цифровой инфраструктуры и «умных» городов. Венчурные фонды и бизнес-ангелы инвестируют в стартапы, разрабатывающие технологические решения для инфраструктурных проблем, что способствует не только финансированию, но и технологической модернизации инфраструктурного сектора. Несмотря на рост частных инвестиций в инфраструктуру, их доля в общем объеме инфраструктурных инвестиций остается относительно невысокой, что связано с рядом ограничений, включая высокие риски инфраструктурных проектов, регуляторную неопределенность, сложность оценки долгосрочных проектов и другие факторы.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) стало одним из ключевых механизмов привлечения частного капитала в инфраструктурные проекты при сохранении стратегического контроля со стороны государства. ГЧП

представляет собой институциональный и организационный альянс государства и бизнеса, созданный на определенный срок для реализации конкретного проекта и прекращающий свое существование после его завершения. Развитие механизмов ГЧП требует формирования адекватной институциональной среды, включающей законодательное регулирование, механизмы разрешения споров, системы гарантий для инвесторов, а также развитие компетенций государственных структур в области структурирования и управления ГЧП-проектами.

Международные инвестиции играют важную роль в финансировании инфраструктурных проектов, особенно в развивающихся странах, сталкивающихся с ограниченностью внутренних источников капитала. Так, международные финансовые институты развития, включая Всемирный банк, региональные банки развития (Азиатский банк развития, Африканский банк развития, Межамериканский банк развития и др.), предоставляют льготное финансирование и техническую помощь для реализации инфраструктурных проектов в развивающихся странах. Финансирование может осуществляться как в форме прямых кредитов, так и через механизмы софинансирования с частными инвесторами, предоставление гарантий и другие инструменты. Международные финансовые институты также играют важную роль в разработке стандартов и лучших практик в области устойчивого развития инфраструктуры.

Новые международные финансовые институты, в частности, созданные по инициативе Китая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) и Новый банк развития БРИКС, активно наращивают финансирование инфраструктурных проектов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Эти институты фокусируются на финансировании проектов в сфере транспорта, энергетики, цифровой инфраструктуры и социального развития. Национальные программы внешнего инфраструктурного финансирования, такие как китайская инициатива «Один пояс, один путь», японская программа «Партнерство для качественной инфраструктуры», американская инициатива «Build Back Better World» предоставляют финансирование и техническую поддержку для развития инфраструктуры в странах-партнерах. Такие программы

часто сочетают экономические цели с геополитическими интересами стран-доноров.

Международные инфраструктурные фонды, включая суверенные фонды, пенсионные фонды, страховые компании из развитых стран, все активнее инвестируют в инфраструктурные проекты в глобальном масштабе, рассматривая их как источник стабильного долгосрочного дохода и способ диверсификации инвестиционного портфеля. Трансграничные инфраструктурные проекты представляют собой особую категорию международных инфраструктурных инвестиций, реализуемых совместно несколькими странами. Такие проекты особенно распространены в сфере транспорта (международные транспортные коридоры), энергетики (трансграничные электрические сети, международные газопроводы), телекоммуникаций (подводные кабели связи). Финансирование таких проектов часто осуществляется через сложные международные консорциумы с участием государственных и частных партнеров из разных стран.

На современном этапе сфера финансирования инфраструктуры сталкивается с рядом значимых вызовов, определяющих эволюцию механизмов привлечения капитала:

1) глобальный инфраструктурный разрыв – по оценкам различных международных организаций, для удовлетворения растущих потребностей глобальной экономики и достижения Целей устойчивого развития ООН требуются инвестиции в инфраструктуру в размере 3,5 – 4,5 трлн USD ежегодно, в то время как фактические инвестиции составляют около 2,5 – 3 трлн USD, что создает значительный дефицит финансирования [23];

2) фискальные ограничения – высокий уровень государственного долга во многих странах ограничивает возможности государственного финансирования инфраструктуры и определяет необходимость более активного привлечения частного капитала;

3) регуляторные барьеры – сложность и нестабильность регуляторной среды, особенно в развивающихся странах, создает значительные риски для частных инвесторов и повышает стоимость капитала для инфраструктурных проектов;

4) технологические трансформации – цифровизация и декарбонизация экономики требуют масштабных инвестиций в новые типы инфраструктуры (цифровая, «зеленая»

инфраструктура), а также модернизации существующих инфраструктурных систем.

В ответ на эти вызовы формируются новые тенденции в области финансирования инфраструктуры:

1. Развитие инновационных финансовых инструментов, включая «зеленые» и «социальные» облигации, облигации, связанные с устойчивым развитием (sustainability-linked bonds), смешанное финансирование (blended finance), позволяющее сочетать коммерческое финансирование с грантовой поддержкой для проектов с высокими социальными или экологическими эффектами;

2. Создание специализированных платформ для соединения инвесторов и инфраструктурных проектов, включая цифровые платформы, облегчающие процесс структурирования и финансирования проектов, а также снижающие транзакционные издержки;

3. Стандартизация инфраструктурных проектов и развитие инфраструктуры как класса активов, позволяющее повысить прозрачность и сопоставимость проектов для инвесторов, а также снизить риски инвестирования;

4. Интеграция критериев ESG (Environmental, Social, Governance) в процесс принятия инвестиционных решений и оценки инфраструктурных проектов, что отражает растущее внимание к вопросам устойчивого развития и социальной ответственности;

5. Развитие новых моделей ГЧП, учитывающих уроки предыдущего опыта и позволяющих более эффективно распределять риски и ответственность между государственным и частным секторами.

Заключение. Таким образом, финансирование инфраструктуры представляет собой сложную и динамично развивающуюся сферу на пересечении государственной политики, финансовых рынков и реального сектора экономики. Эффективное сочетание различных источников финансирования, включая государственные, частные, смешанные и международные инвестиции, является ключевым условием преодоления глобального инфраструктурного разрыва и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Bougheas S., Demetriades P., Mamuneas T. Infrastructure, Specialization, and Economic Growth // Canadian Journal of Economics. 2000. Vol. 33. № 2. – Pp. 506-522.
2. Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press, 1961.
3. Ledyeva S., Linden M. Determinants of Economic Growth: Empirical Evidence from Russian Regions // The European Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 5. № 1. – Pp. 87-105.
4. Rosenstein-Rodan P.N. The Notes of the Theory of the «Big Push» in Economic Development for Latin America. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association. London, New York: Palgrave Macmillan, 1961. – Pp. 57-81.
5. Singer H.W. The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries. In The Strategy of International Development: Essays in the Economics of Backwardness. London: Macmillan, 1975.
6. Валеахметов Н.И., Цацулин А.Н. Создание регионального кластера как способ экономического развития территории // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 4 (81). – С. 281-288.
7. ВТБ: инфраструктурные проекты могут принести экономике до 1,5% ежегодно // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20240607/proekty-1951541289.html>
8. Григорьев, В.Н. Инфраструктура: понятие, виды и значение / В.Н. Григорьев // Теория и практика управления: ответы на вызовы цифровой экономики. – Москва, 2023. – С. 337-340.
9. Исаев А.Г. Государственные капиталовложения как детерминанты экономического роста российских регионов // Регионалистика. 2014. № 4. – С. 61-72.
10. Коломак Е.А. Эффективность инфраструктурного капитала в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 10. – С. 74-93.
11. Комаров М.П. Инфраструктура регионов мира. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 350 с.
12. Кондратьев В.Б. Инфраструктура и экономический рост // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. – С. 18-24.
13. Нижегородцев Р.М., Никитенко С.М., Гоосен Е.В. и др. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: мировой опыт и перспективы России / Российская акад. наук, Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова РАН и др. Кемерово: – Сибирская изд. группа, 2012. – 482 с.

14. Носов, С.И. Инвестиции – основа устойчивости и качества инфраструктуры / С.И. Носов, В.Н. Григорьев // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании. – Москва, 2024. – С. 80-84.
15. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года. <https://docs.cntd.ru/document/574660525>
16. Овешникова, Л.В. Инвестиции в инфраструктуру России и ее регионов / Л.В. Овешникова, Е.В. Сибирская, И.Ю. Владыко // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т.22. № 7 (526). – С. 1276-1307.
17. Овчинников, Д.Е. Региональные проекты как механизм управления развитием инфраструктуры территории: монография / Д.Е. Овчинников. – Санкт-Петербург: – Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2023. – 106 с.
18. Пезенти А. Очерки политической экономики капитализма. Т. 2. – М.: Прогресс, 1976. – 885 с.
19. Ростоу В.В. Стадии экономического роста / пер. с англ. В.П. Марченко. – Нью-Йорк: Прегер, сор, 1961. – 236 с.
20. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика: пер. с англ. – М.: Бином, 1997. – 860 с.
21. Тропко Л. Магистральные трубопроводы сегодня и завтра // Нефтегазовая вертикаль. 2003. № 11. – С. 12-16.
22. Харланов, А.С. Тренды эволюции торговли в рамках ЕАЭС: цифровая трансформация и формирование критической инфраструктуры / А.С. Харланов // Наука и инновации – современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума, – Москва, 2024. – С. 7-18.
23. Цели в области устойчивого развития // ООН. – URL: <https://www.un.org/>
24. Швец И.Ю., Швец Ю.Ю. Размещение производительных сил и регионалистика РФ. Симферополь: Диайпи, 2013. – 361 с.
25. Швец И.Ю., Швец Ю.Ю. Региональный механизм управления развитием сферы туризма: монография. – М.: ОнтоПринт, 2016. – 500 с.
26. Швец И.Ю., Швец Ю.Ю. Управление пространственным развитием региона: монография. – М.: ОнтоПринт, 2016. – 402 с.
27. Щербанин Ю.А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 3 (12). – С. 65-78.

References

1. Bougheas S., Demetriades P., Mamuneas T. Infrastructure, Specialization, and Economic Growth // Canadian Journal of Economics. 2000. Vol. 33. № 2. – Pp. 506-522.
2. Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press, 1961.
3. Ledyeva S., Linden M. Determinants of Economic Growth: Empirical Evidence from Russian Regions // The European Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 5. № 1. – Pp. 87-105.
4. Rosenstein-Rodan P.N. The Notes of the Theory of the «Big Push» in Economic Development for Latin America. Proceedings of Conference held by the International Economic Association. London, New York: Palgrave Macmillan, 1961. – Pp. 57-81.
5. Singer H.W. The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries. In The Strategy of International Development: Essays in the Economics of Backwardness. London: Macmillan, 1975.
6. Valeakhmetov N.I., Tsatsulin A.N. Creation of a regional cluster as a way of economic development of the territory//Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2009. № 4 (81). – pp. 281-288.
7. VTB: infrastructure projects can bring the economy up to 1.5% annually//RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20240607/proekty-1951541289.html>
8. Grigoriev, V.N. Infrastructure: concept, types and meaning/V.N. Grigoriev//Theory and practice of management: answers to the challenges of the digital economy. – Moscow, 2023. – pp. 337-340.
9. Isaev A.G. State investment as determinants of economic growth in Russian regions//Regionalism. 2014. № 4. – pp. 61-72.
10. Kolomak E.A. Efficiency of infrastructure capital in Russia//Journal of the new economic association. 2011. № 10. – pp. 74-93.
11. Komarov M.P. Infrastructure of the regions of the world. St. Petersburg: Publishing House of Mikhailov V.A., 2000. – 350 p.
12. Kondratyev V.B. Infrastructure and economic growth//World economy and international relations. 2011. № 11. pp. 18-24.
13. Nizhegorodtsev R.M., Nikitenko S.M., Goosen E.V. et al. Public-private partnership in the innovation sphere: world experience and prospects of Russia/Russian Academy of Sciences, Trapeznikov Institute of Management Problems of RAS and others. Kemerovo: Siberian publishing group, 2012. – 482 p.
14. Nosov, S.I. Investments - the basis of stability and quality of infrastructure/S.I. Nosov, V.N. Grigoriev//Modern problems of project management in the investment and construction sector and environmental management. – Moscow, 2024. – pp. 80-84.

15. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Chechen Republic until 2035. <https://docs.cntd.ru/document/574660525>
16. Oveshnikova, L.V. Investments in the infrastructure of Russia and its regions/L.V. Oveshnikova, E.V. Sibirskaya, I.Yu. Vladyko//Regional Economics: Theory and Practice. 2024. V.22. № 7 (526). – pp. 1276-1307.
17. Ovchinnikov, D.E. Regional projects as a mechanism for managing the development of territory infrastructure: monograph/D.E. Ovchinnikov. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Economic University, 2023. – 106 p.
18. Pesenti A. Essays on the political economics of capitalism. Vol. 2. – M.: Progress, 1976. – 885 p.
19. Rostow V.V. Stages of economic growth/translation from English by V.P. Marchenko. New York: Preger, copy, 1961. – 236 p.
20. Samuelson P.A., Nordhaus V.D. Economics: trans. from English – M.: Binom, 1997. – 860 p.
21. Tropko L. Trunk pipelines today and tomorrow//Oil and gas vertical. 2003. № 11. – pp. 12-16.
22. Kharlanov, A.S. Trends in the evolution of trade within the EAEU: digital transformation and formation of critical infrastructure/A.S. Kharlanov//Science and innovation - modern concepts: Collection of scientific art. based on the results of work of International. scientific forum, – Moscow, 2024. – pp. 7-18.
23. Sustainable Development Goals//UN. – URL: <https://www.un.org/>
24. Shvets I.Yu., Shvets Yu.Yu. Placement of productive forces and regionalism of the Russian Federation. Simferopol: Diaipi, 2013. – 361 p.
25. Shvets I.Yu., Shvets Yu.Yu. Regional mechanism for managing the development of tourism: monograph. – M.: OntoPrint, 2016. – 500 p.
26. Shvets I.Yu., Shvets Yu.Yu. Management of spatial development of the region: monograph. – M.: OntoPrint, 2016. – 402 p.
27. Shcherbanin Yu.A. Transport and economic growth: interconnection and impact//Eurasian economic integration. 2011. № 3 (12). – pp. 65-78.

Информация об авторах / Information about the Authors

Баснукаев М.Ш., канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры налогов и налогообложения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный;
ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт

им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», г. Грозный, e-mail: basnukaev@hotmail.com

Basnukaev M.Sh., Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation, Kadyrov Chechen State University, Grozny; Leading Researcher of Laboratory of Economic Research, Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Борущков Д.А., аспирант ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», г. Грозный, e-mail: d.borushkov@gmail.com

Borushkov D.A., postgraduate student of Ibragimov Integrated Research
Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

УДК 338.46 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-32-38

**РАЗВИТИЕ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ
АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ****Гезиханов Р.А.***ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный*

Аннотация. В статье проведен анализ Федерального закона «Об аудиторской деятельности» № 307-ФЗ в части договорного регулирования взаимоотношений между аудиторскими организациями, индивидуальными предпринимателями и аудируемыми лицами. Показано влияние норм Гражданского кодекса Российской Федерации на договорные отношения участников аудиторской деятельности. Отмечены особенности методологии и методов предварительного обследования и заключения договора на проведение аудиторской проверки. Изложена методика применения международных и исламских стандартов на организацию договорной деятельности в области договорного регулирования аудиторской деятельности. Сделан вывод о том, что взаимоотношения между участниками аудиторской деятельности в настоящее время строятся на основе двух типов договоров: договора на проведение независимого аудита; договора на проведение обязательного аудита. При этом договорные отношения при проведении независимого аудита регулируется ГК РФ а обязательного аудита – Законом № 44 – ФЗ. При заключении договора особое внимание необходимо уделить стоимости аудиторских услуг с тем, чтобы договорная цена соответствовала экономическим интересам участников аудиторской деятельности. Цена договора зависит от многих факторов и носит диспозитивный характер при условии соблюдения качества и сроков выполнения услуг.

Ключевые слова: договорное регулирование, аудиторская деятельность, международные стандарты аудита, исламские стандарты аудита, бухгалтерский учет, финансовая отчетность.

Для цитирования: Гезиханов Р.А. Развитие контрактных отношений между участниками аудиторской деятельности в России // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 32-38.

**DEVELOPMENT OF CONTRACT RELATIONS BETWEEN
PARTICIPANTS IN AUDIT ACTIVITIES IN RUSSIA****Gezikhanov R.A.***Kadyrov Chechen State University, Grozny*

Abstract. The article demonstrates the impact of the rules of the Civil Code of the Russian Federation on contract relations of the participants of audit activity. The features of strategy and methods of preliminary study and drawing a contract for conducting an audit inspection are pointed out. The procedure of international and Islamic standards application for contract activity organization in the field of audit activity contractual regulation is described. The conclusion is drawn that interrelations among the participants of audit activity nowadays are built on the basis of two types of contracts: concluding independent audit contracts. Thus when concluding independent audit the contract relations are regulated by CC of RF, and the statutory audit – by the Federal Law №44-FZ. When drawing a contract special attention should be paid to the cost of audit service in order the contract price to meet the economic interests of the participants of audit activity. The contract price depends on many factors and is dispositive in nature on condition of adherence to quality and the service time terms.

Keywords: contract regulation, audit activity, international audit standards, Islamic audit standards, accounting, financial statement.

For citation: Gezikhanov R.A. Development of contract relations between participants in audit activities in Russia // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 32-38.

Введение. Качество аудиторской проверки, а также бесконфликтность участников аудиторской деятельности во многом зависит от качества заключенного договора на оказание аудиторских услуг. Поэтому при документальном оформлении взаимоотношений между аудиторами и аудируемыми организа-

циями особое внимание уделяется организации договорной работы на всех ее стадиях. В первую очередь это касается формированию условий будущего договора в соответствии с главой 27 Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ) «Понятие и условие договора», главы 28 «Заключение договора» [1].

Комментируя данную главу ГК РФ Пугинский Б.И. отмечает, что все множество способов установления договорных отношений сводится к примитивной схеме «оферта – акцент». И все в меньшей степени согласуется с реальной процедурой заключения хозяйственных договоров [2]. В связи с высокой сложностью деятельности по заключению договоров он предлагает порядок детального нормирования в локальных правовых актах и разработке организационных стандартов. Данные нормы, по мнению Пугинского Б.И., не определяют содержание договоров, но косвенно воздействуют на порядок его определение через организацию преддоговорной деятельности.

Указанной цели как раз служат внутренние аудиторские стандарты, которые включают стандарты СРО аудиторов, а также внутрифирменные стандарты аудиторов и аудиторских фирм, которые являются их интеллектуальной собственностью. В России получили признание международные стандарты аудита (МСА), что обеспечивает доверие к аудиторскому заключению у всех заинтересованных лиц в стране и за рубежом.

Общие положения договора на проведение аудиторской проверки, таким образом, определены в первой части ГК РФ (статья 420 «Понятие договора») а особенности – в Международном стандарте аудита (МСА) 210 «Согласование условий аудиторских заданий», разработанной Международной федерацией бухгалтеров (МФБ) [3]. При проведении независимого аудита субъектов исламского предпринимательства особые условия определены в стандарте аудита исламских финансовых учреждений (ASIFI), разработанном Организацией по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений (ААОИФИ) [4].

Методы. Методологическую основу договорного регулирования аудиторской деятельности представляет собой комплекс мероприятий, которые аудиторская организация обязана осуществлять в соответствии со стандартами аудиторской деятельности с момента получения предложения на проведение проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности до даты представления заказчику аудиторского заключения [5].

Методы составляют основу любой методологии, в том числе методологии аудита.

Систематизированное применение методов аудита составляет суть его методологии. И.В. Федоренко предложил классифицировать методы аудита по следующим трем направлениям: применительно к этапам аудита; использованию наукой; общие методы аудита по 14 классификационным признакам [6]. К методам аудита применительно к этапам относятся: методы организации аудита; методы планирования аудита; методы его проведения.

Научные методы аудита: собственные методы аудита; методы смежных наук, которые можно отнести к методам аудита: методы других общенаучных и специальных направлений науки и дисциплин. К собственным относятся: методы организации аудита; методы планирования аудита; методы получения аудиторских доказательств; методы документирования аудита; методы оценки достоверности отчетности и формирования мнения.

В целях нашего исследования наиболее приемлемыми являются методы приведенных двух направлений, в частности, методы организации и планирования аудита.

Результаты и обсуждение. Согласно Федеральному закону «Об аудиторской деятельности» от 30. 12. 2008 г. № 307-ФЗ, аудит – это независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности (п. 3 ст.1). Исходя из этого определения независимость является основополагающим принципом аудиторской проверки. Соответственно, отличительным признаком договора между участниками аудиторской деятельности (п.2 ст.1 ФЗ – № 307) является независимость взаимоотношений между ними [7].

Из вышеизложенного вытекает, что данный официальный документ является договором на проведение независимого аудита. Кроме того, в п.4 ст.5 Федерального закона закреплён порядок проведения обязательного аудита.

Таким образом, взаимоотношения между участниками аудиторской деятельности в настоящее время строятся на основе двух типов договоров: договора на проведение независимого аудита; договора на проведение обязательного аудита. При этом договорные отношения при проведении независимого аудита регулируется главой 39 «Возмездное оказание услуг» второй части ГК РФ

а обязательного аудита – Законом № 44 – ФЗ [8]. Кратко остановимся на особенностях этих договоров.

Согласно статьи 779 «Договор возмездного оказания услуг» главы 39 ГК РФ предметом договорного регулирования является аудиторская деятельность, осуществляемая за оплату аудиторских или сопутствующих услуг. К объектам договорных отношений аудиторских услуг в соответствии с приказом Минфина РФ № 46643 от 10. 05. 2017 относят: аудит отчетности, сопутствующие аудиту услуги, а также десять прочих услуг, связанных с аудиторской деятельностью.

Заключению договора на оказание аудиторских услуг предшествует преддоговорной этап аудита с целью соблюдения принципа независимости. Преддоговорные мероприятия и заключение договора на проведение аудиторской проверки П.Р. Булыга относит к первому хронологическому этапу из четырех аудиторских циклов [5].

В настоящее время значительно усилены требования к признаку «независимость», тесно связанному с отсутствием аффилированности относительно самой аудиторской организации в соответствии с п. 1 ст. 8 Закона № 307-ФЗ и п.1.6 Правил независимости. Сюда же относятся и ненаступление угроз конфликта интересов, указанных в нормах п. 2-9 ст.8 Закона № 307 – ФЗ.

В первую очередь необходимо установить правомерность проведения аудиторской проверки данного заказчика, его учредителях, ознакомиться с годовой бухгалтерской отчетностью и налоговыми декларациями клиента за последние несколько лет, изучить кредитную историю и контрагентов. В случае сотрудничества с заказчиком в течение продолжительного времени, необходимо привлечь в группу других независимых аудиторов на основе гражданско-правовых договоров.

Далее необходимо обеспечить сотрудников достоверной информацией о финансово-хозяйственной деятельности проверяемой организации в объеме, необходимом для качественного выполнения своих договорных обязательств.

Данные сведения об аудируемом лице аудитор может получить из различных источников: от специалистов и внутренних аудиторов аудируемого лица; от других консультан-

тов и сторонних специалистов; государственных статистических данных, из аналитических материалов, газет и журналов; из законодательно-нормативных актов, регулирующих хозяйственную деятельность контрагентов и др.

Согласно международному стандарту аудита 210 «Согласование условий аудиторского задания» аудитор обязан проверить соблюдение обязательных условий для проведения независимого аудита. С этой целью он направляет клиенту письмо-соглашение об условиях аудиторского задания. В МСА 210 отмечено, что для того чтобы установить, оговорены ли предварительные условия проведения аудита, «аудитор обязан определить приемлемость принципов подготовки финансовой отчетности, достичь соглашения с руководством относительно понимания и признания им своей ответственности:

- за подготовку финансовой отчетности в соответствии с применяемыми принципами;
- за такую систему внутреннего контроля, которая позволит подготовить финансовую отчетность, не содержащую существенных искажений, вызванных недобросовестными действиями или ошибкой;
- за обеспечение аудитору доступа ко всей основной и дополнительной информации, к лицам внутри организации для получения аудиторских доказательств» [3].

Клиент должен письменно подтвердить согласие на обязательные условия аудита, изложенные в письме – соглашении аудиторской организации, что подтверждает единое понимание участниками аудиторской деятельности условий аудиторского задания. Далее в этом стандарте приводятся несколько десятков основных условий, которые требуют согласования.

В соответствии с главой 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ между участниками аудиторской деятельности должен быть заключен договор оказания аудиторских услуг. Предмет договора возмездного оказания услуг – совершение услугодателем действий (определенной деятельности) по заданию заказчика. Заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания

услуг. Правила о договоре возмездного оказания услуг применяются в том числе к договорам оказания аудиторских услуг.

Договор оказания аудиторских услуг может быть заключен на длительный срок или носить разовый характер. Предметом такого договора одновременно могут быть несколько видов аудиторских услуг: аудит отчетности, сопутствующие услуги по обзорной проверке и выполнению заданий, исследование предмета контроля и компиляция информации, а также 10 (десять) прочих услуг, связанных с аудиторской деятельностью. В отношении таких услуг применяется договор гражданско-правового характера.

Согласно ст. 8 «Независимость аудиторских организаций, аудиторов» Закона «Об аудиторской деятельности» прочие услуги можно разделить на две группы: несовместимые с проведением аудита отчетности хозяйствующего субъекта и совместимые с проведением аудита. Несовместимые с аудитом услуги, перечень которых носит исчерпывающий характер, всегда выполняются по отдельному договору. При этом в указанном законе установлен прямой запрет на проведение проверки аудиторами, оказывавшими в течение 3-х лет непосредственно предшествующих проведению аудита вышеуказанных услуг.

Совместимые с аудитом услуги могут оказываться в ходе проверки достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности либо быть предметом отдельного договора. При этом в качестве аудируемых лиц могут выступать лишь юридические лица. Физические лица могут выступать в роли заказчика только при заключении договора на оказание прочих связанных с аудиторской деятельностью услуг [9].

В последнее время все больше постоянных клиентов заключают договора с аудиторами на оказание консультационных услуг в форме абонентского обслуживания, которая предусматривает проведение аудиторской проверки в начале текущего года с нарастающим итогом поквартально до конца года. В течение года клиент получает консультации по возникшим вопросам хозяйственной деятельности. Аудиторские организации и индивидуальные аудиторы информируют клиента о наиболее важных изменениях в учете и аудите. При этом данная услуга не нарушает независимости аудитора в связи с тем, что

аудиторы не оказывают несовместимые с аудитом услуги: восстановление и ведение бухгалтерского учета, а также составление бухгалтерской (финансовой) отчетности физическим и юридическим лицам.

Оказание консультационной услуги в форме абонентского обслуживания в интересах как клиентов так и аудиторов. Они выражаются, в частности: в планировании аудита; подборе и расстановке кадров; рекомендации по совершенствованию бухгалтерского учета и внутреннего контроля; предоставлению отчетности в срок и др.

При заключении договора особое внимание необходимо уделить стоимости аудиторских услуг с тем, чтобы договорная цена соответствовала экономическим интересам участников аудиторской деятельности. Цена договора зависит от многих факторов и носит диспозитивный характер при условии соблюдения качества и сроков выполнения услуг на основе статьи 424 «Цена» и п.2 статьи 426 «Публичный договор» ГК РФ.

Таким образом, особенностью договора оказания аудиторских услуг является то, что профессиональная деятельность аудиторов намного шире, чем предоставление аудиторских услуг. При этом наибольший удельный вес приходится на проведение инициативного и обязательного аудита. В целом можно отметить, что аудиторские организации и индивидуальные аудиторы как субъекты независимого финансового контроля распространяют свою деятельность на платной договорной основе как на инициативный так и на обязательный аудит.

Причины инициативного аудита могут быть самыми разными. В этой связи возникает необходимость проведения сравнительного анализа МСА 210 с исламским стандартом независимого аудита (ASIFI) № 3 «Условия аудиторских заданий», разработанным Организацией по бухгалтерскому учету и аудиту исламских финансовых учреждений (ААОИФИ). Актуальность применения исламских аудиторских стандартов повышается в связи с принятием Закона № 417-ФЗ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федера-

ции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10].

Так, статья 10 «Регулирование деятельности участников эксперимента, контроль и надзор за такой деятельностью» в пункте 3 пп.2 этого закона приведена функция Банка России о том, что «получает от участника эксперимента необходимую информацию об их деятельности, а также бухгалтерскую (финансовую) отчетность, осуществляет контроль и надзор за соблюдением участниками эксперимента при осуществлении ими деятельности по партнерскому финансированию требований настоящего Федерального закона».

Из приведенного текста статьи вытекает, что бухгалтерская (финансовая) отчетность участников эксперимента подвергается инициативному аудиту Банка России. Следовательно, возникает необходимость в сопоставлении международных и исламских стандартов аудита. В учебном пособии, изданном авторским коллективом под руководством профессора Харисовой Ф.И., опубликованы исламские стандарты аудита в переводе на русский язык [4]. Анализ текста исламского аудиторского стандарта (ASIFI) № 3 «Условия аудиторских заданий» показывает, что он также предназначен помочь аудитору в подготовке письма-соглашения об условиях аудиторского задания для аудиторской проверки бухгалтерской отчетности.

Письмо-обязательство призвано согласовать интересы всех участников партнерского (исламского) финансирования. В случае возникновения разногласий и расхождений требований МСА МФБ и МСА ААОИФИ они должны быть вынесены на обсуждение вышестоящего органа.

Обязательный аудит регулируется статьей 5 Закона «Об аудиторской деятельности». Согласно пункта 2 статьи 5 вышеназванного закона обязательный аудит проводится ежегодно, в статье 48 Закона № 44 – ФЗ установлен порядок заключения договора на конкурсной основе в электронной форме. Обязательный аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности проводится только аудиторскими организациями (п.4. ст.5 Закона № 307 – ФЗ).

Отличительным признаком заключения договора на проведение обязательного

аудита сферы государственных закупок является периодичность участия в электронном конкурсе – один раз в пять лет, при этом установление требования к обеспечению заявок на участие в конкурсе и (или) к обеспечению исполнения контракта не является обязательным (п.4. ст. 5 Закона № 307 ФЗ). Контракт заключается на основании пункта 1 статьи 34 Закона № 44 – ФЗ. Предметом контрактного регулирования по итогам электронного конкурса (ст.51 Закона 44-ФЗ) является оказание услуги.

Порядок ценообразования закреплен нормой статьи 22 закона № 44-ФЗ, согласно которой осуществляется антидемпинговые меры. Начальная (максимальная) цена контракта, заключаемого с единственным исполнителем, обосновывается заказчиком посредством применения нескольких методов. Более вероятным может быть рыночный или затратный метод. Рыночный метод предусматривает анализ цен за предыдущие периоды на аудиторские услуги. Затратный метод цены контракта рассчитывается суммой прямых, косвенных затрат и нормативной прибыли.

Объектом контракта является обязательный аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности юридических лиц с государственным участием с не менее 25% долевого имущества, государственные корпорации и унитарные предприятия с государственной или муниципальной собственностью. Процедура приема выполненных работ по контракту обязательного аудита, чем по договору возмездного оказания услуг, так как осуществляется экспертами и дополнительной приемочной комиссией. В результате проведенного электронного конкурса заключается договор (контракт) на проведение аудита на закупку аудиторских услуг.

Выводы. Изложенные положения договорного регулирования независимого и обязательного аудита раскрывают как общие так и особые признаки преддоговорного этапа согласования условий, порядка заключения и исполнение условий договора после его заключения. Публичный договор аудиторских и сопутствующих услуг носит в основном диспозитивный характер вследствие гражданско-правового регулирования, в отличие от публичного императивного договора обязательного аудита вследствие административно-правового регулирования и аудита бухгалтерской

(финансовой) отчетности. Современная цифровая трансформация аудиторских и сопутствующих услуг нами изложены в отдельной статье [11].

Качество аудиторской проверки, а также бесконфликтность участников аудиторской деятельности во многом зависит от качества заключенного договора на оказание аудиторских услуг. Поэтому при документальном оформлении взаимоотношений между аудиторами и аудируемыми организациями особое внимание уделяется организации договорной работы на всех ее стадиях. В первую очередь это касается формирования условий будущего договора в соответствии с международными и исламскими стандартами аудиторской деятельности.

Заключение. Взаимоотношения между участниками аудиторской деятельности в настоящее время строятся на основе двух типов договоров: договора на проведение независимого аудита; договора на проведение обязательного аудита. При этом договорные отношения при проведении независимого аудита регулируется главой 39 «Возмездное оказание услуг» второй части ГК РФ а обязательного аудита – Законом № 44 - ФЗ.

Заключению договора на оказание аудиторских услуг предшествует предлого-

ворной этап аудита с целью соблюдения принципа независимости. В настоящее время значительно усилены требования к признаку «независимость» тесно связанный с отсутствием аффилированности относительно самой аудиторской организации в соответствии с п. 1 ст. 8 Закона № 307-ФЗ и п.1.6 Правил независимости.

Согласно международному стандарту аудита 210 «Согласование условий аудиторского задания» аудитор обязан проверить соблюдение обязательных условий для проведения независимого аудита. С этой целью он направляет клиенту письмо-соглашение об условиях аудиторского задания.

В соответствии с главой 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ между участниками аудиторской деятельности должен быть заключен договор оказания аудиторских услуг. Предмет договора возмездного оказания услуг – совершение услугодателем действий (определенной деятельности) по заданию заказчика. Заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг. Правила о договоре возмездного оказания услуг применяются в том числе к договорам оказания аудиторских услуг.

Список источников

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 1648 с.
2. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 224 с.
3. Применение международных стандартов аудита при проведении внешнего аудита: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией Т.М.Рогоуленко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва.: Юрайт, 2024. – 295 с.
4. Харисова Ф.И. Стандарты аудита исламских финансовых учреждений и Кодекс этики для специалистов по исламским финансам (ААОИФИ-ААОIFI): учебное пособие / Ф.И.Харисова, Г.Г. Дерзаева, И.К.Харисов, Х.С.Умаров. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 217 с.
5. Аудит: учебник /под ред. Р.П.Бульги. – 5-е изд., перераб., и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2020. – 455 с.
6. Федоренко И.В. Аудит: расширяем границы науки (теория и методология): монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 100 с.
7. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 № 307-ФЗ. СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.02.2025).
8. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. СПС КонсультантПлюс (дата обращения 25.02.2025).
9. Малинина Л.Ю. Договор оказания аудиторских услуг: гражданско-правовые и экономические аспекты. – М.: ИНФРА – М, 2017. – 103 с.
10. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.08.2023 № 417-ФЗ. СПС КонсультантПлюс (дата обращения 55.03.2025).
11. Гезиханов Р.А., Мамилова Ф.Х. Цифровая трансформация аудиторских и сопутствующих услуг // Самоуправление. 2022. № 4 (132). – С. 497-502.

12. Гезиханов Р.А. Анализ современного состояния и развития аудиторской деятельности в регионе // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 3(55). – С. 6-13.

References

1. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (practical training). - 5th ed., revised. and suppl. – Moscow: Prospect, 2019. – 1648 p.
2. Puginsky B.I. Theory and practice of contractual regulation. – M.: ICD "Zertsalo-M," 2008. – 224 p.
3. Application of international audit standards during external audit: textbook and workshop for universities/under the general editorship of T. M. Rogulenko. - 3rd ed., revised and suppl. – Moscow.: Yurayt, 2024. – 295 p.
4. Kharisova F.I. Standards for Audit of Islamic Financial Institutions and the Code of Ethics for Specialists in Islamic Finance (AAOFI-AAOIFI): textbook/F.I. Kharisova, G.G. Derdaeva, I.K. Kharisov, H.S.U Marov. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 217p.
5. Audit: textbook/ed. R.P. Buligi. - 5th ed., revised, and suppl. – M.: UNITY-DANA. 2020. – 455 p.
6. Fedorenko I.V. Audit: expanding the boundaries of science (theory and methodology): monography. – M.: INFRA-M, 2015. – 100 p.
7. Federal Law "On Audit Activities" of 30.12.2008 № 307-FZ. RSS ConsultantPlus (date of access 20.02.2025).
8. Federal Law "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" of 05.04.2013 № 44-FZ. RSS ConsultantPlus (date of access 25.02.2025).
9. Malinina L.Yu. Audit services contract: civil and economic aspects. – M.: INFRA – M, 2017. – 103 p.
10. Federal Law "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for implementation of partnership financing activities in certain subjects of the Russian Federation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" of 04.08.2023 № 417-FZ. RSS ConsultantPlus (date of access 25.03.2025).
11. Gezikhanov R.A., Mamilova F.Kh. Digital transformation of audit and related services//Self-government. 2022. № 4 (132). – S. 497-502.
12. Gezikhanov R.A. Analysis of the current state and development of audit activities in the region//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2024. № 3(55). – pp. 6-13.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гезиханов Р.А., *д-р экон. наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: gezikhanov@mail.ru*

Gezikhanov R.A., *Doctor of Sciences in Economics, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Digital Economy, Kadyrov Chechen State University, Grozny*

УДК 336 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-39-48

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВЫХ РЫНКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Горшкова Н.В., Горшков А.А., Даудова П.А.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград

Аннотация. Страховой рынок выступает подсистемой финансовой системы государства. Суть страхования заключается в создании специальных фондов, которые потом возможно использовать при реализации определенных угроз или рисков. Возникновение страхового рынка связано с объективными причинами. Вся деятельность человека сопровождается рисковыми событиями. В этих условиях возникает потребность обеспечить необходимый уровень защиты. Страхование как экономическое явление позволяет не только нивелировать отрицательные последствия внешней и внутренней среды функционирования хозяйствующих субъектов, но и способствует перераспределению финансов в национальной экономике, которой присуща региональная дифференциация. Данная статья посвящена изучению современного состояния региональных страховых рынков Южного федерального округа (ЮФО) в целом и Волгоградской области в частности, выявлению общих тенденций и проблем развития.

Ключевые слова: страхование, страховой рынок, регион, показатели развития региональных страховых рисков.

Для цитирования: Горшкова Н.В., Горшков А.А., Даудова П.А. Современное состояние региональных страховых рынков (на примере Волгоградской области) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 39-48.

THE CURRENT STATE OF REGIONAL INSURANCE MARKETS (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)

Gorshkova N.V., Gorshkov A.A., Daudova P.A.

Volgograd State University, Volgograd

Abstract. The insurance market is a subsystem of the state financial system. The essence of insurance is the creation of special funds, which can then be used when implementing certain threats or risks. The emergence of the insurance market is associated with objective reasons. All human activities are accompanied by risky events, and in these conditions there is a need to ensure the necessary level of protection. Insurance, as an economic phenomenon, not only allows for the mitigation of negative consequences of the external and internal environment of the functioning of economic entities, but also contributes to the redistribution of finances in the national economy, which is characterized by regional differentiation. This article is devoted to the study of the current state of regional insurance markets of the Southern Federal District (SFD) in general, and the Volgograd Region in particular, identifying general trends and development problems.

Keywords: insurance, insurance market, region, indicators of development of regional insurance risks.

For citation: Gorshkova N.V., Gorshkov A.A., Daudova P.A. The current state of regional insurance markets (on the example of Volgograd region) // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 39-48.

Введение. Вопросы функционирования региональных рынков, включая рынок страхования, актуальны на современном этапе эволюции экономических отношений. Это связано сразу с несколькими факторами. Одним из таких факторов выступает наличие серьезной дифференциации регионального развития в Российской Федерации. Общее число регионов достигает 89 ед. (включая и вновь принятые регионы в 2014 и 2022 гг.) [7]. Все они отличаются друг от друга климатическими, экономическими, инфраструктурными и другого рода особенностями. Как результат

это порождает неоднородность состояния социально-экономической сферы в региональном разрезе. Региональные особенности конкретного рынка предопределяют уровень спроса и предложения на страховые продукты. В этом случае задача государства заключается в том, чтобы обеспечить всему населению страны равный доступ ко всем видам продуктов и услуг, включая услуги страхования. Важность проведения анализа развития страховой отрасли конкретного регионального рынка заключается еще и в том, что данное направление экономической деятель-

ности тесно коррелирует с развитием социально-экономической сферы региона [1]. Как следствие развитый страховой рынок региона еще свидетельствует об успешности экономического развития той или иной территории. Все изложенное предполагает важность исследования фактического состояния регионального страхового рынка для разработки на основе полученной информации мероприятий, которые будут способствовать его развитию.

Методика исследования представлена сравнительным анализом динамики ключевых показателей, характеризующих развитие региональных страховых рынков: объемов страховых премий, количества заключенных страхо-

вых договоров, средней суммы одного договора, среднего размера страховой премии в расчете на душу населения, количества урегулированных страховых случаев, сумм страховых выплат; доли страховых выплат в объеме полученных страховых премий в разрезе регионов ЮФО; корреляционным анализом зависимости показателей страхового рынка от социально-экономических показателей региона.

Основная часть. Сравнительный анализ состояния страховых рынков отдельных регионов ЮФО позволяет выявить общие тенденции и проблемы развития. В частности, динамика объемов страховых премий в разрезе региональных рынков ЮФО представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика объемов страховых премий в разрезе региональных рынков ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), млн руб.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (9 мес.)
Южный федеральный округ	61502	66706	71484	71013	91111	117525
Республика Адыгея (Адыгея)	787	888	1000	932	1256	1029
Республика Калмыкия	442	460	471	453	667	521
Республика Крым	2174	2814	3341	4006	5101	3969
Краснодарский край	26938	28105	31087	31224	39779	51412
Астраханская область	4506	5365	5088	4442	5308	5009
Волгоградская область	9696	10776	10472	10492	13037	13611
Ростовская область	16701	18019	19619	18893	24968	41232
город Севастополь	259	278	407	571	995	742

Источник: составлено авторами по данным [8].

Как видно из таблицы 1, наиболее развитыми страховыми рынками ЮФО являются рынки Краснодарского края и Ростовской области. По результатам за 2023 год объем собранных страховых премий составил 39 779 и 24 968 млн руб. соответственно по регионам. При этом доля показателей достигла 43,66 и 27,4% соответственно. Волгоградская область по итогам за 2023 год находится на третьем месте по объему полученных страховых премий, доля же показателя достигла 14,31%.

По итогам 9 мес. 2024 года ситуация принципиально не изменилась: Краснодарский край и Ростовская область на первом и втором месте по показателю – 51 412 млн руб. и 41 232 млн руб. соответственно (43,74 и 35,08% доля от общего объема собранных страховых премий). На территории Волгоградской области «собрано» 13 611 млн руб. страховых премий, что составляет 11,58%. То есть темп роста страхового рынка Волгоград-

ской области в сравнении с темпами изменения страховых рынков регионов ЮФО – лидеров более низкий. Здесь надо подчеркнуть следующее: Краснодарский край и Ростовская область в целом более успешные в экономическом отношении регионы. Так, Ростовская область по уровню жизни занимает 9 место в рейтинге регионов по итогам за 2023 год, Краснодарский край – 4 место, в то время как Волгоградская область только 41 место из 89 [9].

Еще один показатель, характеризующий развитие страховых рынков регионов, – это количество заключенных страховых договоров (таблица 2).

Динамика количества заключенных договоров в целом по ЮФО демонстрирует снижение. Так, если в 2019 году общее число страховых договоров составляло 11 266 тыс. ед., то в 2023 году только 10 937 тыс. ед., при этом минимальное значение показателя пришлось на 2021 год – 8 653 тыс. ед.

Таблица 2

Динамика количества заключенных страховых договоров в разрезе региональных рынков ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), тыс. ед.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (9 мес.)
Абсолютное значение, тыс. ед.						
Южный федеральный округ	11266	9877	8653	9811	10937	8041
Республика Адыгея (Адыгея)	152	143	139	143	160	109
Республика Калмыкия	91	82	81	80	102	66
Республика Крым	974	970	1006	1035	1245	798
Краснодарский край	3930	3503	3292	3611	5282	4062
Астраханская область	703	658	499	418	475	381
Волгоградская область	1628	1436	1205	1024	1171	812
Ростовская область	3697	3002	2294	3164	2283	1669
город Севастополь	91	83	137	336	219	144
Структура, %						
Южный федеральный округ	100	100	100	100	100	100
Республика Адыгея (Адыгея)	1,35	1,44	1,60	1,45	1,46	1,36
Республика Калмыкия	0,80	0,83	0,94	0,82	0,93	0,82
Республика Крым	8,65	9,82	11,63	10,55	11,38	9,93
Краснодарский край	34,89	35,47	38,04	36,81	48,30	50,51
Астраханская область	6,24	6,66	5,77	4,26	4,35	4,74
Волгоградская область	14,45	14,54	13,92	10,44	10,71	10,10
Ростовская область	32,82	30,39	26,51	32,24	20,87	20,76
город Севастополь	0,80	0,84	1,59	3,43	2,00	1,79

Источник: составлено авторами по данным [8].

Динамика количества заключенных договоров по Волгоградской области в целом соответствует рассмотренным изменениям. В частности в 2019 году было заключено 1 628 тыс. ед. договоров, в то время как в 2023 году

– только 1 171 тыс. ед. По результатам за 9 мес. 2024 года значение достигло 812 тыс. ед. Динамика показателя иллюстрируется рисунком 1.

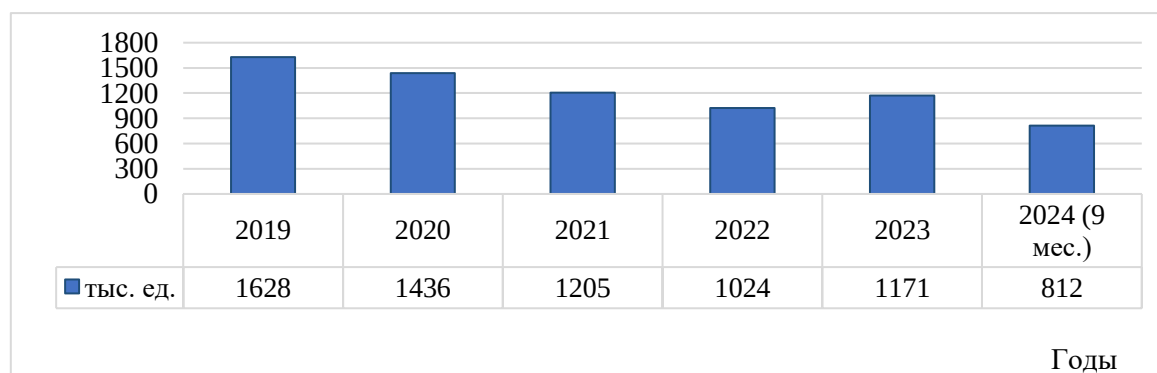

Рисунок 1. Динамика количества заключенных договоров на территории Волгоградской области за 2019 – 2024 гг., тыс. ед.

Источник: составлено авторами по данным [8].

Учитывая увеличение объемов страховых премий, полученных на территории ЮФО, рассмотренные изменения свидетельствуют о росте средней суммы одного договора. В то же время в разрезе отдельных регионов тенденции исследуемого показателя были разноплановыми.

Так, в Республике Адыгея величина заключенных договоров за 2019 – 2023 гг. выросла со 152 до 160 тыс. ед. Рост показателя также наблюдается по таким регионам, как Республика Калмыкия с 91 до 102 тыс. ед., Республика Крым – с 974 до 1 245 тыс. ед.,

Краснодарский край – с 3 930 до 5 282 тыс. ед., г. Севастополь – с 91 до 219 тыс. ед.

Снижение показателя отмечается по Астраханской области – на 228 тыс. ед. договоров за 2019 – 2023 гг., Волгоградской области – на 457 тыс. ед., и значительное сокращение по Ростовской области – на 1 415 тыс. ед.

Все это привело к существенному изменению структуры региональных рынков с позиций их вклада в общий объем заключенных страховых договоров по ЮФО. Лидером рынка по количеству заключенных договоров выступает Краснодарский край, причем доля показателя в динамике только выросла с 34,89 до 50,51%, то есть более половины страхового рынка. На втором месте по величине доли в

общем объеме заключенных страховых договоров Ростовская область, однако здесь значение показателя отражает его снижение с 32,82 до 20,76%. Удельный вес страхового рынка Волгоградской области в общем объеме заключенных страховых договоров также демонстрирует тенденцию к снижению с 14,45 до 10,1%. Укрепил свои позиции страховой рынок Республики Крым. Доля количества заключенных договоров в регионе в их общем количестве по ЮФО выросла с 8,65 до 0,93%.

Важным показателем, отражающим динамику и состояние развития рынка, выступает средняя сумма одного договора (таблица 3).

Таблица 3

Динамика средней суммы одного договора в разрезе региональных рынков ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), руб.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (9 мес.)
Южный федеральный округ	5459	6754	8261	7238	8331	14616
Республика Адыгея (Адыгея)	5183	6228	7203	6528	7870	9435
Республика Калмыкия	4878	5582	5795	5654	6547	7899
Республика Крым	2231	2901	3320	3869	4097	4973
Краснодарский край	6854	8023	9444	8646	7531	12658
Астраханская область	6409	8154	10187	10620	11170	13147
Волгоградская область	5956	7505	8692	10247	11130	16756
Ростовская область	4517	6003	8553	5972	10939	24706
город Севастополь	2855	3337	2965	1699	4544	5156

Источник: составлено авторами по данным [8].

Данный показатель имеет тенденцию к росту и в целом по округу увеличился с 5 459 до 8 331 руб. за период 2019 – 2023 гг. По результатам за 9 мес. 2024 года значение его составило 14 616 руб. Если рассматривать динамику средней суммы страхового договора по

Волгоградской области, то здесь индикатор вырос с 5 956 до 11 130 руб. (16 756 руб. за 9 мес. 2024 года), то есть значение показателя выше, чем в среднем по ЮФО (рисунок 2).

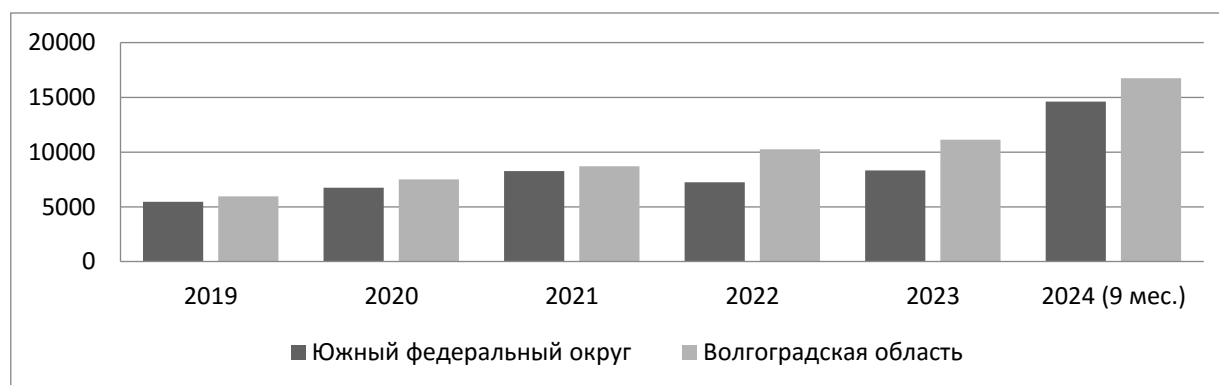

Рисунок 2 – Динамика средней суммы одного страхового договора в целом по ЮФО и по Волгоградской области за 2019 – 2024 гг., руб.

Источник: составлено авторами по данным [8].

Самое большое значение показателя зафиксировано по итогам за 2023 год в Астраханской области – 11 170 руб., а минимальное в Республике Крым – 4 973 руб. Если брать во внимание среднюю сумму одного страхового договора по результатам за 9 мес. 2024 года, то здесь максимальное значение наблюдается по Ростовской области – 24 706 руб. Также высокое значение, помимо рассмотренных ранее регионов, было зафиксировано в Астраханской области – 13 147 руб. и в Краснодарском крае – 12 658 руб.

В целом можно отметить разнородность развития и общего состояния страховых рынков отдельных регионов даже в пределах

одного округа, что проиллюстрировано на примере ЮФО.

Все это подтверждает вывод о серьезной дифференциации развития не только отрасли страхования, но и других секторов экономики регионов, так как страховая деятельность сильно зависит от общего состояния социально-экономической сферы конкретной территории [5]. Особое значение в рамках характеристики состояния и развития отдельных региональных рынков имеют относительные показатели, одним из которых выступает средний размер страховой премии в расчете на душу населения (таблица 4).

Таблица 4

Динамика среднего размера страховой премии в расчете на душу населения в разрезе регионов ЮФО за 2019 – 2023 гг., руб.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023
Южный федеральный округ	3678	3984	4273	4257	5478
Республика Адыгея	1632	1817	2022	1871	2516
Республика Калмыкия	1632	1707	1758	1707	2512
Республика Крым	1123	1454	1730	2082	2666
Краснодарский край	4665	4842	5338	5360	6828
Астраханская область	4573	5506	5281	4656	5596
Волгоградская область	3829	4276	4183	4228	5295
Ростовская область	3948	4267	4666	4521	6004
г. Севастополь	506	528	754	1033	1777

Источник: составлено авторами по данным [8].

На данный показатель оказывает влияние такой фактор, как демография. Там, где наблюдается рост населения, рынок страхования будет увеличиваться, и, напротив – в случае сокращения численности населения страховой рынок также будет сужаться [2]. Рассчитать данный показатель по итогам за 9 мес. 2024 года не представляется возможным, так как отсутствуют данные о численности населения за отчетный период.

Наиболее успешным страховым рынком с позиций данного показателя выступает страховой рынок Краснодарского края. Средний размер страховой премии в расчете на душу населения демонстрирует рост с 4 665 до 6 828 руб. за период 2019 – 2023 гг. Высо-

кие показатели также наблюдаются в Ростовской области – 6 004 руб. в 2023 году, в Астраханской области – 5 596 руб., Волгоградской области – 5 295 руб. Самое низкое значение среднего размера страховых премий в расчете на душу населения зафиксировано в г. Севастополь – 1 777 руб. по итогам за 2023 год (в 2019 году значение показателя составляло 506 руб.). Сравнительно невысокие показатели также были зафиксированы по остальным регионам ЮФО.

Динамика количества урегулированных страховых случаев (осуществлены окончательные страховые выплаты) в ЮФО за 2021-2023 гг. (9 мес. 2024 г.) можно судить по данным таблицы 5.

Таблица 5

Динамика количества урегулированных страховых случаев в разрезе регионов ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), ед.

Наименование показателя	2021	2022	2023	2024 год 9 мес.
Южный федеральный округ	1920420	1827219	1636889	1316044
Республика Адыгея (Адыгея)	6415	5934	6657	4587
Республика Калмыкия	4112	2669	3167	2682
Республика Крым	26791	28267	29705	19313
Краснодарский край	388259	397182	404626	296731
Астраханская область	224226	200923	166142	108770
Волгоградская область	865145	828018	753381	699850
Ростовская область	401011	359614	267147	180016
город Севастополь	4461	4612	6064	4095

Источник: составлено авторами по данным [8].

Здесь надо отметить, что статистика приведена только по результатам, начиная с 2021 года, более ранние статистические данные отсутствуют. Общее количество урегулированных страховых случаев на страховых рынках ЮФО имеет тенденцию к снижению. Так, если в 2021 году число таких случаев достигало 1 920 тыс. ед., то в 2023 году – только 1 637 тыс. ед. За 9 мес. 2024 года значение показателя составило 1 316 тыс. ед. По Волгоградской области сокращение не такое существенное: с 865 до 753 тыс. ед., по результатам за 9 мес. 2024 года показатель достиг почти 700 тыс. ед.

В то же время тенденция к сокращению замечена не по всем регионам ЮФО. Так, по Республике Адыгея наблюдается рост показателя с 6 415 до 6 657 ед. урегулированных

страховых случаев, по Республике Крым с 26 791 до 29 705 ед., а по Краснодарскому краю с 388 тыс. ед. до 407 тыс. ед. Таким образом, динамика показателя самая разнородная. Значительно сократилось количество урегулированных страховых случаев в Ростовской области с 401 до 267 тыс. ед. Частично данный факт связан с мерами, которые принимают правоохранительные органы в отношении случаев мошенничества в страховой сфере. Высокий уровень снижения количества урегулированных страховых случаев также был зафиксирован в Астраханской области – с 224 до 166 тыс. ед.

Проведем теперь данные о динамике размеров страховых выплат в разрезе региональных страховых рынков ЮФО (данные представлены в таблице 6).

Таблица 6

Динамика страховых выплат в разрезе региональных рынков ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), млн руб.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (9 мес.)
Южный федеральный округ	32012	34495	38680	40893	49076	49880
Республика Адыгея	575	567	602	553	606	550
Республика Калмыкия	194	252	341	224	279	325
Республика Крым	873	1188	1275	1680	2038	1653
Краснодарский край	14244	15395	15968	17272	20386	21071
Астраханская область	2285	2296	2710	2929	3268	3946
Волгоградская область	4678	5277	6437	7023	8406	7343
Ростовская область	8946	9318	11105	10899	13633	14613
город Севастополь	217	203	242	312	459	380

Источник: составлено авторами по данным [8].

Темп прироста страховых выплат в целом по ЮФО был выше темпа роста страховых премий за период 2019 – 2023 гг., что свидетельствует о некотором снижении эффективности функционирования страхового рынка. Так, если страховые премии приросли на 48,14%, то страховые выплаты на 52,3%. В абсолютном выражении размер увеличения достиг 17 064 млн руб.

В разрезе отдельных регионов динамика была разновекторной. Наибольшее абсолютное увеличение страховых выплат за пятилетний период было зафиксировано по Краснодарскому краю – на 6 142 млн руб., или на 43,12%. Заметно выросли выплаты по Ростовской и Волгоградской области – на 4 687 и 3 728 млн руб. соответственно. В то же время по Республике Адыгея размер увеличения незначительный – 30 млн руб., что за период 2019 – 2023 гг. составляет 5,28%. Высокий темп роста страховых выплат наблюдается по г. Севастополь – в 2,11 раза, по Республике Калмыкия темп роста составил на 44%, а по Республике Крым – в 2,33 раза. Данные анализа свидетельствуют о неоднородности развития страховых рынков в региональном разрезе.

Оценим эффективность функционирования страховых рынков регионов ЮФО, рассчитав соотношение страховых выплат и страховых премий (таблица 7).

Таблица 7

Динамика доли страховых выплат в объеме полученных страховых премий
в разрезе региональных рынков ЮФО за 2019 – 2023 гг., 2024 г. (9 мес.), %

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (9 мес.)
Южный федеральный округ	52,05	51,71	54,11	57,59	53,86	42,44
Республика Адыгея (Адыгея)	73,09	63,85	60,16	59,34	48,21	53,48
Республика Калмыкия	43,86	54,71	72,37	49,55	41,90	62,34
Республика Крым	40,15	42,22	38,15	41,95	39,96	41,64
Краснодарский край	52,88	54,78	51,37	55,32	51,25	40,98
Астраханская область	50,70	42,80	53,27	65,94	61,58	78,77
Волгоградская область	48,25	48,97	61,47	66,94	64,48	53,95
Ростовская область	53,56	51,71	56,61	57,69	54,60	35,44
город Севастополь	83,94	72,89	59,53	54,56	46,12	51,20

Источник: составлено авторами по данным [8].

Доля страховых выплат в объеме полученных страховых премий выросла с 52,05 до 53,86% за пятилетний период в целом по ЮФО. По результатам за 9 мес. 2024 года значение показателя достигло 42,44%. Позитивные тенденции к снижению показателя за период 2019 – 2023 гг. наблюдаются по следующим регионам: Республика Адыгея – с 73,09 до 48,21%, Республика Калмыкия – с 43,86 до 41,9%, г. Севастополь – с 83,94 до 46,12%. По отдельным регионам динамика показателя незначительная. Так, стабильное значение показателя наблюдается по Краснодарскому краю – 51,25% в 2023 году; по Ростовской области – 54,6%. В то же время показатель значительно увеличился в Астраханской области – с 50,7 до 61,58% за период 2019 – 2023 гг. и в Волгоградской области – с 48,25 до 64,48%.

Состояние и тенденции развития региональных страховых рынков ЮФО сильно дифференцированы. Это объясняется дифференциацией экономических региональных систем в целом. Страховой рынок в значительной степени зависит от уровня благосостояния региона, индикаторами которого могут выступить такие показатели, как среднемесячная заработная плата, доходная часть консолидированного бюджета субъекта федерации, объем инвестиций в регионе, объем валовой продукции по отдельным отраслям [2].

Рассмотрим зависимость развития страховой отрасли от уровня оплаты труда в регионах ЮФО. Данные о среднемесячной заработной плате представлены в таблице 8.

Таблица 8

Динамика среднемесячной заработной платы по ЮФО за 2019 – 2024 гг., руб.

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024
	декабрь	декабрь	декабрь	декабрь	декабрь	октябрь
Российская Федерация	62239	69278	77994	88468	103815	86582
Южный федеральный округ	43590	47870	51656	60558	69421	62672
Республика Адыгея	37113	39570	48140	52421	59759	56914
Республика Калмыкия	38096	40839	44958	47486	56520	48249
Республика Крым	42505	41840	50366	54370	64526	55194
Краснодарский край	44733	50686	52537	64391	75436	67795
Астраханская область	48355	51306	57008	66338	72547	59981
Волгоградская область	41197	46446	49901	59041	67857	60113
Ростовская область	42989	47582	51285	59077	65494	62362
г. Севастополь	50372	48712	53315	59470	66893	59260

Источник: составлено авторами по данным [10].

Характеризуя статистические показатели, можно отметить, что минимальный уровень оплаты труда приходится на начало отчетного периода – на январь, а максимальный – на декабрь, именно поэтому оплата труда в октябре 2024 года несколько уступает уровню декабря 2023 года. При этом статистические данные по среднегодовой заработной плате в разрезе регионов отсутствуют.

Если рассматривать зависимость заработной платы и полученных страховых премий, то можно отметить, что здесь Волгоградская область также находится на третьем месте после Краснодарского края и Ростовской области, а в отдельные периоды уступает еще и Астраханской области. Так, например, по результатам за октябрь 2024 года среднемесячная оплата труда в Краснодарском крае составила 67 795 руб., в Ростовской области – 62 362 руб. и в Волгоградской области – 60 113 руб. Проследить зависимость между отдельными статистическими показателями

можно, используя математический аппарат, в частности такой инструмент, как корреляция.

Корреляция показывает, насколько тесной является взаимосвязь между отдельными показателями. Так, если значение коэффициента корреляции больше, чем 0,7, то зависимость характеризуется как тесная, от 0,4 до 0,7 – зависимость есть, но несущественная, менее 0,4 – зависимость отсутствует. В том случае, если один показатель растет, а другой имеет тенденцию к снижению, то коэффициент корреляции будет иметь отрицательное значение. Зависимость показателя может быть прямой, а может быть опосредованной, когда оба показателя формируются под влиянием одной и той же переменной.

Рассчитаем степень зависимости объема собранных страховых премий и уровня среднемесячной заработной платы при помощи коэффициента корреляции. За основу возьмем данные по ЮФО, Волгоградской области, Краснодарского края и Ростовской области (таблица 9).

Таблица 9

Расчет корреляционной зависимости уровня среднемесячной заработной платы и собранных страховых премий за 2019 – 2023 гг. по ЮФО, руб. (млн руб.)

Период	Волгоградская область		Южный федеральный округ		Краснодарский край		Ростовская область	
	I	II	I	II	I	II	I	II
2019	41197	9696	43590	61502	44733	26938	42989	16701
2020	46446	10776	47870	66706	50686	28105	47582	18019
2021	49901	10472	51656	71484	52537	31087	51285	19619
2022	59041	13037	60558	71013	64391	31224	59077	18893
2023	67857	13611	69421	91111	75436	39779	65494	24968
Коэффициент корреляции	0,966		0,923		0,932		0,877	

Источник: рассчитано авторами.

В первой колонке отражены данные по оплате труда (руб.), вторая колонка – это объем собранных страховых премий на территории региона (млн руб.).

Наиболее тесная связь между заработной платой и объемом собранных страховых премий именно по Волгоградской области. Здесь коэффициент корреляции составил 0,966, то есть заметно больше чем 0,7. В целом по ЮФО коэффициент достиг 0,923, по Краснодарскому краю – 0,932 и по Ростовской области –

0,877. На основании рассчитанных данных можно сделать вывод о том, что состояние социально-экономической сферы региона влияет на развитие страховой сферы, т.к. уровень среднемесячной заработной платы – это один из индикаторов благополучия развития региона.

Для более полного обоснования сделанных выводов рассчитаем коэффициенты корреляции и по другим основаниям. Данные расчетов представлены в таблице 10.

Таблица 10

Расчет корреляционной зависимости отдельных показателей состояния экономической сферы Волгоградской области и объема собранных страховых премий за 2019 – 2023 гг., млн руб. (млрд руб.)

Дата	Объем собранных страховых премий, млн руб.	Доходы консолидированного бюджета области, млн руб.	Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	Объем отгруженной сельскохозяйственной продукции, млрд руб.
2019	9696	131317	186,3	149,1
2020	10776	152468	182,9	179
2021	10472	165085	186,1	220,8
2022	13037	181020	219,9	247,3
2023	13611	198239	291,4	233
Коэффициент корреляции	x	0,94	0,87	0,82

Источник: рассчитано авторами.

Как видно из таблицы 10, сделанные выводы оказались верными, темп роста объемов собранных страховых премий по региону очень тесно коррелирует с темпом роста доходов консолидированного бюджета области, в частности коэффициент корреляции достиг 0,94. Тесная взаимосвязь также зафиксирована с такими показателями, как объем инвестиций в основной капитал – 0,87, объем отгруженной сельскохозяйственной продукции – 0,82. Таким образом, страховая отрасль отдельно взятого региона демонстрирует рост эффективности только в ситуации, когда развивается вся экономика [4].

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- в целом страховой рынок Волгоградской области характеризуется как отдельными позитивными явлениями и тенденциями, так и некоторыми отрицательными факторами. Например, за исследуемый пятилетний период заметно выросла величина среднего размера страховой премии в расчете на душу населения, при этом регион ближе по своим показателям к наиболее емким и эффективным страховым рынкам Краснодарского края и Ростовской об-

ласти. В то же время снизилось количество заключенных страховых договоров на рынке региона;

- наиболее стабильными и успешными являются страховые рынки Краснодарского края и Ростовской области, минимальная емкость рынка была зафиксирована по Республике Адыгея и Республике Калмыкия. Высокий темп развития страхового рынка наблюдается в Республике Крым и г. Севастополь;

- в отличие от многих регионов ЮФО, в Волгоградской области был зафиксирован заметный рост доли страховых выплат в общем объеме полученных страховых премий за последние пять лет. Высокое значение показателя также наблюдалось и по итогам за 9 мес. 2024 года. Данный факт отражает снижение эффективности функционирования страховой отрасли на территории региона;

- наблюдается тесная корреляционная зависимость показателей страхового рынка от показателей социально-экономического развития региона. Следовательно, часть проблем развития страховой отрасли будет решена в том случае, если будет наблюдаться поступательное развитие всей социально-экономической сферы Волгоградской области.

Список источников

1. Афанасьева Татьяна Александровна. Региональные аспекты развития страхового рынка России: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 – Москва, 2006 – 182 с. РГБ ОД, 61:06-8/1982
2. Маргарян, А.Г. Факторы, влияющие на развитие страхового рынка в регионах России / А.Г. Маргарян, Н.В. Маргарян, А.Э. Надарян // Управленческий учет. 2021. № 12-1. – С. 160-167.
3. Обухова А.С., Кастаньо Абе Х.Л. Экономическая сущность страхования и его роль в экономике // Научные исследования. Механизмы, инновации, проблемы и их решения. Сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2023. – М., СПб.: Юго-западный государственный университет, 2023. – С. 63-65.
4. Прокопьева, Е.Л. Исследование факторов развития региональных страховых рынков с применением корреляционно-регрессионного анализа / Е.Л. Прокопьева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2023. Т. 16. № 2 (364). – С. 186-204.
5. Прокопьева, Е.Л. Направления развития регионального страхового рынка с учетом экономических особенностей региона / Е.Л. Прокопьева // Страховое дело. 2021. № 10(343). – С. 41-52.
6. Старостин Д.П. Функции и роль страхового рынка в экономике // Научно-исследовательский центр «Вектор развития». 2022. № 10. – С. 799-804.
7. Справочная информация по регионам России // Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Статистика национального рынка страхования // Официальный сайт Банка России URL: https://cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (дата обращения: 14.05.2025).
9. Рейтинг российских регионов по качеству жизни в 2023 году // РИА Новости URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (дата обращения: 12.05.2025).
10. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2025).

References

1. Afanasyeva Tatyana Aleksandrovna. Regional aspects of development of insurance market of Russia: Dis. ... Cand. of sciences in Economics: 08.00.10 – Moscow, 2006 – 182 p. RGB OD, 61:06-8/1982
2. Margaryan, A.G. Factors influencing development of the insurance market in the regions of Russia / A.G. Margaryan, N.V. Margaryan, A.E. Nadaryan // Management accounting. 2021. № 12-1. – pp. 160-167.
3. Obukhova A.S., Castaño Abe J.L. The economic essence of insurance and its role in the economy // Scientific research. Mechanisms, innovations, problems and their solutions. Collection of articles from the international scientific conference. St. Petersburg, 2023. – M., St. Petersburg: South-West State University, 2023. – P. 63-65.
4. Prokopyeva, E.L. Study of development factors of regional insurance markets using correlation and regression analysis / E.L. Prokopyeva // Financial analytics: problems and solutions. 2023. Vol. 16. №2 (364). – P. 186-204.
5. Prokopyeva, E.L. Development directions of the regional insurance market taking into account the economic characteristics of the region / E.L. Prokopyeva // Insurance business. 2021. № 10 (343). – P. 41-52.
6. Starostin D.P. Functions and role of the insurance market in the economy // Research Center "Vector of Development". 2022. № 10. – P. 799-804.
7. Reference information on the regions of Russia // Official website of the President of the Russian Federation URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions> (date of access: 05/15/2025).
8. Statistics of the national insurance market // Official website of the Bank of Russia URL: https://cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (date of access: 14.05.2025).
9. Rating of Russian regions by quality of life in 2023 // RIA Novosti URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (date of access: 12.05.2025).
10. Federal State Statistics Service URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 12.05.2025).

Информация об авторах / Information about the Authors

Горшкова Н.В., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, учета и экономической безопасности ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, e-mail: gorshkovanv@volsu.ru

Gorshkova N.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Economic Security, Volgograd State University, Volgograd

Горшков А.А., экономист ООО «Гелио-Пакс Агро 6», г. Волгоград, e-mail: arseney849@gmail.com
Gorshkov A.A., economist, Helio-Pax Agro 6 LLC, Volgograd

Даудова П.А., кредитно-страховой специалист
ООО «ЭМ Запад», г. Волгоград, e-mail: daudova0805@gmail.com
Daudova P.A., credit and insurance specialist, EM Zapad LLC, Volgograd

УДК 336.3/336.761.3

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-49-56

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕАЛЬНОЙ ДОХОДНОСТИ ВЛОЖЕНИЙ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЛИГАЦИИ

Демильханова Б.А.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. В статье на основе использования методов группировки, структурного и сравнительного анализа, финансовых вычислений, по данным Московской биржи и Банка России, осуществлена сравнительная оценка степени риска вложений физических лиц в среднесрочные государственные облигации, с точки зрения сохранения их покупательной способности в условиях равных возможностей заключения сделок с ними на первичном и/или вторичном рынках. Расчеты годовой реальной доходности облигаций с учетом реинвестирования купонных выплат показывают, что более выгодные условия инвестирования имеют государственные облигации первичного размещения со сроком обращения от 3,02 до 3,05 года. Облигации со сроком обращения от 4 лет и выше неэффективны, реальная доходность по ним отрицательная, риск потери покупательной способности капитала, вложенного в них, выше, чем по другим облигациям. Выводы, полученные в статье, основаны на допущении того, что приобретаемые инвестором на первичном и вторичном рынках облигации удерживаются на руках до окончания срока их погашения и купонные выплаты по ним реинвестируются.

Ключевые слова: доходность государственной облигации, реинвестирование, первичный рынок, вторичные торги, инфляция, оценка.

Для цитирования: Демильханова Б.А. Сравнительная оценка реальной доходности вложений физических лиц в среднесрочные государственные облигации // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 49-56.

COMPARATIVE ASSESSMENT OF REAL RETURN ON INDIVIDUALS' INVESTMENTS IN MEDIUM-TERM GOVERNMENT BONDS

Demilkhanova B.A.

Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. Based on the use of grouping methods, structural and comparative analysis, and financial calculations based on data from the Moscow Stock Exchange and the Bank of Russia, the article provides a comparative assessment of the degree of risk of individuals' investments in medium-term government bonds from the point of view of preserving their purchasing power in conditions of equal opportunities to conclude transactions with them in the primary and/or secondary markets. Calculations of the annual real yield of bonds, taking into account the reinvestment of coupon payments, show that primary placement government bonds with a maturity of 3.02 to 3.05 years have more favorable investment conditions. Bonds with a maturity of 4 years or more are ineffective, the real yield on them is negative, and the risk of losing the purchasing power of the capital invested in them is higher than on other bonds. The conclusions obtained in the article are based on the assumption that the bonds purchased by the investor in the primary and secondary markets are held in hand until the end of their maturity and coupon payments on them are reinvested.

Keywords: government bond yield, reinvestment, primary market, secondary trading, inflation, valuation.

For citation: Demilkhanova B.A. Comparative assessment of real return on individuals' investments in medium-term government bonds // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 49-56.

Введение. Рост активности частного инвестора на российском финансовом рынке во многом определен не только целенаправленной политикой Банка России по созданию благоприятных условий для этого, но и расширением линейки финансовых инструментов, предлагаемых государством и удовлетворяющих предпочтениям инвесторов вкладывать средства в кратко- и среднесрочные цен-

ные бумаги, выпущенные надежными эмитентами (заемщиками), не имеющим кредитного риска, а значит, «...гарантирующих выполнение обязательств...» [17]. Несмотря на проявления кризисных явлений в экономике: рост процентных ставок, инфляцию – государственные ценные бумаги, облигации, остаются средством привлечения инвестиций в экономику [9], им удается конкурировать с депозитами [5, 6], они используются в качестве

«залогового обеспечения при заимствовании корпорациями кредитных ресурсов» [10]. Государство рассматривает их как незаменимый инструмент покрытия дефицита бюджета, дающего возможность привлечения сбережений населения, в том числе в периоды нестабильности и неопределенности. На 1 января 2025 г. рынок рублевых облигаций составил около 53,3 трлн руб. [2].

Иными словами, рынок государственных облигаций (ОФЗ) – сегмент финансового рынка, быть участниками которого заинтересованы все субъекты экономики, каждый из них преследует свои инвестиционные цели, вкладывая средства одновременно и в другие сегменты рынка. Так, крупные банки и финансовые компании, являясь участниками денежного рынка и рынка ОФЗ, способствуют «...сближению ставок межбанковского кредитования и доходности облигаций...» [7].

Физические лица, прежде всего, ставят цели сохранения и приумножения свободных

денежных средств за счет диверсификации инвестиционных портфелей, формируя их российскими акциями, ОФЗ и биржевыми ПИФ [3], [16], достигая оптимального соотношения между риском и доходностью вложений [15]. При этом государственные ценные бумаги, относящиеся традиционно к «безрисковым» вложениям, рассматриваются и как инструменты, по рыночным параметрам которых «...формируется точка отсчета измерения уровня риска по другим категориям финансовых инструментов ...» [18], и как инструменты доходных инвестиций.

Так, за 2024 г. физические лица вложили в облигации порядка 922,0 млрд руб., что на 12,3% превышает значение показателя за 2023 год и на 154,7% – за 2021 год. Темпы роста вложений физических лиц в облигации за рассматриваемый период опережают темпы роста общей суммы активов физических лиц – клиентов брокеров-КО и брокеров-НФО: 254,8% против 219,8% (рис 1).

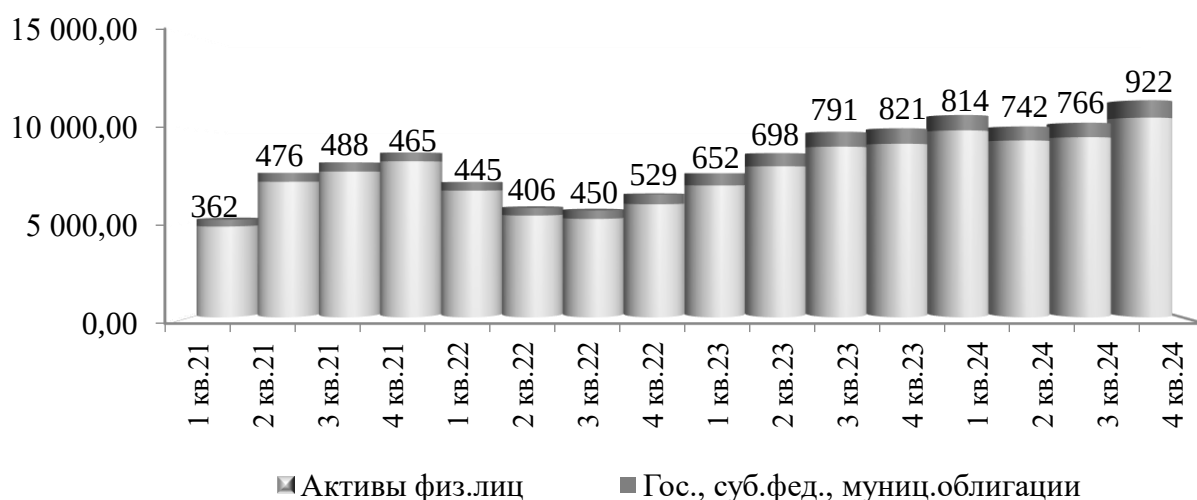

Рисунок 1. Динамика общего объема активов физических лиц и активов в виде государственных, субфедеральных и муниципальных облигаций, млрд руб.

Примечание: составлен на основе: Динамические ряды основных показателей деятельности брокеров; Статистические данные к обзору ключевых показателей брокеров [Electronicresource]. URL: https://www.cbr.ru/securities_market/statistic/

В структуре активов физических лиц на брокерских счетах доля вложений в государственные облигации выросла с 7,5 в 1 кв. 2021 года до 8,7% в 4 кв. 2024 года. Объем сделок физических лиц на вторичных торгах в 2024 году составил 8,025 трлн руб. [2], что

привело к росту доли объема сделок физических лиц с облигациями на вторичных торгах до 34,0% (30% в 2023 году).

Методика. Учитывая, что ОФЗ относятся к «безрисковым» ценным бумагам, с точки зрения гарантирования возврата по ним средств и получения дохода, ставится задача

сравнительной оценки степени риска вложений физических лиц в среднесрочные государственные облигации, с точки зрения сохранения их покупательной способности в условиях равных возможностей осуществления сделок с ними на первичном и/или вторичном рынках. Для этого отобраны облигации надежных заемщиков, которые могут быть приобретены частными инвесторами путем открытой подписки или на биржевом рынке через брокерские счета. Это облигации, выпущенные Министерствами финансов России, Республики Беларусь и Казахстана и размещенные на первичном российском рынке, а также ОФЗ, размещенные на вторичном

рынке, схожие по сроку обращения с первыми. Решение поставленной задачи основано на допущении того, что приобретаемые инвестором на первичном и вторичном рынках облигации удерживаются на руках до окончания срока их погашения, и купонные выплаты по ним реинвестируются, а также основано на использовании методов группировки, структурного и сравнительного анализа, финансовых вычислений по данным Московской биржи, Банка России и онлайн-калькуляторов.

Основная часть. Характеристики облигаций, выпущенных Министерствами финансов России, Республики Беларусь и Казахстана и размещенные на первичном российском рынке, отражены в таблице 1.

Таблица 1

Параметры государственных облигаций России, Республики Беларусь и Казахстана и размещенные на первичном российском рынке среди физических лиц.

ные на первичном российском рынке среди физических лиц.				
	RU000A101RP4	RU000A100D89	53006RMFS	53009RMFS
Тип	Государственная облигация		ОФЗ для физических лиц (ОФЗ-н)	
Эмитент	Минфин Республики Казахстан	Минфин Республики Беларусь	Минфин РФ	
Период обращения	23.09.2020 20.09.2023	07.05.2020 01.05.2025	16.07.2020 02.08.2023	07.02.2022 12.02.2025
Срок обращения дн./лет	1092/2,99	1820/4,99	1112/3,05	1101/3,02
Номинал/ Цена размещения	1000/1000			
Агент по размещению	«ФК Открытие»	АО «Газпром-банк»	Банк ВТБ (ПАО), ПАО Сбербанк, ПАО «Промсвязьбанк» и др.	
Биржа	ПАО Московская Биржа			
Форма выпуска	Документарная форма: Глобальный сертификат с обаятельным централизованным хранением в НКО АО «Национальный расчетный депозитарий»			
Досрочное погашение	Право выкупа			

Примечание: составлена на основе [11 – 14].

Объем эмиссии и периоды первичного размещения облигаций составили:

1) объем эмиссии облигаций RU000A101RP4 – 20 млрд руб., размещение осуществилось в один день: 23 сентября 2020 года;

2) объем эмиссии облигаций RU000A100D89 – 10 млрд руб., размещение осуществилось в один день: 7 мая 2020 года;

3) объем эмиссии облигаций 53006RMFS – 15 млрд руб.; размещение осуществилось в период: с 21 по 25 сентября 2020 года;

4) объем эмиссии облигаций 53009RMFS – 15 млрд руб.; размещение осуществилось в период: 7 февраля по 5 августа 2022 года.

Выявление размера компенсации процентной ставкой дохода по облигациям ин-

фляции предполагает расчет годовых доходностей к погашению с учетом и без учета реинвестирования купонных платежей. В основе полученных и отраженных в таблицах 2 и 3 различных видов доходности облигаций при их первичном размещении лежат формализованные расчеты, описанные в работе [1]. Из числа рассматриваемых облигаций облигация RU000A100D89 (Беларусь) имеет срок обращения около 5 лет (1820 дн.), остальные – 3 года (1092 дн., 1112 дн., 1101 дн.). По облигации RU000A100D89 (Беларусь) и

RU000A101RP4 (Казахстан) начислялись платежи по постоянным купонам, в размере 4,5% и 8,5% годовых, соответственно; по двум видам ОФЗ-н – ставка купона постепенно повышалась и составляла в конце периода обращения: 5,73% и 11,66% годовых. Расчеты уровней доходности показывают, что более выгодные условия инвестирования предлагались по облигации 53009RMFS: годовая эффективная доходность с учетом реинвестирования при условии удержания облигации до даты погашения (YTM) составила 12,1%.

Таблица 2

Расчет годовой доходности облигаций к погашению сроком 3 года
с учетом реинвестирования купонных выплат и первичного размещения.

Купоны	RU000A101RP4 <i>Казахстан</i>		53006RMFS <i>Россия</i>		53009RMFS <i>Россия</i>	
	Сумма, руб.	% год	Сумма, руб.	% год	Сумма, руб.	% год
Первый	26,93	5,4	22,69	4,1	41,86	8,0
Второй	26,93		21,94	4,4	42,38	8,5
Третий	26,93		23,44	4,7	44,88	9,0
Четвертый	26,93		24,93	5	49,86	10,0
Пятый	26,93		26,43	5,3	54,85	11,0
Шестой	26,93		28,57	5,73	58,14	11,66
Сумма купонов всего на одну облигацию без реинвестирования	161,58	-	148,00	-	291,97	-
Сумма купонов всего на одну облигацию с учетом реинвестирования	172,84	-	157,41	-	389,42	-
Годовая доходность к погашению	-	5,4	-	4,9	-	9,1
Годовая эффективная доходность с учетом реинвестирования при условии удержания облигации до даты погашения (YTM)	-	5,8	-	5,2	-	12,1

Примечание: расчеты автора на основе [8].

Таблица 3

Расчет годовой доходности облигаций к погашению сроком 5 лет с учетом
реинвестирования купонных выплат и первичного размещения.

RU000A100D89 <i>Беларусь</i>		
Купоны	Сумма, руб.	% годовых
Первый	42,38	8,5
...	42,38	
Десятый	42,38	
Сумма купонов всего на одну облигацию без реинвестирования	423,8	-
Сумма купонов всего на одну облигацию с учетом реинвестирования	514,52	-
Годовая доходность к погашению	-	8,5
Годовая эффективная доходность с учетом реинвестирования при условии удержания облигации до даты погашения (YTM)	-	10,3

Примечание: расчеты автора на основе [8].

На вторичном рынке инвестор мог приобрести ОФЗ со среднесрочными сроками погашения, соответствующими или близкими к сроку погашения облигаций первичного рынка. Кривая бескупонной доходности Московской биржи позволяет выделить инструменты, которые обращаются на рынке и являются, в свою очередь, составляющими для ее построения. В качестве альтернативного варианта для вложения средств можно рассматривать:

– для облигаций RU000A101RP4 и 53006RMFS – ОФЗ-ПД 26215 с оставшимся сроком погашения 2,90 года и 3,08 года, в зависимости от момента вложения средств в нее: 23.09.2020 или 16.07.2020;

– для облигации 53009RMFS – ОФЗ-ПД 26215 с оставшимся сроком погашения 3,44 года на момент покупки ее 07.02.2022;

– для облигации RU000A100D89 – ОФЗ-ПД 26222 с оставшимся сроком погашения 4,45 года на момент покупки ее 07.05.2020.

На основе данных графика выплат купонов по облигациям вторичного рынка, итогов торгов на соответствующие даты и калькулятора расчета доходности ОФЗ Московской биржи определены уровни их годовой доходности к погашению с учетом и без учета реинвестирования купонных выплат (табл. 4).

Таблица 4

Расчет годовой доходности облигаций к погашению сроком 3 – 5 лет с учетом реинвестирования купонных выплат и размещения на вторичном рынке.

	ОФЗ-ПД 26215	ОФЗ-ПД 26215	ОФЗ-ПД 26222	ОФЗ-ПД 26234
Период обращения	04.09.2013 16.08.2023		03.05.2017 16.10.2024	03.06.2020 16.07.2025
Дата покупки	23.09.2020	16.07.2020	07.05.2020	07.02.2022
Срок до погашения, лет	2,90	3,08	4,45	3,44
Годовая доходность к погашению	4,6	4,3	5,3	9,5
Годовая эффективная доходность с учетом реинвестирования при условии удержания облигации до даты погашения (YTM)	4,8	4,6	5,6	9,9

Примечание: расчеты на основе [8].

Заключение. Расчеты уровней доходности показывают, что на вторичном рынке более выгодные условия инвестирования предлагались по облигации ОФЗ-ПД 26234: годовая эффективная доходность с учетом реинвестирования при условии удержания облигации до даты погашения (YTM) составила 9,9%.

Доходность облигации в условиях инфляции снижается под ее воздействием, так как вложенный в облигации капитал теряет свою покупательную способность. Если облигация приобретается на первичном рынке и удерживается до погашения, то получаемые

по ней доходы должны не только компенсировать рост цен на товары и услуги, но и обеспечивать приумножение капитала, вложенного в нее. Доходность облигации, приобретаемой на вторичном рынке, зависит от ее рыночной цены, срока, оставшегося до погашения, и уровня процентного дохода. Ориентиром для вложений может служить кривая бескупонной доходности Банка России или Московской биржи, отражающая минимальную доходность по облигациям с нулевым кредитным риском.

На рисунке 2 отчетливо видно, что скачок в темпах инфляции приводит к резкому снижению реальной доходности облигаций.

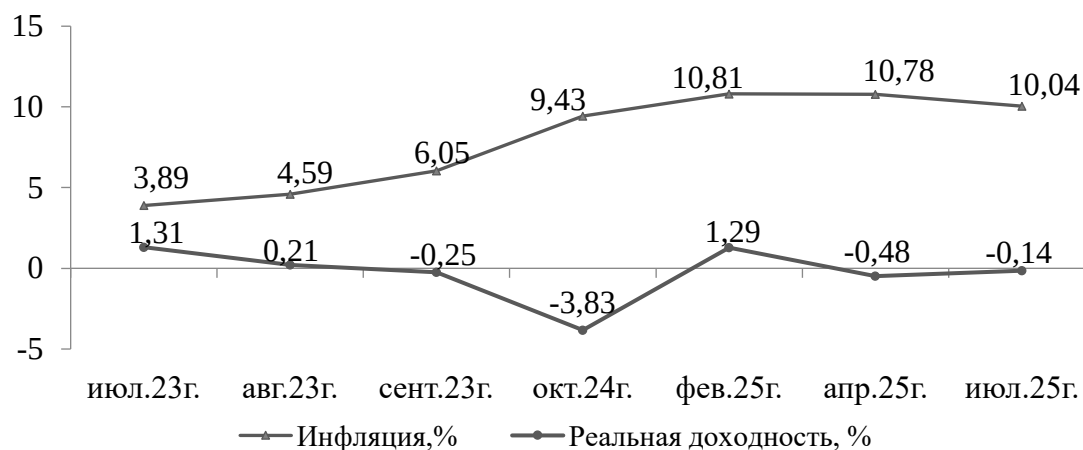

Рисунок 2. Динамика инфляции и годовой реальной доходности государственных облигаций первичного и вторичного рынков.

Примечание: составлен на основе результатов исследования.

Оценка уровней реальной доходности по сопоставимым облигациям первичного и вторичного рынков с учетом инфляции отражена в таблице 5 и показывает следующее:

– реальная доходность облигации RU000A101RP4 отрицательная, означающая потерю части капитала, вложенного в нее. Инвестор потенциально мог приобрести на первичном рынке облигацию 53006RMFS со сроком обращения 3,05 года, реальная доходность по ней составила 1,31%. Облигация вторичного рынка ОФЗ-ПД 26215 принесла 0,21% доходности. Отсюда следует, что из этих облигаций, имеющих схожие сроки обращения, сравнительно лучший показатель реальной доходности имела облигация 53006RMFS – ОФЗ-н для физических лиц;

– облигация вторичного рынка ОФЗ-ПД 26234 также имеет отрицательную реальную доходность (-0,14%), приобретение облигации 53009RMFS ОФЗ-н для физических лиц и удержание ее до срока погашения более предпочтительно, так как она в итоге обеспечивает компенсацию потерь капитала под влиянием инфляции;

– уровень реальной доходности облигации вторичного рынка ОФЗ-ПД 26222 самый низкий и отрицательный (-3,83%). При этом выбор в сторону приобретения облигации первичного рынка RU000A100D89 также неэффективен.

Таблица 5

Уровни реальной доходности по сопоставимым облигациям первичного и вторичного рынков с учетом инфляции.

	Сопоставимые облигации по срокам погашения (2,99, 2,9 и 3,05 года)			Сопоставимые облигации по срокам погашения (3,02 и 3,44 года)		Сопоставимые облигации по срокам погашения (4,99 и 4,45 года)	
	RU000A101RP4	53006RMFS	ОФЗ-ПД 26215	53009RMFS	ОФЗ-ПД 26234	RU000A100D89	ОФЗ-ПД 26222
Период расчета инфляции	сент.22г. сент.23г.	июл.22г. июл.23г.	авг.22г. авг.23г.	фев.24г. фев.25г.	июл.24г. июл.25г.	апр.24г. апр.25г.	окт.23г. окт.24г.
Значение уровня инфляции, %	6,05	3,89	4,59	10,81	10,04	10,78	9,43
Реальная доходность облигации, %	(-0,25)	1,31	0,21	1,29	(-0,14)	(-0,48)	(-3,83)

Примечание: расчеты на основе [4].

Выводы. Таким образом, сравнительная оценка степени риска вложений физических лиц в среднесрочные государственные облигации, с точки зрения сохранения их покупательной способности, в условиях равных возможностей осуществления сделок с ними на первичном и/или вторичном рынках показывает следующее:

1) отсутствие кредитного риска не защищает инвестора от риска потери капитала, связанного со снижением его покупательной способности из-за инфляции;

2) более выгодные условия инвестирования из рассмотренных государственных облигаций имеют облигации со сроком обращения от 3,02 до 3,05 года: 53006RMFS и 53009RMFS. Они имели низкую реальную доходность, но она положительная, и обеспечили компенсацию инфляции;

3) облигации со сроком обращения от 4 лет и выше неэффективны, реальная доходность по ним отрицательная, риск потери покупательной способности капитала, вложенного в них, выше, чем по другим облигациям. К ним относятся облигации: RU000A100D89 и ОФЗ-ПД 26222.

Список источников

1. Демильханова Б.А. Доходность облигаций федерального займа для физических лиц: виды и подходы к расчету. В сборнике: Итоговая научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава. – Грозный, 2022. – С. 301-310.
2. Долговой рынок. Специальный обзор. «ООО Брокерская компания «Регион»» [Electronicresource]. URL: https://www.region.ru/upload/iblock/050/Rynok_obligatsii_2024.pdf.
3. Ермилов В.Г. Как увеличить реальные доходы групп населения с низкими зарплатами // Банковское дело. 2024. №5. – С. 70-76.
4. Инфляция в России [Electronic resource]. URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/>.
5. Лессард К., Трегуб А. В. Сравнительный анализ доходностей облигаций и банковских депозитов в США и России. Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-1. – С. 158-163.
6. Николаева А.А., Кох И. А. Инвестирование в облигации как альтернатива банковским депозитам. Тенденции развития науки и образования. 2020. № 66-3. – С. 181-186.
7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов [Electronicresource]. URL: [https://www.cbr.ru/content/document/file/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://www.cbr.ru/content/document/file/164702/on_2025(2026-2027).pdf).
8. Официальный сайт Московской биржи [Electronicresource]. URL: <https://www.moex.com/>.
9. Полякова Т.Н. Российский рынок биржевых облигаций: анализ размещения. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 5. – С.97-118.
10. Панфилова О.В. Концептуальный механизм финансового стимулирования инновационного развития // Банковское дело. 2023. №11. – С. 54-59.
11. Приказ Минфина России от 13.07.2020 № 300 «Об эмиссии облигаций федерального займа для физических лиц выпуска № 53006RMFS» [Electronicresource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=130797-prikaz_minfina_rossii_ot_13.07.2020__300_ob_emissii_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_vypuska__53006rmfs.
12. Параметры облигаций федерального займа для физических лиц (ОФЗ-н) выпуска № 53006RMFS [Electronicresource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=130822-parametry_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_ofz-n_vypuska__53006rmfs.
13. Параметры облигаций федерального займа для физических лиц (ОФЗ-н) выпуска № 53009RMFS [Electronicresource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=135530-parametry_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_ofz-n_vypuska__53009rmfs.
14. Приказ Минфина России от 03.02.2022 № 42 «Об эмиссии облигаций федерального займа для физических лиц выпуска № 53009RMFS» [Electronicresource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=135463-prikaz_minfina_rossii_ot_03.02.2022__42_ob_emissii_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_vypuska__53009rmfs.
15. Редькин Н.М. Оптимизация инвестиционного портфеля на российском фондовом рынке в контексте поведенческой теории // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. – С. 99-116.
16. Смирнов В.В. Потенциал рынка ценных бумаг в России // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 10. – С. 2354 - 2370.
17. Тесленко И.Б., Маслакова Д.О. Финансовые инструменты как основа развития финансовой грамотности: сущность, виды, классификация // Финансы и кредит. 2024. Т. 30, № 3. – С. 603-619.

18. Чаленко Д.Д. Анализ современного состояния рынка производных финансовых инструментов: проблемы и тенденции развития // Финансовые рынки и банки. 2021. № 4. – С. 104-107.

References

1. Demilkhanova B.A. Yield of federal loan bonds for individuals: types and approaches to settlement. In the collection: Final scientific and practical conference of the teaching staff. – Grozny, 2022. – pp. 301-310.
2. Debt market Special review. "Region Brokerage Company LLC" [Electronic resource]. URL: https://www.region.ru/upload/iblock/050/Rynok_obligatsii_2024.pdf.
3. Ermilov V.G. How to increase the real incomes of groups of population with low wages//Banking. 244. №5. – pp. 70-76.
4. Inflation in Russia [Electronic resource]. URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/>.
5. Lessard K., Tregub A. V. Comparative analysis of bond yields and bank deposits in the USA and Russia. Trends in the development of science and education. 2021. № 69-1. – pp. 158-163.
6. Nikolaev A.A., Kokh I.A. Investing in bonds as an alternative to bank deposits. Trends in the development of science and education. 2020. № 66-3. – pp. 181-186.
7. The main directions of the unified state monetary policy for 2025 and the period of 2026 and 2027 [Electronic resource]. URL: [https://www.cbr.ru/content/document/file/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://www.cbr.ru/content/document/file/164702/on_2025(2026-2027).pdf).
8. The official website of the Moscow Exchange [Electronic resource]. URL: <https://www.moex.com/>.
9. Polyakova T.N. Russian market of exchange-traded bonds: placement analysis. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 5. – pp. 97-118.
10. Panfilova O.V. Conceptual mechanism for financial stimulation of innovative development//Banking. 2023. №11. – pp. 54-59.
11. Order of the Ministry of Finance of Russia of 13.07.2020 № 300 "On the issue of federal loan bonds for individuals of issue № 53006 RMFS" [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=130797prikaz_minfina_rossii_ot_13.07.2020__300_ob_emissii_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_vypuska__53006rmfs.
12. Parameters of federal loan bonds for individuals (OFZ-n) of issue № 53006RMFS [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=130822-parametry_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_ofz-n_vypuska__53006rmfs.
13. Parameters of federal loan bonds for individuals (OFZ-n) of issue № 53009RMFS [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=135530-parametry_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_ofz-n_vypuska__53009rmfs.
14. Order of the Ministry of Finance of Russia of 03.02.2022 № 42 "On the issue of federal loan bonds for individuals of issue № 53009RMFS" [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/operations/ofz-n/redeemed?id_65=135463prikaz_minfina_rossii_ot_03.02.2022__42_ob_emissii_obligatsii_federalnogo_zaima_dlya_fizicheskikh_lits_vypuska__53009rmfs.
15. Redkin N.M. Optimization of the investment portfolio in the Russian stock market in the context of behavioral theory//Finance: theory and practice. 2019. Vol. 23. № 4. – pp. 99-116.
16. Smirnov V.V. Potential of the securities market in Russia//Finance and credit. 2024. V. 30. № 10. – pp. 2354-2370.
17. Teslenko I.B., Maslakova D.O. Financial instruments as the basis for the development of financial literacy: essence, types, classification//Finance and credit. 2024. V. 30, № 3. – pp. 603-619.
18. Chalenko D.D. Analysis of the current state of the derivatives market: problems and development trends//Financial markets and banks. 2021. № 4. – pp. 104-107.

Информация об авторах / Information about the Authors

Демильханова Б.А., канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: bella555@inbox.ru

Demilkhanova B.A., Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the Department of Finance, Credit, and Antimonopoly Regulation, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 338.001.36

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-57-64

ВАЖНОСТЬ НИОКР И ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Довлетмурзаева М.А.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. Что касается регионального развития, то в течение последних двух десятилетий страны искали новую модель и проводили исследования, которые выдвигали инновации и знания на первый план как элементы развития. В настоящее время вместо традиционных факторов производства, таких как труд и капитал, произошёл интеллектуальный поворот, в результате которого важность знаний ещё больше возросла, и они интенсивно внедряются в производственный процесс. Показатель уровня развития страны тесно связан с важностью науки и технологий. На данный момент доля расходов на исследования и разработки (НИОКР) в валовом внутреннем продукте (ВВП) имеет большое значение. В связи с этим в этом исследовании рассматривается растущее значение инноваций и НИОКР в региональном развитии с учетом мировых событий; ключевые показатели инноваций, такие как расходы на НИОКР, патенты, экспорт передовых технологий, количество исследователей и предпринимателей и т.д. По данным Глобального инновационного индекса ВОИС, в 2025 году рост НИОКР продолжит замедляться и составит 2,3%. При этом у правительства РФ есть поручение обеспечить к 2030 году рост внутренних расходов на НИОКР до 2% ВВП, а также в 1,5 раза рост доли высокотехнологичных отечественных товаров и услуг в общем объёме потребления.

Ключевые слова: НИОКР, инновации, региональное развитие, рабочая сила, предпринимательство, валовый внутренний продукт.

Для цитирования: Довлетмурзаева М.А. Важность НИОКР и инноваций в региональном развитии // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 57-64.

THE IMPORTANCE OF R&D AND INNOVATION IN REGIONAL DEVELOPMENT

Dovletmursaeva M.A.

Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. As for regional development, over the past two decades, countries have been searching for a new model and conducting research that has brought innovation and knowledge forward as elements of development. Currently, instead of traditional factors of production such as labor and capital, there has been an intellectual turn, as a result of which the importance of knowledge has increased even more, and it is being intensively introduced into the production process. The indicator of the country's development is closely related to the importance of science and technology. At the moment, the share of research and development (R&D) expenditures in gross domestic product (GDP) is of great importance. Indeed, in the literature, this figure, exceeding 2%, is considered an important indicator of the country's development. In this regard, this study examines the growing importance of innovation and R&D in regional development, taking into account global events and the axis of Russia. Key innovation indicators, such as R&D expenditures, patents, utility models, exports of advanced technologies, and the number of researchers and entrepreneurs, will be analyzed in comparison across the world, individual countries, and groups of countries in particular.

Keywords: R&D, innovation, regional development, labor force, entrepreneurship, gross domestic product.

For citation: Dovletmursaeva M.A. The importance of R&D and innovation in regional development // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 57-64.

Введение. Такие факторы, как дефицит квалифицированной рабочей силы, нехватка природных ресурсов, неблагоприятные географические условия, недостаточные инвестиции в инфраструктуру и социальную сферу, а также удалённость от источников энергии и рынков сбыта, способствуют неравномерному развитию – как между странами, так и между регионами внутри одной страны. Если это различие превысит допустимый уро-

вень, это приведет к возникновению серьезных социально-экономических и культурных проблем, а также ко многим бедствиям. Чтобы свести к минимуму эти проблемы, международные и национальные организации принимают ряд действий. Основная цель этих исследований может заключаться в развитии отсталых регионов, повышении глобальной конкурентоспособности регионов, создании

рыночного механизма, в котором частный сектор играет ведущую роль, а не централизованная политика.

Методика. Методологическая основа данного исследования строится на системном и регионально-экономическом подходах, которые позволяют рассматривать НИОКР и инновационные процессы как часть единого механизма социально-экономического развития территорий, зависящего от уровня технологической конкурентоспособности, устойчивости воспроизводственных процессов и эффективности ключевых акторов региональной экономики. В исследовании применяются методы статистического анализа, а также контент-анализ региональных стратегий развития, государственных программ поддержки науки и инноваций, а также отчетные материалы о результативности НИОКР.

Основная часть. В нашей стране на протяжении всей истории было подготовлено множество национальных планов развития, и в рамках этих планов была предпринята попытка определить политику и курс развития страны. Многие ученые обратили внимание на эффективность инновационной среды, промышленных зон, кластеров, технопарков, обучающихся регионов, региональных инновационных систем, а также научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и инновационных систем в региональном развитии. С макроэкономической точки зрения регионы классифицируются как однородные, поляризованные и планируемые регионы, в то время как с точки зрения развития их можно разделить на слаборазвитые и развитые регионы. Слаборазвитый регион можно определить, как регион в стране, который не имеет социально-экономических преимуществ по сравнению с другими регионами с точки зрения некоторых социально-экономических факторов в течение определенного периода времени, в то время как развитый регион – это регион, который находится дальше в социальном и экономическом плане по сравнению с другими регионами страны, опережая средний показатель по стране с точки зрения образования и здравоохранения [6]. Однородная территория – это территория, образованная соседними областями с одинаковым уровнем развития, в то время как территория плана – это территория, которая остается в пределах юрисдикции, от-

вечающей за реализацию региональной политики, это совокупность областей, в которых реализуется план. Если центр расселения принимает в свою зону влияния один или несколько центров расселения меньшего размера, чем он сам, область, образованная этим центром расселения и областью влияния, называется поляризованной зоной.

С экономической точки зрения регион определяется, как территория, которая не является ни слишком маленькой, как город, ни слишком большой, как страна. Кроме того, регион должен иметь свои уникальные социальные, культурные и экономические особенности. Учитывая все эти особенности, определение понятия территории может быть изменено. Территория – это часть страны, большая, чем город, но меньшая, чем вся территория страны, со своими уникальными социальными, культурными и экономическими особенностями. Развитие – это процесс, в ходе которого каждый человек получает равный и легкий доступ к основным правам и возможностям в сферах здравоохранения, правосудия, безопасности, занятости и образования, а также к источникам информации. Оно предполагает функционирование рынков на справедливой основе, гендерный баланс, демократические и культурные преобразования, прозрачные и подотчетные механизмы управления, а также постепенное исчезновение социально уязвимых и маргинализированных групп.

Ростоу отмечает, что странам необходимо пройти несколько этапов, прежде чем они смогут завершить свои процессы развития, и отмечает, что существует пять этапов развития: традиционное общество, переходный период, взлет, стадия зрелости и эпоха массового потребления. Стадия зрелости в значительной степени характеризуется инвестициями. На этом этапе доминируют экономические и технические достижения. На этом этапе возникли новые технические отрасли, такие как электроэнергетика и здравоохранение, а также машиностроение. Эта фаза начинается примерно через 60 лет после фазы взлета (перехода). В Европе этот этап начался в 1900-х годах. С другой стороны, в эпоху массового потребления, которая является последней стадией, люди достигли максимального уровня благосостояния. У людей есть много

альтернатив, когда они делают выбор, и, поскольку личный доход высок, они могут потреблять товары и услуги, которые им нравятся. По словам Ростоу, сегодня Уэст входит в эту категорию.

Региональное развитие можно определить, как совокупность усилий, направленных на повышение благосостояния региона за счет мобилизации людских ресурсов, экономического и социального потенциала. Региональное развитие – это концепция, которая стимулирует потенциал внутрирегионального развития и переносит капитал, знания и предпринимательские способности из-за пределов региона в регион. Согласно другому определению, региональное развитие – это достижение индустриализации отсталых регионов до уровня развитых регионов с целью устранения неравноправия, возникающего в результате концентрации индустриализации в определенных регионах, и обеспечения справедливого распределения благосостояния внутри страны. Развитие страны тесно связано с региональным развитием, потому что развитие регионов, составляющих страну, также означает развитие этой страны.

Что касается развития страны, региональное развитие преследует две основные цели: обеспечение эффективности распределения ресурсов и достижение социальной справедливости в распределении доходов. В развивающихся странах особое внимание уделяется социальному обеспечению распределения доходов, а в развитых странах – эффективности распределения ресурсов. Важность регионального развития заключается в сокращении числа занятых в сельскохозяйственном секторе среди общей численности населения, повышении дохода на душу населения, увеличении сбережений и их переводе в инвестиции. Руттен и Бокема отметили, что в экономической литературе используется множество теорий, объясняющих региональное благосостояние. К ним относятся традиционный рост, микроэкономические транзакционные издержки, эволюционная экономика и теория региональных сетей. Теории гелиоцентрического роста в своей простейшей форме объясняют характерные особенности регионов. Согласно теории, развитый рынок труда и направленность экономической дея-

тельности создают эффект масштаба, который, в свою очередь, делает регионы более привлекательными для инвестиций фирм.

Микроэкономические теории транзакционных издержек тесно связаны с теорией рационального выбора и, как правило, фокусируются на специализации бизнеса, объясняя её через призму транзакционных издержек, эффективности рыночных операций и географической ориентации экономической деятельности. «В-третьих, это эволюционная экономика, в которой обсуждается, является ли творческое разрушение или инновации движущим фактором экономического развития. Этот мейнстрим привел экономическую географию к мысли, что инновации могут быть эффективным аргументом в пользу регионального развития» [8]. Последняя группа теорий касается региональных сетей, используемых в качестве инструмента для организации инновационного процесса. Теории в этой группе включают инновационные системы, кластеризацию и регионы обучения. Здесь современные региональные сети рассматриваются, как идеальная форма организации инновационной деятельности. Однако в этих теориях спрос считается движущей силой инноваций.

В Руководстве Осло по инновациям и исследованиям, и разработкам, опубликованном совместно ОЭСР и Европейской комиссией, инновация определяется, как «внедрение нового или значительно измененного продукта (товара или услуги) или процесса; новый метод маркетинга; или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочего места или внешних отношениях». Инновации считаются одним из важнейших элементов повышения конкурентоспособности на национальном и международном уровнях как для стран, так и для фирм, повышения производительности, экономического роста и развития, а, следовательно, повышения благосостояния и качества жизни.

Согласно данным ОЭСР, за последние 25 лет вклад инноваций, особенно в экономический рост развитых стран, составил более 50%. Инновации и изобретения – это понятия, которые часто путают или смешивают между собой. «Изобретение – это первая разработка идеи для нового продукта или способа производства. С другой стороны, инновации – это в первую очередь коммерциализация идеи» [6].

Однако изобретения и инновации иногда могут быть тесно взаимосвязаны, и может быть трудно отличить одно от другого. Примером этого случая может служить биотехнология.

Шумпетер определил инновации в узком смысле, как разработку новой производственной функции. Согласно Шумпетеру, инновации представляют собой создание новой организационной структуры в любой отрасли и могут включать внедрение нового продукта, разработку нового метода производства, освоение новых рынков, поиск альтернативных источников сырья или полуфабрикатов, а также установление монопольного положения и другие подобные изменения.

Согласно Друкеру, инновации – это определенная функция предпринимательства, заключающаяся в том, что предприниматель создает благосостояние за счет создания новых ресурсов или создает благосостояние за счет увеличения потенциала использования существующих ресурсов. Согласно Доси (1998), инновации – это исследовательская деятельность, включающая открытие, эксперименты, разработку, имитацию и создание новых продуктов, новых производственных систем и новых организационных установок [3]. Доси обращает внимание на неопределенность и кумулятивность инноваций. Инновационная деятельность с точки зрения продуктов и производственных процессов включает в себя неизвестные открытия. Риск присущ инновациям. Кумулятивность – это концепция, которая относится к тому факту, что инновации возникают в результате процесса обучения. Что касается инноваций, также можно дать определение, которое включает промышленные и экономические элементы и относится к социальным инновациям как к институциональным и политическим инновациям [5].

Согласно Лундваллу, инновации – это система, которая объединяет все части экономической структуры и институциональную структуру, в которой проводятся исследования и разработки, влияющие на обучение. Бизнес и промышленный мир, характеризующийся сетевой деятельностью, составляют основу инновационной системы. Согласно концептуальной структуре, связанной с инновациями, инновационный потенциал определяется в результате горизонтального и верти-

кального взаимодействия между предприятиями. По горизонтали конкурирующие фирмы являются партнерами в некоторых сферах деятельности, а также могут быть источником знаний и опыта, которые очень ценны. В вертикальном положении поставщики и субподрядные компании также являются источником технологических решений и знаний.

Вторым элементом инновационной системы является информационный сектор. Это включает в себя образовательные, учебные заведения, научно-исследовательские и опытно-конструкторские институты. В частности, университеты вносят значительный вклад в инновационный процесс как учреждения, в которых интенсивно проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, играющие ведущую роль в появлении знаний. В финансовой системе, которая является третьим компонентом инновационной системы, банки и другие кредитные организации предоставляют фирмам финансовые ресурсы. Однако эти организации не всегда поддерживают рискованные качества, связанные с инновациями.

В работе Маргис упоминаются три типа инноваций: радикальные, инкрементные и систематические инновации. В то время как радикальные инновации – это тип инноваций, состоящий из крупных прорывов, в результате которых в результате радикальных идей разрабатываются ранее непроверенные продукты, услуги или методы, инкрементные инновации возникают в результате работы, которая включает в себя ряд мероприятий по разработке и совершенствованию.

Гейнор, с другой стороны, утверждает, что существует четыре типа инноваций. К ним относятся радикальные компонентные инновации, инкрементные инновации, радикальные системные инновации и технологические инновации. Целью инновационной системы является производство, распространение знаний и их использование для экономического развития. Система обеспечивает фирмам необходимую поддержку в контексте быстрых технологических изменений, в которых они нуждаются в инновационной деятельности, и повышения глобальной конкуренции. В основе системы лежат отношения, которые разные субъекты имеют друг с другом. Система основана на различных региональных партнерах или игроках, таких как исследовательские

институты, университеты, агентства по передаче технологий, торговая палата, финансовые учреждения, инвесторы, правительственные учреждения, корпоративные сети и отраслевые подразделения.

Примером этой системы может служить инновационная система, разработанная Национальным управлением исследований и технологий Венгрии. Основными политическими аргументами, используемыми при формировании инновационного потенциала, являются промышленная политика, политика в области исследований и развития технологий, политика в области образования, налоговая политика, политика в области конкуренции, региональная политика и политика поддержки малых и средних предприятий (МСП).

Расходы на НИОКР являются ключевым показателем, который включает усилия, предпринимаемые частным и государственным секторами для достижения конкурентного преимущества в области науки и технологий. Исследования и разработки охватывают творческую деятельность, направленную на расширение объёма знаний, их применение в новых целях и реализацию на основе неопределённой или нечёткой («туманной») исходной основы. Исследования и разработки охватывают три вида деятельности: фундаментальные исследования, прикладные исследования и экспериментальные разработки. Фундаментальные исследования включают теоретическую и прикладную работу по получению новых знаний, лежащих в основе явлений и наблюдаемых фактов, без какого-либо применения или использования.

Прикладные исследования также относятся к оригинальным исследованиям, проводимым для получения новой информации, но исследования здесь проводятся для конкретных практических целей или задач. Экспериментальная разработка – это систематическое исследование и деятельность, в ходе которой знания приобретаются в результате исследований и практического опыта. Эти исследования были основаны на производстве новых материалов, новых продуктов или устройств, разработке новых методов или систем производства, или продвижении этих уже созданных и разработанных процессов на более высокие уровни. Доля расходов на НИОКР в ВВП используется в международных сравнениях.

Расходы на НИОКР могут быть распределены между отечественными компаниями, научно-исследовательскими институтами, государственными лабораториями, университетами и т.д. Всемирный экономический форум ежегодно готовит отчет Global Competitive Index, в котором определяется положение стран в мире с точки зрения таких показателей, как конкуренция, инновации, макроэкономика, технологии и финансовый рынок [11].

Согласно отчету, страны, вошедшие в десятку лучших по индексу конкурентоспособности, включают Швейцарию, Сингапур, США, Швецию, Данию, Финляндию, Германию, Японию, Канаду и Нидерланды. Это свидетельствует о том, что в целом он занимает высокую позицию в индексе конкурентоспособности развитых стран. Страны, занимающие высокие позиции в глобальном индексе конкурентоспособности с точки зрения размера рынка, также занимают высокие позиции в индексе размера рынка. Страны, вошедшие в десятку лидеров по показателям инноваций и развития, – это США, Япония, Швейцария, Швеция, Аль-Манья, Финляндия, Дания, Тайвань, Нидерланды и Сингапур.

Наша страна занимает более низкое место с точки зрения государственных закупок высокотехнологичной продукции, расходов компаний на НИОКР, качества научно-исследовательских институтов и показателей модели, в то время как она занимает среднее место по расходам на НИОКР с точки зрения сотрудничества университетов и промышленности, инновационного потенциала и компетентности ученых и инженеров. Страны, которые в целом занимают лидирующие позиции в мире по показателям инноваций, – это Япония, Швеция, Швейцария, США, Германия, Сингапур, Дания и Финляндия. Например, Швейцария занимает первое место по показателям расходов фирм на НИОКР и качества исследовательских институтов и второе место по показателям расходов на НИОКР по индексу сотрудничества университетов и промышленности.

Несмотря на то, что сотрудничество между университетами и промышленностью является очень важным аспектом для обеспечения развития в региональном смысле, хотя можно сказать, что в этом отношении наша страна еще далеко не достигла желаемого

уровня, цели, поставленные в будущем, являются многообещающими с точки зрения формирования определенного понимания этого вопроса и понимания важности этого вопроса.

Процесс принятия инновационных решений состоит из этапов знания, убеждения, контроля, исполнения и утверждения. Диффузия происходит в социальной системе. Социальная структура системы во многом влияет на распространение инноваций. Лидеры общественного мнения социальной системы предоставляют информацию и дают некоторые советы по вопросам инноваций. Идеиное лидерство может быть достигнуто за счет технических способностей, социальной доступности и соответствия людей системным нормам. В то время как лидеры общественного мнения становятся очень инновационными, когда социальная система становится открытой для изменений, они не проявляют инновационного рефлекса, когда системные нормы не допускают изменений. В рамках системы катализатор (агент) изменений, как и лидеры мнений, выполнял важные задачи. Катализатором изменений часто являются исследования, позволяющие достичь адаптации новых идей и предотвратить нежелательную инновационную адаптацию.

Модель динамических инноваций, разработанная Аттербеком и Абернати в 1978 году, подробно описывает динамические процессы инноваций. Эта модель описывает скорость, с которой меняются инновации в продуктах и процессах. Модель пытается объяснить динамические процессы, происходящие в отрасли и фирмах в этой отрасли [9]. Модель рассматривается в двух аспектах:

- 1) Инновации в продуктах и процессах, конкурентная среда и организации,
- 2) Эволюция отрасли.

С точки зрения аналитической пригодности в модели заложены возможности развития, эти этапы являются плавными, переходными и конкретными этапами. Указанные этапы были связаны со скоростью инноваций были основаны на аспектах продукта, процесса, конкуренции и организации.

Плавная фаза – это фаза, на которой впервые происходит большая часть изменений.

Результаты этого этапа весьма неоднозначны с точки зрения продукта, процесса,

конкурентного лидерства, управления фирмами и их структуры. «Ожидается, что на плавной стадии эволюции технологий скорость обмена продуктами будет быстро расти» [12]. На плавном этапе на инновации продукта влияют целевые и технические неопределенности. Неопределенность целей означает, что большинство предыдущих инноваций не имеют устоявшегося рынка. С оптимизацией технологий фирмы не могут точно определить, на каком уровне будут расходы на НИОКР. В начале этого этапа технологические инновации часто отставали от инноваций в продуктах. Если рынок будет расти благодаря новым продуктам, отрасль может вступить в переходную фазу. Внедрение инноваций в продукт на рынке и появление доминирующего дизайна являются характеристиками этого этапа. На переходном этапе инновации в продуктах и процессах начинают становиться более тесно связанными.

С 1970-х годов конкуренция в глобальном масштабе стала возрастать из-за использования новых технологий производства, появления разного рода товаров и услуг, и быстрого распространения знаний. Благодаря конкуренции регионы начали получать ряд преимуществ. Для регионов, которые преуспевают в глобальной конкуренции, используются разные обозначения в литературе, такие как промышленные зоны, региональная кластеризация, обучающиеся регионы и коллективная деятельность. Информация, связанная с производством товаров, быстро распространяется между отдельными лицами, или фирмами, вызывая процесс обучения, что, в свою очередь, способствует развитию регионов. В интеллектуальном мире упоминается важность исследований и разработок и ноу-хау в продуктах, требующих передовых технологий. В индустриальном мире, где преобладает эффект масштаба и долгосрочные производственные условия, как и во многих потребительских отраслях, производство осуществляется фирмами с олигополистической структурой. В этом типе производства также отмечается важность исследований и разработок в секторах, требующих высоких технологий (например, в автомобильном секторе).

Кластеризация и развитие, основанное на знаниях, также очень важны для устойчивого регионального развития. По словам Пот-

тса, за последнее десятилетие отрасли, основанные на знаниях, внесли значительный вклад в развитие региона. В ходе этого процесса традиционные сектора, основанные на ресурсах, и производственные сектора также начали адаптироваться к экономике знаний [10]. «Инновации также рассматриваются как движущая сила развития регионов и повышения благосостояния» [4]. Например, Региональная инновационная сеть, созданная в районе Западного Сиднея, играет важную роль в развитии региона, способствуя диалогу (сотрудничеству) между бизнесом, государством и университетом посредством обмена знаниями и создания новых возможностей для бизнеса.

Хауэллс Д. отмечает, что многие ученые подчеркивали положительную взаимосвязь между инновациями, знаниями и экономическим развитием. В то время как знания изменяют экономическую деятельность, экономическая деятельность также вносит свой вклад в региональное развитие, изменяя знания, влияя на инновационные процессы и региональную инновационную политику. Инновационная политика очень важна для стран. Это связано с тем, что существует тесная взаимосвязь между инновациями, ростом и экономическими показателями, а инновационная деятельность в регионах устраняет неравенство между регионами [1]. С разных точек зрения, для того, чтобы инновационная политика была эффективной на региональном уровне, необходима координация и согласование между регионами. С другой стороны, с некоторых точек зрения, разногласия (напряженность) между регионами могут способствовать развитию регионов.

Выводы. Подводя итог, инновационная деятельность в регионе, приносит широкий спектр преимуществ, таких как снижение рисков, достижение экономии за счет масштаба, сокращение инновационного процесса за счет снижения затрат на НИОКР и выход на рынок. Региональная инновационная система, направленная на устранение дисбалансов между регионами путем повышения их конкурентоспособности на основе инноваций, считается одним из факторов регионального развития.

Согласно отчету Глобального инновационного индекса (ГТИ), Россия занимает среднее место среди стран мира по инновационному потенциалу, сотрудничеству университетов и промышленности в области расходов на НИОКР, квалификации ученых и инженеров. В нашей стране исследователи в основном работают в области технологических наук. В отраслевом плане наибольшие расходы на НИОКР несет университет, в то время как подавляющее большинство расходов на НИОКР приходится на текущие расходы. В нашей стране расходы на НИОКР, направленные на развитие, должны быть направлены в большей степени на инвестиционные расходы. Таким образом, в результате исследований и разработок можно будет получить более конкурентоспособную продукцию. По данным Росстата за 2023 год, больше всего технологических инноваций в России внедряли в обрабатывающих производствах — 27,7% всех обследованных организаций этой сферы. Среди них больше половины компаний работали в высокотехнологичных отраслях экономики, таких как производство авиатехники, ядерного топлива, электроники и лекарств.

Что касается инноваций, чтобы минимизировать эти недостатки в региональном развитии необходима поддержка и ускорение проектов НИОКР и создания региональных инновационных центров, создание национальных и региональных сетей для развития инноваций и в регионах; содействие доступу к информации об инновациях и новых технологиях, а также разработка систем обмена и передачи технологий и т.д.

Следует подчеркнуть необходимость проведения соответствующих мероприятий. Важно улучшить условия труда для исследователей, чтобы они могли создавать высококонкурентную продукцию, а также активно поощрять защиту интеллектуальной собственности. Необходимо обеспечить надлежащую инфраструктуру для повышения эффективности научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности (НИОКР), информировать физических и юридических лиц о процедуре получения патентов, а также расширять государственные стимулы и увеличивать инвестиции в расходы на НИОКР.

Список источников

1. Большаков Д.Ю. Анализ затрат на научные исследования зарубежных оборонно-промышленных компаний // Вестник Концерна ПВО «Алмаз-Антей». 2015. № 2. – С. 7-12.

2. Гаврилова С.В. Концептуальные основы определения высокотехнологического сектора экономики и функционирования высокотехнологичных компаний // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 2. – С. 53-57.
3. Драгун Е.А. Анализ взаимосвязи показателей валового внутреннего продукта и затрат на инновации в РФ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2-1. – С. 20-23.
4. Довлетмурзаева М.А. Инвестиционная привлекательность региона и её составляющие / М.А. Довлетмурзаева // ФГУ Наука. – 2024. – № 3(35). – С. 42-47. – DOI 10.36684/37-2024-35-3-42-47. – EDN MWUESC.
5. Луговая Е.С. Инновации как основа модернизации современного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2. – С. 103-108.
6. Константинов А. Как растёт мировая наука // Эксперт. 2021. № 7. – С. 49-51.
7. Степанова Ю.Н., Лесникова М.С. Роль инноваций в современном развитии российского общества // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 6.
8. Проскурнин С.Д. Роль высокотехнологичной продукции в экономическом развитии России // Фундаментальные исследования. 2016. № 9-2. – С. 404-410.
9. Солопан И.Э. Инновационная активность и факторы, ее определяющие // Экономика и управление. 2014. № 8. – С. 104-108.
10. Мазилев Е.А., Устинова К.А., Давыдова А.А., Климова Ю.О. Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в регионах: состояние, задачи, механизмы реализации. – Вологда: ВолНИЦ РАН, 2020. – 43 с.
11. Красова Е.В. Государственное финансирование инноваций в России: динамика и специфика // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 1. – С. 47-58.
12. Яндарбаева Л.А. Тенденции развития цифровизации в России и за рубежом / Л.А. Яндарбаева, А.А. Костоева, Х.М. Дикаева // ФГУ Science. 2022. № 4(28). – С. 221-226. – DOI 10.36684/37-2022-28-4-222-227. – EDN GYNQBR.

References

1. Bolshakov D.Yu. Analysis of the scientific research costs of foreign defense and industrial companies//Bulletin of the Almaz-Antey Air Defense Concern. 2015. № 2. – pp. 7-12.
2. Gavrilova S.V. Conceptual foundations for determining the high-tech sector of the economy and functioning of high-tech companies//Economics, Statistics and Informatics. UMO Bulletin. 2014. № 2. – pp. 53-57.
3. Dragun E.A. Analysis of relationship between gross domestic product indicators and innovation costs in the Russian Federation//International Research Journal. 2016. № 2-1. – pp. 20-23.
4. Dovletmurzaeva M.A. Investment attractiveness of the region and its components/M.A. Dovletmurzaeva//FSA Science. 2024. № 3(35). – pp. 42-47. – DOI 10.36684/37-2024-35-3-42-47.
5. Meadow E.S. Innovations as the basis for modernization of modern society//Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2012. № 2. – pp. 103-108.
6. Konstantinov A. How world science is growing//Expert. 2021. № 7. – pp. 49-51.
7. Stepanova Yu.N., Lesnikova M.S. The role of innovation in the modern development of Russian society//International Student Scientific Bulletin. 2017. № 6.
8. Proskurnin S.D. The role of high-tech products in the economic development of Russia//Fundamental research. 2016. № 9-2. – pp. 404-410.
9. Solopan I.E. Innovative activity and factors that determine it//Economics and management. 2014. № 8. – pp. 104-108.
10. Mazilov E.A., Ustinova K.A., Davydova A.A., Klimova Yu.O. Formation of funds to support scientific, technical and innovative activities in the regions: state, tasks, implementation mechanisms. Vologda: VolRC RAS, 2020. – 43 p.
11. Krasova E.V. State financing of innovations in Russia: dynamics and specifics//Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2019. V. 11. № 1. – pp. 47-58.
12. Yandarbayeva L.A. Trends in the development of digitalization in Russia and abroad/L.A. Yandarbayeva, A.A. Kostoeva, H.M. Dikaeva//FSA Science. 2022. № 4(28). – pp. 221-226. – DOI 10.36684/37-2022-28-4-222-227.

Информация об авторах / Information about the Authors

Довлетмурзаева М.А., *д-р экон. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: d_malika_fgu@mail.ru*

Dovletmursaeva M.A., *Doctor of Sciences in Economics, Professor of the Department of State and Municipal Management, Kadyrov Chechen State University, Grozny*

УДК 658

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-65-73

ИССЛЕДОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ И БАРЬЕРОВ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Киян Т.В.^{1,2}, Митрофанов С.В.³, Дадаев Я.Э.⁴

¹ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск

²ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения РФ, г. Красноярск

³ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва

⁴ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформационных процессов, происходящих на рынке труда в условиях цифровизации. Также определены ключевые проблемы и барьеры, препятствующие развитию кадрового потенциала. В статье установлено, что успешная реализация стратегий цифровизации требует не только соответствующей технической инфраструктуры, но и человеческого ресурса, способного обеспечить эффективное применение технологий. Цель статьи заключается в исследовании ключевых проблем и барьеров в развитии кадрового потенциала в условиях цифровой экономики. Акцент сделан на том, что цифровая трансформация охватывает не только технологическую, но и социально-экономическую плоскость, изменяя требования к профессиональной компетентности, структуре занятости и механизмам управления персоналом. Отмечено, что для обеспечения устойчивого роста предприятий и конкурентоспособности экономики в целом необходимо адаптировать системы профессиональной подготовки персонала к новым реалиям: росту спроса на цифровые компетентности, распространению нестандартных форм занятости, внедрению искусственного интеллекта и автоматизированных систем управления человеческими ресурсами. В статье рассмотрены последствия цифрового неравенства между регионами, отраслями и возрастными группами работников, в частности проблемы адаптации лиц старшего возраста и нестабильности трудовых отношений среди молодежи. Научная новизна исследования заключается в систематизации основных барьеров развития кадрового потенциала: организационно-структурных, технологических, социальных, институциональных и нормативно-правовых. Сделан вывод о том, что эффективная реализация цифровой трансформации возможна только в условиях комплексного подхода к развитию человеческого капитала, который сочетает техническую модернизацию с гуманитарным измерением адаптации персонала к новым требованиям экономики знаний.

Ключевые слова: кадровый потенциал, цифровая экономика, цифровые компетентности, рынок труда, барьеры трансформации, управление персоналом.

Для цитирования: Киян Т.В., Митрофанов С.В., Дадаев Я.Э. Исследование ключевых проблем и барьеров развития кадрового потенциала в цифровой экономике // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 65-73.

STUDY OF KEY PROBLEMS AND BARRIERS TO DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE DIGITAL ECONOMY

Kiyan T.V.^{1,2}, Mitrofanov S.V.³, Dadaev Ya.E.⁴

¹Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk

²Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk

³National Research University Higher School of Economics, Moscow

⁴Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. The article is devoted to the study of transformation processes that occur in the labor market in the context of digitalization. Key problems and barriers that hinder the development of human resources are also identified. The article establishes that successful implementation of digitalization strategies requires not only the appropriate technical infrastructure, but also human resources capable of ensuring the effective use of technologies. The purpose of the article is to study the key problems and barriers in the development of human resources in the context of the digital economy. The emphasis is on the fact that digital transformation covers not only the technological, but also the socio-economic plane, changing the requirements for professional competence, employment structure and personnel management mechanisms. It is noted that in order to ensure sustainable growth of enterprises and the competitiveness of the economy as a whole, it is necessary to adapt the systems of professional training of personnel to new realities: growing demand for digital competencies, the spread of non-standard forms of employment, the introduction of artificial intelligence and automated

human resource management systems. The article discusses the consequences of digital inequality between regions, industries and age groups of workers, in particular the problems of adaptation of older people and the instability of labor relations among young people. The scientific novelty of the study lies in the systematization of the main barriers to the development of human resources: organizational and structural, technological, social, institutional and regulatory. It is concluded that the effective implementation of digital transformation is possible only in the context of an integrated approach to the development of human capital, which combines technical modernization with the humanitarian dimension of personnel adaptation to the new requirements of the knowledge economy.

Keywords: human resources, digital economy, digital competencies, labor market, transformation barriers, personnel management.

For citation: Kiyani T.V., Mitrofanov S.V., Dadaev Ya.E. Study of key problems and barriers to development of human resources in the digital economy // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 65-73.

Введение. Цифровизация меняет не только бизнес-модели предприятий, но и требования к квалификации, навыкам и профессиональной культуре персонала. В современных условиях конкурентоспособность как предприятий, так и национальной экономики в целом в значительной степени зависит от уровня развития человеческого капитала, способного эффективно адаптироваться к цифровым изменениям. Появление новых профессий, трансформация имеющихся, широкое использование искусственного интеллекта, автоматизация процессов – все это требует не только технической, но и управленческой перестройки в процессах развития кадрового потенциала.

Кроме того, на пути цифровизации возникают социальные риски: растет неравенство доступа к новейшим знаниям и технологиям, часть работников оказываются под угрозой потери работы из-за несоответствия новым требованиям. Именно поэтому вопрос повышения адаптивности кадров, развития их цифровых компетентностей и обеспечения справедливого перехода к новым условиям труда становится критически важным.

Успешная реализация стратегий цифровой трансформации требует не только технической инфраструктуры, но и человеческого ресурса, способного обеспечить эффективное использование технологий. Формирование действенных механизмов развития кадрового потенциала, учитывая региональные, отраслевые и возрастные особенности, становится ключевой задачей как для государственной политики, так и для корпоративного управления. Таким образом, исследование проблем и барьеров, которые сдерживают развитие кадрового потенциала в условиях цифровой экономики, является чрезвычайно актуальным и своевременным.

Вопросами формирования, управления и трансформации кадрового потенциала в контексте цифровизации занимались такие исследователи, как З.М. Абдуллаева [9], М.А. Алиева [5], В.И. Быкова [9], О.Н. Валькович [2], Т.Б. Гаврилова [3], Л.Д. Гительман [3], Я.Э. Дадаев [4], З.М. Закриев [4], А.Г. Игнатьев [5], А.П. Исаев [3], М.В. Кожевников [3], Ж.Ю. Коптева [6], А.А. Кулешов [5], Т.А. Курбатова [5], Ю.А. Линдре [5], Т.В. Смирнов [7], С.Х. Сулумов [9], И.А. Томакова [6], Б.Р. Хужаева [2], Р.А. Шамраев [5], А.Г. Ширококолобова [12] и др. В своих работах ученые анализируют изменения, которые происходят на рынке труда, очерчивают новые требования к профессиональной подготовке и цифровым компетенциям работников, обращают внимание на важность непрерывного обучения, адаптации к цифровым технологиям и трансформации институциональной среды. Также в работах проводится анализ барьеров цифровой трансформации в сфере управления персоналом, в частности законодательных ограничений, цифрового неравенства, психологического сопротивления изменениям.

Несмотря на уже имеющиеся исследования, динамичный характер цифровой трансформации, рост роли технологий в профессиональной деятельности и потребность в интеграции образования, науки и бизнеса требуют дальнейшего научного осмысления, особенно в условиях нестабильной экономической среды и вызовов, связанных с глобализацией и технологической конкуренцией.

Целью статьи является определение проблематики и барьеров развития кадрового потенциала современных предприятий в цифровой экономике.

Методика. В ходе исследования использовались методы структурно-функционального анализа, ретроспективный и сравнительный подходы, а также метод экспертной

оценки. Исходные материалы для анализа взяты авторами из научной литературы, исследований, проведенных руководителями и специалистами российских и зарубежных регионов и компаний.

Основная часть. Функционирование рынка труда претерпевает существенные изменения под влиянием цифровых технологий, что приводит к появлению новых требований, профессий и форм занятости. Цифровизация вызвала рост спроса на специалистов в областях ИТ, аналитики данных, кибербезопасности, электронной коммерции, цифрового маркетинга, автоматизации производства и т.д. В то же время многие традиционные профессии теряют актуальность или существенно меняют свое содержание. Меняется также характер занятости: гибридные форматы работы, фриланс, удаленное сотрудничество и платформы с микрозанятостью (gig-экономика) становятся все более распространенными.

Цифровой разрыв между регионами, отраслями и поколениями создает новые социальные и экономические проблемы. Часть работников, особенно в возрасте 55+, не имеют достаточной цифровой грамотности, что затрудняет их адаптацию к новым условиям. С другой стороны, молодежь сталкивается с нестабильностью занятости, отсутствием гарантий и ограниченным опытом, влияющим на качество труда. Рынок труда становится все более динамичным, однако менее прогнозируемым. Это требует разработки новых подходов к профессиональному обучению, планированию карьеры и социальной защите сотрудников.

Цифровизация также меняет механизмы поиска, отбора и мотивации персонала. Искусственный интеллект, автоматизированные системы рекрутинга, аналитика поведения кандидатов – все это требует от работодателей и специалистов по управлению персоналом новых навыков и стратегий. В целом функционирование рынка труда в условиях

цифровизации характеризуется высокой динамикой, технологической зависимостью и необходимостью переосмысления роли кадрового потенциала как главного драйвера экономического роста.

Цифровые компетенции становятся ключевым условием профессиональной реализации работников в современной экономике. Речь идет не только о способности пользоваться базовыми цифровыми инструментами, но и о более широком спектре навыков – от работы с большими данными до понимания принципов искусственного интеллекта, управления информационной безопасностью и использования цифровых платформ для коммуникации и управления проектами. Навыки будущего включают также критическое мышление, эмоциональный интеллект, способность к командной работе в виртуальной среде, креативность и гибкость.

Согласно исследованиям [3; 8], спрос на комплексные цифровые и междисциплинарные навыки будет расти во всех секторах экономики. Работники должны быть готовы к постоянному обновлению знаний, прохождению обучения на протяжении всей жизни (lifelong learning), а предприятия – к инвестированию в развитие цифровой грамотности своего персонала. Высокий уровень цифровых компетенций напрямую коррелирует с инновационной активностью, производительностью труда и способностью предприятия к адаптации.

Понятие «цифровые навыки» охватывает широкий спектр компетенций, знаний и навыков, что затрудняет оценку масштабов и разработку мероприятий по удовлетворению соответствующих кадровых потребностей. Обращаясь к данным Росстата по областям занятости, можно обнаружить, что около 11 млн рабочих мест в РФ испытывают прямую необходимость в цифровых компетенциях персонала (табл. 1) [11].

Таблица 1

Оценка рабочих мест требующих цифровых компетенций.

Группа занятий	Количество занятых	Процент от индекса цифровой экономики	Потребность в компетенциях для цифровой экономики
Специалисты в области науки и техники	3 390	46%	1 560
Специалисты в области здравоохранения	3 390	47%	877
Специалисты в области образования	4 607	71%	3 248

Специалисты в сфере бизнеса и администрирования	4 955	70%	3 464
Специалисты по ИКТ	1 171	100%	1 171
Специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры	3 286	40%	1 328
Всего	19 267		11 648

Источник: составлено авторами на основе [5; 10; 11].

Кадровая политика предприятий должна учитывать важность цифровых компетенций не только для отдельных должностей, а как обязательный компонент общей корпоративной культуры. Это включает интеграцию цифрового обучения в систему профессионального развития, создание внутренних центров компетенций, платформ микрообучения, поощрение самообразования и обмена знаниями. Формирование навыков будущего должно базироваться на сочетании технических и социальных компетенций – так называемого «T-shaped» подхода (предполагает гармоничное развитие сразу двух качеств профессионала: глубоких знаний в конкретной

отрасли и эрудиции в сопутствующих дисциплинах) к развитию персонала.

Несмотря на стратегическую важность развития кадрового потенциала в цифровой экономике, существует целый ряд системных барьеров, сдерживающих этот процесс (рис. 1):

– организационно-структурные барьеры связаны с отсталыми управленческими моделями предприятия. Устаревшая структура управления затрудняет внедрение гибких решений, необходимых в цифровой среде. Отсутствие стратегического HR-планирования приводит к неравномерному развитию персонала и несогласованности с долгосрочными целями предприятия;

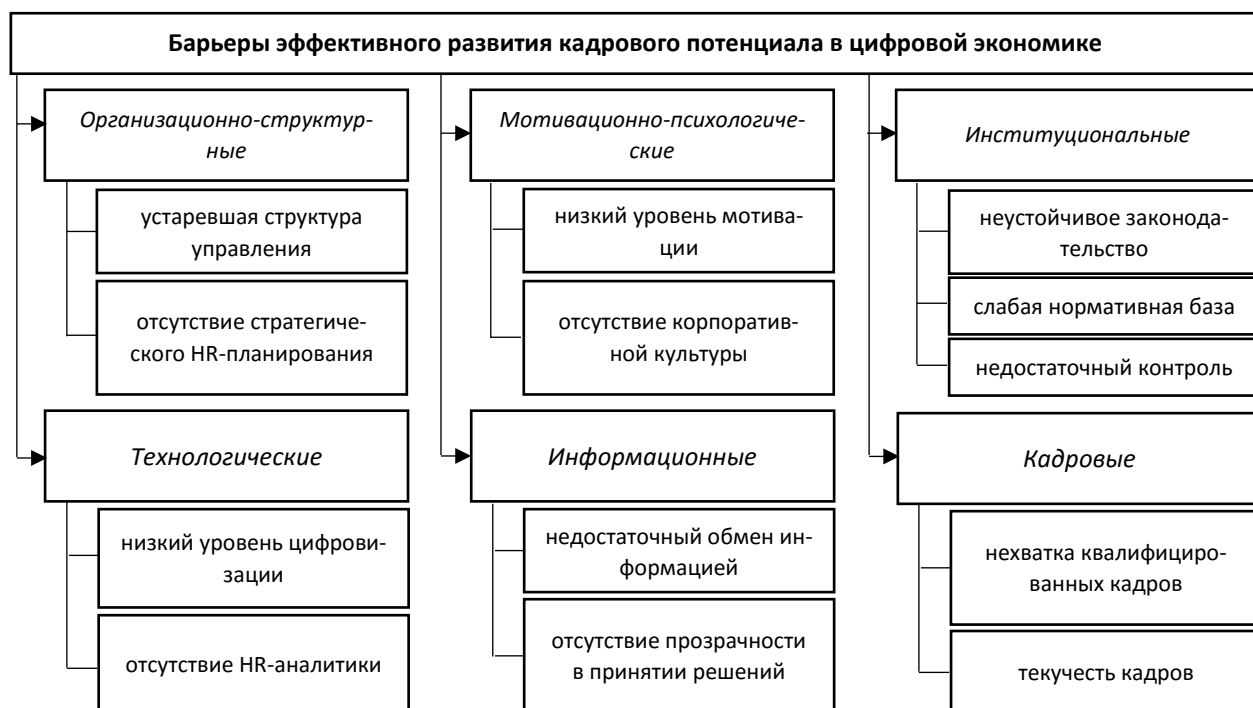

Рисунок 1. Барьеры эффективного развития кадрового потенциала в цифровой экономике.

Источник: составлено авторами

– технологические барьеры обуславливают недостаточный уровень цифровизации, что тормозит автоматизацию HR-процессов и внедрение современных инструментов

управления персоналом. Отсутствие HR-аналитики лишает руководство возможности

принимать решения на основе данных. В результате снижается эффективность использования человеческих ресурсов;

- низкий уровень мотивации работников снижает их производительность и вовлеченность в инновационные процессы. Отсутствие сложившейся корпоративной культуры делает невозможным эффективное взаимодействие в команде. Это препятствует формированию лояльного и адаптивного персонала;

- информационные барьеры являются следствием ограничения обмена информацией внутри предприятия, что замедляет принятие управленческих решений. Отсутствие прозрачности в процессах снижает доверие к руководству и порождает конфликты. Такие условия препятствуют формированию открытой и гибкой организационной культуры;

- институциональные барьеры – нестабильное законодательство создает риски при планировании деятельности предприятия. Слабая нормативная база в сфере цифровых технологий ограничивает внедрение инноваций. Отсутствие надлежащего контроля со стороны государства затрудняет борьбу с кадровыми злоупотреблениями;

- кадровые барьеры вызваны нехваткой квалифицированных кадров, что ограничивает способность предприятий адаптироваться к цифровым изменениям. Текучесть кадров затрудняет формирование стабильных команд и приводит к дополнительным затратам на обучение. Это снижает общий уровень эффективности функционирования HR-системы.

Отдельно можно выделить ряд проблем, обуславливающих препятствия на пути эффективного развития кадрового потенциала в цифровой экономике:

- неэффективные и устаревшие программы подготовки. Система современного образования не успевает за темпами цифровой трансформации. Программы подготовки специалистов часто не отвечают современным требованиям рынка труда, а материально-техническая база устарела. В результате выпускники не имеют актуальных цифровых навыков. Развитие EdTech (от англ. Educational Technology – образовательные технологии) и корпоративного обучения является положи-

тельным моментом, но они охватывают в основном крупные предприятия. Кроме того, обновление учебных программ происходит медленно из-за сложных бюрократических процедур. В результате формируется ложное представление о потребностях рынка труда среди молодежи;

- ограниченный доступ к неформальному образованию. Несмотря на распространение онлайн-курсов и MOOC (от англ. Massive Open Online Courses – массовые открытые онлайн-курсы), не все работники имеют возможность или мотивацию к обучению. Малые и средние предприятия редко участвуют в системном повышении квалификации персонала. Самообразование растет, однако без поддержки со стороны государства оно остается фрагментарным. Проблема также заключается в отсутствии признания результатов неформального обучения в формальных системах оценки. Многие сотрудники не обладают базовыми навыками цифровой грамотности, что затрудняет их доступ к онлайн-ресурсам. Потребность в обучении часто игнорирует и сам бизнес из-за краткосрочной ориентации;

- несоответствие между образованием, наукой и бизнесом. Отсутствие эффективного сотрудничества между учебными заведениями, научными учреждениями и бизнесом приводит к подготовке специалистов, не востребованных рынком. Предприятия испытывают нехватку кадров с цифровыми компетенциями. Впрочем, в последнее время университеты все чаще привлекают практиков к преподаванию или созданию программ, что повышает актуальность обучения. Однако остается еще вопрос мотивации участия самих практиков в образовательной деятельности из-за низкого уровня оплаты труда в академической среде. Это также приводит к потере доверия между сторонами треугольника «образование – наука – бизнес». «Высшие учебные заведения в развитых странах играют роль генераторов инновационных процессов, тогда как государство и бизнес-сообщество – потребители и соинвесторы инновационных разработок» [4];

- недостаточное развитие государственно-частного партнерства. Существующие примеры сотрудничества (ИТ-кластеры, дуальное образование) являются единич-

ными. Не хватает устойчивой политики поддержки образовательных проектов, налоговых стимулов и механизмов привлечения бизнеса к учебному процессу. Без этого невозможно создать современную систему подготовки кадров. Во многих регионах отсутствуют площадки для сотрудничества между бизнесом, властью и образовательными учреждениями. Внедрение успешных моделей сотрудничества часто зависит от инициатив отдельных лидеров, а не от системного подхода. Также не разработано четких правил «игры» для всех участников партнерств;

– психологическое сопротивление и низкая мотивация сотрудников. Часть персонала, особенно в традиционных отраслях, сопротивляется цифровизации. Это связано со страхом перемен, нехваткой навыков, неуверенностью в будущем. Такая инерция тормозит модернизацию бизнес-процессов и внедрение технологий. Мотивацию снижает и отсутствие четких карьерных перспектив после обучения. Работники не видят прямой выгоды от изменений, особенно если предприятие не инвестирует в их развитие. Ключевую роль играет и поддержка руководства, которое часто не коммуницирует относительно важности трансформаций;

– отсутствие цифровой культуры в организациях. Устаревшие управленческие подходы, недостаток внутренней коммуникации и поддержки инноваций приводят к слабой адаптации работников. Предприятия не всегда стимулируют развитие цифровых компетенций. Эффективная трансформация требует изменений в корпоративной культуре, лидерстве и организационной поддержке. Отсутствие примеров успешного цифрового поведения со стороны менеджмента снижает доверие персонала к изменениям. Цифровая культура предполагает постоянное обучение, открытость к экспериментам и обмен знаниями – элементы, которые часто игнорируются. Без этого даже современные технологии не приносят желаемого эффекта;

– институциональные проблемы в сфере образования, законодательства, управления. Система образования не реагирует оперативно на технологические изменения, а повышение квалификации происходит несистемно. Законодательство не обеспечивает гибкость для цифровых инноваций, отсутствуют механизмы поддержки предприятий,

инвестирующих в персонал. Управленческие модели остаются бюрократическими, что сдерживает развитие человеческого капитала. Государственная политика часто не учитывает региональную специфику и потребности отдельных отраслей. Институты медленно меняют правила, что препятствует интеграции новых форм обучения. Отсутствие цифровых инструментов в управлении образовательным процессом также ухудшает эффективность решений;

– технологическое неравенство и ограничение доступа. Цифровая инфраструктура неравномерна – особенно в сельских районах, где слабый интернет, отсутствует оборудование и ИТ-кадры. Из-за этого жители таких регионов лишены возможностей онлайн-обучения или удаленной работы. Особенно уязвимы люди с ограниченными возможностями, пожилые люди и социально незащищенные категории. Недостаточный уровень цифровой инклюзии усугубляет социальное неравенство и ограничивает мобильность населения. Доступ к базовым цифровым услугам должен рассматриваться как часть социальных гарантий. Без государственных программ поддержки и субсидий эти категории останутся на обочине цифровой экономики.

Стратегическое планирование человеческого капитала предполагает не только управление персоналом в рамках отдельного предприятия, но и формирование долгосрочной политики развития трудовых ресурсов на национальном уровне. На макроуровне это означает разработку государственной стратегии с учетом динамики технологического развития, изменений в глобальной структуре занятости, демографических трендов и потребностей рынка труда. В частности, речь идет о создании систем прогнозирования востребованных профессий, модернизации образования, стимулирования работодателей к инвестированию в квалификации работников.

На микроуровне стратегическое планирование включает анализ потребностей в компетенциях на предприятиях, формирование индивидуальных траекторий развития для работников, внедрение систем управления талантами и построение цифровых профилей компетентности. Таким образом, создается гибкая экосистема подготовки кадров, способная быстро реагировать на изменения в бизнес-среде. Особую актуальность приобретает

внедрение HR-аналитики и прогнозных моделей, помогающих управленцам принимать стратегические решения на основе данных.

В 2024 года вышел Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. №145 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [1]. Стратегия определяет цель и задачи научно-технического развития РФ, и организации, занимающиеся развитием науки и технологий, обязаны обеспечивать это развитие. Цифровая трансформация образования как явление современной действительности диктует необходимость существенной и технологической трансформации системы высшего образования [12].

В цифровой экономике концепция «обучения на протяжении всей жизни» является необходимым условием сохранения конкурентоспособности работника. Внедрение непрерывного обучения должно охватывать формальное, неформальное и информативное образование. Работники должны иметь возможность обновлять свои знания и навыки без отрыва от основной деятельности, используя удобные форматы – онлайн-курсы, микрокурсы, корпоративные тренинги, образовательные платформы и т.п.

Для этого необходимо обеспечить доступность учебных ресурсов, адаптировать их к специфике профессий и уровню подготовки персонала. Важно также стимулировать участие в обучении через признание микроквалификаций, цифровых сертификатов, портфолио проектов. На уровне предприятий должна быть закреплена политика поддержки профессионального развития: компенсация за обучение, встроенные программы развития, менторство.

На государственном уровне стоит внедрять системы цифровой идентификации компетентностей, которые позволяют отслеживать прогресс лица в сфере образования, независимо от источника знаний. Такой подход обеспечит мобильность и адаптивность человеческого капитала.

«В условиях цифровизации экономики все большее значение приобретает использование новейших технических средств и инструментов для повышения эффективности деятельности предприятия, роста его конкурентоспособности» [9]. Цифровые платформы играют ключевую роль в формировании новой архитектуры обучения. Они обеспечивают

масштабируемость, доступность и персонализацию образовательного процесса. Цифровые платформы стали эффективным инструментом массовой подготовки специалистов в цифровых сферах – аналитики данных, программирования, маркетинга, управления проектами и т.п. К технической группе платформенных образовательных решений можно отнести следующие: [12]

- системы управления обучением, такие как Moodle, Blackboard и др., которые позволяют эффективно организовать образовательный процесс;
- массовые открытые онлайн-курсы, например, «Открытое образование», «Универсариум», «Инфоурок», «Лекториум» и др.;
- облачные ресурсы – платформы, которые позволяют хранить и обмениваться большими объёмами информации, учебными материалами, например, Яндекс Диск, Google Диск, Облако Mail.ru, Dropbox и др.;
- интерактивные технологии, позволяющие создать умное содержание, задания и тесты для обучения (LearnSmart, Interactive IQ, SmartStudy, EduQuest, BrainTrain);
- технологии виртуальной и дополненной реальности, которые позволяют создавать интерактивные и иммерсивные образовательные среды, такие как Google Expeditions, Oculus Rift, Microsoft HoloLens и др.;
- платформы, позволяющие организовать командную работу, общение и обмен опытом участников образовательного процесса, такие как Edmodo, Schoology, Slack и др.

Использование искусственного интеллекта в обучении позволяет адаптировать контент под уровень пользователя, отслеживать его прогресс и предоставлять индивидуальные рекомендации. Интеграция элементов геймификации, социального обучения и проектного подхода значительно повышает мотивацию персонала. В то же время государственные образовательные платформы должны стать каналом профессионального развития для педагогов, государственных служащих, медицинских работников и т.д. [2].

На предприятиях эффективными являются внутренние LMS (Learning Management Systems), которые позволяют строить корпоративные академии и создавать индивидуальные треки обучения. Синергия цифровых платформ, аналитики и управления знаниями

открывает возможность масштабного развития кадрового потенциала даже в отдаленных регионах или в условиях ограниченных ресурсов.

Выводы. Проведенный анализ свидетельствует о том, что кадровый потенциал является одним из ключевых ресурсов цифровой трансформации экономики. Однако его полноценная реализация сдерживается рядом барьеров и проблем – институциональных, технологических, социокультурных и образовательных. Имеющиеся вызовы требуют пере-

осмысления подходов к подготовке персонала, обновления образовательной и кадровой политики, изменения роли работника в новой цифровой экосистеме.

Развитие цифровой грамотности, создание равного доступа к технологиям, внедрение систем lifelong learning и цифровых платформ являются базовыми условиями эффективного кадрового обновления. В то же время необходимо стратегическое планирование человеческого капитала на всех уровнях управления и партнерство между государством, бизнесом и наукой.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003>
2. Валькович О.Н., Хуажева Б.Р. Использование современных образовательных технологий в процессе профессионального развития государственных служащих // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 10-2 (49). – С. 80-83.
3. Гительман Л.Д., Исаев А.П., Кожевников М.В., Гаврилова Т.Б. Междисциплинарные компетенции менеджеров для технологического прорыва. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. №13(3). – С. 182-198.
4. Дадаев Я.Э., Закриева З.М. Организационно-экономический механизм интеграции науки, образования и бизнеса // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 3(51). – С. 78-89.
5. Кадры для цифровой экономики: современный рынок труда и актуальные образовательные маршруты: аналитический обзор / Игнатьев А.Г., Курбатова Т.А., Кулешов А.А., Линдре Ю.А., Шамраев Р.А., Алиева М.А. // АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации», 2024, – С. 60
6. Коптева Ж.Ю., Томакова И.А. Развитие кадрового потенциала как основы для формирования цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. 2021. №1(11). – С. 151-163.
7. Смирнов Т.В. Особенности формирования кадрового потенциала государственной службы в условиях цифровизации экономики // Лидерство и менеджмент. 2025. № 2. – С. 447-464.
8. Спрос на навыки креативного класса. Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП. – 2024. – № 8 (37). – М.: ВШЭ. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/10/09/1885633213/Human_capital_NCMU_Digest_37_Demand_for_..Class_Skills_2024_SM_compressed.pdf
9. Сулумов С.Х., Быкова В.И., Абдуллаева З.М. Оценка интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 3(55). – С. 42-50.
10. Устинова К.А. Кадровое обеспечение задач цифровизации экономики в России / К.А. Устинова // Лидерство и менеджмент. 2024. № 4. – С. 1521-1538.
11. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.
12. Ширококолобова А.Г. Платформенные образовательные решения как инструмент цифровой дидактики // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании: V международная научно-практическая конференция. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 249–259.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 № 145 "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation." [Electronic resource]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003>
2. Valkovich O.N., Khuazheva B.R. The use of modern educational technologies in the process of professional development of civil servants//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 10-2 (49). – pp. 80-83.
3. Gitelman L.D., Isaev A.P., Kozhevnikov M.V., Gavrilova T.B. Interdisciplinary competencies of managers for technological breakthrough. Strategic decisions and risk management. 2022. №13(3). – pp. 182-198.

4. Dadaev Ya.E., Zakrieva Z.M. Organizational and economic mechanism of integration of science, education and business//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2023. № 3(51). – pp. 78-89.
5. Personnel for the digital economy: modern labor market and current educational routes: analytical review/Ignatiev A.G., Kurbatova T.A., Kuleshov A.A., Lindre Yu.A., Shamraev R.A., Aliyeva M.A.//ANO "Center for Global IT Cooperation," 2024, – pp. 60.
6. Kopteva Zh.Yu., Tomakova I.A. Development of human resources as a basis for formation of the digital economy//Izvestia of Southwestern State University. 2021. №1(11). – pp. 151-163.
7. Smirnov T.V. Features of formation of personnel potential of the civil service in the context of digitalization of the economy//Leadership and management. 2025. № 2. – pp. 447-464.
8. Demand for creative class skills. Scientific digest of the SCMU CMICHP. – 2024. – № 8 (37). - M.: HSE. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/10/09/1885633213/Human_capital_NCMU_Digest_37_Demand_for_.Class_Skills_2024_SM_compressed.pdf
9. Sulumov S.Kh., Bykova V.I., Abdullaeva Z.M. Assessment of intellectual capital in the context of digitalization of the economy//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2024. № 3(55). – pp. 42-50.
10. Ustinova K.A. Staffing of the tasks of digitalization of the economy in Russia/K.A. Ustinova//Leadership and management. 2024. № 4. – pp. 1521-1538.
11. Digital Economy: 2023: a short statistical collection/G.I. Abdrakhmanova, S.A. Vasilkovsky, K.O. Vishnevsky and others – M.: HSE, 2023. – 120 p.
12. Shirokolobova A.G. Platform educational solutions as a tool of digital didactics//Digital humanitarianism and technology in education: V international scientific and practical conference. – M.: FSBEI HE MGPPU, 2024. – pp. 249-259.

Информация об авторах / Information about the Authors

Киян Т.В., доцент кафедры экономической теории, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск; доцент кафедры управления и экономики здравоохранения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения РФ, г. Красноярск

Kiyon T.V., Associate Professor of the Department of Economic Theory, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk; Associate Professor of the Department of Management and Economics of Healthcare, Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk

Митрофанов С.В., канд. с.-х. наук, заведующий отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Mitrofanov S.V., Candidate of Sciences in Agriculture, Head of the Department of Economics of Innovations in Agriculture, Institute of Agrarian Research, Higher School of Economics, Moscow

Дадаев Я.Э., старший преподаватель кафедры менеджмента,

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Dadaev Ya.E., Senior Lecturer of the Department of Management, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 339.137.2

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-74-82

**ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ****Мусханова Х.Ж.,***ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный*

Аннотация. В условиях трансформационных процессов и географической централизации в банковском секторе актуальным становится вопрос развития конкурентной среды между банками. Тенденции пространственной концентрации банковского сектора описывают изменения в распределении банковских учреждений и активов. Данные тенденции могут иметь негативные последствия для доступности финансовых услуг, банковской конкуренции, экономического развития регионов и в целом устойчивости банковской системы. В статье рассмотрена динамика основных показателей банковской системы, характеризующих их институциональную природу. Выдвинута гипотеза о влиянии банковской концентрации на конкуренцию банковской системы. Проанализирована количественная и качественная характеристика, а также проведен анализ уровня концентрации российского банковского сектора по величине активов крупнейших банков страны. В статье отмечено, что более уязвимыми российскими регионами являются те регионы, в которых свою деятельность осуществляют преимущественно банки второго эшелона или филиалы системно значимых кредитных организаций.

Ключевые слова: банк, региональный банк, российская банковская система, кредитная организация, концентрация банковского сектора.

Для цитирования: Мусханова Х.Ж. Тенденции пространственной концентрации в российской банковской системе // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 74-82.

**TENDENCIES OF SPATIAL CONCENTRATION
IN THE RUSSIAN BANKING SYSTEM****Muskhanova Kh.D.,***Kadyrov Chechen State University, Grozny*

Abstract. In the context of transformation processes and geographical centralization in the banking sector, the issue of developing a competitive environment between banks has become relevant. The article examines the dynamics of the main indicators of the banking system, which characterize their institutional nature. The hypothesis is put forward about the influence of banking concentration on the competition of the banking system. The quantitative and qualitative characteristics are examined in detail, and the level of concentration of the Russian banking sector is analyzed based on the size of the assets of the country's largest banks. The article notes that the most vulnerable Russian regions are those where second-tier banks or branches of systemically important credit institutions operate.

Keywords: bank, regional bank, Russian banking system, credit institution, concentration of the banking sector.

For citation: Muskhanova Kh.D. Tendencies of spatial concentration in the Russian banking system // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 74-82.

Введение. Современное состояние российской банковской системы характеризуется высокой динамичностью и постоянными преобразованиями. Следовательно, вопросы конкуренции на рынке банковских услуг достаточно актуальны, так как стабильно функционирующая банковская система является ключевым фактором развития экономики стран. Банковская конкуренция увеличивает долю финансового сектора, улучшает деятельность кредитных организаций, стимулируя их к повышению эффективности и улучшению качества обслуживания клиентов, способ-

ствует росту капитала в реальном секторе экономики, а также в целом повышает благосостояние потребителей. В условиях высокой конкуренции банки вынуждены искать способы снижения издержек, чтобы предлагать более конкурентоспособные продукты и услуги.

Динамичность и трансформация банковской системы связана с рядом факторов: геополитическая обстановка, регуляторные изменения, цифровизация и развитие организаций финтех, макроэкономическая ситуация в стране, изменение потребительских предпочтений и т.д.

Политика Банка России, начатая в 2013 году и активно проводимая за последнее десятилетие, показывает нам значительные институциональные изменения в банковской системе РФ. Рассматриваемая динамика количества кредитных организаций показывает значительные сокращения в банковской системе. Так, тенденция к сокращению количества кредитных организаций наблюдается также и по регионам Российской Федерации. Одновременно наблюдается увеличение объема активов кредитных организаций, что свидетельствует о сохранении достаточного уровня финансовой стабильности банков, оставшихся на российском финансовом рынке. [5;74]

Доля малого и среднего бизнеса в российской экономике относительно невелика, большая часть из них приходится на крупные компании, обладающие достаточным капиталом. По статистическим данным за июнь 2025 года, доля малого и среднего бизнеса в ВВП России в 2024 году достигла 21,7%.

Методика. Теоретико-методологической базой исследования являются научные труды и публикации отечественных ученых в области банковского бизнеса, а также научные разработки в области развития российской банковской системы. Исследования во-

просов трансформации российской банковской системы и ее эффективность широко освещаются в трудах Ависа О. У., Вагановой О. В., Вивьес К., Исаева Р. А., Никонец О. Е., Магомаевой Л. Р., Парусимовой Н. И., Просаловой В. С., Свиридова О. Ю. В статье применялись методы анализа, синтеза, группировки, сравнения, а также статистический и финансовый анализ.

Основная часть. В условиях происходящей трансформации российской банковской системы, обусловленной значительным сокращением кредитных организаций (рисунок 1), происходит концентрация и централизация банковского сектора, что ограничивает кредитование регионального малого и среднего бизнеса. Следовательно, в регионах, представленных своей спецификой и диверсифицированной экономикой должны присутствовать местные специализированные банки.

Для проведения анализа и выявления значительных факторов наличия банковской конкуренции проанализируем количество и размер действующих кредитных организаций в российском банковском секторе, так как их динамика является важным элементом анализа. Анализ рыночной доли банковского сектора позволяет оценить степень концентрации рынка и выявить доминирующих игроков.

Рисунок 1. Динамика количества коммерческих банков РФ (2010-2025 гг.) [4].

Начиная с 2010 года по 2013 годы количество коммерческих банков снижалось на 3-4% в год. Начатая в 2013 году политика оздоровления российского банковского сектора, которая была направлена на улучшение

финансового положения кредитных организаций и предотвращение их банкротства, привела к массовому сокращению банков. [4;134] В результате, в период 2013-2020 гг. количе-

ство банков сократилось более чем вдвое и составило на конец 2020 года 411 единиц (на 512 меньше в сравнении с 2013 годом). На 1 августа 2025 года количество коммерческих банков составляет 308, из них 214 с универсальной лицензией и 94 с базовой.

Экономический кризис 2014 года показал снижение кредитной активности крупными банками в регионах более отдаленными от головных офисов банков. Однако с 2017 года инвестиционная активность банков в ЦФО была намного лучше. Динамика объемов кредитования юридических лиц крупными банками была обусловлена перераспределением части финансовых средств, сконцентрированных в столице в регионы. Поэтому особое внимание уделяется именно проблеме равномерного распределения финансирования малого и среднего бизнеса, особенно в усло-

виях пространственной трансформации банковского сектора. В регионах происходит снижение активной деятельности региональных банков из-за конкуренции с крупными банками.

Динамика кредитования МСП показывает снижение темпов прироста выдачи кредита в 2024 году. В 2023 году объем выданных кредитов вырос на 39,6% по сравнению с 2022, а в 2024 году выдано кредитов только лишь на 7,2% больше, чем в 2023 г. Такая динамика во многом обусловлена снижением спроса на кредиты в условиях ужесточения денежно-кредитной политики Банка России (рисунок 2).

Доминирующую позицию по объемам выданных кредитов занимает отрасль торговли, что объясняется рядом факторов, характерных данной отрасли, и ее финансовыми потребностями.

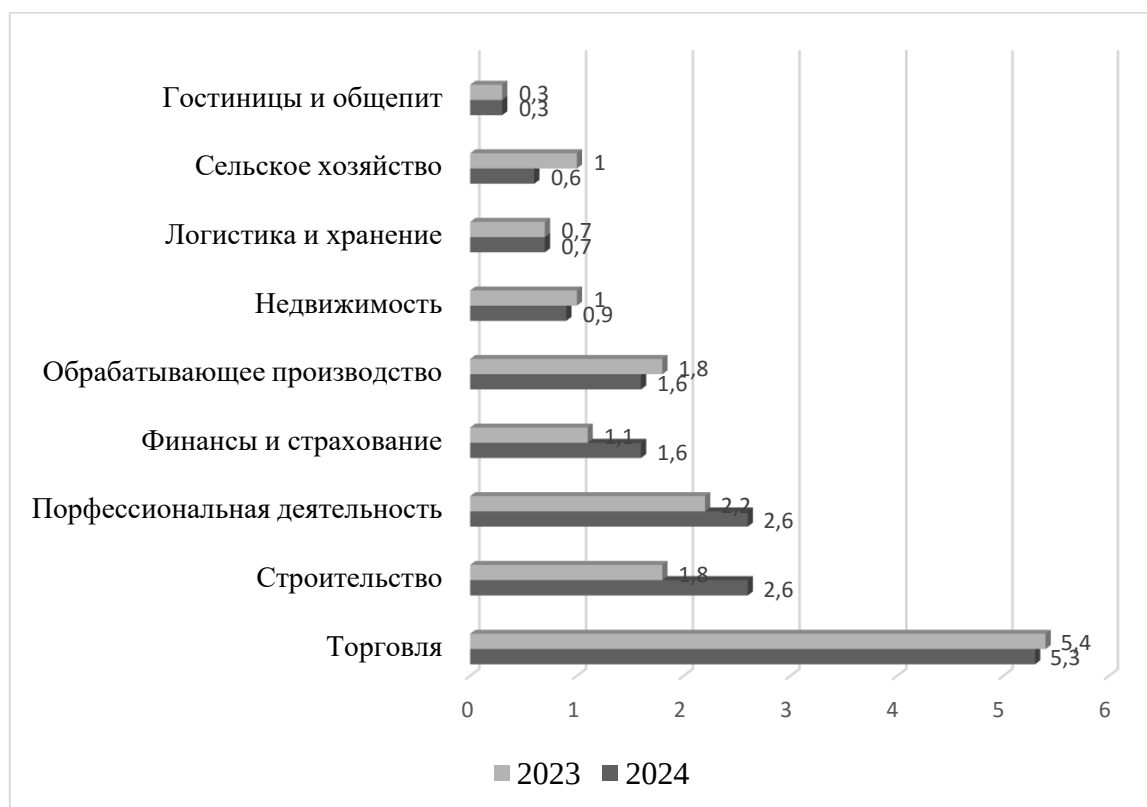

Рисунок 2. Объем выданных кредитов МСП в разрезе отраслей трлн. руб. [7].

Крупнейшие банки (таблица 2), как правило предпочитают кредитовать относительно крупные и более прибыльные предприятия, так как это наиболее выгодно и менее рискованно для их деятельности. Следовательно, их инвестиционная активность в отношении МСП может быть низкой, так

как банки менее склонны рассматривать заявки МСП в регионах. В результате от этого может страдать экономический рост в регионах из-за трудностей с финансированием, так как высокая концентрация банков имеет вероятность негативных последствий для кредитования субъектов РФ. К примеру, в рамках

структуры экономики РФ выделяются регионы с преобладающим значением сельского хозяйства. Следовательно, таким предприятиям, требуется дополнительное финансирование, так как отрасль сельского хозяйства обладает своей спецификой и особенностями.

Высокая концентрация рынка может снижать интенсивность конкуренции. С одной стороны, в условиях доминирования на рынке, крупные банки заинтересованы в привлечении новых клиентов, в особенности в регионах с растущей экономикой. Однако, в условиях высокой концентрации, банки, занимающие лидирующее положение на рынке, вероятно не будут испытывать необходимость в конкуренции за клиента, так как уже имеют достаточно широкую клиентскую базу и прибыльность.

По рисунку 2 видно, что за предыдущие годы объем выданных кредитов относительно низок, данные свидетельствуют о том, что сельскохозяйственные предприятия могут испытывать дефицит кредитных ресурсов и как следствие замедлять развитие сельских территорий. Крупным банкам зачастую не хватает программ финансирования, направленных на внедрение новых кредитных продуктов и услуг, ориентированных на различные особенности отдельных регионов РФ.

Концентрация банковского сектора порождает вопросы уровня конкуренции на

рынке банковских услуг. Так как более половины кредитных организаций зарегистрированы в столице, в регионах же осуществляют свою деятельность гораздо меньше банков, в некоторых их даже единицы. Следовательно, рассуждать о целостном национальном рынке банковских услуг с равномерными параметрами достаточно сложно. Стоит отметить, что банковская концентрация на рынке не является определяющим фактором конкуренции, тем не менее, относится к одному из основных условий определения рыночной власти и монополизации.

Таким образом, можно предположить, что высокий уровень концентрации на рынке банковских услуг будет негативно влиять на кредитование малого и среднего бизнеса, способствуя снижению конкуренции на рынке банковских услуг.

Согласно статистическим данным Банка России (рисунок 3) за первое полугодие 2025 года заметно сократились темпы роста основных показателей банковского сектора. По данным наблюдается снижение темпов роста общего портфеля корпоративных кредитов, а также снижение и потребительского кредитования. При этом, портфель кредитов малого и среднего бизнеса наоборот показал рост. Стоит отметить, что ипотечный портфель остается на прежнем уровне.

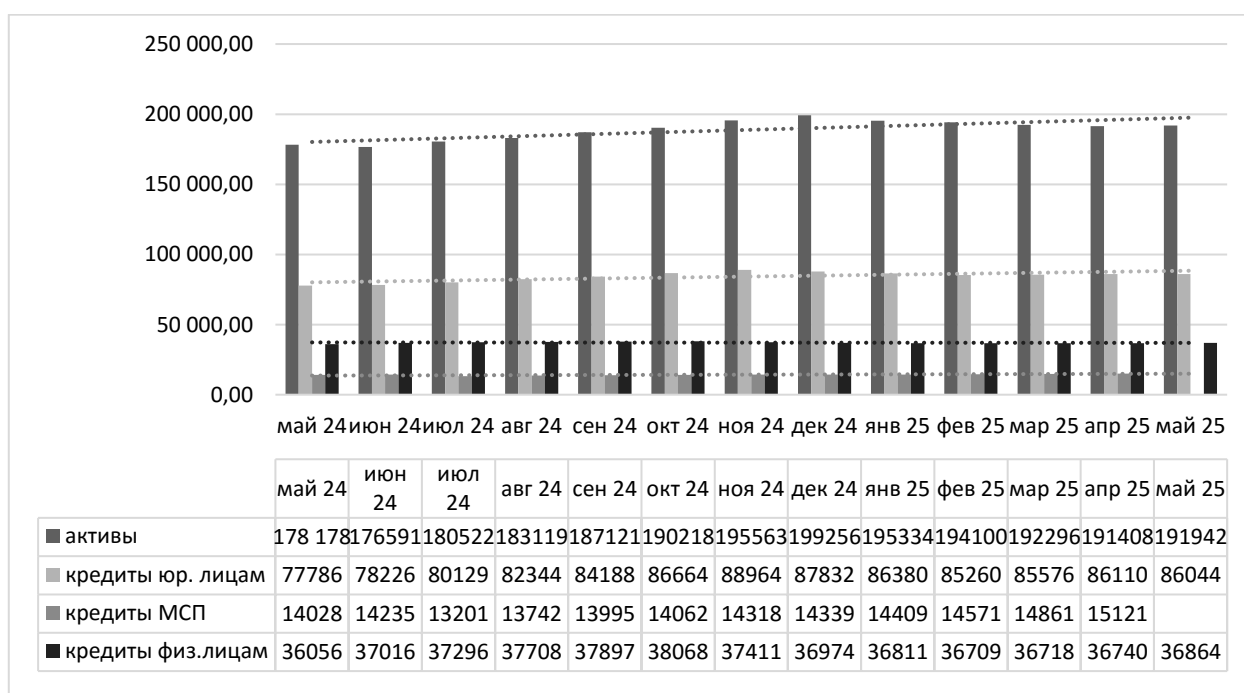

Рисунок 3. Динамика основных показателей банковского сектора млрд. рублей (май 2024 – май 2025) [8].

В таблице 2 представлены крупные российские банковские организации по величине активов, кредитного портфеля и вкладам физических. Анализ данных показателей позволяет сделать вывод, что крупнейшие банки

страны имеют тенденцию к увеличению активов и своего кредитного портфеля, в то время как средние и мелкие кредитные организации наиболее подвержены трудностям, что как следствие еще больше приводит к росту концентрации рынка.

Таблица 2

Крупнейшие банки России по величине активов, кредитного портфеля и вкладам физических лиц по состоянию на 01.08.2025 г.

Рейтинг	Банк	Величина активов (трлн. руб)	Кредитный портфель (трлн. руб)	Вклады физических лиц (млрд. руб)
1	Сбербанк	59,6	43,962	17355
2	ВТБ	34,6	19,661	8292
3	Газпромбанк	17,3	11,917	2603
4	АЛЬФА-БАНК	11,3	8,003	3081
5	Россельхозбанк	5,6	4,135	1675
6	Т-Банк	5,0	2,758	2623
7	Московский кредитный банк (МКБ)	4,9	3,053	676
8	Совкомбанк	4,0	2,763	986
9	Банк ДОМ.РФ	3,8	2,615	373
10	Райффайзенбанк	1,9	0,267	301
11	Банк «РОССИЯ»	1,3	0,837	202
12	Банк «Санкт-Петербург»	1,3	0,774	290
13	НОВИКОМ	1,0	0,626	84
14	Ак Барс Банк	1,0	0,429	99
15	Уралсиб	0,8	0,443	201
16	МТС Банк	0,7	0,332	231
17	ЮниКредитБанк	0,7	0,073	13
18	ОПТ Банк	0,7	0,299	299
19	Почта Банк	0,5	0,144	295
20	Национальный Резервный Банк	0,4	0,094	47

Источник: Составлено автором на основании данных сайта <https://www.banki.ru/>

Число филиалов, подразделений в регионах повышает спрос на кредитование, следовательно, нахождение физических отделений офисов банков будет являться определяющим условием.

Проанализируем и проведем оценку показателей концентрации действующих кредитных организаций и их подразделений. (таблица 3)

Таблица 3

Статистика территориального присутствия действующих кредитных организаций и их подразделений по состоянию на 01.08.2025 г.

	Головной офис	Филиалы	Представительства	Дополнительные офисы	Мобильные офисы
Российская Федерация	352	373	38	23313	363
Центральный Федеральный округ	207	86	10	5870	49
Северо-Западный Федеральный округ	32	43	8	2195	30
Южный Федеральный округ	16	40	7	2633	38

Северо-Кавказский Федеральный округ	7	20	0	717	2
Приволжский Федеральный округ	40	60	8	4944	143
Уральский Федеральный округ	20	40	2	2051	24
Сибирский Федеральный округ	18	48	2	2835	35
Дальневосточный Федеральный округ	12	34	1	1488	17

Источник: Составлено автором на основании данных сайта <http://www.cbr.ru/> [8]

Как видно из таблицы 3 основная концентрация банков и их подразделений сосредоточено в Центральном Федеральном округе, что объясняется нахождением и развитием финансовой инфраструктуры в городе федерального значения Москва. ЦФО является наиболее экономически развитым, что как правило порождает необходимость наличия банковских услуг.

В таблице 4 сгруппирована основная характеристика эффективности деятельности национальной банковской системы в зависимости от величины активов кредитных организаций. На основе полученных результатов

также видно, что банки первой группы сосредоточили более половины активов и капитала банковской системы. Более половины кредитов также приходится на их группу. Таким образом, можно сделать вывод, что данное положение говорит нам о достаточно высокой степени монополизации рынка банковских услуг и низком уровне конкурентоспособности банковского сектора.

Для статистической оценки конкуренции широко используются показатели концентрации банковских услуг как в разрезе видов самих услуг и ряда финансовых инструментов, так и в территориальном разрезе.

Таблица 4

Отдельные показатели деятельности кредитных организаций (по группам кредитных организаций, ранжированных по величине активов) по состоянию на 01.07.2025 г.

	Группы кредитных организаций, ранжированные по величине активов (по убыванию)						
	1-5	6-10	11-20	21-50	51-100	101-	Итого
Активы							
Активы-нетто (за вычетом резервов на возможные потери и налога на прибыль), млн руб.	128 965 272	27 266 473	17 475 120	11 853 300	4 706 449	2 756 001	193 022 614
Корпоративные кредиты* (нефинансовым и финансовым организациям (кроме кредитных организаций), млн руб.	61 648 003	13 818 122	6 589 025	2 057 187	1 100 426	694 045	85 906 808
Кредиты физическим лицам*, млн руб.	27 047 731	5 176 666	1 192 240	2 578 055	590 932	293 906	36 879 530
Капитал и финансовый результат							
Капитал (собственные средства), млн руб.	12 682 016	2 582 310	1 832 027	1 787 287	713 313	-670 301	18 926 652
Достаточность капитала Н1.0, %	12,5	11,4	15,9	19,9	21,5	29,0	13,5

Резервы на возможные потери с учетом корректировки, млн руб.	6 418 685	2 022 858	608 837	768 873	293 890	202 925	10 316 068
Резервы на возможные потери без учета корректировки, млн руб.	6 960 581	2 172 101	648 361	836 850	337 040	255 433	11 210 368
Чистая прибыль текущего года (после налогообложения), млн руб.	1 207 700	139 012	114 096	183 362	65 484	76 127	1 785 782
Рентабельность активов, %	2,2	0,8	1,8	3,2	3,8	5,5	2,1
Рентабельность балансового капитала, %	26,1	10,0	18,5	22,5	25,9	22,8	22,6
Обязательства							
Средства (вклады) физических лиц**, млн руб.	44 845 178	8 532 939	1 801 674	3 170 541	1 200 671	705 916	60 256 918
Средства корпоративных клиентов (депозиты и средства на счетах нефинансовых и финансовых организаций (кроме кредитных организаций) млн руб.	35 584 164	10 335 568	7 000 137	3 923 176	1 737 060	873 978	59 454 082
Кредиты, полученные от Банка России, млн руб.	2 059 707	224 112	122 949	52 846	99 540	1 723	2 560 877

Источник: официальный сайт Банка России [http://www.cbr.ru/\[8\]](http://www.cbr.ru/[8]).

Показатели концентрации финансовых услуг используются для определения измерения наиболее крупных участников, контролирующих определенную часть рынка финансовых услуг. Доли участников рынка рассчитываются на основе банковских показателей: активы, кредитный портфель, капитал, прибыль.

Индекс Херфиндаля–Хиршмана учитывает рыночные доли всех фирм на рынке. Для оценки рыночной концентрации банков рассчитаем коэффициент концентрации (IR) и индекс Херфиндаля–Хиршмана по величине активов, кредитного портфеля и вкладам физических лиц, используя формулу 1.

$$HHI = s_1^2 + s_2^2 + s_3^2 + \dots + s_n^2 \quad (\text{формула 1})$$

В зависимости от значения расчетных величин выделяют низкоконцентрированные, умеренно концентрированные и высококонцентрированные рынки. Диапазон расчетной величины должен находиться в пределах от 1 до 10000.

Значение индекса свыше 1800 будет указывать на высокую степень концентрации рынка.

ИН, рассчитанный по величине активов (исходные данные таблицы 2) показал:

$$HHI = 59.6^2 + 34.6^2 + 17.3^2 + 11.3^2 + 5.6^2 + 5.0^2 + 4.9^2 + 4.0^2 + 3.8^2 + 1.9^2 + 1.3^2 +$$

$$1.3^2 + 1.0^2 + 1.0^2 + 0.8^2 + 0.7^2 + 0.7^2 + 0.7^2 + 0.5^2 + 0.4^2 = 5298.62$$

Поскольку $HHI > 1800$, то данный рынок относится к высококонцентрированным рынкам (концентрация на рынке высокая).

ИН, рассчитанный по объемам кредитного портфеля (исходные данные таблицы 2) показал:

$$HHI = 43.962^2 + 19.661^2 + 11.917^2 + 8.003^2 + 4.135^2 + 2.758^2 + 3.053^2 + 2.763^2 + 2.615^2 + 0.267^2 + 0.837^2 + 0.774^2 + 0.626^2 + 0.429^2 + 0.443^2 + 0.332^2 + 0.073^2 + 0.299^2 + 0.144^2 + 0.094^2 = 2576.15$$

Поскольку $HHI > 1800$, то данный рынок относится к высококонцентрированным рынкам (концентрация на рынке высокая).

ИН, рассчитанный по объемам вкладов физических лиц (исходные данные таблицы 2)) показал:

$$HHI = 17355^2 + 8292^2 + 2603^2 + 3081^2 + 1675^2 + 2623^2 + 676^2 + 986^2 + 373^2 + 301^2 + 202^2 + 290^2 + 84^2 + 99^2 + 201^2 + 231^2 + 13^2 + 299^2 + 295^2 + 47^2 = 397980442$$

Поскольку $HHI > 1800$, то данный рынок относится к высококонцентрированным рынкам (концентрация на рынке высокая).

Заключение. Проведенный анализ данных и коэффициент концентрации показал высокие значения, что свидетельствует о наличии высокой концентрации на рынке банковских услуг.

На сегодняшний день доля крупных банков страны в общем объеме активов увеличивается, особенно в рейтинге 10 банков доля превышает 80%. При этом стоит отметить, что особенно высокую концентрацию банковский сектор имеет в ЦФО, что также может отразиться негативным фактором на развитие здоровой конкуренции в территориальном разрезе.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что в обеспечении банковскими услугами между регионами имеется значительный разрыв, что естественным образом будет сказываться на уровне конкурентоспособности российской банковской системы.

Как отмечается выше, институциональные изменения российской банковской системы оказывают сложное и многогранное

влияние на развитие конкурентной среды в банковском секторе. При этом однозначного ответа нет, так как во многом это будет зависеть от степени и уровня концентрации. С одной стороны, высокая концентрация банковской системы приводит к доминированию на рынке крупных банков, которые могут выступать монополистами. Для средних и мелких банков снижается стимул к инвестированию своей деятельности, внедрению банковских инноваций, расширению линейки банковских продуктов, улучшению качества предоставляемых услуг и т.д.

Таким образом, последствия банковской концентрации требуют повышенного внимания со стороны регулятора, для поддержания здоровой конкуренции и защиты интересов всех участников рынка. Политика мегарегулятора должна смягчать негативные последствия концентрации, путем установления требований к банкам по кредитованию МСБ для развития региональной экономики и поддержания. В более развитых регионах концентрация банковской системы может оказывать меньшее отрицательное воздействие на кредитование, так как в таких регионах существует больше возможностей финансирования из других источников. И наоборот, в отдаленных регионах может возникнуть проблема доступности банковских услуг.

Следовательно, необходим баланс для поддержания устойчивого развития российской банковской системы в целом, для стимулирования здоровой конкуренции между всеми участниками рынка, в особенности на региональных рынках кредитования.

Список источников

1. Васильева Ю.А. Качественные характеристики банковских услуг, влияющие на выбор обслуживающего банка/Ю.А. Васильева, М.В. Цыганова// Банковское дело. 2020. № 12. – С.61-71.
2. Зубов, Я.О. Направления развития банковской системы России // Наука и искусство управления. 2022. №1. – С. 48-59.
3. Иванюшкина, В.Н. Перспективы развития банковской системы в России // Вектор экономики. 2022. №5. – С. 1-5.
4. Мусханова, Х.Ж. Обеспечение устойчивости банковской системы России в условиях трансформационных процессов: специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мусханова Хеда Жамуловна, 2021. – 206 с. – EDN UFLWPI.
5. Салин В.Н., Севрук В.Т. Третьякова О.Г Статистический анализ банковской системы России // Вестник Финансового университета. 2015. № 6 (90).
6. Отчет о развитии банковского сектора Российской Федерации в мае 2025 г. 2025. – 23 с.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/http://www.gks.ru/>.
8. Официальный сайт Центрального Банка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/http://www.cbr.ru/>
9. Современная банковская система Российской Федерации: учебник для вузов / Д.Г. Алексеева. – М.: Юрайт, 2023. – 290 с.

References

1. Vasilyeva Yu.A. Qualitative characteristics of banking services affecting the choice of a servicing bank/Yu.A. Vasilyeva, M.V. Tsyganova//Banking. 2020. № 12. – pp.61-71.
2. Zubov, Y.O. Directions of development of the banking system of Russia//Science and art of management. 2022. №1. – pp. 48-59.
3. Ivanyushkina, V.N. Prospects for development of the banking system in Russia//Vector of economics. 2022. №5. – pp. 1-5.
4. Muskhanova, H.Zh. Ensuring the stability of the Russian banking system in the context of transformational processes: specialty 08.00.10 "Finance, money circulation and credit": dissertation for the degree of candidate of economic sciences/Muskhanova Kheda Zhamulovna, 2021. – 206 p.
5. Salin V.N., Sevruk V.T. Tretyakova O.G. Statistical analysis of the banking system of Russia//Bulletin of Financial University. 2015. № 6 (90).
6. Report on the development of the banking sector of the Russian Federation in May 2025 2025. – 23 s.
7. Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru/http://www.gks.ru/>.
8. The official website of the Central Bank [Electronic resource]. URL: <http://www.cbr.ru/http://www.cbr.ru/>
9. Modern banking system of the Russian Federation: textbook for universities/D.G. Alekseeva. – М.: Yurayt, 2023. – 290 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мусханова Х.Ж., ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный
Muskhanova Kh.D., Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 338.43:633.1

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-83-90

РАЗВИТИЕ ЗЕРНОВОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

Семенова Н.Н.¹, Аверин А.Ю.²

¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск

²ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза

Аннотация. Зерновая отрасль играет важную роль в российской экономике, поскольку, во-первых, обеспечивает продовольственную безопасность и продовольственную независимость; во-вторых, формирует экспортный потенциал страны. В статье проведен анализ состояния российского сегмента выращивания зерновых культур в 2022 – 2024 гг. в условиях санкционного давления, ограничений экспортной логистики и ценового администрирования. Цель исследования – оценка современного состояния российского зернового сектора с позиции влияния агроклиматических, экономических и политических факторов. Проведен анализ динамики валового сбора зерна и выручки от реализации под влиянием интенсивных и экстенсивных факторов. Показано, что ключевым источником межгодовой волатильности производства выступают погодные условия, тогда как денежный результат определяется ценовой конъюнктурой, зависящей от экспортного режима и внутренних издержек.

Ключевые слова: зерновая отрасль, рынок зерновых культур, зерновой экспорт, санкции, оценка, развитие.

Для цитирования: Семенова Н.Н., Аверин А.Ю. Развитие зерновой отрасли в условиях санкционного давления на российскую экономику // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 83-90.

DEVELOPMENT OF THE GRAIN INDUSTRY IN THE CONTEXT OF SANCTIONS PRESSURE ON THE RUSSIAN ECONOMY

Semenova N.N.¹, Averin A.Yu.²

¹National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

²Penza State University, Penza

Abstract. The grain industry plays a vital role in the Russian economy because, firstly, it ensures food security and food independence; secondly, it builds the country's export potential. This article analyzes the state of the Russian grain production sector in 2022-2024 under the pressure of sanctions, restrictions on export logistics, and price administration. The objective of the study is to assess the current state of the Russian grain sector from the perspective of agroclimatic, economic, and political factors. The analysis of the dynamics of the gross grain harvest and sales revenue under the influence of intensive and extensive factors is conducted. It is shown that weather conditions are the key source of inter-annual production volatility, while the monetary result is determined by the price environment, which depends on the export regime and domestic costs.

Keywords: grain industry, grain market, grain exports, sanctions, assessment, development

For citation: Semenova N.N., Averin A.Yu. Development of the grain industry in the context of sanctions pressure on the Russian economy // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 83-90.

Введение. С 2022 г. развитие российской зерновой отрасли происходит под воздействием двух взаимосвязанных шоков: проведения специальной военной операции и оказания санкционного давления. Санкции затронули логистику, страхование судов, расчеты через банки и доступ к отдельным экспортным маршрутам, что повысило стоимость вывоза зерна и сузило круг лояльных контрагентов. В ответ государство усилило контроль за ценовыми параметрами через экспортные пошлины, квоты и административное регулирование объемов экспорта, чтобы сдерживать

внутреннюю инфляцию и обеспечить достаточное предложение продовольственного и фуражного зерна на внутреннем рынке.

В настоящее время зерновой сектор становится не только производственным контуром развития отечественного агропродовольственного комплекса (АПК), но и инструментом реализации макроэкономической и санкционной политики. В сложившейся ситуации зерно приобретает двойственный статус. С одной стороны, – это базовый ресурс продовольственной безопасности: поддержание доступности продовольственного и кормового

зерна рассматривается как элемент социальной и ценовой устойчивости. С другой стороны, – это источник экспортной выручки: аграрный экспорт стал одной из ведущих статей внешнеторговых доходов после нефти и газа, а поставки зерна используются как канал внешнеэкономического влияния. Россия сохраняет статус крупнейшего экспортера пшеницы; устойчивость российских поставок критична для импортозависимых регионов и глобальной продовольственной безопасности [1, 10]. В связи с этим актуальным является исследование современного состояния и развития российского зернового сектора с позиции влияния агроклиматических, экономических и политических факторов.

Методика. В рамках исследования проведен анализ влияния ряда факторов (агроклиматических, экономических и политических) на производственные и ценовые результаты российского растениеводства в сегменте выращивания зерновых культур за 2022 – 2024 гг. На первом этапе проводился сбор официальной статистики по валовому сбору, урожайности, посевной площади, объему реализации и средним отпускным ценам зерновых культур. На втором этапе был проанализирован погодный профиль сезонов: анализ температур, осадков, агроклиматических стрессов в ключевые фазы вегетации. На третьем этапе была осуществлена факторная декомпозиция в разрезе влияния количественных (экстенсивных) и качественных (интенсивных) факторов: вклад качественного (урожайность) и количественного факторов (посевная площадь) в формирование валового сбора, а также количественного (объем реализации) и качественного (цена реализации) факторов на размер выручки от реализации. На четвертом этапе была проведена оценка влияния косвенных ограничений (логистика, санкции, издержки, стоимость капитала) на состояние зерновой отрасли. Была проведена оценка товарности производства и структуры сбыта, что позволило увязать биологический результат с экономическими показателями деятельности сельскохозяйственных производителей.

Основная часть. Основной фактор, оказывающий существенное влияние на результативность растениеводства, – погодноклиматические условия [6, 7, 8]. Как отметил Бероев М.Т., «эффективность агропромышленного производства напрямую зависит от

природных факторов, комплексный к минимизации негативных проявлений позволяет достичь высокого уровня обеспечения продовольственной безопасности» [2, с.185]. По мнению Малыгина А.А., неустойчивость погодных условий вызывает перепады в урожайности и валовом сборе продукции [8, с. 62].

Стоит отметить, что в 2022 г. агроклиматический фактор выступил не как ограничение, а стал основным источником роста физического производства зерна. Зимовка озимых проходила в условиях умеренных температур и достаточного снежного покрова, что минимизировало вымерзание и обеспечило сохранение нормальной густоты стеблестоя. В весенне-летний период сформировался благоприятный баланс тепла и влаги: осадки и температурный режим в основные фазы вегетативного роста зерновых культур (кущение, выход в трубку, колошение и налив зерна) оставались в пределах оптимального интервала значений без продолжительных дефицитов влаги и избыточных осадков для формирования полноценного зерна [12]. Это снизило физиологический стресс посевов, особенно озимой пшеницы в южных и центральных регионах, и поддержало продуктивность ярового клина в зонах рискованного земледелия. Отсутствие затяжных дождей в период уборки также сократило потери и долю недозревшего зерна, стабилизировав показатели натурности. Широкие по продолжительности погодные интервалы благоприятных условий позволили аграриям в полном объеме провести ключевые технологические полевые операции (подкормки, обработку средствами защиты растений, десикацию и своевременную уборку), что способствовало конвертации агроклиматического ресурса в конечный результат. Итогом стало увеличение валового сбора зерновых культур на 30,2 % до 151,3 млн тонн (таблица 1) [11]. Динамика была обусловлена в основном ростом урожайности на 29,8 % до 3,4 тонн с га убранной площади, вклад расширения посевных площадей был минимален (рост на 0,4 %, до 44,6 млн га).

В 2023 г. ключевым фактором динамики производства зерновых снова выступили погодные условия, но их влияние было менее однородным по территории. В зоне ярового клина отмечались эпизоды влаго-дефицита и теплового стресса, что ограничивало потенциал урожайности. Одновременно на

Юге и в ряде территорий Центрального федерального округа формировался благоприятный агрофон: озимые практически не пострадали от вымерзания, в фазах кущения и колошения сохранялась достаточная влагообеспеченность, фитосанитарные риски оставались управляемыми. Это привело к разнонаправленной региональной картине, но в среднем обеспечило высокую результативность посевов и сдержанные потери при уборке. Качество зерна при этом оказалось неоднородным: в ряде территорий дожди в период созревания

и уборки снизили долю партий с повышенным протеином. По итогам года валовой сбор зерновых культур сократился на 9,1 % и составил 137,5 млн тонн, что ниже уровня 2022 г., но все еще превышает средние значения за весь период наблюдений. Снижение объясняется главным образом ухудшением урожайности на 8,8 % до 3,1 тонн с га убранной площади. Вклад сокращения площади посевов был незначительным: площади под зерновыми уменьшились на 0,4 %, до 44,4 млн га.

Таблица 1

Динамика показателей развития зерновой отрасли России.

Наименование показателя	Значение по годам			
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Валовой сбор зерновых культур:				
– в млн тонн	116,2	151,3	137,5	119,0
– в % год к году	-	30,2	-9,1	-13,5
Посевные площади зерновых культур:				
– в млн га	44,4	44,6	44,4	41,7
– в % год к году	-	0,4	-0,4	-6,2
Урожайность зерновых культур:				
– в тоннах с га убранных площадей	2,6	3,4	3,1	2,9
– в % год к году	-	29,8	-8,8	-7,8

В 2024 г. определяющим фактором динамики производства зерновых стали погодно-климатические шоки. Ранние майские заморозки в сочетании с последующим дефицитом влаги и тепловыми стрессами резко снизили биологический потенциал посевов. Отмечались разреженность стеблестоя, увеличение доли пересевов, ухудшение структуры колоса и слабая наполненность зерна. Это означало одновременное ослабление интенсивной компоненты (снижение сбора с гектара) и частичную потерю экстенсивной базы за счет вывода из оборота наименее устойчивых участков. В результате валовой сбор зерновых в стране сократился на 13,5 % по сравнению с 2023 г. и составил 119,0 млн тонн. Падение объясняется в первую очередь снижением урожайности на 7,8 % до 2,9 тонн с га убранной площади, что отражает прямое воздействие стрессовых условий в ключевые фазы вегетации. Одновременно посевные площади под зерновыми культурами сократились на 6,2 %, до 41,7 млн га. Это стало следствием

реакции производителей на комплексное воздействие ряда факторов: на фоне ухудшения агроклиматического фона, усиления конкуренции, избытка предложения и снижения цен на зерно хозяйства перераспределяли ресурс в пользу альтернативных культур, прежде всего технических, с более прогнозируемой маржой и устойчивым спросом.

Целесообразно выделить также факторы косвенного влияния. Это условия, которые не определяют результат текущего сезона напрямую, но оказывают воздействие на поведение производителей и структуру производства в следующем цикле. Для исследуемого периода 2021 – 2024 гг. характерен низкий масштаб форс-мажорных потерь на уборке и постуборочной стадии. Погодные условия и наличие широких технологических окон для своевременной уборки, сушки и первичной доработки культуры позволили сократить операционные потери. Это означало, что высокая урожайность в поле была в значитель-

ной степени зафиксирована в фактическом валовом объеме, а не растворилась в потерях после созревания.

Значимым косвенным фактором, оказавшим влияние на развитие зерновой отрасли России, выступила стоимость капитала. Высокая ключевая ставка ужесточает бюджетные ограничения хозяйств, повышает стоимость оборотного капитала и снижает готовность финансировать операции с низкой предсказуемостью отдачи (особенно в зонах повышенного погодного риска) [5]. Это ведет к ограничению возможности в полном объеме финансировать технологические мероприятия, направленные на сохранение собранного урожая: сушку, сортировку, хранение и отсроченные продажи. Это не ухудшает потенциал растений напрямую, но усиливает селекцию технологических операций по принципу минимально достаточных, что влечет за собой недокорм и нарушение условий соблюдения технологических окон. В условиях погодного стресса это значительно усиливает неоднородность результатов по хозяйствам. Кроме того, происходит снижение доли экономически целесообразной доработки и доведения зерна до кондиции. Что оказывает значительное воздействие на размер технологических

потерь, снижая фактический валовой объем, фиксируемый после очистки и досушки.

Издержки производства и логистика формируют второй значимый фактор влияния [4, 9]. Удорожание материально-технических ресурсов, топлива, удобрений, средств защиты растений и транспортных услуг повышает порог безубыточности и вынуждает хозяйства с предельной рентабельностью экономить на интенсивности технологических приемов (дополнительные подкормки, точечная защита, межфазные обработки). В условиях неблагоприятной погоды это усиливает отрицательную связку погодных шоков и недофинансированных технологий: именно там, где стресс по влаге или температуре максимален, выше вероятность сокращения затрат по технологии, что закрепляет недобор урожайности.

Важно проследить динамику второго по важности показателя результативности отрасли растениеводства – выручки от реализации продукции. Изменение суммы выручки было крайне неоднородным на протяжении исследуемого периода. Так, в 2022 г. выручка от реализации сократилась на 4,4 % до 1 159,1 млрд руб. [11]. На эти изменения повлияли два ключевых фактора (таблица 2).

Таблица 2

Динамика показателей реализации зерновых культур по всем регионам России.

Наименование показателя	Значение по годам			
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Выручка от реализации зерновых культур:				
– в млрд. руб.	1 212,1	1 159,1	1 137,4	1 266,5
– в % год к году	-	-4,4	-1,9	11,4
Объем реализации зерновых культур:				
– в млн тонн	86,9	91,9	101,7	101,4
– в % год к году	-	5,8	10,7	-0,3
Средняя цена реализации зерновых культур:				
– в тыс. руб. за тонну	14,0	12,6	11,2	12,5
– в % год к году	-	-9,6	-11,4	11,7

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что рынок зерна ушел в фазу ценовой просадки, и именно снижение цен на 9,6 % до 12,6 тыс. руб. за тонну стало определяющим фактором падения выручки, обеспечив сокращение выручки на 122,7 млрд руб. (231,9 % объема совокупных изменений).

Рост физического объема продаж в натуральном измерении на 5,8 % до 91,9 млн тонн частично смягчил падение выручки, компенсировав 69,8 млрд руб. (-131,9 % объема совокупных изменений).

В 2023 г. ситуация ухудшилась: выручка от реализации продолжила падение на 1,9 % до 1 137,4 млрд руб. По результатам

факторного анализа можно сделать вывод о том, что 2023 г. стал периодом экстремально высокого объема продаж: производители продавали значительно больше зерна, но делали это в условиях еще более низкой цены. Средняя цена снизилась еще на 11,4 % до катастрофически низкого уровня 11,2 тыс. руб. за тонну, повлияв на снижение выручки на 146,2 млрд руб. (671,0 % объема совокупных изменений). Аграрии при этом попытались удержать уровень выручки исключительно за счет объема продаж: рост объема на 10,7 % до 101,7 млрд руб. компенсировал 124,4 млрд руб. выручки (-571,0 % объема совокупных изменений).

В 2024 г. рост выручки составил 11,4 %. Рынок зерна ушел в фазу восстановления ценового уровня: за счет значительного роста средней цены на 11,7 % до 12,5 тыс. руб. за тонну удалось обеспечить увеличение выручки на 133,1 млрд руб. (103,0 % объема совокупных изменений). При этом впервые за четыре года физический объем продаж продемонстрировал незначительное падение на 0,3 % до 101,4 млн тонн, повлияв на уменьшение выручки на 3,9 млрд руб. (-3,0 % объема совокупных изменений).

Таким образом, 2022 – 2023 гг. были периодом ценового давления. Падение отпускной цены зерновых было главным фактором снижения денежной выручки отрасли, а производители отвечали увеличением объема продаж, что частично компенсировало потери. Прибыльность была сильно сжата, а денежный поток поддерживался исключительно оборотом. В 2024 г. наблюдалось ценовое восстановление. Даже при стагнирующем объеме реализации выручка резко выросла за счет улучшения цены реализации. Денежный поток восстанавливался без наращивания физического сбыта.

Причины изменения физических объемов реализации тесно связаны с динамикой валового объема посредством поддержания значения доли реализации произведенной продукции (товарности) на стабильном уровне в интервале 75 – 85%.

В 2022 – 2023 гг. под влиянием агроклиматических условий происходило усиление дифференциации регионов по качеству урожая. Подобная асимметрия увеличивала ценовые спреды между мукомольными и фуражными классами [7]. При этом глобальное

предложение зерна в связи с высоким урожаем оставалось высоким, за счет чего внутренний спрос удовлетворялся с переизбытком, а доступ к внешним каналам сбыта усложнялся санкциями и удорожанием всей логистической цепочки.

Также на цену оказывало давление регуляторные требования. Плавающая экспортная пошлина и квотирование фактически задали контролируемый коридор внутренних цен на зерно. Этот механизм снижал внутрисезонную волатильность, но одновременно срезал верхнюю границу ценового уровня. То есть даже при благоприятной внешней конъюнктуре внутренние закупочные цены не могли полностью следовать за ростом внешнего спроса, а экспортный нетбэк оставался частично нереализованным. При этом внутренний спрос на зерно был полностью удовлетворен, и экспорт оказывался единственным способом реализовать зерно и получить хоть какую-то прибыль.

Важным фактором давления на цену оставались растущие издержки. Высокая инфляция, стабильный рост цен на топливо, удобрения, технику, технологические операции (хранение, доработка, сушка) повышали нижний порог уровня издержек и сужали пространство для сделок по нижним классам зерна. Высокая ключевая ставка повышала стоимость оборотного капитала, делала качественную обработку и длительное хранение менее рациональным, подталкивая к быстрой реализации партий зерна со слабой качественной спецификацией по минимально возможным ценам.

В отношении экспорта зерна из России не были введены строгие ограничения. Но действовали негласные правила, которые подталкивали страны из блока поддержавших антироссийские санкции, искать альтернативные источники пополнения запасов зерна. Данные ограничения требовали оперативного смещения экспортной ориентированности продаж российского зерна на азиатские рынки. Перераспределение логистических каналов с одновременным удлинением маршрутов и удорожанием стоимости логистики превращали портовую перевалку и железнодорожные перевозки в системно узкие места, формирующие дополнительные издержки и при этом оказывающие давление на цены в сторону их уменьшения ниже среднемирового

уровня. Регионы, находящиеся далеко от глубоководных экспортных терминалов, сталкивались с удлинённым транспортным плечом и конкуренцией за подвижной состав. Дефицит вагонов и высокая нагрузка на инфраструктуру увеличивали стоимость доставки до порта и замедляли оборот. В ценовом выражении это проявлялось как устойчивый региональный дисконт: зерно из удалённых внутренних территорий оценивалось ниже не из-за худшего качества, а из-за более дорогой и менее предсказуемой логистики до экспортной точки [3].

В ценовой динамике сезона 2024 г. весенний ценовой импульс был сформирован негативным воздействием погодных условий. Сообщения о дефиците зерна мукомольного качества в Европе вследствие переувлажнения и ухудшения показателей натуры создали высокую неопределённость относительно объёма и структуры глобального предложения. Это спровоцировало резкий рост цен на зерно. Во второй половине года последовала сдержанная коррекция: угроза дефицита была частично снята за счёт наращивания предложения со стороны альтернативных экспортеров (США, Канада, Австралия). Ценовой импульс ослаб под влиянием нормализации ожиданий. Но все же средняя цена оказалась значительно выше уровня предыдущего года.

Внутренний российский зерновой рынок в этот период торговался в заданном ценовом коридоре между экспортным и внутренним паритетами. Регуляторные механизмы ограничивали амплитуду движения цен, но не устраняли качественную дифференциацию: за подтвержденное высокое качество мукомольного сегмента экспортеры готовы были платить цену выше рыночной, в то время как фуражный сегмент испытывал повышенное давление.

Заключение. Анализ динамики сегмента выращивания зерновых культур в 2021 – 2024 гг. в условиях санкционного давления на российскую экономику показал, что определяющим фактором результативности от-

расли остаются погодно-климатические условия как главный источник межгодовой волатильности физического объема производства. При благоприятном агроклиматическом фоне (2022 г.) они трансформировались в рост урожайности при стабильной площади посевов и обеспечили рекордный валовой сбор. При неоднородной погодной конфигурации и появлении акцентированных зон стрессов влаги и тепла (2023 г.) погодные факторы повлияли на усиление региональной дифференциации, что снизило потенциал части посевов и ухудшило качество зерна. При погодных шоках системного характера (2024 г.) одновременно просели и интенсивный фактор (урожайность), и экстенсивный фактор (посевная площадь), что повлекло за собой падение валового сбора и перераспределению площадей в пользу культур с более прогнозируемой маржой.

Также важной составляющей является монетарный фактор. Выручка от реализации зависит не только от объема предложения, но и от ценовой среды, формируемой сочетанием внутреннего спроса, экспортных ограничений, логистических барьеров и стоимости капитала. В 2022 – 2023 гг. давление цен при высокой товарности производства привело к сжатию денежного потока. В 2024 г. частичное восстановление цены при стагнирующем объеме продаж показало, что ценовой канал способен компенсировать даже ухудшение урожайности. Это указывает на необходимость рассматривать погодный и ценовой контуры совместно как взаимосвязанные элементы устойчивого развития зерновой отрасли.

Итак, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что агроклиматические, экономические и политические факторы, влияющие на развитие зерновой отрасли страны, подтверждают их влияние и роль в формировании зернового потенциала России. Важно учитывать в долгосрочной перспективе рассмотренные факторы комплексно, так как они создают условия для обеспечения устойчивого развития зернового подкомплекса России.

Список источников

1. Акимов Ю.А., Семенова Н.Н., Колесник Н.Ф. Конкурентная среда на рынке агропродовольственной продукции (на примере зернового рынка) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. №11 (169). – С.177-188
2. Бероев М.Т. Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации на современном этапе // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. – С. 184-190.

3. Бухтиярова Т.И., Батурина И.Н., Цейтлин Е.М. Концепция дихотомического анализа в целях реализации комплексной программы продовольственной безопасности // Агропродовольственная политика России. 2025. № 2 (115). – С. 2-10.
4. Векленко В.И., Золотарева Е.Л., Шуклина А.С. Совершенствование системы управления затратами в растениеводстве // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 6. – С. 161-166.
5. Воробьева В.В. Факторы изменения добавленной стоимости продукции растениеводства региона // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2023. № 21. – С. 76-78.
6. Гишкаева Л.Л. Развитие отраслей агропромышленного производства как важное направление в региональной политике Чеченской Республике // Вестник Чеченского государственного университета. 2021. 3(43). – С.56-62
7. Зюкин Д.А., Скрипкина Е.В., Латышева З.И., Малахова С.В., Плахутина Ю.В. Состояние факторов, определяющих аграрный потенциал региона // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2024. № 2. – С. 200-206.
8. Малыгин А.А. Параметрическая оценка и мониторинг устойчивости регионального аграрного производства: растениеводство // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2023. № 11. – С. 62-70.
9. Петрякова С.В., Фенинец Д.С., Фатеева Н.Б. Анализ затрат и выхода продукции растениеводства // Научно-технический вестник: технические системы в АПК. 2023. № 6. – С. 74-79.
10. Скрипкина Е.В., Латышева З.И., Жмакина Н.Д., Малахова С.В., Пахомова Е.В. О роли аграрного производства в обеспечении продовольственной безопасности России в условиях усиления санкций // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 3. – С. 185-190.
11. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики «О состоянии сельского хозяйства» [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (дата обращения 20.10.2025).
12. Фомин О.С., Штоколова К.В., Скрипкина Е.В., Латышева З.И., Петрушина О.В. Особенности возделывания сельскохозяйственных культур в регионе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 4. – С. 216-221.

References

1. Akimova Yu.A., Semenova N.N., Kolesnik N.F. Competitive environment in the market of agri-food products (using the grain market as an example) // Regional problems of economic transformation. 2014. № 11 (169). – pp.177-188
2. Beroev M.T. Ensuring food security of the Russian Federation at the present stage // Education. Science. Scientific staff. 2025. № 2. – pp. 184-190.
3. Bukhtiyarova T.I., Baturina I.N., Tseitlin E.M. The concept of dichotomous analysis in order to implement a comprehensive food security program // Agro-food policy of Russia. 2025. № 2 (115), – pp. 2-10.
4. Veklenko V.I., Zolotareva E.L., Shuklina A.S. Improving the cost management system in crop production // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2023. № 6. – pp. 161-166.
5. Vorobyeva V.V. Factors of change in the added value of crop production in the region // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2023. № 21. – pp. 76-78.
6. Gishkaeva L.L. Development of branches of agro-industrial production as an important direction in the regional policy of the Chechen Republic // Bulletin of the Chechen State University. 2021. 3(43). – pp. 56-62
7. Zyukin D.A., Skripkina E.V., Latysheva Z.I., Malakhova S.V., Plakhutina Yu.V. The state of factors determining the agricultural potential of the region // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2024. № 2. – pp. 200-206.
8. Malygin A.A. Parametric assessment and monitoring of the sustainability of regional agricultural production: crop production // News of higher educational institutions. Series: Economics, Finance and Production Management. 2023. № 11. – pp. 62-70.
9. Petryakova S.V., Feninets D.S., Fateeva N.B. Cost and yield analysis of crop production // Scientific and Technical bulletin: technical systems in agriculture. 2023. № 6. – pp. 74-79.
10. Skripkina E.V., Latysheva Z.I., Zhmakina N.D., Malakhova S.V., Pakhomova E.V. On the role of agricultural production in ensuring Russia's food security in the context of increased sanctions // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy, 2023, № 3, – pp. 185-190.
11. Statistical collection of the Federal State Statistics Service "On the state of agriculture" [Electronic resource] <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (accessed 10/20/2025).
12. Fomin O.S., Shtokolova K.V., Skripkina E.V., Latysheva Z.I., Petrushina O.V. Features of crop cultivation in the region // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2023. № 4. – pp. 216-221.

Информация об авторах / Information about the Authors

Семенова Н.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и учета
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева», г. Саранск, e-mail: nnsemenova@mail.ru

Semenova N.N., doctor of economics, associate prrofessor, head of the department of finance and accounting,
Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk

Аверин А.Ю., канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, e-mail prosto-anton@mail.ru

Averin A.Y., candidate of economic sciences, senior lecturer at the department of economics and finance,
Penza State University, Penza

УДК 338 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-91-98

АДАПТАЦИЯ К УСЛОВИЯМ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Сулумов С.Х.¹, Рагозинникова Е.В.², Черенцова Г.Г.²

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

²ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию теоретических основ и подходов к адаптации предприятий к условиям циклической экономики как инструмента обеспечения экономической безопасности в условиях трансформационных изменений. Определено, что циклическая экономика охватывает периоды роста, спада, кризиса и восстановления, и каждый из этих этапов оказывает влияние на финансовые, производственные и управленческие процессы на уровне предприятия. Доказано, что экономическая составляющая адаптации к внешним условиям направлена на повышение эффективности реализации мероприятий, ориентированных на устойчивость и эффективность использования ресурсов предприятия, что соответствует ключевым принципам циклического развития. Условиями адаптации предприятий к циклической экономике являются: институциональная готовность предприятия, инновационная трансформация производства, управление рисками в условиях экономической нестабильности, энергетическая эффективность, финансовая устойчивость, кадровое обеспечение, цифровизация, партнерское взаимодействие и интеграция. Обосновано, что адаптация к внешней среде в условиях циклической экономики представляет собой последовательную, целенаправленную, комплексную деятельность предприятия по изменению каждого из элементов бизнеса, вызванную спросом, обусловленную научно-техническим прогрессом и направленную на действующую организационную структуру, технологические процессы, стиль и методы управления, источники сырья и рынки сбыта. Исходя из данного исследования, под адаптацией надо понимать инструмент обеспечения экономической безопасности, который позволяет своевременно устранять внутренние и внешние угрозы путем проведения последовательных изменений в деятельности предприятия.

Ключевые слова: адаптация, экономическая безопасность, циркулярная экономика, трансформация, цифровизация, эффективность, инновации.

Для цитирования: Сулумов С.Х., Рагозинникова Е.В., Черенцова Г.Г. Адаптация к условиям циклической экономики как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 91-98.

ADAPTATION TO A CYCLIC ECONOMY AS A TOOL FOR ENSURING ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY

Sulumov S.Kh.¹, Ragozinnikova E.V.², Cherentsova G.G.²

¹Kadyrov Chechen State University, Grozny

²Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Abstract. This article explores the theoretical foundations and approaches to enterprise adaptation to the conditions of a cyclical economy as a tool for ensuring economic security amid transformative changes. It is determined that a cyclical economy encompasses periods of growth, recession, crisis, and recovery, each of which impacts financial, production, and management processes at the enterprise level. It is demonstrated that the economic component of adaptation to external conditions is aimed at improving the effectiveness of measures aimed at sustainability and efficient use of enterprise resources, which aligns with the key principles of cyclical development. The conditions for enterprise adaptation to a cyclical economy include: institutional readiness, innovative production transformation, risk management in conditions of economic instability, energy efficiency, financial sustainability, staffing, digitalization, partnerships, and integration. It is substantiated that adaptation to the external environment in a cyclical economy is a consistent, targeted, and comprehensive enterprise effort to change each element of the business, driven by demand, scientific and technological progress, and focused on the existing organizational structure, technological processes, management style and methods, raw material sources, and sales markets. Based on this study, adaptation should be understood as a tool for ensuring economic security that enables the timely elimination of internal and external threats through consistent changes in the enterprise's operations.

Keywords: adaptation, economic security, circular economy, transformation, digitalization, efficiency, innovation.

For citation: Sulumov S.Kh., Ragozinnikova E.V., Cherentsova G.G. Adaptation to a cyclic economy as a tool for ensuring enterprise economic security // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 91-98.

Введение. Современная экономика характеризуется нестабильностью и динамичностью, что обусловлено как внутренними, так и внешними факторами: глобальными финансовыми кризисами, пандемиями, изменением геополитических условий. В таких условиях вопрос экономической безопасности приобретает особую актуальность. Экономическая безопасность государства, его регионов, а также отдельных субъектов хозяйствования зависит от способности адаптироваться к циклическим колебаниям экономики, которые являются неотъемлемой составляющей рыночной системы.

Циклическая экономика охватывает периоды роста, спада, кризиса и восстановления, и каждый из этих этапов оказывает влияние на финансовые, производственные и управленческие процессы на уровне предприятия. Именно предприятия, как ключевые элементы экономики, наиболее остро ощущают влияние изменений деловой активности, финансовой устойчивости, конкурентоспособности. Гибкость, предвидение, эффективное антикризисное управление, внедрение инноваций и стратегическое планирование – это те механизмы, которые позволяют предприятиям не только выживать в условиях циклических изменений, но и обеспечивать свою конкурентоспособность и стабильность. Следовательно, адаптация к условиям циклической экономики рассматривается как важный инструмент укрепления экономической безопасности как на микро-, так и на макроуровне.

Теоретические и практические аспекты обеспечения экономической безопасности функционирования предприятий раскрываются в работах таких авторов, как Р.С. Айгунова [6], Я.Э. Дадаев [6], Измайлова М.А. [3], А.В. Карпушкиной [2], А.С. Клишин [7], З.О. Магомедова [6], С.Х. Сулумов [7], А.М. Холдоев [7] и многих других.

Целью исследования является обоснование теоретических основ и подходов к адаптации предприятий к условиям циклической экономики как инструмента обеспечения их экономической безопасности в условиях трансформационных изменений.

Методика. Методологическую основу исследования составили работы отечествен-

ных и зарубежных ученых в области устойчивого развития, цифровизации, менеджмента, а также вопросов обеспечения экономической безопасности предприятий. В процессе проведения данного исследования были использованы как общенаучные методы и приемы (анализ и синтез, методы системного подхода к исследованию проблемы), так и специализированные (анализ статистических данных).

Основная часть. Экономическая составляющая адаптации к внешним условиям направлена на повышение эффективности реализации мероприятий, ориентированных на устойчивость и ресурсоэффективность предприятия, что соответствует ключевым принципам циклического развития: минимизации потерь, оптимизации использования ресурсов и сохранению экономической целостности. Объектом адаптационного воздействия выступает сфера деятельности предприятия, подвергшаяся наибольшему влиянию от негативных внешних факторов. Под адаптационными мероприятиями понимается совокупность инструментов, применяемых для трансформации объекта адаптационного воздействия в определенном направлении, и предлагает следующие из них: уклонение, диссипация (от лат. *dissipatio* – рассеивание), локализация, компенсация. Уклонение предполагает временный отказ от реализации рискованных бизнес-проектов. Вторая мера – диссипация – распределение негативных проявлений кризисных условий между деловыми партнерами путем интеграции экономических интересов. Локализация как адаптационная мера выступает как фактор, ограничивающий распространение негативных проявлений внешней среды на деятельность предприятия. Компенсация приводит к созданию резервов предприятия, формированию альтернативных рынков сырья и сбыта.

Условиями адаптации предприятий к циклической экономике являются институциональная готовность предприятия, инновационная трансформация производства, управление рисками в условиях экономической нестабильности, энергетическая эффективность, финансовая устойчивость, кадровое обеспечение адаптации, цифровизация, партнерское взаимодействие и интеграция (рис. 1).

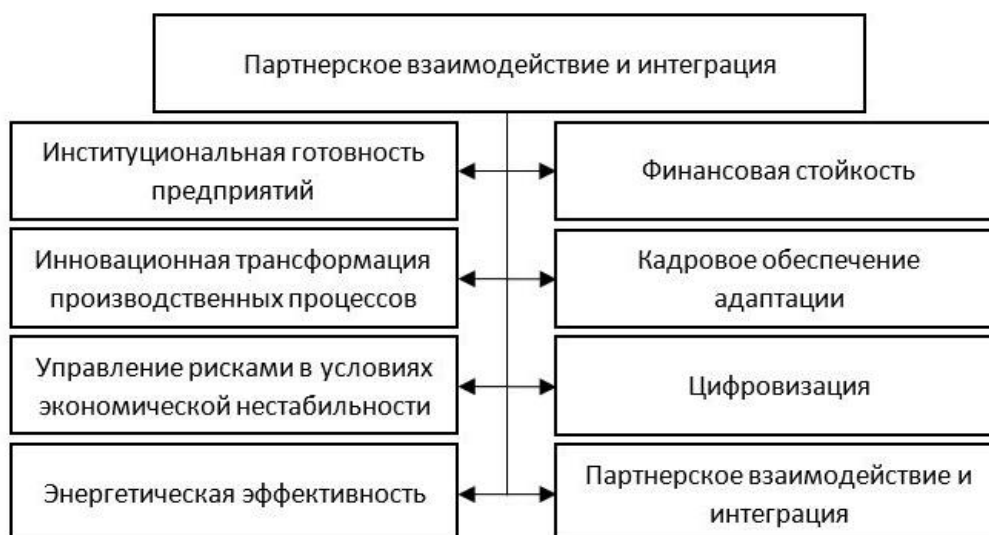

Рисунок 1. Условия адаптации предприятий к циклической экономике.

Источник: составлено авторами.

Одной из ключевых предпосылок успешной адаптации предприятий к условиям циклической экономики выступает институциональная готовность, определяющая способность субъекта хозяйствования оперативно реагировать на изменение внешних и внутренних вызовов через наличие соответствующей нормативной, организационной и стратегической основы. В этом контексте рассматриваются два главных направления, а именно: наличие нормативно-правовых механизмов, регламентирующих принципы циклической экономики и формирование стратегии развития.

Институциональная среда предусматривает создание системы правил и норм, регламентирующих функционирование предприятия в рамках ресурсосберегающей модели развития, включающей соблюдение национального и международного законодательства в сфере экологии, обращения с отходами, вторичного использования сырья, интеграцию стандартов устойчивого развития, таких как ISO 14001 (Системы экологического менеджмента), ISO 50001 (Энергоменеджмент), обеспечение внутренней регламентации процессов в соответствии с требованиями «зеленой» экономики. Наличие четко сформированных регламентов позволяет предприятиям снизить риски штрафных санкций, привлекать инвестиции, ориентированные на ESG-принципы, а также выступать активными участниками циркулярной экономики. С 1

февраля 2024 года в России действует национальный стандарт ГОСТ Р 71198-2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса» [1].

Циклическая экономика рассматривается как альтернатива традиционной линейной модели, сосредоточив внимание на повторном использовании ресурсов, их эффективном привлечении в хозяйственный оборот и создании дополнительной ценности через внедрение инновационных услуг и технологических решений. В этом контексте адаптационный процесс, наряду с нормативным сопровождением, предусматривает формирование стратегического подхода, ориентированного на обеспечение долговременной экономической жизнеспособности предприятия. Речь идет о трансформации производственных систем в направлении рационального ресурсного использования, применения современных инструментов управления, уменьшения потерь и повышения эффективности функционирования. В результате реализации такой стратегии предприятия получают возможность укрепить собственную устойчивость к внешним вызовам, снизить затраты и усилить конкурентные позиции благодаря внедрению инноваций и технологической гибкости.

Ключевую роль в обеспечении экономической безопасности предприятий играет инновационная трансформация производ-

ственных процессов, которая выступает базисом для реализации принципов циклической экономики через эффективное использование имеющихся ресурсов, является инструментом роста конкурентоспособности и долгосрочной устойчивости предприятия. Однако, как отмечено в работе [6], «в современных экономических условиях при адаптации экономической безопасности предприятия инновационные технологии нуждаются в значимых процессах информатизации для изучения макроэкономических трендов» [6].

Современные предприятия должны стремиться к повышению эффективности использования ресурсов при условии сохранения стабильного уровня объемов и качества продукции. Внедрение ресурсосберегающих технологий способствует оптимизации затрат на производство, в частности сокращению потребления сырья, энергоресурсов и воды, а также позволяет минимизировать непродуктивные потери и повысить общую производительность операционной деятельности.

Использование интеллектуальных систем управления энергозатратами, модернизированного оборудования, а также инновационных технологий с использованием сырья способствуют формированию нового подхода к управлению производственными ресурсами, базирующегося на принципах устойчивого развития.

Циркулярная экономика требует полного пересмотра подходов к построению производственных цепей. Одним из ведущих направлений такой трансформации является переход к замкнутому циклу производства, предусматривающий рециклинг и повторное использование материалов, что позволяет значительно снизить зависимость предприятий от первичного сырья, что особенно важно в условиях роста глобальной нестабильности и ценовой волатильности на мировых ресурсных рынках. Таким образом, замкнутые циклы производства формируют экономическую устойчивость предприятия, обеспечивают гибкость адаптации к новым рыночным условиям.

Одной из ключевых проблем для современных предприятий в контексте перехода к циклической экономике является растущая экономическая нестабильность, обусловленная факторами внешней среды. Формирова-

ние эффективной системы управления рисками выступает инструментом обеспечения экономической безопасности и долгосрочной устойчивости предприятия в условиях новой парадигмы устойчивого развития. Антикризисный мониторинг является основой адаптивного управления предприятием, функционирующим в циклической экономической среде. К основным компонентам такой системы относятся постоянный анализ внутренних и внешних факторов риска, которые могут привести к нарушению финансовой, ресурсной или производственной стабильности, использование цифровых инструментов и аналитики данных для своевременного выявления отклонений и ранней индикации кризисных тенденций и позволяет предприятию не только реагировать на кризисные ситуации, но и предвидеть их, что повышает его адаптивную способность в турбулентной экономической среде.

Моделирование потенциальных угроз и формирование стратегических сценариев реагирования путем использования SWOT-анализа, PESTLE-анализа, матричных методик позволяет идентифицировать наиболее критические векторы риска, разработать сценарии развития событий. Применение сценарного подхода в сочетании с системой антикризисного мониторинга обеспечивает предприятию гибкость стратегического управления, а также способствует сохранению экономической безопасности даже в периоды высокой нестабильности.

Повышение уровня энергетической эффективности является неотъемлемым аспектом адаптации предприятий к новой парадигме устойчивого развития – циклической экономике. Внедрение соответствующих стратегий позволяет обеспечить экономическую безопасность предприятия путем оптимизации затрат, повышения репутационной привлекательности и укрепления рыночных позиций.

Современные предприятия вынуждены учитывать растущие требования к трансформации производственных процессов в направлении более рационального использования ресурсов и повышения эффективности функционирования. Это обуславливает необходимость перехода к технологиям, которые обеспечивают снижение затрат энергоресурсов, совершенствование процессов учета и

аудита, повышение уровня автоматизации в системах управления и использование новых форм организации производственного цикла.

Совершенствование энергопотребления и внедрение мер по оптимизации энергетических затрат способствуют повышению экономической устойчивости предприятия, особенно в условиях роста стоимости энергии и ограниченного доступа к традиционным источникам.

К таким мероприятиям относятся внедрение современных систем мониторинга, автоматизированных технологических решений, использование альтернативных источников энергии и создание эффективных моделей управления энергоресурсами.

Это не только способствует снижению операционных расходов, но и открывает доступ к финансированию, поддерживающему устойчивое развитие.

Финансовая устойчивость является фундаментальным элементом экономической безопасности предприятия, особенно в условиях трансформации глобального рынка и перехода к модели циклической экономики. Способность предприятия обеспечивать стабильный финансовый результат в долгосрочной перспективе, адаптироваться к внешним угрозам и сохранять платежеспособность в условиях нестабильности являются базовыми условиями для его эффективного функционирования.

В рамках адаптации к циклической экономике предприятия должны перейти от модели с единым или ограниченным источником прибыли к диверсифицированной финансовой структуре, которая включает внедрение новых товаров и услуг, развитие экспортного потенциала и выход на новые рынки, привлечение инвестиций, партнерство с государственными и международными институтами, которые поддерживают устойчивое развитие и цифровую трансформацию [2]. Такой подход позволяет уменьшить зависимость от отдельных рыночных сегментов, повысить экономическую устойчивость и сформировать условия для долгосрочного развития. Эффективное управление затратами способствует финансовой гибкости предприятия, позволяет адаптироваться к колебаниям спроса, цен на сырье, изменениям в логистике и нормативном поле, что важно в контексте циклических изменений экономики.

Формирование эффективной модели адаптации предприятий к вызовам циклической экономики невозможно без надежной системы кадрового обеспечения. Персонал выступает как носитель инновационных изменений и движущая сила трансформационных процессов. От уровня его подготовки, мотивации и способности к адаптации зависит успешность реализации стратегий устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности предприятия.

Одной из ключевых задач кадровой политики является приобретение знаний и навыков, необходимых для работы в условиях циркулярной экономики через организацию тренингов, семинаров, онлайн-курсов, развитие управленческих компетенций в сфере устойчивого развития, мотивацию персонала к профессиональному росту через участие в проектах по модернизации производства и т.п.

Таким образом, повышение квалификации позволяет сотрудникам не только лучше ориентироваться в новой экономической реальности, но и стать активными агентами изменений на уровне предприятия.

Корпоративная культура обеспечивает согласованность действий, ориентацию на общие ценности и способствует быстрому реагированию на изменения. В контексте циклической экономики такая культура должна базироваться на принципах ответственного отношения к ресурсам, открытости к инновациям, командной работе и доверию, готовности к постоянному обучению и совершенствованию, привлечению персонала к процессам принятия управленческих решений [3]. Корпоративная культура, поддерживающая гибкость и инновационность, формирует внутреннюю среду, способную быстро адаптироваться к вызовам, снижая риски и повышая эффективность изменений.

В настоящее время менеджмент компаний признает, что корпоративная культура становится активом, требующим осторожного и целенаправленного управления [3; 8]. Данный тезис находит обоснование в результатах, полученных в ходе глобального исследования «Корпоративная культура: пора действовать» [3], проведенного в 2021 г. путем глобального опроса 3243 руководителей и сотрудников из 42-х стран (5,8% российских респондентов).

Менеджмент компаний видит в сильной корпоративной культуре союзника, способного существенно улучшить бизнес-результаты:

- мнения более 80% иностранных и российских респондентов из компаний, признавших, что им удалось адаптироваться к пандемии, были едины в утверждении, что корпоративная культура является источником конкурентного преимущества;

- 68% иностранных и 70% российских респондентов утверждают, что в период пандемии именно корпоративная культура стала залогом успеха их компаний;

- 72% иностранных и 68% российских респондентов ответили, что их корпоративная культура дает возможности успешной реализации инициатив по изменениям [3].

Ориентация на устойчивое развитие направлена на информационную прозрачность и цифровизацию функционирования предприятия, что становится инструментами обеспечения операционной эффективности, механизмами для адаптации к циклической экономике и формированию надежной системы экономической безопасности [10]. Цифровые инструменты обеспечивают точный, системный и оперативный учет ресурсов, что является основой для реализации принципов циркулярной экономики. В то же время, как отмечают авторы [7], «наряду с инновационными возможностями, которые могут быть реализованы благодаря внедрению процессов цифровой трансформации на предприятиях, возникает большое количество новых рисков и угроз, которые появляются во время этого процесса» [7]. Согласно источнику [4], с развитием современных ИТ система информационно-коммуникативного обеспечения стала еще более уязвимой. Одной из причин этого стало использование сети Интернет в управленческих целях и в повседневной корпоративной жизни. Так, через канал Сети за первое полугодие 2022 г. было «слито» почти 90% конфиденциальных данных из общего объема утечки информации. Средняя стоимость утечки данных в мире в среднем увеличивается на 4% в год [11].

Среди ключевых подходов следует выделить использование систем управления жизненным циклом продукции (PLM) для контроля оборота материалов; внедрение IoT (Интернет вещей) на производстве для мониторинга ресурсов; аналитику больших данных

(Big Data) для прогнозирования потребностей, выявления потерь и повышения точности управленческих решений; использование ERP и CRM-систем, которые интегрируют информацию о производственных и логистических потоках. Благодаря этому предприятия могут эффективно отслеживать все этапы использования ресурсов, что в целом укрепляет их экономическую устойчивость. Цифровизация отчетности через автоматизированные системы позволяет упростить процесс подготовки нефинансовых отчетов, унифицировать структуру данных, обеспечить ее достоверность и оперативность.

В рамках внедрения принципов циклической экономики особый вес приобретает кооперативная модель развития, базирующаяся на интеграции бизнеса, государственных структур, научных исследовательских организаций и гражданского общества с целью достижения стратегических задач социального и экономического характера. Способность предприятия взаимодействовать с субъектами рынка позволяет повысить его адаптивность, снизить уязвимость к рискам и обеспечить экономическую безопасность в условиях трансформационной экономики.

Формирование кластеров – это один из эффективных инструментов адаптации предприятий к циклической экономике. Участие в таких объединениях позволяет налаживать совместное использование ресурсов, создавать обратные цепи поставок, соответствующие принципам замкнутого цикла, уменьшать транзакционные издержки благодаря взаимному доверию и стандартизации бизнес-процессов, обмениваться инновациями, технологиями, лучшими практиками [9]. Благодаря межотраслевым партнерствам предприятия могут расширить спектр экономической деятельности, открывать новые рынки сбыта, усиливать инвестиционную привлекательность.

Партнерские отношения и региональная интеграция создают дополнительный институциональный ресурс для адаптации предприятия к вызовам циклической экономики и укрепления его экономической безопасности на долгосрочную перспективу.

Выводы. Таким образом, адаптация к внешней среде в условиях циклической экономики представляет собой последовательную,

целенаправленную, комплексную деятельность предприятия по изменению каждого из элементов бизнеса, вызванную спросом, обусловленную научно-техническим прогрессом и направленную на действующую организационную структуру, технологические процессы, стиль и методы управления, источники сырья и материалов и рынки сбыта.

Исходя из данного исследования, под адаптацией надо понимать инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия, который позволяет своевременно устранять внутренние и внешние угрозы путем проведения последовательных целенаправленных изменений в деятельности предприятия.

Список источников

1. Национальный стандарт ГОСТ Р 71198-2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)». URL: <https://экг-рейтинг.рф/docs/01.%20Национальный%20стандарт%20Индекс%20деловой%20репутации%20субъектов%20предпринимательской%20деятельности.pdf>
2. Проблемы экономической безопасности: от структурной адаптации к экономическому росту: монография / под ред. А.В. Карпушкиной. – Челябинск: ЮУрГУ, 2024. Ч. 1. – 399 с.
3. Измайлова М.А. Значимость корпоративной культуры для устойчивости компаний в условиях кризисных явлений // Модернизация. Инновации. Развитие. 2022. № 1. – С. 8-26
4. Исследование инцидентов информационной безопасности за 2023 год. Компания «СёрчИнформ». – URL: <https://searchinform.ru/company>.
5. Корпоративная культура: пора действовать. Глобальный опрос 2021 года по теме корпоративной культуры / PwC в России. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/global-culture-survey-2021.html>
6. Магомедова З.О. Концептуальный подход к проблеме адаптации экономической безопасности предприятия / З.О. Магомедова, Р.С. Айгунова, Я.Э. Дадаев // ЧГУ им. А.А. Кадырова. 2024. № 3(55). – С. 69-77.
7. Сулумов С.Х. Влияние цифровой трансформации на формирование системы экономической безопасности предприятия / С.Х. Сулумов, А.М. Холдоенко, А.С. Клишин // Вестник ЧГУ им. А.А. Кадырова. 2024. № 2(54). – С. 32-39.
8. Шевченко И.Л. Корпоративная культура в практике корпоративного управления российских компаний // Российское предпринимательство. 2016. № 12. – С. 1395–1406.
9. Шманев С.В. Кластеры как драйверы инновационного развития: сущность, классификация, факторы и роль в экономике России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 7-1. – С. 176-184
10. Ячменева В.М. Адаптация и адаптивность деятельности предприятий в условиях цифровизации экономики: монография / В.М. Ячменева, З.О. Османова, Н. В. Святохо; под общ. ред. В. М. Ячменевой. – Симферополь: АРИАЛ, 2024. – 196 с.
11. 2023 Thales Data Threat Report: Global Edition. – URL: <https://cpl.thalesgroup.com/data-threat-report>

References

1. National standard GOST R 71198-2023 “Business reputation index of business entities (ECG rating)”. URL: <https://экг-рейтинг.рф/docs/01>
2. Economic security problems: from structural adaptation to economic growth: monograph/ed. A.V. Karpushkina. - Chelyabinsk: SUSU, 2024. Part 1. – 399 p.
3. Izmailova M.A. Importance of corporate culture for sustainability of companies in crisis situations//Modernization. Innovation. Development. 2022. № 1. – pp. 8-26.
4. Information Security Incident Study 2023. SearchInform Company. – URL: <https://searchinform.ru/company>.
5. Corporate culture: It's time to act. 2021 Global Survey on Corporate Culture/PwC in Russia. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/global-culture-survey-2021.html>
6. Magomedova Z.O. Conceptual approach to the problem of adapting economic security of an enterprise/Z.O. Magomedova, R.S. Aigunova, Ya.E. Dadaev//Vestnik of Kadyrov Chechen State University 2024. № 3(55). – pp. 69-77.
7. Sulumov S.Kh. The impact of digital transformation on formation of the economic security system of an enterprise/S.Kh. Sulumov, A.M. Kholdenko, A.S. Klishin//Vestnik of Kadyrov Chechen State University. 2024. № 2(54). – pp. 32-39.
8. Shevchenko I.L. Corporate culture in the practice of corporate governance of Russian companies//Russian entrepreneurship. 2016. № 12. – pp. 1395-1406.
9. Shmanev S.V. Clusters as drivers of innovative development: essence, classification, factors and role in the Russian economy//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2025. № 7-1. – pp. 176-184
10. Yachmeneva V.M. Adaptation and adaptability of enterprises in the context of digitalization of the economy: monograph/V.M. Yachmeneva, Z.O. Osmanova, N.V. Svyatokho; under the general. ed. V.M. Yachmeneva. - Simferopol: ARIAL, 2024. – 196 p.
11. 2023 Thales Data Threat Report: Global Edition. – URL: <https://cpl.thalesgroup.com/data-threat-report>

Информация об авторах / Information about the Authors

Сулумов С.Х., доцент, канд. геогр. наук, зав. кафедрой менеджмента,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный
Sulumov S.Kh., Candidate of Sciences in Geography, Head of the Department of Management,
Kadyrov Chechen State University, Grozny

Рагозинникова Е.В., старший преподаватель кафедры управления качеством и экспертизы товаров и услуг,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург
Ragozinnikova E.V., Senior Lecturer, Department of Quality Management and Expertise of Goods and Services,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Черенцова Г.Г., старший преподаватель кафедры управления качеством и экспертизы товаров и услуг,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург
Cherentsova G.G., Senior Lecturer, Department of Quality Management and Expertise of Goods and Services,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

УДК 336.71

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-99-120

ДУАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ДЕФИНИЦИИ И АКСИОМАТИКИ

Таштамиров М.Р.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. Статья формулирует строгую дефиницию дуальной банковской системы и разворачивает аксиоматику ее совместимости. Под совместимостью понимается набор необходимых условий, при которых две нормативно-методологические подсистемы при различиях в договорных формах, учете/раскрытиях, методах измерения риска и настройках капитала и ликвидности функционируют как единая управляемая архитектура. Предложенная аксиоматика включает: правовую переводимость финансовых договоров (A1), совместимость учета и раскрытий как «единого измерительного стержня» (A2), паритет в распознавании и измерении рисков (A3), настройку норм капитала и ликвидности в соответствии с выявленным риск-профилем каждой подсистемы (A4), а также координированный консолидированный надзор (A5). Работа носит теоретико-методологический характер: она задает язык, уровни и логику связей, достаточные для управляемого сосуществования подсистем, не ставя целей количественного сравнения их итоговых результатов. Представленный каркас выступает опорной основой для последующих прикладных исследований и регуляторного дизайна.

Ключевые слова: дуальная банковская система; исламские финансы; совместимость; финансовые контракты; банковские риски; капитал и ликвидность; надзор; макропруденциальное регулирование.

Для цитирования: Таштамиров М.Р. Дуальная банковская система в контексте дефиниции и аксиоматики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 99-120.

DUAL BANKING SYSTEM IN THE CONTEXT OF DEFINITION AND AXIOMATICS

Tashtamirov M.R.

Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. The article formulates a strict definition of the dual banking system and develops the axiomatics of its compatibility. Compatibility refers to a set of necessary conditions under which two regulatory and methodological subsystems, with differences in contractual forms, accounting/disclosures, risk measurement methods, and capital and liquidity settings, function as a single managed architecture. The proposed axiomatics include: legal translatability of financial contracts (A1), compatibility of accounting and disclosures as a "single measuring rod" (A2), parity in risk recognition and measurement (A3), adjustment of capital and liquidity standards in accordance with the identified risk profile of each subsystem (A4), as well as coordinated consolidated supervision (A5). The work is theoretical and methodological in nature: it sets the language, levels and logic of connections sufficient for the controlled coexistence of subsystems, without setting goals for a quantitative comparison of their final results. The presented framework serves as a supporting framework for subsequent applied research and regulatory design.

Keywords: dual banking system; Islamic finance; interoperability; financial contracts; banking risks; capital and liquidity; supervision; macroprudential regulation.

For citation: Tashtamirov M.R. Dual banking system in the context of definition and axiomatics // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 99-120.

Введение. В современных финансах все чаще приходится сталкиваться с дуальными банковскими системами, когда две отдельные банковские подсистемы функционируют параллельно в рамках одной экономики или сферы регулирования. Такие двойные структуры принимают различные формы. Ярким примером является сосуществование исламского (соответствующего нормам шариата) и традиционного банковского дела, как

это наблюдается в таких странах, как Малайзия и страны Персидского залива [23]. Другой формой является параллельное функционирование государственных и федеральных банков в Соединенных Штатах – классическая «дуальная банковская система» в истории банковского дела США [22]. Также наблюдается двойственность, такая как оффшорные и оншорные банковские подразделения, где банки, обслуживающие иностранных клиентов в рамках более мягкого режима регулирования,

работают бок о бок с банками, регулируемые внутри страны, а также случаи сосуществования государственных и частных банков в рамках одной финансовой системы. В развивающихся странах исследователи давно отмечают дуализм формального и неформального финансового секторов, где регулируемые официальные банки работают бок о бок с нерегулируемыми или менее регулируемыми неформальными кредиторами. Во всех этих вариациях суть проблемы заключается в том, что к разным частям банковского сектора применяются два разных набора принципов или нормативных актов. Это поднимает важные вопросы о стабильности, справедливости и регулировании: как такие дуальные банковские системы могут функционировать слаженно, без фрагментации или арбитража? Какие теоретические основы могут гарантировать, что две подсистемы останутся совместимыми друг с другом, и что означает, что их режимы регулирования будут считаться эквивалентными?

Финансовые регуляторы и экономисты признают необходимость обеспечения равных условий для операционной деятельности и стабильности в дуальных системах. Банковское регулирование, в целом, существует для поддержания безопасной и действенной финансовой системы и «условий равного игрового поля» между учреждениями. В контексте двойного банковского обслуживания этот принцип распространяется и на обеспечение справедливости между двумя подсистемами. Без согласованной структуры различия в правилах могут привести к регулятивному арбитражу, искажениям рынка или системным рискам. Например, если одна группа банков сталкивается с более жесткими правилами в отношении капитала или с меньшим надзором (как это иногда бывает с оффшорными банками или банками, спонсируемыми государством), банки и финансовая деятельность могут перейти к такому более мягкому режиму, подрывая общую стабильность [21]. И наоборот, если какая-либо подсистема (например, исламские банки) чрезмерно строго регулируется по сравнению со своим традиционным аналогом, она может оказаться в невыгодном конкурентном положении, что будет препятствовать ее развитию [26]. Таким образом, создание теоретической и методологической ос-

новы для анализа дуальных банковских систем — это не просто академическое исследование, а практическая необходимость для регулирующих органов. Такая структура должна формально определять, что означает «дуальность» в банковской сфере, устанавливать фундаментальные аксиомы совместимости между подсистемами и формально задавать аксиомы совместимости двух подсистем как условия их корректного сосуществования в единой финансовой архитектуре. Речь идет о правовой и методологической совместимости уровней: от договоров и учета до оценки рисков, капитала/ликвидности и надзора.

Эта статья служит основополагающим исследованием по данной теме. Она позиционируется как основной справочник для серии последующих исследовательских статей, в которой излагается ключевая терминология и объединяющий подход, что, по сути, создает «научную школу» для анализа дуальных банковских систем.

Цели и область применения

Статья предлагает строгую дефиницию дуальной банковской системы и формулирует аксиоматику ее совместимости. Под совместимостью понимается набор необходимых условий, при которых две подсистемы со своими правовыми и деловыми особенностями способны функционировать как единая управляемая финансовая архитектура. Мы последовательно фиксируем пять уровней: согласованность договоров (A1), совместимость учета и раскрытий (A2), паритет в распознавании и измерении рисков (A3), настройку капитала и ликвидности в соответствии с выявленным риск-профилем (A4) и координированный, консолидированный надзор (A5). В статье не ставится задача сопоставлять итоговые результаты подсистем; наша цель — задать язык, логику и минимальную «инфраструктуру» совместной работы. В частности, результаты работы стремятся к:

1. Формальному определению «дуальности» в банковских системах — т.е. дать общее определение дуальной банковской системы, охватывающее множество возможных вариаций. Вместо того чтобы сосредотачиваться только на одном контексте, работа сосредоточена на достаточно широкое определение, включающее любой сценарий, в котором сосуществуют два различных набора

банковских принципов или нормативных актов (например, процентная и беспроцентная банковская деятельность, внутренние и оффшорные банковские режимы или модели государственной и частной собственности).

2. Выведению основных условий совместимости (аксиомы), которые должны соблюдаться для эффективного функционирования дуальной банковской системы в качестве единой финансовой системы. Предполагается, что существует цепочка совместимости, связывающая микроуровень отдельных финансовых контрактов с макроуровнем общесистемной стабильности. В частности, что совместимость должна быть обеспечена в четырех ключевых областях: 1) Контракты – базовые финансовые контракты и продукты, используемые в каждой подсистеме; 2) Бухгалтерский учет – признание и отражение этих контрактов в финансовой отчетности; 3) Измерение рисков – оценка рисков, возникающих в связи с этими контрактами, и; 4) Достаточность капитала – резервы регулятивного капитала, удерживаемые против этих рисков. Они формально сформулированы в виде набора аксиом или условий (например, как можно сопоставить или согласовать контракты в двух системах, как стандарты бухгалтерского учета могут согласовать экономическую сущность и т.д.). В совокупности они образуют теоретико-методологическую основу совместимости двух систем.

Цель данной статьи – теоретическая. Аргументы основаны на логических выводах и доказательствах из существующих режимов регулирования и научной литературы. Важно объединить идеи из различных областей исследований – исламских финансов, экономики регулирования, финансирования развития и т.д. – в единую теоретическую конструкцию. При этом также выделяются и цитируются ключевые научные работы из каждой области, что служит обзором литературы, встроенным в структуру статьи. Такой подход гарантирует, что выводы основаны на устоявшихся знаниях, даже если ставится попытка расширить эти знания, формализуя новые определения и принципы.

Методология

Метод исследования сочетает в себе дедуктивное моделирование. Исследование проводится в два взаимосвязанных этапа:

1. Дедуктивное теоретическое моделирование. Начинается с построения концептуальной модели дуальной банковской системы. Используя дедуктивные рассуждения, определяются, какие логические условия необходимы для того, чтобы две разные банковские парадигмы могли работать бок о бок без конфликтов. Это включает в себя мысленные эксперименты и рассуждения о том, как финансовые контракты отражаются на банковских балансах и капитале. Например, работа приводит к выводу, что если одна подсистема разрешает финансовые контракты, которые запрещены другой (например, процентные займы и контракты о разделе прибыли), то для того, чтобы они были совместимы, нормативно-правовая база должна согласованно учитывать оба типа контрактов. Аналогичным образом, если одна группа банков использует разные правила бухгалтерского учета (скажем, традиционные международные стандарты финансовой отчетности и специализированные исламские стандарты бухгалтерского учета), то необходим механизм для перевода или согласования этих счетов на определенном уровне. Каждая аксиома четко изложена и обоснована основными принципами финансирования и регулирования.

2. Сравнительный анализ нормативных стандартов. Чтобы обосновать и подтвердить правильность дедуктивной модели, проводится качественный сравнительный анализ существующих стандартов банковского регулирования в двух системах, представляющих интерес. Это служит проверкой реальности и источником конкретных идей. Ключевые сравнения, которые рассматриваются, включают:

— Договорно-правовая база. Сравняются, например, контракты, используемые в исламских финансах, с обычными финансовыми инструментами. Исламские банки используют такие контракты, как мурабаха (финансирование по принципу «затраты плюс»), мудараба (инвестиции с распределением прибыли) и т.д., вместо обычных процентных займов. Они имеют различные юридические последствия и сопряжены с различными рисками. Рассматриваются научные исследования о том, как такие контракты согласуются или вступают в противоречие с обычным договорным правом и что было сделано для их интеграции. Еще одно сравнение контрактов

проводится между банковскими мандатами государственного сектора и частными банковскими контрактами – например, государственные банки часто предоставляют целевые кредиты в рамках государственных программ, которые могут не соответствовать чисто коммерческим расчетам соотношения риска и доходности [12].

— Стандарты бухгалтерского учета. Сравниваются стандарты финансовой отчетности, такие как МСФО (используются во всем мире обычными банками) и стандарты ААОIFI (выпущены Организацией по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов и используются многими исламскими банками). Это сравнение имеет решающее значение, поскольку различия в методах ведения бухгалтерского учета могут препятствовать прозрачности и сопоставимости. Например, МСФО делают упор на экономическую сущность операций и включают такие понятия, как временная стоимость денег, в то время как стандарты ААОIFI ставят во главу угла соблюдение норм шариата и были «неприветливы» к таким понятиям, как временная стоимость денег или преобладание содержания над формой, которые противоречат принципам ислама.

— Управление рисками и регулирование капитала. Анализируется пруденциальная нормативная база, в частности Базельские соглашения (Базель III), которые устанавливают глобальные критерии для банковского капитала и ликвидности, в сравнении с руководящими принципами, выпущенными такими органами, как Совет по исламским финансовым услугам (IFSB) для исламских банков. Рассмотрены, как исламские банки адаптируют базельские стандарты – например, IFSB в основном использует базельскую формулу достаточности капитала, но добавляет специфику (например, коэффициент «альфа» для инвестиционных счетов с распределением прибыли для учета смещенного коммерческого риска) [30]. Также сравниваются подходы к регулированию в разных юрисдикциях: например, как оффшорные банковские центры могут предъявлять более низкие требования к капиталу или резервам по сравнению с оншорными, или как государственные банки могут иметь специальные механизмы управления капиталом (возможно, освобожденные от определенных требований из-за

скрытой поддержки со стороны государства) [9]. Везде, где это возможно, статья опирается на научные исследования или официальные отчеты. Например, в статье представлены ссылки на документы МВФ и Всемирного банка, в которых рассматривается вопрос о том, адекватно ли базельские стандарты учитывают риски исламских банков, а также публикации центрального банка о том, как учитывать инвестиционные счета с распределением прибыли в коэффициентах ликвидности [38].

— Тематические исследования и сравнение юрисдикций. Базовый эмпирический кейс дуальной системы – Малайзия: исламский и традиционный сегменты развиваются параллельно под единым центральным банком, с институционально оформленными «мостами» учета, рисков и ликвидности. В Индонезии фиксируются устойчивые взаимосвязи ставок и поведенческие эффекты пассивов между сегментами; в США «дуальность» проявляется как режим двойного charterования (федеральный/штатный надзор). Эти примеры иллюстрируют общую мысль статьи: дуальность – это управляемое сосуществование подсистем при единых целях устойчивости и сопоставимом измерительном аппарате (A1–A5), а не требование тождества правовых форм.

Методология является качественной и интегративной. Вместо того, чтобы проверять конкретную гипотезу на данных, информация объединена и получена, по крайней мере, из десятка научных источников.

Результаты исследования

Теоретическая основа. Определение двойной банковской системы и аксиомы совместимости.

По сути, дуальную банковскую систему можно определить как финансовую систему, в которой две параллельные группы банковских учреждений работают в рамках совершенно разных нормативных рамок в рамках одной и той же общей финансовой архитектуры. В такой системе две группы банков (подсистемы) управляются «двойным регулированием» – это означает, что каждая группа придерживается своего собственного набора правил, законов или стандартов, даже если они сосуществуют на рынке. Что отличает дуальную систему от обычной банковской системы с различными банками, так это то, что различие между этими двумя группами

носит систематический и официально признанный характер, а не просто случайный. Подсистемы могут быть определены законом (например, отдельные банковские законы для исламских и обычных банков), нормативными актами (федеральные и государственные уставы), правом собственности (государственные и частные полномочия) или юрисдикцией (внутреннее и оффшорное лицензирование). Ключевым моментом является то, что членство банка в той или иной подсистеме накладывает на него определенный набор совместимых контрактов, стандартов бухгалтерского учета и пруденциальных правил, которые отличаются от правил другой подсистемы.

В современной научной и нормативной повестке дуальная банковская система трактуется как институциональная среда, в которой параллельно функционируют две регуляторно-методологические подсистемы, обслуживающие сопоставимые банковские функции при различиях в контрактном дизайне и стандартах учета/раскрытий. Термин «дуальная банковская система» употребляется как минимум в двух разных, но устойчивых смыслах – и это ключ к корректной методологии сопоставления режимов:

1. **Юрисдикционная дуальность (U.S. dual chartering).** В американской практике «дуальная банковская система» означает одновременное сосуществование двух режимов учреждения и надзора банков – федерального и штатного, – между которыми институты могут выбирать при получении разрешения на деятельность. Такая конструкция сформировалась исторически: ее правовые основы восходят к Закону о национальных банках середины XIX века, а последующее развитие шло через судебные решения и уточнение границ действия норм штатов в присутствии федеральных правил. Официальные разъяснения регуляторов (включая Службу контролера денежного обращения, Федеральную резервную систему и объединения штатных надзорных органов) описывают дуальность как устойчивую институциональную архитектуру с различиями в источниках полномочий и организациях надзора, но с общими целями устойчивости и защиты вкладчиков [36]. Научная литература, опираясь на длительную историю функционирования этой модели, рассматри-

вает ее как естественный эксперимент по взаимодействию конкурирующих режимов регулирования и надзора и анализирует, как различия в правовой и институциональной среде влияют на поведение банков и конфигурацию финансового рынка [27-28].

2. **Функционально-сегментная дуальность (Islamic–Conventional).** В ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также Юго-Восточной Азии, термин «дуальная банковская система» обозначает параллельное сосуществование исламского и традиционного сегментов под единым макропруденциальным и платежным контуром. При общей цели финансовой устойчивости эти сегменты опираются на разные правовые формы договоров и на различные наборы профессиональных стандартов: для исламского – шариатские положения и спецификации профильных организаций (таких как AAOIFI и IFSB), для традиционного – международные бухгалтерские и пруденциальные правила (IFRS и рамка Базеля). Центральный банк Малайзии описывает такую модель как «параллельное функционирование» исламской и традиционной систем в одной национальной архитектуре; близкие формулировки встречаются и в материалах международных организаций, а также в эмпирических исследованиях по Малайзии, Индонезии и ряду других юрисдикций [20]. В более общем экономико-правовом подходе дуальная система определяется через сосуществование двух режимов регулирования и надзора, в рамках которых исламские институты могут существовать как самостоятельные банки, дочерние структуры или «исламские окна» в составе универсальных банков. Такая постановка подчеркивает, что различие продуктов и методик не отменяет необходимости общего «зонтика» надзора и совместности на уровнях договоров, учета и риск-метрик [15; 37].

Обе распространенные дефиниции «дуальной системы» описывают параллельные режимы, но различаются объектом сравнения и, следовательно, набором эталонов эквивалентности. При юрисдикционной дуальности США (двухуровневое учреждение банков и надзор – федеральный и штатный) сопоставление идет в рамках одной и той же продуктовой и учетной техники; для целей эквивалентности достаточно опоры на BCP (Basel Core Principles) и методику RCAP Базельского

комитета. При функционально-сегментной дуальности (исламский – традиционный сегменты) сопоставляются различные по природе контракты и стандарты (учет IFRS – AAOIFI, риск/капитал/раскрытия Basel/BCBS – IFSB), а потому требуется «цепочка совместимости» – от контрактов и учета к рискам, капиталу и надзору – с использованием специализированных мостов: учетных сопоставлений, ликвидностных надбавок по высоколиквидным активам (HQLA) и капиталовой корректировки через коэффициент α (для инвестиционных счетов с распределением прибыли и убытков – PSIA). В этой конфигурации эталон «эквивалентности по результатам» составляет комбинация BCP/RCAP с «параллельными» принципами CPIFR и отраслевыми стандартами IFSB/AAOIFI.

Граничные случаи и расширения понятия.

1. **Оншор-офшор:** «двойные» контуры возникают, когда внутри одной экономики сосуществуют оншорная и офшорная части с разными регуляторными режимами. Хотя это не всегда называют дуальным банкингом, по сути – еще один тип параллельных режимов, требующий консолидации на уровне группы.

2. **Инструментальные «двойные» рынки:** в исламско-конвенциональной дуальности доказано наличие сквозных связей и «импорт» риска через межбанковский рынок и ПММ: исламские банки, действуя в параллельной системе, остаются уязвимы к процентному риску и бенчмаркам. Это усиливает требования к сопоставимости по ликвидности и трансмиссии шоков.

Наиболее изученные эмпирические кейсы дуальности в банковской деятельности – Малайзия и Индонезия: здесь исламский и конвенциональный сегменты развиваются «плечом к плечу», а исследователи фиксируют специфические эффекты дуальности для эффективности, динамики ставок и устойчивости. Так, Ванке, Азад и Эмрузнеджад оценивают эффективность малайзийских банков с учетом двоякой структуры рынка [41]; Шехо, Чихак и Дингер анализируют роль диверсификации в сглаживании цикличности кредитования на выборке из 25 конвенциональных и 18 исламских банков Малайзии [39]; Видарджоно и соавт. показывают асимметричную

долгосрочную связь между ставками финансирования исламских банков и кредитными ставками конвенциональных банков в Индонезии и Малайзии [11]; Касри и соавт. выявляют влияние цифровизации платежей на банковскую стабильность в стране с дуальной системой [35]. Эти результаты согласуются с практикой «параллельного» регулирования и поддерживают трактовку дуальности как коэзистенции двух подсистем при общей макропруденциальной архитектуре.

Нормативное ядро дуальности задают обновленные Basel Core Principles (BCP, 2024) для всего банковского сектора и Основные принципы регулирования исламских финансов (CPIFR, IFSB-17, 2015) для исламского сегмента. В 2024 году Базельский комитет обновил BCP, усилив акценты на операционной устойчивости, пропорциональности и новых рисках (цифровизация, климат), а МВФ официально разъяснил рамку обновлений и методологию применения; это обеспечивает сопоставимую базу для оценки национальных режимов надзора. CPIFR, в свою очередь, интегрированы в процедуры FSAP МВФ/Всемирного банка, что институционализирует «двойной контур» оценки соответствия (BCP ↔ CPIFR) для юрисдикций с исламским сегментом. Таким образом, бенчмарки эквивалентности результатов закрепляются на уровне международных принципов и методик, в том числе через RCAP-методологию БКБН с ее шкалой материальности отклонений (соответствующий требованиям / в значительной степени соответствующий требованиям / существенно не соответствующий требованиям / несоответствующий).

Содержательно дефиниция дуальной банковской системы и ее границы сводятся к следующему: дуальность – это не тождество правил, а регуляторная эквивалентность по результатам при допустимой разности средств и форм. Юридически это проявляется в одинаково «жестких» результативных ожиданиях по устойчивости и прозрачности (BCP/RCAP), но с отраслевой кастомизацией исламского сегмента (CPIFR). К практическим иллюстрациям за пределами MENA/ЮБА относится и российский эксперимент по партнерскому (исламскому) финансированию, продленный законом до 1 сентября 2028 г.; он создает тестовую площадку для построения «двойной»

архитектуры с учетом национальной специфики [7].

Концепция двойной системы скорее подчеркивает, что с нормативной и методологической точки зрения следует анализировать две подсистемы с различными правилами. Не теряя общности, давайте обозначим их как систему А и систему В. Например, в исламско-традиционной двойной системе А = обычные банки (в соответствии со светским банковским законодательством, использующие проценты), В = Исламские банки (в соответствии с правилами шариата). В двойной системе «оншор-оффшор»: А = оншорные банки (внутреннее регулирование), В = оффшорные банки (специальные правила для иностранного бизнеса). Предполагается, что каждая система в отдельности функционирует согласо-

ванно по своим собственным правилам; проблема заключается в том, как они сосуществуют и взаимодействуют.

Аксиомы совместимости

Теперь предлагается набор фундаментальных принципов – или аксиом, – которые устанавливают условия совместимости между двумя подсистемами в двойной банковской системе. Под «совместимостью» подразумевается, что операции в системе А и системе В могут осуществляться без возникновения несогласованности, несправедливых преимуществ или системного риска, если рассматривать их на уровне финансовой системы в целом. Эти аксиомы логически вытекают, но также перекликаются с темами, которые можно найти в нормативных документах и научных исследованиях двойственных систем (см. рис. 1).

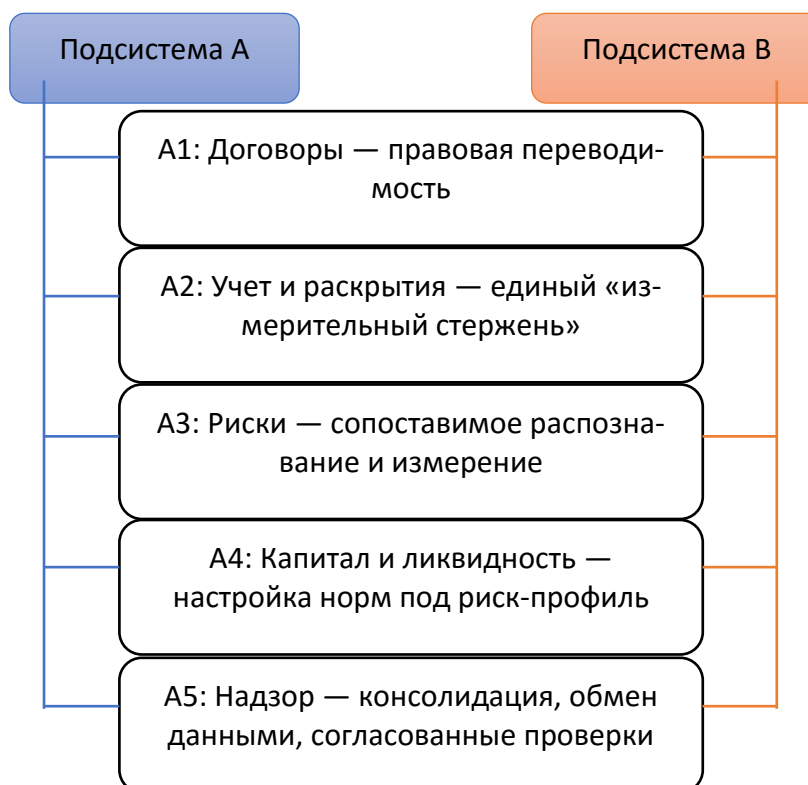

Рисунок 1. Пять уровней совместимости (А1–А5) как архитектура управляемости дуальной системы.

Аксиома 1 – Согласованность договоров. Аксиома 1 трактует согласованность договоров как обязательное условие интероперабельности подсистем дуальной банковской системы: любой финансовый инструмент, выпуск и исполнение которого допускаются в одной подсистеме, должен быть юри-

дически признан и экономически интерпретируем в общей архитектуре, что обеспечивает возможность его учета, агрегирования и принудительного исполнения в масштабе всей системы. Иначе говоря, разнообразие форм допускается, но экономический эффект должен быть переводим – различие в правовой оболочке не должно разрушать сопоставимость

прав и обязательств сторон и препятствовать межсистемному обращению или консолидированному надзору. Это требование одинаково существенно как для конфигураций «исламская—традиционная», так и для он-шор/офшор или «государственная—частная», где сделки могут заключаться по различным правам или с разной степенью публичных гарантий, но по итогам обязаны складываться в непротиворечивую совокупность юридически исполнимых притязаний и обязательств.

Теоретический фундамент аксиомы A1 задают базовые принципы исламских финансов – запрет рибана (процентного дохода), гарар (избыточной неопределенности), майсир (спекулятивных игр), требование материальной обеспеченности и допустимости предмета сделки. Современная литература подчеркивает: без их формализованной стандартизации в светских правовых системах возникает «правовая мозаичность» – расхождения в признании и шариат-аудите, повышающие неопределенность и транзакционные издержки. Отсюда прямое следствие для A1: правовая переводимость исламских контрактов требует унифицированных дефиниций и процедур, чтобы различие форм не рвало единую финансово-правовую архитектуру (роль AAOIFI/IFSB как носителей таких стандартов специально акцентируется в исследованиях о необходимости стандартизации) [4].

Правовая интеграция исламских инвестиционных операций в национальную финансовую систему требует ясной квалификации соответствующих договоров и установления прозрачных правил раскрытия информации. Речь идет не только о согласовании терминологии и договорной конструкции, но и о закреплении процедур, обеспечивающих предсказуемость прав и обязанностей сторон, защиту инвестора и добросовестность практик корпоративного управления. Встраивание шариатского надзора в корпоративные процессы и публично-правовые контуры регулирования служит необходимым условием правовой определенности и снижает риск коллизий. Такая институциональная настройка создает основу для сопоставимости результатов функционирования исламского и традиционного сегментов без требования полного тождества правовых форм [8].

В контексте исламско-традиционной дуальности особенно показательно, что доминирующие в исламском банкинге договорные формы – мурабаха, иджара, мудараба, мушарака, а также инвестиционные счета с распределением прибыли – порождают доходность, не фиксируемую процентом, и иное распределение рисков между банком и инвесторами. Это не отменяет требования Аксиомы 1: такие контракты должны иметь прозрачную правовую квалификацию и сопоставимую экономическую трактовку, чтобы их можно было корректно признавать в учете и включать в регуляторную отчетность наравне с «процентными» инструментами. Именно на этом стыке проявляется феномен смещенный коммерческий риск (DCR) – фактического давления на банк сглаживать выплаты по PSIA, ориентируясь на рыночные бенчмарки, даже если контрактно убытки должны нести инвесторы; следовательно, часть коммерческого риска «смещается» на акционеров банка. Современная литература предложила формализацию этой связки «договорная конструкция → экономический эффект риска»: в частности, показано, как DCR можно измерять внутренней моделью векторной авторегрессией (VaR) и как полученная оценка входит в коэффициент α для расчета достаточности капитала исламских банков. Тем самым согласованность на уровне контрактов (A1) оказывается логически связанной с требованиями к капиталу (A4): если договорная форма допускает практику сглаживания доходности, регулятор должен видеть это в учете рисков и в дополнительных буферах капитала, чтобы сохранялась эквивалентность исходов между подсистемами [40].

Современная литература формализует связь «договорная конструкция → экономический риск» (включая измерение практики сглаживания доходности по инвестиционным счетам и ее отражение в учетных и надзорных параметрах). Отсюда практический критерий согласованности на уровне A1: правовая признанность и экономическая переводимость исламских контрактов должны сопровождаться раскрытиями по инвестиционным счетам и понятной процедурой переноса наблюдаемых практик в риск-метрику и надзорные параметры. Это не требование равенства итогов; это требование того, чтобы форма договора не

искажала измерение риска на следующих уровнях (A2–A4) [17].

Аксиома 2 – Совместимость бухгалтерского учета и раскрытия информации. Аксиома 2 фиксирует требование совместимости бухгалтерского учета и раскрытий как необходимое условие агрегируемости и сопоставимости на уровне всей системы: отчетность каждой подсистемы должна «говорить» на общем финансовом языке, так чтобы регулятор и инвесторы могли без методологических разрывов консолидировать балансы и сравнивать метрики риска и устойчивости. Если банки в двух подсистемах придерживаются принципиально разных учетных основ, то даже при юридической признанности договоров (A1) возникает системный сбой на уровне измерения – агрегированные показатели сектора становятся статистически ненадежными, а межсистемные сравнения и стресс-сопоставления искажаются. Именно поэтому при двойных режимах – будь то исламско-традиционная конфигурация, он-шор/офшор или разделение по собственности – регулятор либо вводит единый базовый стандарт отчетности, либо, по меньшей мере, требует формальных «мостов» в виде прозрачных согласовательных таблиц и расширенных раскрытий, позволяющих переводить показатели одной подсистемы в категориальный и оценочный аппарат другой.

На материале исламско-традиционной дуальности видно, где именно возникают точки расхождения и как их следует закрывать раскрытиями. Сопоставления стандартов AAOIFI и IFRS показывают устойчивые различия в признании, оценке и представлении по ключевым продуктам. Характерный пример – иджара: новая редакция финансово-бухгалтерского стандарта – FAS 32 для исламских институтов сохраняет модель, при которой актив у лизингодателя продолжает признаваться на балансе с амортизацией и собственным профилем дохода; эта логика подчеркнута и самим регулятором стандарта и отличает исламскую постановку от режимов, допустимых у лизингодателя в международной практике (IFRS 16), где возможна классификация как финансовой аренды с иным профилем актива/дохода. Масштабный обзор финансовой отчетности исламских институтов, представленный рабочей группой Совета по стандартам финансовой отчетности Малайзии

(Malaysian Accounting Standards Board, MASB) в рамках консультативной группы по исламским вопросам при IFRS в мае 2024 года, прямо фиксирует: по иджаре и ряду других областей различия в политике признания и представления сохраняются, а фактическая практика раскрытий нередко отстает от заявленного следования FAS – что создает риск несопоставимости для пользователей отчетности и надзора. Эти наблюдения важны не только как констатация различий, но и как постановка нормативной задачи: сопоставимость отчетности достигается только при институционально закреплённой процедуре «перевода» между двумя рамками учета, включая раскрытия, которые делают видимыми экономические эффекты контрактов из исламской подсистемы в координатах международной отчетности [10; 14].

Современная литература, в том числе сравнительные исследования IFRS – AAOIFI, констатирует и систематизирует эти расхождения для основных классов договоров – от продажно-базовых до долевого – и предлагает конкретные пути сближения учетных политик и форматов раскрытий [40]. Помимо аналитики стандартов, эмпирические работы фиксируют экономические последствия выбора базиса отчетности для исламских банков: принятие стандартов AAOIFI коррелирует с изменениями в консерватизме учета, качестве прибыли и управлении доходами, что напрямую затрагивает сопоставимость с конвенциональными институтами при анализе устойчивости и капитала. Для регулятора это означает, что «единый измерительный стержень» должен опираться не только на технические сопоставления статей баланса и отчета о прибылях и убытках, но и на расширенные Pillar-3-раскрытия, адаптированные к продуктовой специфике исламских институтов, как это предписывает пересмотренный стандарт IFSB-22, согласованный с обновленной рамкой раскрытий Базеля. Без такого качества раскрытий (включая разъяснения по PSIA, структурам иджары, принципам классификации активов и допущениям по оценке) результативная сопоставимость с традиционными банками неизбежно остается проблематичной [25; 31].

Совместимость учета и раскрытий на уровне A2 во многом определяется режимом использования стандартов AAOIFI. Обобщение международной практики показывает:

при наличии единого методологического ядра (бухгалтерские, шариатские и управленческие стандарты ААОIFI) снижаются разрывы в признании/оценке и повышается сопоставимость отчетности; однако фактическое внедрение остается неоднородным – от обязательного статуса в ряде исламских юрисдикций до добровольного применения в светских режимах, что порождает правовые, налоговые и методологические барьеры. Для светских право порядков, включая российский пилотный режим партнерского финансирования, литература формулирует прикладные пути интеграции: гибридные модели имплементации, «мосты» раскрытий (таблицы согласованности), институционализацию шариат-аудита у регулятора. В целом вывод един: стандартизированная отчетность по ААОIFI – необходимое условие «единого измерительного стержня» А2, особенно при параллельном действии IFRS [5].

Переход от правовой переводимости договоров (А1) к совместимости учета и раскрытий (А2) требует формализованной последовательности проверок, как показано на рисунке 2. На первом шаге удостоверяется допускаемость соответствующего договора в обеих подсистемах и его исполнимость в единой правовой архитектуре. На втором шаге фиксируется наличие правовой квалификации и типовых форм, исключающих неоднозначность условий и процедур принудительного исполнения. На третьем шаге проверяется, что по данному договору определены правила признания, оценки и представления в отчетности таким образом, чтобы экономическое содержание сделки было сопоставимо на межсистемном уровне. Наконец, на четвертом шаге подтверждается достаточность примечаний к финансовым отчетам (включая таблицы согласованности), без которых агрегирование показателей и их последующая надзорная интерпретация становятся методологически уязвимыми. Приведенное «дерево проверки» служит практическим мостом между уровнями А1 и А2 и задает минимальные условия для корректного перехода к измерению рисков на уровне А3.

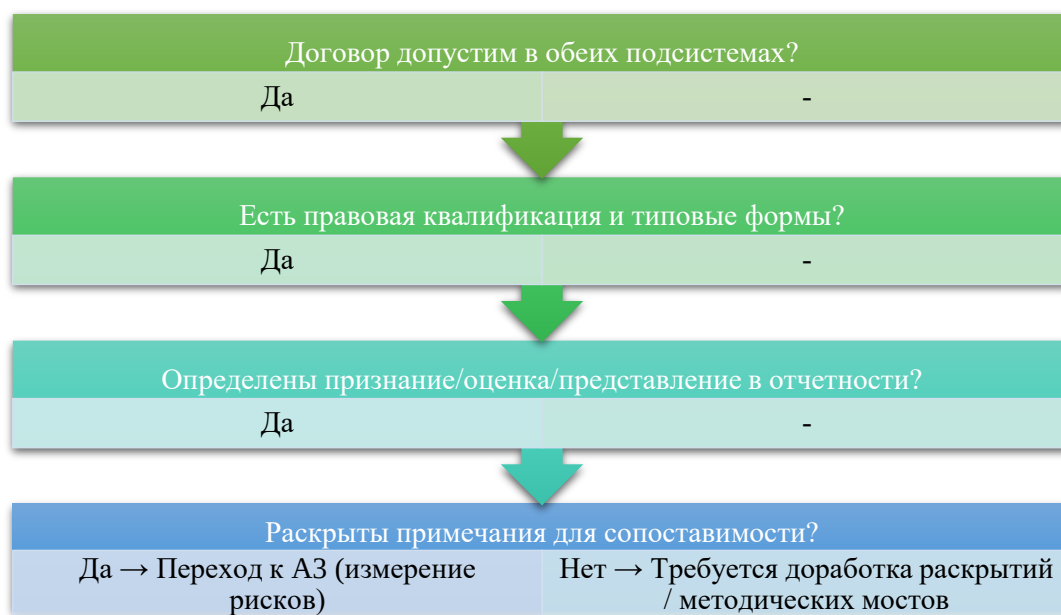

Рисунок 2. Проверка переводимости договоров и совместимости учета.

Если на любом из указанных шагов является «разрыв» (например, отсутствуют типовые формы и правовая квалификация, не определены элементы признания и оценки, либо примечания не обеспечивают перевод экономического содержания в сопоставимые статьи отчетности), соответствующий договор не должен переходить к уровню А3 как сопоставимый объект риска. В таких случаях

требуется доработка: унификация правовой конструкции и терминологии; утверждение типовых документов; формализация учетной политики и методических указаний; расширение набора примечаний, включая таблицы согласованности между применяемыми стандартами и раскрытие ключевых оценочных суждений. Лишь после устранения этих разрывов показатели, построенные на базе такого

договора, могут быть корректно включены в сводные риск-метрики, а значит – использованы на уровнях А3 и А4 без искажения итоговой картины. Таким образом, «дерево проверки» закрепляет необходимое условие управляемости дуальной системы: отсутствие методологических зазоров между правовой формой договора и его отражением в отчетности.

Для практической реализации Аксиомы 2 требуется не только общая ориентация

на «экономическую сущность», но и формализованный перевод ключевых договоров в сопоставимые статьи отчетности. Ниже приведен микро-сопоставления для трех базовых конструкций (иджара, мурабаха, долевыми формы), где фиксируются элементы признания, оценки и представления, а также перечень обязательных примечаний, без которых агрегирование показателей на уровне системы становится методологически уязвимым (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление признания, оценки и представления по типовым договорам.

Договор	Признание (кто и что признает)	Оценка (основные допущения)	Представление (в отчетности)	Требуемые примечания для сопоставимости
Иджара (аренда)	Актив у арендодателя/арендополучателя	Амортизация, доход по графику	Баланс/ОПУ – отдельно	Природа рисков, сроки, опцион выкупа
Мурабаха (продажа в рассрочку)	Дебиторская задолженность	Договорная наценка (доход от продажи), признается и распределяется по графику сделки; не процентный доход	ОПУ – поступления по графику	Разграничение наценки и ожидаемых потерь
Долевые формы (мудароба/мушарака)	Долевое участие	Оценка по справедливой/учетной	Баланс – долевыми вложения	Порядок распределения прибыли/убытков

Примечание. Таблица носит **методологический** характер и предназначена для «перевода» между режимами отчетности. Конкретные учетные решения зависят от применимого стандарта (напр., IFRS/AAOIFI), национального права и принятой учетной политики; обязательна ссылка на расширенные примечания к отчетности (таблицы согласованности, раскрытия по оценочным суждениям и ожидаемым кредитным потерям).

Таким образом, содержательное требование Аксиомы 2 двусоставно. Во-первых, на методологическом уровне – наличие формальных сопоставлений между международными и исламскими стандартами учета для ключевых договоров (иджара, мурабаха, долевыми формы), гарантирующих перевод экономической сущности в сопоставимые статьи отчетности и позволяющих надзору корректно агрегировать данные (включая консолидацию зарубежных и офшорных структур). Во-вторых, на уровне дисциплины раскрытий – расширенный, стандартизованный пакет примечаний (в логике Pillar 3), закрывающий «слепые зоны» признания и оценки и обеспечивающий равный доступ пользователей к информации о рисках и результатах. Именно этот слой соединяет бухгалтерскую совместимость с последующими уровнями – измерением рис-

ков и настройкой норм капитала и ликвидности, – чтобы различия формы не затушевывали экономическую реальность и не препятствовали корректному сопоставлению показателей.

Аксиома 3 – Паритет в оценке рисков и управлении ими. Концептуально А3 требует не тождественности методик, а паритета в оценке и управлении рисками: все материальные риски обеих подсистем должны быть распознаны, измерены и отражены в буферах так, чтобы измерение и управление оставались сопоставимыми по методологии и охвату рисков. Разные банковские модели генерируют разные профили риска – у исламских банков к классическим кредитному, рыночному и операционному рискам добавляются специфические величины вроде риска несоблюдения шариатских норм и смещенный коммерческий риск (риск того, что банк

откажется от своей прибыли, чтобы платить владельцам инвестиционных счетов, чтобы они были довольны), тогда как в традиционном сегменте центральную роль играют процентный риск банковского портфеля и поведенческие эффекты клиентов по депозитам. В «владельческих» дуальностях (государственно-частное партнерство например) появляется политико-кредитный компонент и концентрации на SOE; в оншор/офшор-конфигурациях – повышенная чувствительность к валютной и трансфертной ликвидности из-за структур фондирования. Отсюда нормативное следствие: таксономия и инструментарий риск-менеджмента должны покрывать все эти различия без пробелов – через категории риска, параметры оценки и надбавки (наложения), чтобы агрегируемые метрики (NPL, VaR/ES по портфелям, разрывы ликвидности) были честно сопоставимы на уровне всей системы.

Существенный массив сопоставительной литературы показывает, что профили ключевых банковских рисков в условиях дуальной системы в целом конвергируют к базельскому набору кредитного, рыночного, операционного рисков и риска ликвидности, тогда как отличия проявляются прежде всего в контрактной форме и поведенческих аспектах управления. Показателен обзор, выполненный на материале стран с исламским и «конвенциональным» сегментами: авторы фиксируют, что «риск-профиль исламского банка существенно не отличается от профиля традиционных банков в практиках», при этом регулирование и надзор ориентируются на рамку Базель II/III, а различия связаны с этическими ограничениями и особенностями договоров и пассивов (инвестиционные счета, распределение прибыли/убытков). Историко-институциональная часть того же исследования подчеркивает, что расширение исламского сегмента сопровождалось адаптацией риск-менеджмента к этическим ограничениям и контрактной архитектуре, не отменяя потребности в стандартных методах идентификации и измерения рисков; именно на этом стыке возникают предметные различия (отбор активов, запрет процентных сделок, поведенческие эффекты по инвестиционным счетам), требующие прозрачной калибровки в надзорных параметрах [24]. В развитие выводов С.

Димова о конвергенции практик риск-менеджмента между исламским и традиционным сегментами, сопоставительный обзор Э. Ильясовой показывает, что профиль ключевых банковских рисков в дуальных юрисдикциях в целом совпадает с базельской таксономией (кредитный, рыночный, операционный, ликвидностный), а различия сосредоточены в договорной форме и поведенческих особенностях пассивов (инвестиционные счета с распределением прибыли и убытков) [2]. Это подтверждает наш акцент в АЗ: задача не «расширять перечень рисков», а обеспечить полноту распознавания и прозрачную калибровку специфики продуктовых форм, чтобы методика измерения оставалась сопоставимой.

Ключевая практическая зона для дуального паритета – ликвидность и ее регуляторное измерение. Исторический дефицит шариат-совместимых высоколиквидных активов ограничивал доступ исламских банков к процентным операциям центральных банков и усложнял достижение целевых коэффициента краткосрочной ликвидности (LCR) и коэффициента стабильного фондирования (NSFR) – LCR/NSFR, что вынуждало держать непропорционально высокие «кэш/резервы» или опираться на узкий сегмент сукуков. Техническая записка IFSB TN-5 систематизировала инструменты управления ликвидностью, пригодные на обеих сторонах баланса исламских институтов (деPOSITные/инвестиционные пассивы, активные портфели, операции центрального банка), прямо признавая институциональные ограничения доступа к процентным стоимостям и предлагая матрицу шариат-совместимых альтернатив и условий их применения. Тем самым TN-5 задает регуляторам и банкам «язык» и перечень допустимых инструментов, который можно встраивать в Pillar 1/2 для достижимости целевых LCR/NSFR без снижения фактической устойчивости [33].

Эмпирическая литература встраивает эту логику в измеримый паритет. Модифицированный NSFR для исламских банков – с учетом структуры пассивов и продуктовой линейки – статистически ассоциирован с ростом устойчивости (на выборке 136 банков из 30 юрисдикций за 2000–2013 гг.), что подтверждает функциональную сопоставимость ликвидностных буферов при различных наборах

активов и источников фондирования. Этот результат поддерживает регуляторный подход «разные инструменты – одинаковая функция»: если в одной подсистеме высоколиквидные активы представлены преимущественно традиционными облигациями и репо, а в другой – сукуком и шариат-совместимыми центральнобанковскими окнами, при корректной калибровке весов и сток-коэффициентов обе достигают схожего эффекта стабилизации через NSFR/LCR и не создают методологических искажений при сравнительном анализе устойчивости [13].

Переход от контрактных особенностей к измерению рисков на уровне А3 требует явной калибровки тех параметров, через которые специфика продуктов попадает в нормы первого и второго столпов. Базельские метрики ликвидности и стабильного фондирования применимы к исламским портфелям при

условии, что: по пассивам заданы корректные предположения о стабильности инвестиционных счетов с распределением прибыли и убытков (далее – инвестиционные счета) и их «стоке» в стрессах; по активам признана ликвидность сукуков и обеспечена инфраструктура сделок (включая шариат-совместимые короткие инструменты Международной исламской ликвидной корпорации, ИЛМ); риска по долевым контрактам (мудароба/мушарака) отражают их большую неопределенность по сравнению с продажно-долговыми сделками; устойчиво наблюдаемые поведенческие эффекты – например, практика «сглаживания» доходности по инвестиционным счетам – переносятся в надзорные надбавки и корректировки второго столпа. Минимальный набор подлежащих калибровке параметров суммирован в Таблице 2.

Таблица 2

Минимальный перечень калибруемых параметров для сопоставимого измерения рисков.

Параметр	Что означает	Откуда берется	Для чего нужен
Поведенческие оттоки по инвестиционным счетам	Ожидаемая динамика снятий/перевложений	Наблюдения, стресс-сценарии	Настройка показателей ликвидности
Вес риска по долевым контрактам	Повышенная неопределенность	Стандарты/надзорная калибровка	Расчет достаточности капитала
Состав и доступность высоколиквидных инструментов	Перечень и инфраструктура сделок	Правила рынка/ЦБ	Функциональная ликвидность портфеля
Надбавки при устойчивом «сглаживании» выплат	Корректировка под поведение банка	Надзор/внутренняя политика	Честный учет рисков в капитале

Калибровка перечисленных параметров делает риск-показатели обеих подсистем агрегируемыми и методологически сопоставимыми. Регулятор получает возможность строить «сквозные» стресс-тесты: единый сценарий шоков, унифицированный таксон активов и обязательств, явная настройка уникальных параметров (поведенческие оттоки по инвестиционным счетам, доступ к ликвидным инструментам, надбавки для долевого контракта). При таком подходе сравнение показателей ликвидности и потерь к риск-взвешенным активам перестает зависеть от правовой формы инструмента и отражает именно экономический риск. Это снижает стимулы к регуляторному арбитражу и выполняет задачу уровня А3 – методологически согласованного распознавания и измерения рисков, создавая основу для последующей настройки капитала и ликвидности на уровне А4.

Аксиома 4 – Достаточность капитала и настройка норм под риск-профиль. Аксиома 4 рассматривает достаточность капитала и требования к ликвидности как уровень, на котором настройки норм должны следовать из выявленного риск-профиля и договорных особенностей (А1–А3). Речь не идет о тождественности правил между подсистемами, а о внутренней согласованности: специфические источники риска и особенности доступных инструментов ликвидности получают прозрачное отражение в параметрах расчета капитала и допущениях по ликвидности. В противном случае одна подсистема получила бы устойчивое ценовое преимущество (за счет более дешевого капитала) и создала бы стимулы к регуляторному арбитражу, а уязвимость более «тонко капитализированных» институтов накапливалась бы системно. Следовательно, регуляторная задача формулируется не как буквальная идентичность правил, а как

функциональная эквивалентность результата: при сопоставимом экономическом риске совокупная «стоимость» капитала и ликвидности должна быть сопоставима для банков обеих подсистем.

Современная дискуссия о сопоставимости требований к исламскому и традиционному банкингу исходит из того, что цель регулирования состоит не в буквальном совпадении норм, а в достижении эквивалентных по результатам уровней устойчивости. В этой логике подходы, закрепленные в стандартах IFSB и согласованные с рамкой Базель III, предлагают учитывать специфику инвестиционных счетов и распределения рисков между банком и вкладчиками. Корректировка доли участия держателей таких счетов в убытках и доходах (обычно отражаемая в расчетах капитала как параметр α), а также надстраивание привычных коэффициентов ликвидности с учетом поведенческих особенностей пассивов позволяют оценивать положение исламского банка в сопоставимых координатах с традиционными институтами. Тем самым акцент переносится на фактическую способность поглощать потери и выдерживать стрессовые условия, что и должно являться предметом надзорной оценки [3].

Современные стандарты для исламского банковского сегмента формально «прошивают» эту идею в нормативный текст. Пересмотренный стандарт по достаточности капитала для исламских банков (IFSB-23) прямо увязывает рамку Базеля с особенностями исламских контрактов: он задает правила расчета капитала и учета рисков для исламских институтов (включая операции продажи с наценкой, аренды, долевого финансирования) и одновременно связывает их с требованиями к прозрачности раскрытий, чтобы сопоставимость результата была проверяема на уровне информации (в связке с пересмотренным стандартом по раскрытиям IFSB-22, адаптированным к структуре раскрытий «третьего столпа» Базеля). Тем самым обеспечивается методологический «мост» от учетной совместимости к измерению капитала: пользователи отчетности и надзор получают достаточный объем сопоставимых данных, а норматив устанавливает, каким образом специфические для исламской модели риски должны быть отражены в капиталовых буферах [32].

Ключевой элемент этой адаптации – параметр «альфа», посредством которого учитывается поведение по инвестиционным счетам с распределением прибыли и убытков (profit-sharing investment accounts). В реальной практике у банков существует риск «вытеснения доходности»: в целях поддержания конкуренции по выплатам банк может частично отказаться от собственной маржи и тем самым взять на себя часть коммерческого риска, который по договорной форме должен был бы оставаться на стороне инвесторов по таким счетам. Стандарт IFSB-23 предусматривает количественный механизм, с помощью которого доля риска, фактически переносящаяся на держателей инвестиционных счетов, вычитается из требований к капиталу акционеров (через «альфа»), чтобы итоговая защита от убытков корректно отражала экономическую реальность. Эта логика подкреплена и академическими моделями: в литературе разработаны структурные подходы к оценке «альфа» на уровне конкретного банка, а также внутренние модели для измерения риска вытеснения доходности; это формирует воспроизводимую базу для сопоставления капиталовых буферов между исламской и традиционной подсистемами при одинаковых стресс-сценариях [16].

Схожий принцип применяется к требованиям по ликвидности. Если для традиционных банков LCR и NSFR строятся на фиксированных предположениях об оттоках по депозитам и составе высоколиквидных активов, то для исламских банков необходимо явным образом определить, как в стресс-условиях ведут себя инвестиционные счета и какие инструменты могут считаться высоколиквидными при соблюдении религиозно-правовых норм. Именно поэтому обновленные руководства по раскрытиям и управлению ликвидностью в исламском сегменте требуют расширенной публичной информации о допущениях по оттокам, составе ликвидного портфеля и используемых инструментах центрального банка. Это позволяет регулятору и рынку проверять, что «стоимость» удержания ликвидности и способность переживать шоки сопоставимы в обеих подсистемах, даже если перечни допустимых инструментов различаются (например, облигации и операции обратного выкупа против выпусков сукук и специальных шариат-совместимых окон ликвидности) [34].

Обобщение практики макропруденциальной политики в дуальных юрисдикциях показывает, что инструментарий совпадает с традиционной системой (капиталовые буферы, ограничения по LTV/DTI, ликвидностные нормативы), при этом по мере роста исламского сегмента требуется адаптация параметров под его риск-профиль. Эконометрические оценки подтверждают сглаживающий эффект таких мер на кредитный цикл, что согласуется с задачей A4—A5: поддерживать управляемость системы общими инструментами, настраивая их под специфику подсистем [1].

Аксиома 4 требует, чтобы нормативы собственного капитала и буферы ликвидности были настроены в соответствии с риск-профилем и договорными особенностями каждой подсистемы, выявленными на уровнях A1—A3. Речь идет не о тождественности правил, а о внутренней согласованности: специфические источники риска (например, инвесторские счета с распределением прибыли и убытков, долевыми формами финансирования, отличия в доступе к высоколиквидным инструментам) должны получать прозрачное отражение в нормативах через параметры, надбавки и допущения по ликвидности. Такая настройка обеспечивает способность банков поглощать убытки и выдерживать стресс-оттоки в рамках собственной модели, не создавая методологических зазоров между подсистемами.

Аксиома 5 – Единый надзорный орган. Аксиома 5 подчеркивает управленческое измерение дуальной совместимости: обе подсистемы должны находиться в режиме скоординированного и консолидированного надзора, который позволяет видеть совокупный риск, выявлять разрывы на стыках правовых режимов и исключать «переключение» банков к более мягкому регулятору. Смысл этой аксиомы – связать четыре технических уровня (договора, учет и раскрытия, риск, капитал и ликвидность) с институциональной рамкой, в которой принципы и процедуры едины для всей системы, даже если в ней действуют разные законы и разные специализированные органы (например, центральный банк и отдельный религиозно-правовой совет, или национальный и оффшорный регуляторы).

Современные международные стандарты напрямую требуют именно такого

устройства. Базовые принципы эффективного банковского надзора (Basel Core Principles, редакция 2024 г.) задают минимальные требования к компетенциям и инструментам надзора: от корпоративного управления и операционной устойчивости до пропорциональности режима надзора и взаимодействия между регулятором страны происхождения и регулятором страны присутствия банковской группы. Эти принципы предназначены для универсального применения – независимо от формы собственности, бизнес-модели или религиозно-правовой природы контрактов; критически важным элементом является консолидированный надзор за банковскими холдингами, включая зарубежные подразделения, чтобы риски не «утекали» за периметр наблюдения и не создавали арбитраж возможностей между подсистемами. Именно консолидированность обеспечивает, что требования к капиталу и ликвидности, а также практика управления рисками оцениваются на уровне всей группы, а не только в «удобных» юрисдикциях или сегментах [19].

Для проверки сопоставимости режимов у разных стран действует Программа оценки согласованности регулирования (Regulatory Consistency Assessment Programme, Руководство 2022 г.). Эта методика задает понятную шкалу «материальности отклонений» от базельских стандартов и тем самым допускает различие формулировок правил при условии, что результат по устойчивости и рыночной дисциплине сопоставим. Такой подход – по сути институциональный аналог принципа «эквивалентности исходов»: допускаются разные правовые пути, но не допускается различие в защищенности вкладчиков и в устойчивости банковских групп при одинаковых шоках. Для дуальной системы это означает: если подсистемы подчиняются разным ведомствам, их совместная работа должна быть выстроена так, чтобы по RCAP-логике расхождения были либо нематериальными, либо компенсированы процедурами надзора и раскрытия [18].

В исламско-традиционной конфигурации этот принцип дополнительно раскрывается через Основные принципы регулирования исламских финансов и их методику оценки (Основные принципы регулирования исламских финансов, CPIFR), которые Международный валютный фонд использует в

программах оценки финансового сектора. Эти принципы развивают «базельскую» рамку с учетом особенностей исламских контрактов и требований религиозно-правового комплаенса: наличие независимого религиозно-правового контура управления, процедуры признания и исправления несоответствующих сделок, раскрытие информации о специфических рисках, связанных, в частности, с инвестиционными счетами и практикой поддержания доходности. Тем самым CPIFR задают для регулятора и надзорных миссий единый язык, на котором можно проверять, что исламский сегмент встроен в общую систему надзора без «слепых зон» – и что достигается тот же уровень устойчивости и рыночной дисциплины, который требуется от традиционного сегмента [29].

Практическая организационная форма такой координации может быть разной. В одних странах – это единый мегарегулятор (центральный банк) с профильными департаментами для каждой подсистемы; в других – система нескольких ведомств, работающих по соглашениям о сотрудничестве, с совместными проверками и регулярным обменом данными, едиными стресс-сценариями и взаимным признанием методик. Независимо от модели, критичны три элемента. Во-первых, периметр консолидации должен охватывать банковские группы, дочерние и оффшорные структуры так, чтобы суммарные риски и капитальные буферы оценивались на уровне группы. Во-вторых, должен быть единый процесс обмена данными и раскрытий – фактическая совместимость бухгалтерского языка (A2) и сопоставимость риск-метрик (A3) иначе не будут наблюдаемы и проверяемы. В-третьих, должны действовать процедуры согласования расхождений: если часть правил в одной подсистеме формально иная, надзор должен либо показать их нематериальность по итогам (по шкале RCAP), либо применить компенсирующие меры, чтобы восстановить паритет исходов. В совокупности это и есть «мета-нормативная» база – институциональный контур, который удерживает обе подсистемы в едином поле требований и устраняет стимулы к регуляторному арбитражу.

Наконец, важно, что такая архитектура «вшита» в международные процессы оценки и

мониторинга. Обновления Базовых принципов 2024 года усиливают требования к взаимодействию регулятора страны происхождения и страны присутствия, к операционной устойчивости и к пропорциональности – то есть к умению применять единые цели устойчивости с учетом различий в размерах и моделях банков. А включение принципов CPIFR в процедуры Международного валютного фонда означает, что для исламского сегмента сформулированы проверяемые критерии «бесшовной» интеграции в общий надзорный контур. Это превращает Аксиому 5 из декларации в практический режим управления: консолидированный периметр, единый обмен данными, согласованные проверки и процедуры урегулирования расхождений обеспечивают наблюдаемость и исполнимость уровней A1–A4, сохраняя управляемость дуальной системы при разнообразии правовых путей.

Отдельный класс кейсов связан с дуальностью «реальные–виртуальные» объекты (цифровые активы), где для сопоставимости и контроля требуются согласованные словари, формальные модели и устойчивые каналы обмена. Формальный «двойной» подход (реальное–виртуальное) демонстрирует, что без единого языка описания объектов и их отношений (включая надзорные и правоприменительные связи) консолидация невозможна, а потому любые практические режимы дуальности должны предусматривать категориальные «мосты» между оншорными режимами, оффшорной деятельностью и цифровыми периметрами [6].

Чтобы A5 работала не номинально, а операционно, надзору нужен краткий «чек-лист наблюдаемости», связывающий процедуры контроля с предшествующими уровнями совместимости (A1–A4). В предлагаемой надзорной карте наблюдаемости каждый элемент описан через минимальный набор действий, проверяемые артефакты и охват уровней A1–A4. Такой формат переводит A5 из общих слов о консолидации и координации в проверяемые практики: если для какого-либо элемента отсутствуют артефакты или заданная периодичность, это указывает на разрыв наблюдаемости и риски регуляторного арбитража.

Таблица 3

Элементы наблюдаемости и их связь с уровнями A1–A4.

Элемент надзора	Минимальные действия/процедуры	Проверяемые доказательства	Покрыва- емые уровни	Периодич- ность	Типичные сбои
Периметр консолидации	Установить границы группы, включить офшорные и специальные компании, дочерние структуры, внутригрупповые операции	Консолидированная отчетность; список аффилированных лиц; политика внутригрупповых лимитов	A2–A4	Ежеквартально/год	«Выпадение» SPV и офшоров → юридическая идентификация, принудительная консолидация
Стандартизованный обмен данными	Единые форматы отчетности, контроль качества данных, сопоставление с аудиторскими примечаниями	XBRL-формы/надзорные шаблоны; протоколы сверки; отчеты по качеству данных	A2–A3	Ежеквартально	Несопоставимость показателей → таблицы сопоставимости, уточнение таксономии
Совместные проверки	Координация планов инспекций, обмен рабочими выводами, «сквозные» выборки	Совместные отчеты проверок; протоколы обмена; план корректирующих действий	A3–A4	Год/полугодие	Разночтения методик → согласование тестов, единые выборки и сценарии
Урегулирование расхождений	Назначение сроков и метрик устранения; надзорные надбавки при задержках	Планы согласованности; периметр надбавок/ограничений; письма надзора	A2–A4	По факту/квартал	«Бесконечные» планы без результатов → привязка к капиталу/ликвидности, дедлайны
Сквозные стресс-тесты	Единый сценарий шоков, унифицированный таксон активов, учет специфики	Методика стресс-тестов; технические файлы; отчеты о потерях и ликвидности	A3–A4	Год/полугодие	Несогласованные предпосылки → единый пакет параметров и процедур согласования
Реестр методик и сопоставлений	Регистрация учетных политик/ сопоставлений IFRS ↔ AAOIFI, моделей PD/LGD	Реестр моделей/политик; протоколы валидации; журналы изменений	A1–A3	Непрерывно/квартал	«Серые» практики → обязательная валидация, контроль версионности
Расширенные раскрытия (Pillar 3)	Требования к объему/качеству примечаний, включение специфики исламских продуктов	Публикации Pillar 3; сопоставимые таблицы; проверка полноты	A2–A3	Год/полугодие	Лакуны в раскрытиях → шаблоны-минимумы, штрафы за неполноту

Практическое правило A5 таково: если в любой строке карты наблюдаемости пустует колонка артефактов или систематически нарушается периодичность, совместимость предыдущих уровней (A1–A4) считается неполной, даже при формальном соблюдении локальных

норм. В рабочих терминах это означает необходимость назначать компенсирующие меры: расширять периметр консолидации (включая «спящие» SPV и офшорные структуры), донастраивать таксономию отчетности и таблицы сопоставимости, синхронизировать ме-

тодики стресс-тестов и регистры моделей, закреплять надзорные надбавки до фактического закрытия разрывов. Такой порядок превращает А5 в практический режим управления: он делает видимыми и исполнимыми требования А1–А4 и снижает стимулы к регуляторному арбитражу за счет прозрачных процедур и проверяемых артефактов.

Если по любой строке карты наблюдаемости отсутствуют требуемые нормы или нарушается периодичность, совместимость уровней А1–А4 считается неполной (см. табл. 3).

Взятые вместе, эти аксиомы образуют интегрированную основу для оценки и руководства двойными банковскими системами. Их можно рассматривать как поэтапную взаимосвязь: финансовый продукт, разработанный в соответствии с одной парадигмой (А1), должен быть должным образом учтен (А2), должны быть поняты связанные с ним риски (А3), должен быть обеспечен достаточный капитал (А4), а весь процесс должен контролироваться компетентными органами (А5). Если какая-либо связь нарушается – например, стандарты бухгалтерского учета скрывают истинный риск, или надзор осуществляется неравномерно, – совместимость и эквивалентность двойной системы могут нарушиться, что приведет либо к нестабильности, либо к несправедливому доминированию одной из подсистем.

Заключение. По итогам настоящего исследования предлагается следующая дефиниция *дуальной банковской системы* – это институциональная конфигурация, при которой в пределах единой макропруденциальной архитектуры устойчиво коэкзистируют две нормативно-методологические подсистемы. Каждая подсистема закрепляет систематически отличающиеся: (а) контрактные формы (дизайн финансовых сделок), (б) правила бухгалтерского учета и раскрытий, (в) пруденциальные требования к капиталу и ликвидности, (г) надзорные принципы и процедуры. Логика выстроена по нисходящей цепочке: правовая интероперабельность договоров (А1) обеспечивает переводимость экономического содержания сделок; совместимость учета и раскрытий (А2) создает единый «измерительный стержень» для наблюдения и сравнения; паритет в распознавании и измерении рисков (А3) исключает методологические разрывы;

настройка капитала и ликвидности под выявленный риск-профиль (А4) гарантирует способность поглощать убытки в рамках каждой модели; координированный, консолидированный надзор (А5) делает все эти уровни наблюдаемыми и исполнимыми на практике. В совокупности аксиомы образуют самодостаточный теоретико-методологический каркас, достаточный для управляемого функционирования дуальной системы без требования тождества правил.

Научный вклад работы состоит в том, что она: задает единый понятийный аппарат для описания различных проявлений дуальности (исламский/традиционный, оншор/офшор, государственный/частный и др.); формализует пять необходимых условий совместимости как взаимосвязанную цепочку от контрактов к надзору; выделяет практические «мосты» между уровнями – правовую переводимость договоров, учетные сопоставления и расширенные раскрытия, калибруемые параметры риска, прозрачные механизмы настройки капитала и ликвидности, а также институты консолидированного надзора.

Практические импликации адресованы регуляторам и политикам: при проектировании или ревизии дуальных режимов следует сначала удостовериться в наличии правовой переводимости контрактов и сопоставимости учета, затем – в полноте распознавания специфических рисков и прозрачности предпосылок по ликвидности, после чего – настраивать нормы капитала и ликвидности в соответствии с моделью каждой подсистемы и закреплять межведомственную координацию надзора. Такой порядок снижает вероятность регуляторных «слепых зон» и стимулирует дисциплину раскрытий.

Ограничения и направления дальнейших исследований. Настоящая статья сознательно не оценивает количественно сопоставимость итогов двух подсистем и не задает эмпирические пороги различий; ее цель – зафиксировать теоретическую рамку и язык анализа. Дальнейшие работы могут развить прикладные протоколы стресс-сопоставления и отраслевые кейсы (например, сопоставления учета для отдельных контрактов, калибровку поведенческих оттоков по инвестиционным счетам, инфраструктуру высоколиквидных активов и практики консолидированного надзора в конкретных юрисдикциях). Такой

переход от теории к прикладной проверке позволит использовать предложенную аксиома-

тику как опорный инструмент для проектирования, аудита и совершенствования дуальных банковских режимов.

Список источников

1. Жукова, А.А. Опыт реализации макропруденциальной политики в странах с дуальной банковской системой / А.А. Жукова // *Финансы и кредит*. 2025. Т. 31, № 2. – С. 207-227. – DOI 10.24891/fc.31.2.207.
2. Ильясова, Э.Н. Управление рисками в двойных банковских системах: этический исламский и традиционный банкинг / Э.Н. Ильясова // *Социальная безопасность в евразийском пространстве: Материалы III Международной научной конференции, Тюмень, 15 декабря 2023 года*. – Москва-Тюмень: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры», 2024. – С. 503-510.
3. Пеникас Г.И., Стефаненко В.Ю. Реформа регулирования достаточности капитала исламских банков. *Вопросы экономики*. 2024;(8): – С. 89-110.
4. Таштамиров, М. Р. Базовые принципы исламских финансов и необходимость стандартизации исламского финансирования в современной финансовой системе / М.Р. Таштамиров // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2025. № 1(57). – С. 67-85. – DOI 10.36684/chesu-2025-1-57-67-85.
5. Таштамиров, М.Р. Стандарты ААОIFI в исламской финансовой модели: мировой опыт, барьеры стандартизации и пути внедрения в российском партнерском финансировании / М.Р. Таштамиров // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2025. № 2(58). – С. 72-89. – DOI 10.36684/chesu-2025-2-58-72-89.
6. Теоретико-множественный подход к построению дуальной системной модели ПАК для исследуемой области деятельности со смешанными реальными и виртуальными объектами / В. В. Антонов, Г. Г. Куликов, З. И. Харисова, Л. Е. Родионова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника*. 2020. Т. 20, № 1. – С. 5-15. – DOI 10.14529/ctcr200101.
7. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона „О рекламе»». – *Собрание законодательства Российской Федерации*, 2025, № 31, – ст. 5015.
8. Шовхалов Ш.А., Абдулмуслимов М.Р. Регулирование инвестиционных операций в исламском праве. *Вопросы экономики*. 2022;(1): – С. 147-160.
9. Ababaike, P., Rosman, R., Sharofiddin, A. (2023). The Presentation and Disclosure of Islamic Banks' Financial Statements: A Comparative Analysis of IFRS and AAOIFI Financial Accounting Standards. In: Mansour, N., Bujosa Vadell, L.M. (eds) *Islamic Sustainable Finance, Law and Innovation. Contributions to Management Science*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-27860-0_43
10. Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions. (2019, December). *Financial Accounting Standard 32 «Ijarah»*. AAOIFI.
11. Agus Widarjono & Abdur Rafik (2023) Do Islamic banks have their benchmarks for financing rates in the dual-banking system?, *Cogent Economics & Finance*, 11:1, 2209954, DOI: 10.1080/23322039.2023.2209954
12. Andrews, A. M. (2005, January). State-Owned Banks, Stability, Privatization, and Growth: Practical Policy Decisions in a World Without Empirical Proof (IMF Working Paper № 05/10). International Monetary Fund.
13. Ashraf, D., Rizwan, M. S., & L'Huillier, B. (2016). A net stable funding ratio for Islamic banks and its impact on financial stability: An international investigation. *Journal of Financial Stability*, 25, – 47-57.
14. Asian-Oceanian Standard-Setters Group, Islamic Finance Working Group. (2024, May). Updated review of Islamic financial institutions' financial statements: As of July 2022 (Agenda Reference 4A, May 8-9, 2024). IFRS. ISBN 978-0-9870459-6-6. Retrieved from <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/meetings/2024/may/ifcg/ap4a-masb-updated-review-islamic-financial-institutions-statements.pdf>
15. Bacha, O. I. (2008). *The Islamic Inter-bank Money Market and a Dual Banking System: The Malaysian Experience* (MPRA Paper № 12699). Munich Personal RePEc Archive.
16. Baldwin, K., Alhalboni, M., & Helmi, M. H. (2019). A structural model of «alpha» for the capital adequacy ratios of Islamic banks. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 60, – 267-283. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.12.015>
17. Baldwin, Kenneth and Alhalboni, Maryam and Helmi, Mohamad Husam, A Structural Model of 'Alpha' for the Capital Adequacy Ratios of Islamic Banks (July 28, 2022). *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, Vol. 60, 2019.
18. Basel Committee on Banking Supervision. (2022, September). *Regulatory Consistency Assessment Programme (RCAP): Handbook for Jurisdictional Assessments*. Bank for International Settlements. (41 pp.) ISBN 978-92-9259-600-2. Retrieved from <https://www.bis.org/bcb/publ/d540.pdf>

19. Basel Committee on Banking Supervision. (2024, April). Core Principles for Effective Banking Supervision. Bank for International Settlements. (81 pp.) ISBN 978-92-9259-753-5. Retrieved from <https://www.bis.org/bcbs/publ/d573.pdf>
20. Caporale, G. M., Çatik, A. N., Helmi, M. H., Ali, F. M., & Tajik, M. (2020). The bank lending channel in the Malaysian Islamic and conventional banking system. *Global Finance Journal*, 45, 100478. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2019.100478>
21. Coen, W. (2017, May 25). Regulatory equivalence and the global regulatory system [Keynote address]. Basel Committee, Bank for International Settlements. <https://www.bis.org/speeches/sp170525.htm>
22. Comptroller of the Currency. (2003, September). National banks and the dual banking system. U.S. Department of the Treasury. <https://www.occ.treas.gov/publications-and-resources/publications/banker-education/files/public-national-banks-and-the-dual-banking-system.pdf>
23. Delle Foglie, A., Boukrami, E., Vento, G. et al. The regulators' dilemma and the global banking regulation: the case of the dual financial systems. *J Bank Regul* 24, 249–263 (2023). <https://doi.org/10.1057/s41261-022-00196-2>
24. Dimov, S. Risk Management in Dual Banking Systems: Islamic Ethical and Conventional Banking / S. Dimov, V. Smirnov // *Review of Business and Economics Studies*. 2019. Vol. 7, № 4. – P. 6-12. – DOI 10.26794/2308-944X-2019-7-4-6-12.
25. Elhalaby, S., Sarea, A., Alnesafi, A., & Al-Absy, M. S. M. (2023). The Adoption of AAOIFI Standards by Islamic Banks: Understanding the Microeconomic Consequences. *Economies*, 11(2), 39.
26. Hassan, M. K., & Chowdhury, M. A. M. (2010). Islamic banking regulations in light of Basel II. *The American Journal of Islamic Social Sciences*, 27(1), 73-100.
27. Heidi Mandanis Schooner, Recent Challenges to the Persistent Dual Banking System, 41 ST. LOUIS U. L. J. 263 (1996).
28. Henry N. Butler and Jonathan R. Macey, Myth of Competition in the Dual Banking System, 73 Cornell L. Rev. 677 (1988).
29. International Monetary Fund. (2018, April). The core principles for Islamic finance regulations and assessment methodology (IMF Policy Paper). Washington, D.C.: International Monetary Fund. Retrieved from <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/06/pp040618the-core-principles-for-islamic-finance-regulations-and-assessment-methodology>
30. International Monetary Fund. (2018, May). The core principles for Islamic finance regulations and assessment methodology (Policy Paper). <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/PP/2018/pp040618the-core-principles-for-islamic-finance-regulations.ashx>
31. Islamic Financial Services Board. (2018, December). Revised Standard on Disclosures to Promote Transparency and Market Discipline for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (Standard IFSB-22). Islamic Financial Services Board.
32. Islamic Financial Services Board. (2021, December). Revised capital adequacy standard for institutions offering Islamic financial services (banking segment) (Standard IFSB-23). Islamic Financial Services Board. Retrieved from https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2023/10/IFSB-23_En.pdf
33. Islamic Financial Services Board. (2023, November). Technical Note on Shariah-compliant liquidity management tools (TN-5). Islamic Financial Services Board. Retrieved from <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2023/11/Final-TN-5-Technical-Note-on-Shariah-compliant-Liquidity-Management-Tools.pdf>
34. Islamic Financial Services Board. Revised Guiding Principles on Corporate Governance for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (Standard IFSB-30) / Islamic Financial Services Board. – Kuala Lumpur: IFSB, December 2023. (Standard IFSB-30) <https://www.ifsb.org/standards-page>
35. Kasri, R. A., Indrastomo, B. S., Hendranastiti, N. D., & Prasetyo, M. B. (2022). Digital payment and banking stability in emerging economy with dual banking system. *Heliyon*, 8(11), e11198.
36. Milhorn, Brandon. The Critical Role of the Dual-Banking System: Keynote Remarks / Brandon Milhorn; Conference of State Bank Supervisors (CSBS). – Washington, D.C.: CSBS, 2024. <https://www.csbs.org/newsroom/critical-role-dual-banking-system>
37. Nawaz, T. (2018) 'Conventional vs. Islamic banks in dual-banking systems: business model, outlay stratagems and economic performance', *International Journal of Business Governance and Ethics*, 12(4), pp. 330-330.
38. Ozkan, C. (2015, March 19). Regulatory and supervisory challenges of Islamic banking after Basel-III [PowerPoint presentation]. COMCEC Financial Cooperation Working Group Meeting; Global Islamic Finance Development Center, World Bank.
39. Šeho, M., Haque, Md. M., & Chowdhury, M. A. F. (2024). The role of diversification in stabilizing bank credit over the business cycle. *International Review of Finance*, 24(4), – 793-813.
40. Toumi, K., Viviani, J.-L., & Chayeh, Z. (2019). Measurement of the displaced commercial risk in Islamic banks. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 74, – 18-31.
41. Wanke, Peter & Azad, Md. Abul Kalam & Barros, Carlos. (2016). Financial Distress and the Malaysian Dual Baking System: A Dynamic Slacks Approach. *Journal of Banking & Finance*. 66. 10.1016/j.jbankfin.2016.01.006.

References

1. Zhukova, A.A. Experience in the implementation of macroprudential policy in countries with a dual banking system/A.A. Zhukova//Finance and credit. 2025. Vol. 31, № 2. – pp. 207-227. – DOI 10.24891/fc.31.2.207.
2. Ilyasova, E.N. Risk management in dual banking systems: ethical Islamic and traditional banking/E.N. Ilyasova//Social security in the Eurasian space: Materials of the III International Scientific Conference, Tyumen, December 15, 2023. – Moscow-Tyumen: Autonomous non-profit organization of higher education "Institute of Business Career," 2024. – pp. 503-510.
3. Penikas G.I., Stefanenko V.Yu. Reform of regulation of capital adequacy of Islamic banks. Economic issues. 2024;(8):89-110.
4. Tashtamirov, M.R. Basic principles of Islamic finance and the need to standardize Islamic financing in the modern financial system/M.R. Tashtamirov//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 1(57). – pp. 67-85. – DOI 10.36684/chesu-2025-1-57-67-85.
5. Tashtamirov, M. R. AAOIFI standards in the Islamic financial model: world experience, standardization barriers and ways of implementation in Russian partner financing/M. R. Tashtamirov//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. – 2025. – № 2(58). - pp. 72-89. – DOI 10.36684/chesu-2025-2-58-72-89.
6. Multiple theoretical approach to building a dual PAK system model for the field under study with mixed real and virtual objects/V.V. Antonov, G.G. Kulikov, Z.I. Kharisova, L.E. Rodionova//Bulletin of South Ural State University. Series: Computer technology, control, electronics. 2020. V. 20, № 1. – pp. 5-15. – DOI 10.14529/ctcr200101.
7. Federal Law of July 31, 2025 № 337-FZ "On Amending the Federal Law "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in order to Create the Necessary Conditions for the Implementation of Partnership Financing Activities in Certain Subjects of the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Article 28 of the Federal Law "On Advertising." - Collection of legislation of the Russian Federation, 2025, № 31, Art. 5015.
8. Shovkhalov Sh. A., Abdulmuslimov M.R. Regulation of investment operations in Islamic law. Economic issues. 2022;(1): – 147-160.
9. Ababaike, P., Rosman, R., Sharofiddin, A. (2023). The Presentation and Disclosure of Islamic Banks' Financial Statements: A Comparative Analysis of IFRS and AAOIFI Financial Accounting Standards. In: Mansour, N., Bujosa Vadell, L.M. (eds) Islamic Sustainable Finance, Law and Innovation. Contributions to Management Science. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-27860-0_43
10. Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions. (2019, December). Financial Accounting Standard 32 «Ijarah». AAOIFI.
11. Agus Widarjono & Abdur Rafik (2023) Do Islamic banks have their benchmarks for financing rates in the dual-banking system?, Cogent Economics & Finance, 11:1, 2209954, DOI: 10.1080/23322039.2023.2209954
12. Andrews, A.M. (2005, January). State-Owned Banks, Stability, Privatization, and Growth: Practical Policy Decisions in a World Without Empirical Proof (IMF Working Paper № 05/10). International Monetary Fund.
13. Ashraf, D., Rizwan, M.S., & L'Huillier, B. (2016). A net stable funding ratio for Islamic banks and its impact on financial stability: An international investigation. Journal of Financial Stability, 25, – 47-57.
14. Asian-Oceanian Standard-Setters Group, Islamic Finance Working Group. (2024, May). Updated review of Islamic financial institutions' financial statements: As of July 2022 (Agenda Reference 4A, May 8-9, 2024). IFRS. ISBN 978-0-9870459-6-6. Retrieved from <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/meetings/2024/may/ifcg/ap4a-masb-updated-review-islamic-financial-institutions-statements.pdf>
15. Bacha, O. I. (2008). The Islamic Inter-bank Money Market and a Dual Banking System: The Malaysian Experience (MPRA Paper №12699). Munich Personal RePEc Archive.
16. Baldwin, K., Alhalboni, M., & Helmi, M.H. (2019). A structural model of «alpha» for the capital adequacy ratios of Islamic banks. Journal of International Financial Markets, Institutions and Money, 60, 267-283. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.12.015>
17. Baldwin, Kenneth and Alhalboni, Maryam and Helmi, Mohamad Husam, A Structural Model of 'Alpha' for the Capital Adequacy Ratios of Islamic Banks (July 28, 2022). Journal of International Financial Markets, Institutions and Money, Vol. 60, 2019.
18. Basel Committee on Banking Supervision. (2022, September). Regulatory Consistency Assessment Programme (RCAP): Handbook for Jurisdictional Assessments. Bank for International Settlements. (41 pp.) ISBN 978-92-9259-600-2. Retrieved from <https://www.bis.org/bcb/publ/d540.pdf>
19. Basel Committee on Banking Supervision. (2024, April). Core Principles for Effective Banking Supervision. Bank for International Settlements. (81 pp.) ISBN 978-92-9259-753-5. Retrieved from <https://www.bis.org/bcb/publ/d573.pdf>
20. Caporale, G. M., Çatık, A. N., Helmi, M. H., Ali, F. M., & Tajik, M. (2020). The bank lending channel in the Malaysian Islamic and conventional banking system. Global Finance Journal, 45, 100478. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2019.100478>
21. Coen, W. (2017, May 25). Regulatory equivalence and the global regulatory system [Keynote address]. Basel Committee, Bank for International Settlements. <https://www.bis.org/speeches/sp170525.htm>

22. Comptroller of the Currency. (2003, September). National banks and the dual banking system. U.S. Department of the Treasury. <https://www.occ.treas.gov/publications-and-resources/publications/banker-education/files/public-national-banks-and-the-dual-banking-system.pdf>
23. Delle Foglie, A., Boukrami, E., Vento, G. et al. The regulators' dilemma and the global banking regulation: the case of the dual financial systems. *J Bank Regul* 24, 249–263 (2023). <https://doi.org/10.1057/s41261-022-00196-2>
24. Dimov, S. Risk Management in Dual Banking Systems: Islamic Ethical and Conventional Banking / S. Dimov, V. Smirnov // *Review of Business and Economics Studies*. 2019. Vol. 7, № 4. – P. 6-12. – DOI 10.26794/2308-944X-2019-7-4-6-12.
25. Elhalaby, S., Sarea, A., Alnesafi, A., & Al-Absy, M. S. M. (2023). The Adoption of AAOIFI Standards by Islamic Banks: Understanding the Microeconomic Consequences. *Economies*, 11(2), 39.
26. Hassan, M. K., & Chowdhury, M. A. M. (2010). Islamic banking regulations in light of Basel II. *The American Journal of Islamic Social Sciences*, 27(1), 73-100.
27. Heidi Mandanis Schooner, Recent Challenges to the Persistent Dual Banking System, 41 ST. LOUIS U. L. J. 263 (1996).
28. Henry N. Butler and Jonathan R. Macey, Myth of Competition in the Dual Banking System, 73 Cornell L. Rev. 677 (1988).
29. International Monetary Fund. (2018, April). The core principles for Islamic finance regulations and assessment methodology (IMF Policy Paper). Washington, D.C.: International Monetary Fund. Retrieved from <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/06/pp040618the-core-principles-for-islamic-finance-regulations-and-assessment-methodology>
30. International Monetary Fund. (2018, May). The core principles for Islamic finance regulations and assessment methodology (Policy Paper). <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/PP/2018/pp040618the-core-principles-for-islamic-finance-regulations.ashx>
31. Islamic Financial Services Board. (2018, December). Revised Standard on Disclosures to Promote Transparency and Market Discipline for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (Standard IFSB-22). Islamic Financial Services Board.
32. Islamic Financial Services Board. (2021, December). Revised capital adequacy standard for institutions offering Islamic financial services (banking segment) (Standard IFSB-23). Islamic Financial Services Board. Retrieved from https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2023/10/IFSB-23_En.pdf
33. Islamic Financial Services Board. (2023, November). Technical Note on Shariah-compliant liquidity management tools (TN-5). Islamic Financial Services Board. Retrieved from <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2023/11/Final-TN-5-Technical-Note-on-Shariah-compliant-Liquidity-Management-Tools.pdf>
34. Islamic Financial Services Board. Revised Guiding Principles on Corporate Governance for Institutions Offering Islamic Financial Services (Banking Segment) (Standard IFSB-30) / Islamic Financial Services Board. – Kuala Lumpur: IFSB, December 2023. (Standard IFSB-30) <https://www.ifsb.org/standards-page>
35. Kasri, R.A., Indrastomo, B.S., Hendranastiti, N.D., & Prasetyo, M.B. (2022). Digital payment and banking stability in emerging economy with dual banking system. *Heliyon*, 8(11), e11198.
36. Milhorn, Brandon. The Critical Role of the Dual-Banking System: Keynote Remarks / Brandon Milhorn; Conference of State Bank Supervisors (CSBS). – Washington, D.C.: CSBS, 2024. <https://www.csbs.org/newsroom/critical-role-dual-banking-system>
37. Nawaz, T. (2018) 'Conventional vs. Islamic banks in dual-banking systems: business model, outlay stratagems and economic performance', *International Journal of Business Governance and Ethics*, 12(4), pp. 330-330.
38. Ozkan, C. (2015, March 19). Regulatory and supervisory challenges of Islamic banking after Basel-III [PowerPoint presentation]. COMCEC Financial Cooperation Working Group Meeting; Global Islamic Finance Development Center, World Bank.
39. Šeho, M., Haque, Md. M., & Chowdhury, M. A. F. (2024). The role of diversification in stabilizing bank credit over the business cycle. *International Review of Finance*, 24(4), – 793-813.
40. Toumi, K., Viviani, J.-L., & Chayeh, Z. (2019). Measurement of the displaced commercial risk in Islamic banks. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 74, – 18-31.
41. Wanke, Peter & Azad, Md. Abul Kalam & Barros, Carlos. (2016). Financial Distress and the Malaysian Dual Baking System: A Dynamic Slacks Approach. *Journal of Banking & Finance*. 66. 10.1016/j.jbankfin.2016.01.006.

Информация об авторах / Information about the Authors

Таштамиров М.Р., канд. экон. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой финансов, кредита и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: basxo@yandex.ru

Tashtamirov M.R., Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Acting Director of Institute of Economics and Finance, Head of the Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 332.145

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-121-127

ОЦЕНКА ВАЖНОСТИ ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: НОВЫЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Хагаева А.В.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. Основные проблемы, на которые экономическая наука ищет ответы: что производить, сколько производить, где производить, когда производить, как производить и для кого производить. После Второй мировой войны концепция региональной экономики снова приобрела значение с ростом интереса к региону. Этот интерес еще больше усилился с появлением Новой теории экономической географии, разработанной в начале 1990-х годов.

Цель этого исследования - изучить взаимосвязь между региональной экономикой и новым подходом к экономической географии с теоретической точки зрения.

Ключевые слова: экономическая наука, региональная экономика, новая экономическая география.

Для цитирования: Хагаева А.В. Оценка важности пространства в региональной экономике: новый подход к экономической географии // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 121-127.

ASSESSING THE IMPORTANCE OF SPACE IN THE REGIONAL ECONOMY: A NEW APPROACH TO ECONOMIC GEOGRAPHY

Khagayeva A.V.

Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. The main problems that economics is looking for answers are: what to produce, how much to produce, where to produce, when to produce, how to produce and for whom to produce. The venue, in other words, the place where economic activity takes place, although it occupies an important place in the economic literature, has not found a large place in economic analysis. After the Second World War, the concept of space regained importance with the growing interest in the region and regional economy. This interest was further intensified with the advent of a New Theory of economic geography, developed in the early 1990s. The purpose of this study is to explore the relationship between the regional economy and a new approach to economic geography from a theoretical point of view.

Keywords: venue, place, regional economy, new economic geography, economic analysis.

For citation: Khagayeva A.V. Assessing the importance of space in the regional economy: a new approach to economic geography // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 121-127.

Введение. Хотя концепция пространства имеет большое экономическое значение, пространственный анализ не нашел для себя достаточного места в экономической литературе.

Пространственная экономика – это отрасль экономической науки, связанная с распределением ограниченных ресурсов в пространстве и местом, где происходит экономическая деятельность. Пространственная экономика охватывает теорию местоположения, пространственную конкуренцию, а также экономику региона и города.

Таким образом, невозможно точно определить сферу и предмет пространственной экономики, характерные для концепции

пространства, потому что концепция пространства входит в сферу изучения и изучения многих областей науки.

Методика. В период, предшествовавший Второй мировой войне, ученые-экономисты уделяли больше внимания концепции времени, а не пространства в экономическом анализе. После Второй мировой войны, с появлением серьезных экономических разногласий между регионами, странами, экономисты обратились к анализу концепции пространства и разработали различные теории о региональной экономике [7]. Новый подход экономической географии, разработанный в начале 1990-х годов, также входит в число этих теорий. Цель этого исследования - изучить взаимосвязь между региональной экономикой и новым подходом к экономической географии с

теоретической точки зрения. В связи с этим в исследовании будет представлена информация о новом подходе экономической географии после изучения исторического развития пространства в экономической науке и важности пространства с точки зрения региональной экономики.

Основная часть. Пространственная экономика имеет отношение ко многим различным дисциплинам. Это обстоятельство привело к разработке различных определений и объяснений пространственной экономики. Указанные различия привели к более широким дискуссиям и к тому, что разные дисциплины объединились и нашли общий путь, что дало преимущество с точки зрения пространственной экономики.

Теория центральных местоположений и внешняя (агломерационная) экономика могут быть причислены к ведущим теориям пространственной экономики. Теория местоположения считается одной из самых ранних точек зрения в пространственной экономике, которая пытается объяснить концепцию пространства, – это теория местоположения. Данная теория сохраняла свою значимость с начала XX века до Второй мировой войны и заложила основы таких теорий, как экономическая география, региональная и городская экономика.

Теория местоположения была разработана в ответ на отсутствие учета элемента пространства в традиционном экономическом анализе и основана на трех важных исследованиях. Первым из них был Вонтюн, заложивший основы теории сельскохозяйственного размещения; вторым — Альфред Вебер, разработавший теорию промышленного местоположения; завершают этот ряд работы Кристаллера и Лёша, посвящённые объяснению размещения городов как рыночных центров. [1]. Теория местоположения в основном связана с расстоянием и пространством, двумя характеристиками экономической жизни [8].

С другой стороны, площадь означает, что рынки определенных товаров зависят от определенных географических границ. Иоанн Генрих фон Тюнен считается основателем космической науки благодаря своей работе «Изолированное государство», опубликованной в 1826 году. На первой странице своего исследования Генрих излагает свою гипотезу следующим образом: большой город расположен в центре однородной равнины равной

продуктивности, где нет рек или каналов, пригодных для судоходства, и единственным средством передвижения являются повозки, запряженные лошадьми [3]. Почва на всей равнине пригодна для возделывания и имеет одинаковое плодородие. Структура почвы и климатические условия в этой сельскохозяйственной зоне круглой формы везде одинаковы. Транспортная сеть в регионе, как и автомобильные дороги, везде одинакового характера, что влияет на стоимость и время транспортировки в пользу некоторых мест. С помощью этого «предположения о однородном пространстве» Вонтюн исключил природные факторы из анализа и стремился определить влияние только экономических факторов на выбор места. Затем Вонтюн рассмотрел свою модель, основанную на ситуации с меньшим городом и рекой, доступной для транспорта, и изучил произошедшие изменения.

Соответственно, структура производства была изменена в зависимости от близости к реке или небольшому городу. Хотя модель Вонтюна не опирается на сложные математические методы и анализ, она успешно выявила ключевые аспекты пространственной организации и стала пионерской в создании одноцентровых городских моделей. На основе своего анализа Вонтюн пришёл к выводу, что структура сельскохозяйственного производства и землепользования формируется концентрически – в виде круговых зон, расходящихся от центрального города к периферии. [10]. Согласно модели, высокодоходные виды деятельности, такие как садоводство и производство молока, расположены близко к рынку, в то время как второстепенные виды деятельности, приносящие меньший доход, такие как животноводство, расположены далеко от рынка.

Альфред Вебер заложил основу теоретической методологии определения промышленного местоположения в своей работе «О местонахождении отрасли», опубликованной в 1909 году. Основная цель работы А. Вебера – разработать общую теорию местоположения, которая может быть применена ко всем отраслям промышленности. Принимая во внимание общие факторы местоположения, которые могут повлиять на целые отрасли в этом контексте, он классифицировал эти факторы на две группы.

По словам А. Вебера, в первую группу входят региональные факторы, а во вторую – факторы агломерации. А. Вебер обнаружил три общих фактора, которые различаются в зависимости от региона. Этими факторами являются: затраты на сырье, транспортные расходы и затраты на рабочую силу.

Теория промышленного местоположения в соответствии с моделью, разработанной Альфредом Вебером (1909), рассматривает транспортные расходы на сырье и конечный продукт в отрасли и пытается найти оптимальное местоположение на их основе с помощью математических моделей. Проще говоря, модель подразумевает, что, если материальная стоимость конечного продукта, который они производят, превышает материальную стоимость ресурсов, необходимых для производства этого продукта, предприятия, как правило, располагаются близко к своему целевому рынку. Аналогичным образом, если материальная стоимость ресурсов, используемых при производстве продукции, превышает стоимость конечного продукта, предприятия будут стремиться располагаться рядом с этими ресурсами.

«Теория центральных мест обеспечивает важную концептуальную основу для понимания роли городов как центра обслуживания» [4]. Немецкий географ Вальтер Кристаллер объясняет размер, расположение, пространство и функции городов в этой теории, которую он разработал, с учетом экономических отношений между городами и их окрестностями. «Согласно теории, верхний город будет производить все городские продукты, в то время как города нижнего уровня будут производить меньшее количество продуктов, которые они могут успешно производить» [2]. Предприятия, как правило, будут сосредоточены в районах, близких к крупным городам, наряду с другими предприятиями сферы услуг. Таким образом, они будут пытаться извлечь выгоду из экономики города до тех пор, пока местный спрос будет достаточным. Кристаллер делит центры расселения на семь различных уровней, принимая во внимание функции, которые они выполняют. Теория центральных мест – это теория, разработанная для решения широкого пространственного масштаба и направленная на объяснение регионального распределения экономической деятельности.

2. Согласно Маршаллу, предприятия размещаются в тех местах, где могут получить существенную экономию за счёт масштаба. Эта экономия делится на два типа: внутреннюю и внешнюю (агломерационную). Внешняя экономия за счет масштаба обеспечивает промышленное развитие и региональную концентрацию. С другой стороны, внутренняя экономия за счет масштаба связана с организационной и управленческой эффективностью. Промышленный кластер, являющийся результатом эффекта внешнего масштаба, повышает эффективность и результативность тех, кто находится внутри кластера. Маршалл объяснил эти внешние факторы, которые приводят к объединению определенной отрасли в регионе, связав их с тремя причинами:

- Объединение рынка труда: объединение работников, наделенных конкретными возможностями, требуемыми от отрасли, является фактором объединения нескольких фирм в одной области. Это обеспечивает как меньшую вероятность снижения безработицы, так и меньшую вероятность нехватки рабочей силы.

- Между фирмами возникают прямые и обратные связи: поставщики стремятся размещаться ближе к своим клиентам, а потребители – ближе к поставщикам. В результате такие взаимные стремления усиливают взаимосвязи между компаниями в обоих направлениях.

- Обратные ссылки – это нисходящий спрос, промежуточный спрос со стороны фирм к поставщикам. С другой стороны, прямые ссылки – это спрос на деятельность со стороны производителей промежуточных продуктов [4].

Технологические внешние эффекты: распространение информации, которое происходит между фирмами, дает сгруппированным фирмам лучшую производственную функцию, чем изолированным. Маршалл заявил, что концентрация предприятий в определенном регионе дает несколько преимуществ. Это кадровый резерв, специализированные поставщики и распространение знаний, также известные как внешние факторы Маршалла. Он заметил, что концентрация подобных предприятий в одном месте привлечет туда рабочую силу с общими характеристиками и улучшит ее.

Общая точка зрения экономистов, выдвигающая концепцию времени, долгое время сохранялась в развитии экономических теорий. Серьезные различия в развитии пространств, возникшие в эпоху после Второй мировой войны, заставили экономистов усомниться в себе и обратиться к концепции пространства. В США, как и во многих частях мира в период после Второй мировой войны, война либо подняла, либо усугубила многие региональные проблемы. Кроме того, послевоенная экспансия в Северной Америке и Западной Европе привела к быстрому расширению массового производства фордов и появлению современного общества потребления. Изард критиковал другие социальные науки за пренебрежение аналитическими подходами к пространственно-региональным проблемам и основал регионоведение в 1954 году, чтобы привлечь внимание к этим проблемам. Фактически, Изард разработал гибридную дисциплину, сочетающую элементы географии и экономики.

Рост региональных дисбалансов сегодня также привел к росту интереса к изучению причин дисбалансов. Это, в свою очередь, вызвало у экономистов, в частности, новый интерес к экономической географии. Известно, что регионы с определенными географическими особенностями более развиты, чем другие регионы. Одной из дисциплин, пытающихся определить и объяснить концепцию пространства в экономике, является экономическая география [5].

Экономическая география – это пересечение экономических и географических наук. Новый подход к экономической географии был разработан Полом Кругманом в начале 1990-х годов. Новый подход к экономической географии направлен на определение характеристик пространств, которые представляют больший интерес для фирм.

Согласно Кругману, процесс разработки нового подхода к экономической географии состоит из четырех этапов. Первый этап - появление новой промышленной организации. Теоретические достижения в области экономической географии начались с модели Диксита-Стиглица, и с помощью этой разработанной модели неполная конкуренция стала моделируемой.

Второй этап – это теория внешней торговли, которая объясняет международную торговлю в случае увеличения доходности.

Третий этап - разработка новой теории роста.

Четвертым этапом является разработка нового подхода экономической географии, которая появилась в конце 1990-х годов, который также учитывает пространственные характеристики экономики с использованием моделей повышенной доходности и неполной конкуренции. Новая теория экономической географии в основном направлена на моделирование пространственной структуры экономики. Новая теория экономической географии моделирует внутренние агломерационные силы, возникающие в результате взаимодействия эффекта масштаба на уровне фирмы, транспортных затрат и мобильности факторов. Основная цель новых моделей экономической географии - объяснить формирование экономической кластеризации в различных масштабах, происходящих в географическом пространстве. Кластеризация экономической деятельности может происходить на разных географических уровнях [11].

Например, один тип кластеризации может возникнуть, когда небольшие магазины и рестораны объединяются в соседнем районе. Также можно видеть, что различные типы кластеров возникают из-за сильных региональных различий в пределах одной и той же страны.

Основная экономическая причина, по которой экономическая деятельность накапливается в небольшом количестве определенных мест, основана на взаимодействии двух противоположных сил: центростремительной аккреции и центрально-рассеянных сил. Цель нового подхода экономической географии - обеспечить одновременное столкновение как центростремительных сил, удерживающих экономическую деятельность вместе, так и центробежных сил, вызывающих пространственное распределение экономической деятельности.

Согласно новому подходу экономической географии, региональное структурирование экономической деятельности является результатом столкновения двух противоположных сил. Эти две противоположные силы – это центральные силы, которые вызывают кон-

денсацию, и центробежные силы, которые вызывают рассеяние. Дек-центроостремительные силы – это интенсивный пул рынков рабочей силы, который обеспечивает кластеризацию экономической деятельности, технологические спреды, предложение промежуточных товаров и внешние эффекты Маршалла. Центробежные силы, с другой стороны, представляют собой отрицательную внешнюю экономику, которая представляет собой заторы или экологические проблемы, вызванные бездействием рабочей силы, увеличением арендной платы за землю и увеличением концентрации.

Широкий местный рынок способен создавать обратные и прямые связи. Эффект обратной связи заключается в том, что предпочтение отдается площадкам для производства товаров, которые обеспечивают легкий доступ к широким рынкам из-за эффекта масштаба. Эффект прямого подключения заключается в том, что широкий рынок снижает затраты для местных производителей и увеличивает местное производство их промежуточных продуктов дек. Промышленная концентрация особенно усиливает специализированный рынок труда. На таком рынке труда как работодатель может легко обеспечить своего работника, так и работник может работать с любым работодателем, которого захочет. Локальная концентрация экономической активности также может создавать внешние экономики за счет информационных потоков.

Поскольку географическая концентрация производства увеличит спрос на землю, это повысит арендную плату. Это, в свою очередь, приводит к обескураживающему эффекту, который может возникнуть в случае дальнейшей конденсации. В случае такой перегрузки экономика конденсации порождает менее позитивную внешнюю экономику.

Сегодня ключевые элементы новых моделей экономической географии, моделирующих дифференциацию продуктов, состоят из допущения разнообразия, увеличения доходности в зависимости от масштаба и транспортных затрат. Эти ключевые элементы в сочетании с мобильностью факторов создают эффект, способствующий образованию скоплений. Таким образом, при изучении этого подхода необходимо сосредоточиться на ключевых концепциях: диверсификация, увеличение доходности в зависимости от масштаба,

отсутствие конкурентных рынков, внутриотраслевая торговля, факторная мобильность и транспортные расходы. Новая теория экономической географии имеет четыре основные характеристики:

- Вся пространственная экономика моделируется на основе понимания общего равновесия.

- Повышенная доходность или неделимость на уровне фирм препятствуют превращению экономики в капитализм на заднем дворе. Кроме того, наличие повышенной доходности указывает на преобладание рынка с недостаточной конкуренцией.

- Транспортные расходы делают пространство важным.

- Мобильность факторов производства и потребителей между помещениями является предпосылкой для агломерации. Новая модель экономической географии добавляет дифференциацию продукта к предположениям Фонтюнена или Кристаллера-Леша. Он также связывает компромисс между доходностью и транспортными расходами в теории центральных мест Кристаллера с совокупным процессом промышленных зон. То есть можно сказать, что новая модель экономической географии пересматривает эти проведенные исследования под общей крышей, а не исключает предыдущие исследования [6].

Выводы. В настоящее время, когда тщательно изучаются различия в экономическом развитии между странами или между регионами, или провинциями внутри страны, становится очевидным, что пространственное распределение экономической деятельности сильно различается, и это распределение, в свою очередь, является основой отсталости некоторых стран или регионов. «Неравномерное распределение экономической активности и факторов может наблюдаться как между соседними странами, так и между регионами, городами или даже районами страны» [9]. Некоторые регионы или территории способны привлекать экономическую активность благодаря высокой притягательности, в то время как другие обладают слабым притягивающим эффектом или не в состоянии эффективно использовать свой потенциал.

Хотя концепция пространства играет важную роль в экономике, она была введена лишь во время Второй мировой войны. В период, предшествовавший Второй мировой

войне, данная концепция не получила должного внимания. Различия в экономическом развитии, наблюдавшиеся между странами и регионами в послевоенный период, заставили экономистов подвергнуть сомнению себя и чаще включать в анализ размер пространства. Одним из важных подходов к изучению взаимосвязи между пространством и экономической деятельностью сегодня является Новая экономическая география. Новый подход к экономической географии был разработан Полом Кругманом в начале 1990-х годов и в последнее время нашел свое применение во многих исследованиях. Согласно новому подходу экономической географии, причиной географической или пространственной концентрации экономической деятельности являются торговые преимущества, возникающие в результате специализации, роста и внутренней/внешней экономики. В этом контексте

пространственное распределение экономической деятельности определяется комбинацией, с одной стороны, агломерации, то есть центростремительных сил, и, с другой стороны, рассеяния, то есть центробежных сил.

В основе новой теории экономической географии лежат теории местоположения. Новая теория экономической географии смоделировала различные элементы этих ранее выдвинутых теорий, объединив их в одно понятие. Новая теория экономической географии объединила старые и новые теории с моделями, которые она содержала, что позволило взглянуть на пространство с самых разных точек зрения и, таким образом, сыграло важную роль в более эффективном ответе на вопросы, касающиеся концепции пространства. Эта точка зрения, в свою очередь, дала нам возможность оценить пространство в современных условиях и снова сделала концепцию пространства важной в анализе.

Список источников

1. Бабашкина А.М. Государственное регулирование национальной экономики. – М., 2016.
2. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 152 с.
3. Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». № 2/2014. А.Г. Полякова, д-р экон. наук, доцент, И.С. Симарова, аспирант. г. Тюмень. Региональное экономическое пространство и территориальное развитие: оценка действия сил связанности.
3. Довлетмурзаева М.А. Инвестиционная привлекательность региона и её составляющие / М.А. Довлетмурзаева // ФГУ Наука. 2024. № 3(35). – С. 42-47. – DOI 10.36684/37-2024-35-3-42-47. – EDN MWUESC.
4. Гапоненко А.Л. Управление экономическим развитием. – М., 2013.
5. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение в России. – М., 2010.
6. Розанова Л.И. Методологические основы анализа регионального развития // Теоретическая и прикладная экономика. 2014. № 4. – С. 1-38.
7. Руднева Л.Н., Мосякина Е.А. Оценка дифференциации социально-экономического развития субъектов Уральского федерального округа // Перспективы науки. 2013. № 6 (45). – С. 90-94.
8. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. акад. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2014. – 720 с.
9. Хагаева, А. В. Система государственного регулирования экономики и ее эффективность / А. В. Хагаева // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 18 ноября 2022 года. – Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2022. – С. 85-90. – DOI 10.36684/71-2022-1-85-90. – EDN QDAEVO.
10. Ходжсон, Джеффри. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. / Дж. Ходжсон. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
11. Шардан С.К., Хутова Л.А. Система показателей, характеризующие состояние экономического пространства // Научные известия. № 13. 2018 г. – С. 17.

References

1. Babashkina A.M. State regulation of the national economy. – M., 2016.
2. Biyakov O.A. Theory of economic space: methodological and regional aspects. - Tomsk: Publishing House of Tom. State University, 2014. – 152 p.
3. Bulletin of UrFU. Economics and Management Series. № 2/2014. A.G. Polyakova, Dr. Econ. Sciences, Associate Professor, I.S. Simarova, graduate student. Tyumen. Regional economic space and territorial development: assessment of the action of cohesion forces.
3. Dovletmurzaeva M.A. Investment attractiveness of the region and its components/M.A. Dovletmurzaeva//FSU Science. 2024. № 3(35). – pp. 42-47. – DOI 10.36684/37-2024-35-3-42-4

4. Gaponenko A.L. Economic development management. – M., 2013.
5. Gladky Yu.N., Chistobaev A.I. Regional studies in Russia. – M., 2010.
6. Rozanova L.I. Methodological foundations of the analysis of regional development//Theoretical and applied economics. 2014. № 4. – pp. 1-38.
7. Rudneva L.N., Mosyakina E.A. Assessment of the differentiation of socio-economic development of the subjects of the Ural Federal District//Prospects for science. 2013. № 6 (45). – pp. 90-94.
8. Strategies of macro-regions of Russia: methodological approaches, priorities and ways of implementation/ed. academician A.G. Granberg. – M.: Nauka, 2014. – 720 p.
9. Khagaeva, A.V. The system of state regulation of economy and its effectiveness/A.V. Khagaeva//The influence of new geopolitical reality on public administration and the development of the Russian Federation: Materials of V All-Russian Scientific and Practical Conference, Grozny, November 18, 2022. - Grozny: Kadyrov Chechen State University, 2022. – pp. 85-90. – DOI 10.36684/71-2022-1-85-90.
10. Hodgson, Jeffrey. Economic Theory and Institutions: A Manifesto of Modern Institutional Economic Theory: trans. from English/J. Hodgson. – M.: Case, 2003. – 464 p.
11. Shardan S.K., Khutova L.A. System of indicators characterizing the state of the economic space//Scientific news. № 13. 2018 – P. 17.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хагаева А.В., ассистент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный,
e-mail: khagaeva.amina@mail.ru

Khagayeva A.V., Assistant Lecturer of the Department of State and Municipal Management,
Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 338

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-128-137

РЕИНЖИНИРИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

Хамурадов М.А.*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный*

Аннотация. В статье представлено концептуальное и прикладное обоснование реинжиниринга бизнес-процессов как современной технологии, направленной на повышение эффективности работы персонала предприятия. Освещены теоретические основы реинжиниринга в контексте управления человеческим капиталом, а также определены ключевые направления трансформации системы управления человеческими ресурсами. В рамках исследования предложена авторская модель персонал-технологии, которая сочетает системный подход к перестройке процессов с использованием информационных платформ, аналитики персонала, чат-ботов, систем машинного обучения и платформ персонализированного обучения. Особое внимание уделено циклическому механизму обратной связи, который позволяет адаптировать кадровые решения в соответствии с изменениями в поведении работников, их потребностей и результатов оценки. Модель включает этапы рекрутинга, адаптации, ключевых показателей эффективности, анализа причин неудовлетворенности, построения индивидуальных траекторий развития, что позволяет снизить текучесть кадров и повысить качество управления. Аргументировано, что при условии надлежащего сопровождения, стратегического планирования и постоянного анализа данных реинжиниринг процессов управления человеческими ресурсами может стать основой формирования адаптивной, человекоцентричной и технологически подкрепленной системы управления, которая будет способствовать устойчивому развитию предприятия в условиях неопределенности.

Ключевые слова: реинжиниринг, управление персоналом, цифровая трансформация, эффективность труда, стратегическое управление, человеческий капитал.

Для цитирования: Хамурадов М.А. Реинжиниринг как технология повышения эффективности работы персонала предприятия // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 128-137.

REENGINEERING AS A TECHNOLOGY FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF ENTERPRISE STAFF

Hamuradov M.A.*Kadyrov Chechen State University, Grozny*

Abstract. The article presents a conceptual and applied justification of business process reengineering as a modern technology aimed at improving the efficiency of enterprise personnel. The theoretical foundations of reengineering in the context of human capital management are covered, and the key areas of transformation of the human resource management system are identified. The study proposes an original model of personnel technology that combines a systematic approach to process restructuring using information platforms, personnel analytics, chatbots, machine learning systems and personalized learning platforms. Particular attention is paid to the cyclical feedback mechanism, which allows adapting personnel decisions in accordance with changes in employee behavior, their needs and assessment results. The model includes the stages of recruiting, adaptation, key performance indicators, analysis of the causes of dissatisfaction, building individual development trajectories, which reduces staff turnover and improves the quality of management. It is argued that, subject to proper support, strategic planning and continuous data analysis, reengineering of human resource management processes can become the basis for the formation of an adaptive, human-centric and technologically supported management system that will contribute to the sustainable development of the enterprise in conditions of uncertainty.

Keywords: reengineering, personnel management, digital transformation, labor efficiency, strategic management, human capital.

For citation: Hamuradov M.A. Reengineering as a technology for increasing the efficiency of enterprise staff // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 128-137.

Введение. В современных условиях глобализации, цифровизации и постоянных изменений на рынке труда предприятия стал-

киваются с необходимостью радикального пересмотра существующих моделей управления. Эффективность функционирования лю-

бой организации в значительной степени зависит от ее способности адаптироваться к новым вызовам, включая необходимость оптимизации внутренних процессов, повышение производительности труда и обеспечение высокой мотивации персонала. Учитывая растущую роль человеческого капитала в формировании конкурентных преимуществ, внимание к повышению эффективности работы персонала приобретает стратегическое значение.

Одним из самых действенных подходов, позволяющих осуществить системную трансформацию управленческих и производственных процессов, является реинжиниринг бизнес-процессов. Этот подход предполагает не просто модернизацию или автоматизацию отдельных процедур, а глубокое переосмысление логики функционирования всей организационной структуры с ориентацией на результат, эффективность и гибкость. В сфере управления персоналом реинжиниринг выполняет роль персонал-технологии, которая позволяет переосмыслить роль и место работника в организационной системе, трансформировать саму философию взаимодействия между работниками и управленческими звеньями.

Особое внимание в рамках этой трансформации заслуживает подсистема управления персоналом, которая охватывает не только кадровые процедуры, но и создание эффективных условий труда, поддержание мотивации, развитие компетенций и обеспечение профессионального роста. Совершенствование этой подсистемы путем реинжиниринга может выступать решающим фактором роста производительности труда, улучшения качества выполнения функциональных обязанностей, а также снижения текучести кадров.

На сегодня важной задачей процесса оптимизации бизнес-стратегий компании является исследование реинжиниринга как современной персонал-технологии, способной обеспечить комплексное совершенствование системы управления персоналом и способствовать повышению эффективности труда на предприятии. В основе изложенного подхода – идея о том, что радикальная перестройка кадровых процессов с фокусом на создание оптимальных условий труда и максимальное раскрытие потенциала работников может стать ключом к достижению нового качества функционирования организации. Я.Э. Дадаев

утверждает: «развитие кадрового потенциала предприятия обеспечивается за счет таких составляющих как мотивационное обеспечение, финансовое обеспечение, организационное обеспечение, информационное обеспечение и научно-методическое обеспечение» [5].

Анализ современной научной литературы позволяет выделить два ключевых направления исследования реинжиниринга: теоретическое осмысление концепции как инструмента стратегического управления и ее практическое внедрение в кадровую политику.

В отечественных работах [1; 5] подчеркивается важность переосмысления логики функционирования бизнес-процессов, но недостаточно детализируется влияние человеческого фактора. В то же время именно гибкость и адаптивность персонала, по мнению исследователей, являются движущей силой изменений в турбулентной среде.

Более прикладной подход демонстрируют И.С. Гришин [4], Э.М. Шихлерова [4], Б.Н. Герасимова [3] и др., которые рассматривают реинжиниринг как средство трансформации организационной структуры, предусматривающей изменение роли работника – от исполнителя к активному участнику процесса. Работы С.Х. Сулумова [7], В.И. Быковой [7], З.М. Абдуллаевой [7], Е.И. Стяжкиной [6] и др. дополняют это видение акцентом на цифровых компетенциях персонала и необходимости формирования новых управленческих парадигм.

В зарубежных источниках основной акцент смещается к взаимосвязи между реинжинирингом, организационной культурой и управленческими стилями. Д. Грант [9], Б. Йео [9] подчеркивают важность роли персонала как активного пользователя цифровых решений. В статье Мертенс Д. и др. [10] лидерство рассматривается как ключевой фактор трансформации.

Таким образом, анализ научных публикаций подтверждает, что реинжиниринг является не только организационным, но и культурным изменением, формирующим новую роль работника в системе управления и открывающим пространство для развития персонал-технологий.

Несмотря на растущее число публикаций, посвященных реинжинирингу бизнес-

процессов, большинство исследований сосредоточивается на общих управленческих аспектах или на технологическом переоснащении процессов. Недостаточно внимания уделено рассмотрению реинжиниринга как инструмента трансформации именно подсистемы управления персоналом, которая в условиях цифровой экономики приобретает стратегическое значение. В частности, не до конца раскрыт вопрос о том, как радикальное перепроектирование процессов может обеспечить повышение эффективности труда персонала, влияя на уровень производительности, удовлетворение условиями труда и степень вовлеченности работников в достижение целей предприятия.

Отдельные авторы касаются аспектов изменения организационной структуры, сокращения управленческих звеньев, повышения гибкости функционирования предприятий, однако отсутствует целостная концепция реинжиниринга как персонал-технологии, которая включала бы как организационное, так и психологическое, социальное и цифровое измерения трансформации кадровой системы. В контексте современных вызовов, связанных с гибридными моделями труда, цифровизацией HR-процедур, появлением новых форм занятости и усилением акцента на устойчивость бизнеса, актуализируется необходимость системного исследования влияния реинжиниринга на формирование новой модели труда, адаптированной к условиям VUCA-среды (или VUCA мир).

Таким образом, нерешенной остается проблема интеграции подходов реинжиниринга в систему управления персоналом как самодостаточной функциональной подсистемы, ориентированной не только на оптимизацию затрат или структуры, но и на создание условий для полноценного раскрытия человеческого потенциала в рамках стратегического развития предприятия.

Целью статьи является исследование реинжиниринга бизнес-процессов как персонал-технологии, способной обеспечить стратегическое повышение эффективности труда персонала предприятия путем трансформации управленческих и организационных подходов к формированию условий труда, структуры взаимодействия и цифровой интеграции в системе HR. В рамках исследования акцент сде-

лан на необходимости переосмысления кадровых процессов как движущей силы общеорганизационной адаптации, способствующей укреплению экономической устойчивости и конкурентоспособности предприятия.

Методика. При подготовке данной статьи были использованы общенаучные методы сравнительного, системного, структурно-функционального, экономико-статистического анализа. Методической основой послужили научные труды по теоретическим и прикладным аспектам применения реинжиниринга как технологии повышения эффективности работы персонала предприятия.

Основная часть. В XXI веке персонал приобретает новое стратегическое значение для предприятий, функционирующих в динамичной конкурентной среде. Традиционные модели управления, ориентированные на стабильность, иерархию и контроль, больше не соответствуют требованиям цифровой эпохи. Это обуславливает необходимость перехода к гибким, адаптивным системам, в центре которых находится не процесс как таковой, а человек как носитель знаний, инноваций и изменений. Именно в таком контексте реинжиниринг бизнес-процессов выступает не только как инструмент организационной трансформации, а как метод стратегического обновления всей системы управления персоналом.

Сущность реинжиниринга, сформированная еще в трудах М. Хаммера и Дж. Чампи [8], сегодня трансформируется в направлении персонал-технологий, которые предусматривают кардинальное изменение роли работника в структуре предприятия. Вместо классического «контроля и подотчетности» – подходы на основе привлечения, ответственности и инициативы. В этом смысле управление персоналом посредством реинжиниринга – это не только оптимизация процедур, но и создание нового формата взаимодействия, в котором сотрудник рассматривается как субъект изменений, а не только как исполнитель задач.

Исследования [1; 4 и др.] указывают на тормозящие факторы традиционной модели: чрезмерную вертикальность, ограниченную обратную связь, неэффективное разграничение обязанностей. Такие характеристики приводят к потере гибкости и снижению адаптивного потенциала предприятия, особенно в кризисных или посткризисных ситуациях. Ре-

инжиниринг позволяет перераспределить ответственность, сократить лишние звенья управления, изменить логику принятия решений и сосредоточиться на командном достижении целей, а не только на выполнении функций.

Ключевым условием является то, что производительность персонала напрямую связана со структурой и логикой управления. Именно поэтому изменение архитектуры HR-системы должно начинаться не с внедрения отдельных цифровых решений или новых инструкций, а с переосмысления ее философии.

Это означает переход к организационной модели, в которой человек является точкой стратегической концентрации, а управленческая система – лишь рамкой для его развития и продуктивной деятельности.

В таблице 1 приведено обобщенное сравнение характеристик традиционной и реинжиниринговой моделей управления персоналом, иллюстрирующее различие в подходах, функциональной логике и ожидаемых результатах.

Таблица 1

Сравнение традиционной и реинжиниринговой модели управления персоналом.

Критерий	Традиционная модель	Реинжиниринговая модель
Структура управления	Жестко иерархическая	Гибкая, процессно-ориентированная
Роль сотрудника	Исполнитель указаний	Соучастник принятия решений
Обмен информацией	Вертикальный, медленный	Горизонтальный, цифровой интегрированный
Оценка эффективности	За выполнением заданий	По достижению результатов
Управленческие функции	Концентрированные у высшего руководства	Делегированы на уровень команд
Использование ИТ	Ограниченное, фрагментарное	Комплексное, сквозное, как платформа взаимодействия
Гибкость к изменениям	Низкая	Высокая
Влияние на мотивацию	Внешний (зарплата, контроль)	Внутренний (вовлеченность, смысл работы)

Источник: составлено автором.

Реинжиниринговый подход позволяет предприятию не только изменить структуру подсистемы управления персоналом, но и перестроить социальную архитектуру организации. Такой подход предполагает интеграцию работников в стратегические процессы, повышение прозрачности решений, сокращение «бюрократического шума» в коммуникациях и формирование культуры ответственности.

Эффективность управления в новых условиях во многом зависит не от строгости контроля, а от качества взаимодействия, гибкости принятия решений и организационной культуры доверия. Реинжиниринг в системе HR, таким образом, формирует не только новую логику процессов, но и новую модель труда, в которой меняется место и роль работника, трансформируется подход к мотивации, оценке и обратной связи. Именно эти аспекты позволяют говорить о реинжиниринге как об

эффективной технологии стратегического обновления кадровой системы предприятия.

Цифровая трансформация предприятий существенно повлияла на концепцию реинжиниринга, в частности в сфере управления персоналом. Если раньше изменения касались преимущественно организационной структуры и регламентов, то сегодня процессы перепроектирования неразрывно связаны с внедрением цифровых платформ, алгоритмов принятия решений, аналитических систем и технологий машинного обучения. Влияние информационных технологий проявляется не только в повышении скорости процессов, но и в формировании новой логики управления персоналом – прозрачной, адаптивной, прогнозной.

Согласно исследованиям [9], именно внедрение современных ИТ-решений позволяет трансформировать функции HR-отделов

из административных в аналитически-консультационные. Это обеспечивает расширение прав и возможностей сотрудников, персонализацию подходов к управлению, а также новые подходы к адаптации и развитию персонала. Все это поддерживает реинжиниринговую идею смещения фокуса с иерархии на процесс и результат. Технологии машинного обучения, которые получили широкое применение в HR-аналитике, позволяют выявлять

скрытые закономерности в поведении персонала, прогнозировать риски увольнений, строить эффективные модели производительности и совершенствовать процессы подбора. Такие инструменты не просто ускоряют принятие решений, а обеспечивают качественно новый уровень понимания человеческого ресурса как сложной системы. В таблице 2 обобщены характеристики ключевых цифровых инструментов, которые могут быть интегрированы в процесс реинжиниринга персонал-процессов.

Таблица 2

Цифровые инструменты реинжиниринга HR-процессов.

Инструмент	Назначение	Преимущества для HR-системы
ERP-системы	Централизованное управление ресурсами	Системность, связь с финансами
ATS (Applicant Tracking System)	Автоматизация рекрутинга	Скорость, точность отбора
HR-аналитика	Анализ персонала, прогнозирование	Принятие обоснованных решений
Модели ML	Прогноз рисков, поведения	Индивидуализация HR-стратегии
LMS (Learning Management System)	Управление обучением	Персонализированное обучение, контроль знаний
Чат-боты	Коммуникация с работниками	Автоматизация, доступность 24/7
Облачные HRM-платформы	Полная цифровизация HR	Гибкость, удаленный доступ
BI-системы	Бизнес-аналитика для HR	Визуализация данных, интеграция с KPI

Источник: составлено автором.

Эффективность этих инструментов зависит не только от технической реализации, но и от того, насколько они встроены в измененную логику HR-процессов. Отказ от изолированного использования – в пользу интегрированных решений – является важным условием стратегического успеха реинжиниринга.

Расширение роли цифровых технологий в реинжиниринге требует построения новой системной модели функционирования HR, где взаимодействие человека и технологии является не противоречием, а ресурсом. Для наглядности процесс цифровой трансформации системы управления персоналом в рамках реинжиниринга приведен на рисунке 1.

В такой модели персонал не просто адаптируется к цифровым инструментам – он становится активным участником их использования, формируя обратную связь, влияя на конфигурацию процессов и участвуя в создании ценности на новом уровне. Соответственно, и компетентный профиль работника трансформируется: возрастает роль цифровой грамотности, навыков аналитического мышления, способности работать в условиях постоянных изменений и взаимодействовать с автоматизированными системами.

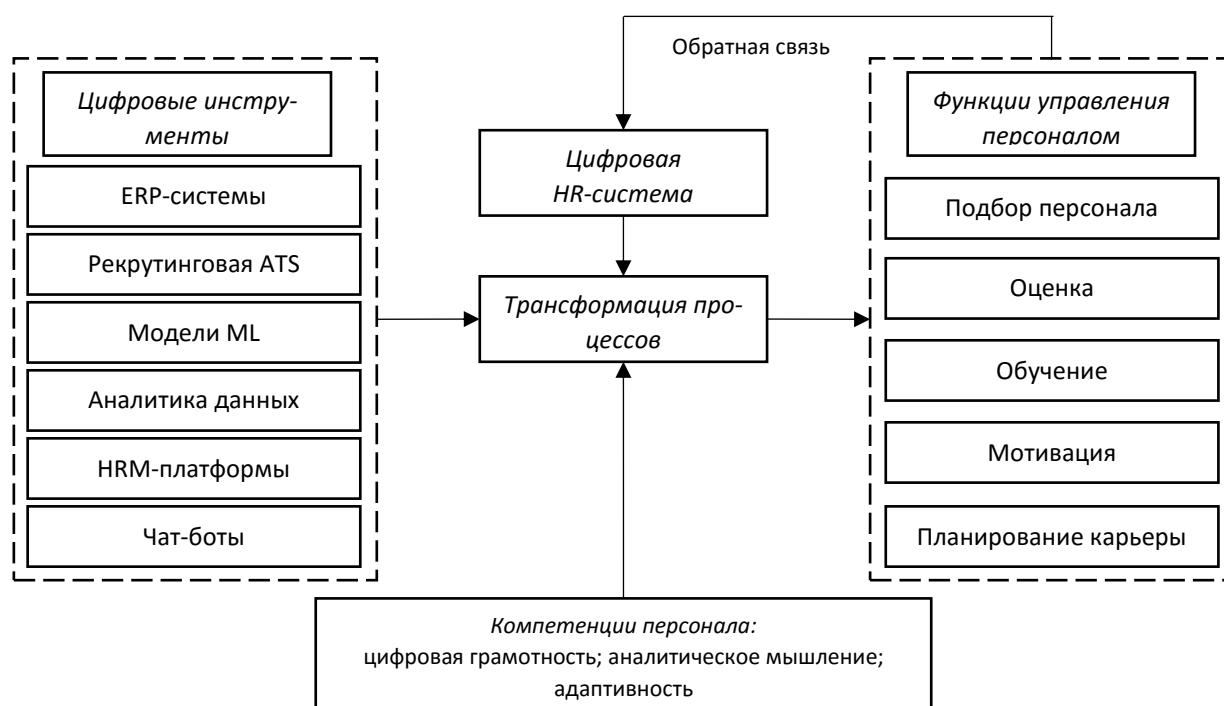

Рисунок 1. Схема цифровой трансформации HR-системы в рамках реинжиниринга.

Источник: составлено авторами.

Реинжиниринг в HR, подкрепленный цифровыми инструментами, – это не просто модернизация – это изменение философии управления человеческим капиталом, которое отвечает запросам новой экономики. Современный подход к управлению персоналом требует перехода от фрагментарных изменений к созданию целостной интегрированной системы, которая охватывает все этапы взаимодействия работника с предприятием – от рекрутинга до сопровождения профессионального развития. Учитывая это, предлагается авторская модель персонал-технологии, базирующаяся на принципах реинжиниринга бизнес-процессов и учитывающая особенности цифровой трансформации, влияние поведенческих факторов и персонализированного обучения.

Основная идея модели заключается в построении гибкой, аналитически обоснованной системы управления персоналом, в которой цифровые инструменты не просто автоматизируют рутинные функции, а создают предпосылки для индивидуального подхода к развитию каждого работника. Это достигается за счет взаимосвязанной работы следующих компонентов: аналитики эффективности (HR-аналитика, оценка KPI), инструментов персо-

нального сопровождения (чат-боты, платформы управления обучением), а также механизмов адаптации, поддержки и вмешательства в случае негативных сценариев (потеря мотивации, риск увольнения).

Для практического применения модели целесообразно предусмотреть определенные индикаторы состояния системы управления персоналом до и после внедрения реинжинирингового подхода. В таблице 3 приведены сравнения ключевых параметров, демонстрирующих эффекты от реализации персонал-технологии на основе реинжиниринга.

Предложенная модель персонал-технологии основывается на принципах динамической обратной связи и цикличности управленческих действий, что позволяет постоянно адаптировать систему к индивидуальным потребностям работников и изменениям во внешней среде. В ее основе – механизм периодической оценки результативности персонала, поведенческих характеристик, профессионального прогресса и организационного взаимодействия. Этот подход предполагает не просто мониторинг стандартных метрик, а глубокий анализ индивидуальных траекторий

развития каждого сотрудника с учетом их текущего потенциала, желаемого направления роста и готовности к изменениям.

Центральным элементом системы является интеграция данных из различных источников: показателей эффективности (KPI), результатов оценки компетенций (например, на основе модели 360°), внутренних опросов, аналитики взаимодействия в цифровых средах, а также алгоритмов, фиксирующих изменения в вовлеченности или производительности. На основании полученных данных формируется автоматизированный запрос на управленческое вмешательство. Это может включать рекомендации по участию во внутренних программах обучения, менторской поддержке, пересмотре условий труда (гибкий график, изменение проекта или функционала) или – в случае серьезных вызовов – предложения по карьерному консультированию или внутреннему перемещению.

В случае обнаружения системных признаков неудовлетворенности, таких как снижение производительности, обратная связь об усталости или неопределенности в целях, запускается процесс диагностики причин. Он охватывает одновременный учет личностных факторов (профессиональное выгорание, демотивация), профессиональных обстоятельств (недостаточная сложность задач, недостаток развития), а также эмоционально-психологического состояния работника. На этой основе формируется персонализированный план вмешательства – как технологический (перенастройка цифровых маршрутов), так и человеческий (разговор с лидером, коучинг, поддержание ментального здоровья). Модель выполняет не только функцию аналитического надзора, а является активной поддерживающей системой, постоянно корректирующей траекторию профессионального роста с целью удержания талантов, уменьшения текучести кадров и повышения общей организационной эффективности.

В результате формируется адаптивная HR-система, которая не только снижает риски увольнений и потери квалифицированных кадров, но и способствует росту вовлеченности, повышению мотивации и формированию позитивного климата в коллективе. Эта модель отражена в виде функциональной схемы,

иллюстрирующей взаимосвязь ключевых этапов и инструментов (рис. 2).

Таким образом, предложенная модель является логическим продолжением и конкретизацией идей реинжиниринга бизнес-процессов в плоскости управления персоналом. Она сочетает стратегическое видение, технологическую базу и индивидуализированный подход к работнику как к главному ресурсу современного предприятия.

Несмотря на преимущества реинжиниринга как персонал-технологии, его внедрение в практику управления персоналом несет в себе ряд потенциальных рисков и ограничений, которые необходимо учитывать на этапе стратегического планирования изменений. Главной проблемой является сопротивление персонала, которое может проявляться как в открытой форме (саботаж, увольнение ключевых сотрудников), так и в скрытой (пассивность, снижение вовлеченности, избегание инициатив). Часто это происходит из-за отсутствия связи, страха перед неопределенностью или недостаточной подготовки к цифровым изменениям.

Второй существенной проблемой является организационная инерция, когда действующая структура и культура предприятия невосприимчивы к изменениям. Даже при наличии технических ресурсов – внутренние правила, неформальные договоренности и иерархическая логика могут тормозить трансформационные процессы. В этом контексте важным условием успеха является поддержка изменений на уровне топ-менеджмента и активное привлечение среднего управленческого звена, которое играет роль проводника новых подходов в коллектив.

Отдельную сложность представляют технологические риски: недостаточная интеграция цифровых платформ, проблемы с безопасностью данных, несоответствие ИТ-инфраструктуры новым процессам или несовершенство алгоритмов, анализирующих поведение персонала. В частности, при использовании систем машинного обучения существует риск автоматизации ошибочных решений из-за нерепрезентативных данных или наличия алгоритмической предвзятости. Это требует постоянного аудита качества данных, гибкости систем и этического подхода к использованию ИИ в управлении людьми.

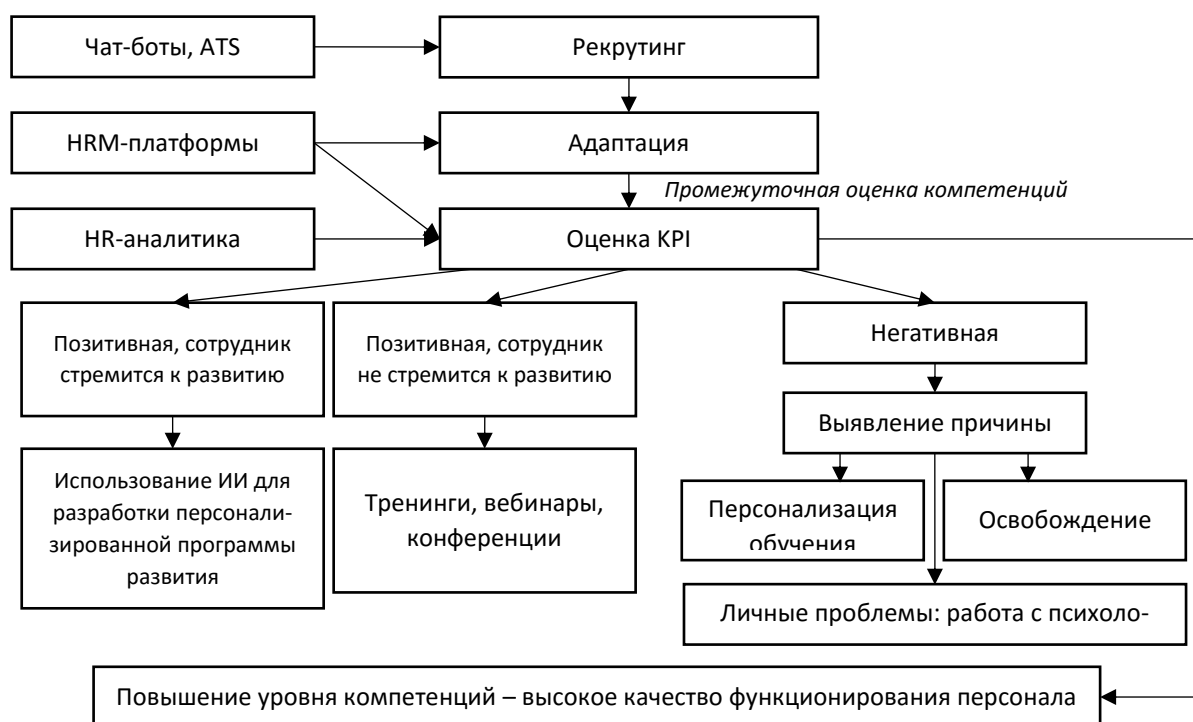

Рисунок 2. Модель персонал-технологии на основе реинжиниринга.

Источник: составлено авторами.

Среди ограничений следует также выделить недостаточный уровень цифровой грамотности персонала, особенно на предприятиях с традиционной производственной культурой или в публичном секторе. В таких случаях цифровые решения не выполняют функции облегчения, а наоборот, затрудняют адаптацию и вызывают дополнительную тревожность. Решение этой проблемы возможно через программы системного обучения, внутреннее менторство и построение «мягкого» вхождения в цифровую трансформацию.

В то же время реализация реинжиниринга HR-процессов открывает значительные стратегические перспективы для развития человеческого капитала. Прежде всего, это формирование самообучающейся системы управления персоналом, которая на основе обратной связи постоянно адаптирует маршруты развития, нагрузки и роли сотрудников. Во-вторых, создание прозрачной аналитической системы позволяет обеспечить объективность решений, что особенно важно в крупных и мультикультурных организациях. В-третьих, персонал-технологии на основе реинжиниринга способствуют формированию культуры самореализации, в которой работник не просто выполняет задачи, а участвует в формировании организационного будущего.

Таким образом, внедрение реинжиниринговых подходов в управление персоналом требует тщательной подготовки, баланса между технологическими и гуманитарными аспектами, а также высокого уровня управленческой компетентности. Исследования [11], включающие в себя опрос 3450 руководителей высшего звена 21 отрасли в 20 странах в 2023 г., показали следующее: 95% руководителей верят, что генеративный ИИ заставит их организации модернизировать свою технологическую структуру, а 96% согласны с тем, что использование агентов AI в экосистемах – это значительная возможность для их компаний в ближайшие годы [6; 11]. В случае соблюдения этих условий предприятия получают не только оптимизированную HR-систему, но и адаптивную, устойчивую и ориентированную на развитие команду.

Выводы. Реинжиниринг бизнес-процессов в системе управления персоналом предстает не только как инструмент организационной оптимизации, но как концептуальная основа для стратегического переосмысления функций, ролей и ценностей в работе с человеческим капиталом. В центре этой трансформации находится не просто стремление к автоматизации или снижению затрат, но и форми-

рование новой модели взаимодействия с работником – основанной на гибкости, открытости к изменениям, цифровой поддержке и доверии. Это позволяет перейти от классического кадрового администрирования к системе, что способствует привлечению, профессиональному развитию и высокой результативности персонала.

Построенная в рамках исследования модель персонал-технологии на основе реинжиниринга демонстрирует потенциал комплексного подхода к управлению трудом: от рекрутинга и адаптации к оценке результатов и формирования индивидуальных программ развития. Цифровые инструменты (HR-аналитика, платформы управления компетенциями, ИИ-модули персонализации обучения) позволяют гибко реагировать на динамику поведения работников, предотвращать риски текучести и снижать потери времени, связанные с неэффективными процессами. Предложенная схема функционирования системы HR в реинжиниринговом формате позволяет встраивать

обратную связь во все ключевые блоки управления персоналом, обеспечивая адаптивность и стратегическую устойчивость.

Несмотря на преимущества, внедрение реинжиниринга в HR-политику сопровождается рядом рисков и ограничений, среди которых сопротивление изменениям, технологическое несоответствие, дефицит цифровой компетентности, а также сложность изменения управленческих парадигм в зрелых организациях. Однако в случае системного подхода, сопровождения трансформаций процессами обучения, психологической поддержки и активного привлечения персонала реинжиниринг персонал-процессов может стать действенным инструментом формирования высокоэффективной, устойчивой и ориентированной на развитие кадровой системы.

Таким образом, реализация персонал-технологии на основе реинжиниринга открывает новые горизонты для стратегического управления человеческим капиталом и формирует основу для конкурентоспособности предприятия в условиях постоянных вызовов и трансформаций деловой среды.

Список источников

1. Архипова Н.И. Управление персоналом организации: учебник // Н.И. Архипова, О.Л. Седова. – М.: Проспект. 2016. – С. 224
2. Бекмурзаев И.Д., Курбанов А.Х. Культура управления в современных условиях // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: сборник материалов конференции. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 611-615.
3. Герасимов Б.Н. Реинжиниринг процессов управления организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. – С. 217-224.
4. Гришин И.С., Шихлерова Э.М. Реинжиниринговый подход для управления изменениями бизнес-процессов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-3. – С. 34-39.
5. Дадаев Я.Э. Развитие кадрового потенциала предприятия в современных условиях // ФГУ Science. 2025. № 1(37). – С. 34-41.
6. Стяжкина Е.И. Новая парадигма менеджмента в условиях цифровой экономики // Управленческие науки. 2025. № 1(15). – С. 6-19.
7. Сулумов С.Х., Быкова В.И., Абдуллаева З.М. Оценка интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 3(55). – С. 42-50.
8. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. 4-е изд. Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 288 с.
9. Grant D., Yeo B. A business process reengineering method. Issues in Information Systems. 2022. Vol. 23. Iss. 1. P. 1–12.
10. Mertens D. et al. Business process reengineering leadership: princes of Machiavelli. Journal of Management History. 2024. Vol. 30. Iss. 1. – P. 41-59.
11. Technology Vision 2024. – URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/technology/technology-trends-2024>

References

1. Arkhipova N.I. Organization personnel management: textbook//N.I. Arkhipova, O.L. Sedova. – M.: Prospect. – 2016. – P. 224
2. Bekmurzaev I.D., Kurbanov A.Kh. Management culture in modern conditions//Annual final scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers: collection of conference materials. - Grozny: Bulletin of Kadyrov Chechen State University, 2024. – pp. 611-615.

3. Gerasimov B.N. Reengineering of organization management processes//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. № 12. – pp. 217-224.
4. Grishin I.S., Shikhlerova E.M. Reengineering approach for managing changes in business processes//Trends in the development of science and education. 2021. № 69-3. – pp. 34-39.
5. Dadaev Ya.E. Development of personnel potential of the enterprise in modern conditions//FSU Science. – 2025. № 1(37). – pp. 34-41.
6. Styazhkina E.I. New paradigm of management in the digital economy//Management sciences. 2025. № 1(15). – pp. 6-19.
7. Sulumov S.Kh., Bykova V.I., Abdullaeva Z.M. Assessment of intellectual capital in the context of digitalization of the economy//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2024. № 3(55). – pp. 42-50.
8. Hammer M, Champy J. Reengineering Corporation: Manifesto of Revolution in Business. 4th ed. transl. from English – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2011. – 288 p.
9. Grant D., Yeo B. A business process reengineering method. Issues in Information Systems. 2022. Vol. 23. Iss. 1. – P. 1-12.
10. Mertens D. et al. Business process reengineering leadership: princes of Machiavelli. Journal of Management History. 2024. Vol. 30. Iss. 1. – P. 41-59.
11. Technology Vision 2024. – URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/technology/technology-trends-2024>

Информация об авторах / Information about the Authors

Хамурадов М.А., канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Hamuradov M.A., Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 343.2 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-138-146

**ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ****Ахьядов Эльман С.-М.¹, Тепсуев М.С.²**¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный²ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный

Аннотация. В статье анализируется отечественная система профилактики терроризма и его проявлений, стратегия и основные направления противодействия распространению террористической идеологии среди населения. Автором проведено исследование концепции противодействия терроризму и детальный анализ общих и индивидуальных методов профилактики правонарушений в рассматриваемой сфере. Особое внимание уделяется взаимодействию уполномоченных органов и гражданского общества в вопросах противодействия идеологии терроризма в рамках комплексного подхода, включающего метод раннего предупреждения проявлений терроризма и его идеологии – мониторинг террористических угроз. Наряду с анализом мониторинга террористических угроз, автором дана оценка особенностям деятельности по составлению аналитических справок о состоянии противодействия терроризму, способствующих повышению эффективности деятельности уполномоченных органов в профилактике терроризма и его проявлений.

Ключевые слова: профилактика терроризма, мониторинг террористических угроз, национальная безопасность, идеология, радикализация, противодействие терроризму, национальный антитеррористический комитет.

Для цитирования: Ахьядов Эльман С.-М., Тепсуев М.С. Профилактика терроризма в России: роль государственной власти и органов местного самоуправления // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 138-146.

**PREVENTION OF EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA:
THE ROLE OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENTS****Akhyadov Elman S.-M.¹, Tepsuev M.S.²**¹Kadyrov Chechen State University, Grozny²Chechen State Pedagogical University, Grozny

Abstract. The article analyzes the domestic system of prevention of terrorism and its manifestations, the strategy and main directions of counteracting the spread of terrorist ideology among the population. The work conducts a study of the concept of counteracting terrorism and a detailed analysis of general and individual methods of preventing offenses in the area under consideration. Particular attention is paid to the interaction of authorized bodies and civil society in matters of counteracting the ideology of terrorism within the framework of an integrated approach, including the method of early warning of manifestations of terrorism and its ideology - monitoring of terrorist threats. Along with the analysis of terrorist threat monitoring, the author assessed the specifics of the activity on compiling analytical reports on the state of counter-terrorism, which contribute to increasing the effectiveness of authorized bodies in preventing terrorism and its manifestations.

Keywords: terrorism prevention, terrorist threat monitoring, national security, ideology, radicalization, counter-terrorism, national anti-terrorism committee.

For citation: Akhyadov Elman S.-M., Tepsuev M.S. Prevention of extremism and terrorism in Russia: the role of state authorities and local governments // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 138-146.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Введение. В Российской Федерации профилактика терроризма признана ключевым направлением государственной политики, что закреплено в Федеральном законе № 182-ФЗ, определяющем правовые и организа-

ционные рамки системы предупреждения правонарушений. Данный нормативный акт устанавливает базовые принципы, методы и формы профилактического воздействия, а также регулирует полномочия субъектов, участвующих в этой деятельности. Правовая

база дополняется комплексом федеральных конституционных законов, подзаконных актов Президента и Правительства РФ, региональным и муниципальным законодательством, формируя многоуровневую систему противодействия угрозам. «Такая интеграция обеспечивает согласованность мер на всех этапах – от разработки стратегий до их реализации на местном уровне, подчёркивая значимость превентивных подходов в обеспечении национальной безопасности» [1].

Основная часть. Профилактика терроризма в Российской Федерации выделяется в отдельное направление, регулируемое Федеральным законом № 35-ФЗ, который закрепляет приоритет предупредительных мер для государственных и муниципальных органов, а также участников гражданского общества. В отличие от общей профилактики преступности, противодействие терроризму требует учёта его специфики – идеологической подоплёки и политической мотивации, что обуславливает необходимость разработки специализированных стратегий. Данный подход подчёркивает комплексность мер, направленных не только на пресечение действий, но и на устранение условий, способствующих радикализации общества, что усиливает роль правовых и социальных инструментов в обеспечении национальной безопасности.

Согласно ФЗ № 182, профилактика терроризма представляет собой комплекс мероприятий социального, правового и организационного характера, направленных на идентификацию и нейтрализацию факторов, способствующих совершению преступлений террористической направленности, а также на превентивное воспитательное воздействие для предотвращения таких деяний. Система профилактики интегрирует субъектов – государственные органы (федеральные и региональные), муниципальные структуры, негосударственные организации и граждан, участвующих в антитеррористических инициативах, – и предусматривает координацию их действий, мониторинг угроз и реализацию профильных мер. «Полномочия участников, включая взаимодействие с гражданским обществом, регламентированы главой 2 закона, что подчёркивает многоплановый подход к предупреждению терроризма через сочетание институциональных ресурсов и общественной вовлечённости» [2].

Концепция противодействия терроризму в РФ базируется на трёх ключевых направлениях профилактики: нейтрализация идеологии экстремизма, обеспечение антитеррористической защиты уязвимых объектов и укрепление административно-правовых режимов. Реализация этих задач включает комплекс мер – от устранения социально-экономических предпосылок терроризма до информационного противодействия радикальной пропаганде в медиапространстве. Особое внимание уделяется прогнозированию угроз, разработке стандартов безопасности для критической инфраструктуры и мест массового скопления людей, а также правовой защите участников антитеррористической деятельности и жертв терактов. Эффективность стратегии обеспечивается межведомственной координацией, международным сотрудничеством и вовлечением гражданского общества, включая взаимодействие с религиозными и общественными организациями, что формирует многоуровневый барьер против распространения экстремистских идей и действий.

Профилактика правонарушений в РФ реализуется через два взаимодополняющих направления: общую и индивидуальную. Общая профилактика фокусируется на системном устранении социально-экономических, правовых и идеологических предпосылок преступности, включая повышение правовой культуры населения и минимизацию условий, способствующих нарушениям. Индивидуальная профилактика предполагает адресное воздействие на лиц с девиантным поведением или находящихся в группе риска, сочетая воспитательные меры, коррекцию негативных факторов и социальную поддержку жертв правонарушений. «Такой подход обеспечивает комплексное противодействие преступности – от макроуровня общественных процессов до микровоздействия на конкретные случаи, формируя среду, устойчивую к правовым девиациям» [3].

Профилактика терроризма в РФ реализуется через общие и индивидуальные методы. Общие включают нормативно-правовые меры (установление ответственности за преступления), информационно-просветительские инициативы (формирование антитеррористического сознания) и режимные ограничения (техническая защита объектов и контроль доступа). Индивидуальные методы

направлены на коррекцию поведения лиц, склонных к экстремизму: превентивные меры (угроза правовых последствий) сочетаются с воспитательными подходами, направленными на пересмотр деструктивных установок, формирование гражданской ответственности и осознание вреда террористической деятельности. Такой дуальный подход обеспечивает как системное устранение предпосылок терроризма, так и точечное воздействие на группы риска, укрепляя общественную безопасность.

Профилактика правонарушений в рамках ФЗ № 182 реализуется через многоуровневый инструментарий, включающий правовое информирование населения, профилактические беседы, официальные предостережения о недопустимости противоправных действий и ведение учёта лиц, склонных к антиобщественному поведению. К административным мерам относятся надзорные процедуры и представления об устранении условий, провоцирующих нарушения. Социальное направление охватывает адаптацию, ресоциализацию и реабилитацию лиц, оказавшихся в зоне риска, а также поддержку пострадавших от преступлений. Каждая форма воздействия, детализированная в главе 3 Закона, направлена на минимизацию криминогенных факторов через сочетание правового просвещения, корректирующих мер и восстановительных программ, формируя комплексный подход к предупреждению девиаций.

Индивидуальная профилактика правонарушений в РФ предполагает применение специализированных мер административного, уголовного и оперативно-разыскного характера, реализуемых уполномоченными госорганами в рамках их компетенции. К числу таких структур относятся органы прокуратуры, Следственного комитета, МВД, ФСБ, уголовно-исполнительной системы и иные ведомства, наделённые законодательством правом использовать превентивные инструменты для коррекции поведения лиц, склонных к противоправным действиям. Это включает предупреждение, расследование и пресечение потенциальных угроз, что подчёркивает межведомственный характер профилактики, основанный на строгом соблюдении правовых норм и адаптации мер к конкретным ситуациям.

На федеральном уровне органы исполнительной власти формируют стратегические

направления государственной политики в сфере профилактики терроризма, разрабатывая законодательные инициативы и создавая межведомственные координационные структуры для управления профильной деятельностью. Они обеспечивают синхронизацию действий подведомственных организаций, содействуя взаимодействию между субъектами профилактики и гражданскими институтами. «В рамках правового поля реализуются меры просвещения, социальной адаптации и реабилитации лиц, пострадавших от преступлений или находящихся в группе риска, что подчёркивает комплексный подход к устранению предпосылок терроризма через сочетание регулятивных, воспитательных и восстановительных механизмов» [4].

На региональном уровне органы власти субъектов РФ формируют правовую базу профилактики терроризма, адаптируя федеральные стратегии к локальным условиям. В их задачи входит разработка и внедрение антитеррористических программ, координация взаимодействия между участниками профилактики, а также создание специализированных структур для управления этой деятельностью. Контроль за целевым использованием бюджетных средств на предупреждение правонарушений дополняется мерами социальной поддержки – ресоциализацией, адаптацией и реабилитацией лиц, оказавшихся в зоне риска. «Через интеграцию правовых, организационных и социальных инструментов регионы укрепляют систему безопасности, минимизируя условия для распространения экстремистских угроз в рамках своих полномочий» [5].

Органы местного самоуправления играют ключевую роль в профилактике терроризма, реализуя комплекс мер на муниципальном уровне: формируют локальные нормативные акты, создают координационные структуры для межведомственного взаимодействия и устраняют факторы, провоцирующие правонарушения. Через правовое просвещение населения, социальную адаптацию и реабилитацию лиц из групп риска, а также поддержку пострадавших от преступлений они минимизируют угрозы экстремизма. Интеграция информационных кампаний, программ ресоциализации и адресной помощи усиливает устойчивость местных сообществ, а взаимодействие с правоохранительными органами и

гражданскими институтами формирует многоуровневую систему безопасности. Эти усилия направлены на предупреждение террористических угроз, укрепление правопорядка и создание среды, устойчивой к радикальным влияниям.

Профилактическая работа против терроризма включает комплексный подход, нацеленный на минимизацию рисков экстремистской активности через устранение социально-экономических, политических и межконфессиональных противоречий, способных спровоцировать конфликты. Важным аспектом является превентивное воздействие на граждан, склонных к радикализации, путём нейтрализации их деструктивных намерений и ограничения возможностей для реализации террористических сценариев. Параллельно реализуются меры по блокированию инфраструктуры террористических групп, что снижает их оперативную эффективность. «Такой многоуровневый подход не только смягчает текущие угрозы, но и формирует устойчивую среду, препятствующую возникновению условий для террора в долгосрочной перспективе» [6].

Система профилактики терроризма в России охватывает многоаспектный подход, включающий политическое регулирование для стабилизации общественной среды и международного сотрудничества, а также социально-экономические меры, направленные на сокращение неравенства и поддержку депрессивных регионов. Правовое противодействие усиливается через принцип неотвратимости наказания за террористические преступления, контроль за оборотом опасных веществ и регулирование миграционных процессов. Информационная стратегия фокусируется на формировании общественного неприятия идеологии насилия через просветительские кампании. Культурно-образовательные инициативы продвигают межнациональный диалог и толерантность, а организационно-технические меры обеспечивают защиту критической инфраструктуры за счёт модернизации систем безопасности и внедрения технологических решений. Такой комплексный механизм, закреплённый в законодательстве, объединяет усилия государства и общества для минимизации террористических угроз на всех уровнях.

Профилактика терроризма выступает системообразующим звеном в стратегии

национальной безопасности России, объединяя усилия федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также институтов гражданского общества. Основой этой деятельности является непрерывный мониторинг социально-политической обстановки, позволяющий адаптировать государственные и муниципальные программы к локальным рискам. Ключевой акцент делается на дерадикализацию общественного сознания через противодействие идеологии терроризма, включая информационное просвещение, укрепление межнационального диалога и блокирование пропаганды насилия. Интеграция правовых, экономических и технических мер, таких как защита критической инфраструктуры и ужесточение контроля за оборотом опасных материалов, дополняется социальными инициативами, направленными на снижение маргинализации и неравенства. Подобный многоуровневый подход, сочетающий превентивные механизмы с оперативным реагированием, формирует устойчивый барьер против террористических угроз, обеспечивая защиту граждан и стабильность государства.

Ключевым аспектом противодействия терроризму выступает системный мониторинг обстановки, направленный на оперативное выявление факторов, провоцирующих экстремистскую активность. Эта работа предполагает не только сбор и анализ данных на федеральном и региональном уровнях, но и разработку превентивных мер для нейтрализации угроз. Основной акцент делается на преобразование полученной информации в конкретные решения: устранение социально-экономических, политических и идеологических предпосылок терроризма, а также оптимизацию взаимодействия между субъектами антитеррористической деятельности. «Такой подход позволяет не только реагировать на текущие вызовы, но и формировать адаптивные стратегии, повышающие устойчивость общества к деструктивным влияниям» [7].

Эффективность системы мониторинга террористических угроз в РФ обеспечивается слаженным взаимодействием федеральных, региональных и муниципальных структур. На общегосударственном уровне координацию осуществляет Национальный антитеррористический комитет (НАК), использующий утверждённый перечень критериев, структу-

рированных в два тематических блока. Первый блок фокусируется на анализе деятельности экстремистских группировок, включая их цели, источники финансирования, методы вербовки, а также тактику совершения преступлений. Такой подход позволяет не только фиксировать текущие риски, но и прогнозировать сценарии развития угроз, формируя основу для адресных мер противодействия. Интеграция данных с разных уровней власти способствует оперативному выявлению уязвимостей и укреплению межведомственной координации, что критически важно для нейтрализации как локальных, так и транснациональных вызовов безопасности.

Мониторинг террористических угроз в России осуществляется при участии 16 федеральных ведомств, включая ключевые структуры – МВД, ФСБ, МЧС, Следственный комитет и Росфинмониторинг, которые выступают основными источниками аналитических данных. Сбор и первичная обработка информации от этих органов позволяют отслеживать активность экстремистских групп, их ресурсную базу и методы действий. Финальное обобщение и систематизация данных возложены на аппарат Национального антитеррористического комитета (НАК), что обеспечивает целостность картины угроз и формирует основу для межведомственных решений. «Такая архитектура мониторинга подчёркивает роль кооперации между силовыми, финансовыми и правоохранительными институтами в противодействии терроризму на стратегическом уровне» [8].

Система мониторинга террористических угроз в РФ функционирует в рамках чёткого регламента: федеральные ведомства направляют аналитические данные в аппарат НАК дважды в год – в феврале и августе, синхронизируя это с управленческим циклом, где ключевые решения принимаются в декабре, а мартовский этап позволяет актуализировать информацию о новых вызовах. Параллельно предусмотрено оперативное информирование по критическим вопросам вне установленных сроков. Собранные сведения служат основой для определения стратегических приоритетов, разработки антитеррористических мер на заседаниях НАК и ФОШ, а также формирования законодательных инициатив для главы государства. Такой подход обеспечивает гибкость реагирования и системность в укреплении

национальной безопасности.

На региональном уровне система мониторинга террористических угроз отличается повышенной сложностью, координируясь антитеррористическими комиссиями (АТК) и оперативными штабами в субъектах РФ и морских бассейнах. АТК анализируют социально-экономические, политические и иные факторы, влияющие на террористическую активность, руководствуясь регламентами, согласованными с аппаратом НАК. Оперативное внедрение мониторинговых механизмов обеспечивается аппаратами АТК, чьи полномочия зафиксированы в нормативных документах, утверждённых председателем НАК. На основе собранных данных региональные власти разрабатывают меры по устранению конфликтогенных условий, снижая риски формирования социальной базы для экстремизма. «Ключевой акцент делается не только на сборе информации, но и на преобразовании данных в конкретные решения: нейтрализацию негативных тенденций, оптимизацию межведомственного взаимодействия и совершенствование стратегий противодействия, что укрепляет региональную безопасность в рамках единой государственной политики» [9].

Первоочередным этапом в организации мониторинга террористических угроз выступает разработка нормативного акта, определяющего алгоритм его реализации. Этот документ фиксирует цели, задачи, периодичность анализа, круг участников, формат предоставляемых данных и вид итоговых материалов (аналитические отчёты, рекомендации и др.). В качестве такого акта обычно выступает регламент или положение, которое проходит согласование со всеми заинтересованными ведомствами и утверждается на заседании антитеррористической комиссии. Подобная регламентация обеспечивает стандартизацию процессов сбора информации, минимизирует риски недопонимания между участниками и формирует единую методологическую базу для дальнейшего анализа и принятия управленческих решений.

На региональном уровне ключевыми источниками данных для мониторинга террористических угроз выступают территориальные подразделения ФСБ, МВД, МЧС и ФСО России, а также профильные органы исполнительной власти субъектов РФ, отвечающие за

образование, социальную защиту, медиаполитику и международные отношения. К процессу подключены муниципальные администрации и аппараты антитеррористических комиссий на местном уровне, обеспечивающие сбор информации на местах. Взаимодействие этих структур позволяет комплексно анализировать социальные, идеологические и оперативные аспекты, формируя основу для выявления конфликтогенных факторов и разработки адресных профилактических мер. Интеграция данных от силовых ведомств, гражданских институтов и муниципалитетов создаёт многоуровневую систему оценки рисков, критически важную для своевременного реагирования на угрозы и укрепления региональной безопасности [10].

Ключевым элементом регионального мониторинга террористических угроз является структурированный перечень анализируемых аспектов, закреплённый в регламенте. Он охватывает спектр факторов, включая динамику террористической активности, статистику преступлений экстремистской направленности, масштабы нелегальной миграции и оборота оружия, а также уровень радикализации населения. Дополнительно исследуются международные и межконфессиональные конфликты, деятельность деструктивных религиозных или иных групп. В 2018 году аппарат НАК стандартизировал подходы к оценке угроз, направив субъектам РФ рекомендации по унификации критериев анализа, что способствует согласованности данных и повышает эффективность выработки превентивных мер на основе объективной информации.

Эффективная организация регионального мониторинга террористических угроз достигается через системную интеграцию задач анализа угроз в регламенты региональных органов власти, назначение ответственных лиц, взаимодействующих с аппаратом АТК, и разработку унифицированных форм предоставления данных для минимизации ошибок. Ключевым элементом становится внедрение критериев оценки террористической активности и радикализации, дополненное методиками прогнозирования угроз. Обучение сотрудников на семинарах и стажировках, а также регулярное обновление методических рекомендаций повышают качество аналитической работы. Важную роль играет прозрач-

ность процессов: информирование руководства о результатах мониторинга и открытый диалог между участниками системы. Эти меры, включая стандартизацию процессов и усиление кадрового потенциала, формируют адаптивную среду для своевременного выявления рисков и укрепления межведомственного взаимодействия, что в совокупности повышает эффективность профилактики терроризма на региональном уровне [11].

Реализация регламентов мониторинга требует строгого соблюдения сроков и качества предоставляемой информации, однако практика выявила распространённые недочёты: включение данных, не связанных с противодействием терроризму, избыточное цитирование законодательных норм, дублирование отчётности по выполнению антитеррористических планов и поручений, а также предоставление общедоступных сведений без аналитической ценности. Для повышения эффективности необходимо усилить контроль за содержательной составляющей материалов, исключить формализм и сосредоточиться на актуальных угрозах, что позволит оптимизировать процесс анализа и принятия решений в сфере безопасности.

Для повышения эффективности мониторинга террористических угроз аппаратам АТК целесообразно внедрять превентивные меры, такие как рассылка заблаговременных уведомлений субъектам с напоминанием о сроках и ключевых аспектах подготовки данных. Отдельные регионы демонстрируют успешный опыт организации предотчётных совещаний с участием ответственных лиц из исполнительных органов, что способствует устранению неточностей и соблюдению регламентов. Подобные практики не только минимизируют риски задержек и формального подхода к заполнению отчётов, но и стимулируют содержательный анализ угроз, исключая предоставление избыточной или нерелевантной информации. Системное применение таких методов укрепляет межведомственную координацию, обеспечивая своевременность и аналитическую ценность материалов, что критически важно для формирования адекватных ответов на вызовы безопасности [12].

После сбора информации аппарат АТК проводит систематизацию и анализ данных, выявляя ключевые проблемные зоны, требую-

щие оперативного реагирования. Для повышения прозрачности и эффективности процесса рекомендуется внедрение структурированного документооборота, включая формирование тематических дел, где хранятся запросы, полученные материалы и сопутствующая документация. Это не только упорядочивает работу, но и обеспечивает лёгкий доступ к архивным данным для аудита или корректировки стратегий, минимизируя риски утери критически важных сведений.

Собранные и структурированные данные служат базой для формирования аналитической справки, оценивающей эффективность регионального сегмента общегосударственной системы противодействия терроризму. В документе анализируется текущая ситуация в субъекте РФ, ключевые угрозы, системные пробелы в работе антитеррористических структур, а также предлагаются меры по их устранению. Справка включает рекомендации для включения в повестку заседаний АТК, выделяет вопросы, требующие оперативного вмешательства региональных властей, и акцентирует внимание на факторах, способствующих эскалации рисков. Такой подход позволяет не только диагностировать проблемные зоны, но и разрабатывать адресные стратегии для оптимизации взаимодействия между участниками системы безопасности, усиливая её адаптивность к динамично меняющимся вызовам.

Аналитическая справка о состоянии противодействия терроризму в регионе формируется по многоуровневой структуре: введение кратко описывает текущую обстановку и цели оценки; оценочный раздел выделяет дестабилизирующие тенденции; результативная часть суммирует достигнутые результаты, включая правовые и оперативные меры; проблемный блок акцентирует внимание на недостатках в работе субъектов безопасности и барьерах для эффективной реализации стратегий. В заключении формулируются вопросы для рассмотрения на заседаниях АТК и рекомендации по адресному распределению выводов среди ответственных лиц. После утверждения председателем комиссии документ становится основой для корректировки антитеррористической политики и может быть направлен руководителям профильных ведомств для принятия управленческих решений [13].

Результаты мониторинга АТК служат ключевым инструментом для системного управления антитеррористической деятельностью, обеспечивая планирование и корректировку стратегий региональных и муниципальных органов власти. На их основе формируются повестки заседаний комиссии, разрабатываются аналитические материалы и адресные поручения, а также вносятся изменения в профильные программы по противодействию идеологии терроризма. Данные мониторинга позволяют оптимизировать профилактические мероприятия, совершенствовать нормативную базу, составлять графики проверок эффективности работы ведомств и организовывать обучение сотрудников, включая тематические тренинги и стажировки в аппарате АТК. Интеграция этих процессов способствует гибкому реагированию на угрозы, укрепляет межведомственное взаимодействие и повышает качество реализации мер безопасности на всех уровнях.

Оперативные штабы в субъектах РФ реализуют мониторинг террористических угроз через поэтапный алгоритм: от формулировки профильных вопросов для анализа региональной обстановки до распределения задач между ведомствами согласно их компетенции. Процесс включает установление регламентов предоставления данных, их систематизацию, формирование аналитических групп и подготовку итоговых материалов. Механизм фиксируется решением штаба, а операционное сопровождение (сбор, оценка, обобщение информации) возлагается на его аппарат, который также отвечает за выработку стратегических рекомендаций. Такой подход обеспечивает синхронизацию межведомственных усилий, адаптацию методов под специфику региона и оперативное реагирование на возникающие вызовы, укрепляя систему антитеррористической безопасности.

Заключение. Результаты мониторинга оперативных штабов (ОШ) служат основой для координации антитеррористической деятельности: данные об угрозах и мерах их нейтрализации направляются в Федеральный оперативный штаб (ФОШ), что обеспечивает синхронизацию действий на федеральном уровне. На их основе формируются плановые и внеочередные заседания ОШ, сопровождаемые аналитическими материалами и поруче-

ниями для профильных структур. Мониторинг позволяет проектировать мероприятия по пресечению террористических актов, минимизации их последствий, а также организовывать взаимодействие с антитеррористическими комиссиями (АТК) и региональными органами власти в рамках профилактики. Кроме того, собранные сведения используются для разработки сценариев учений, проверки эффективности работы исполнительных органов, входящих в состав ОШ, и корректировки планов их деятельности. Таким образом, анализ данных мониторинга становится ключевым инструментом для гибкого управления рисками и укрепления межведомственного сотрудничества [14].

На муниципальном уровне организация мониторинга террористических угроз

приобретает особую актуальность, поскольку именно здесь реализуется прямой контакт с населением, что позволяет оперативно выявлять локальные риски и конфликтогенные факторы. Антитеррористические комиссии муниципальных образований, действуя в рамках своих территорий, координируют сбор данных и анализ обстановки, используя подходы, аналогичные региональным практикам. Это включает выявление социальных, экономических и идеологических предпосылок экстремизма, а также оценку эффективности профилактических мер. Такая система обеспечивает адаптацию общегосударственных стратегий к местным реалиям, усиливая вовлечённость граждан в обеспечение безопасности и создавая «буфер» против радикализации на уровне локальных сообществ.

Список источников

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). – Ст. 3418.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15.06.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.
3. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
4. О мерах по противодействию кибертерроризму: Указ Президента РФ от 11.03.2021 № 142 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. – Ст. 1740.
5. Быстрова Ю.В. Теоретические основы противодействия терроризму: монография / Ю.В. Быстрова. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 320 с.
6. Альханов Н.М. Региональные аспекты национальной безопасности / Н.М. Альханов // Вестник Чеченского государственного университета. 2021. № 3 (15). – С. 45-52.
7. Сетевые структуры терроризма в цифровую эпоху / под ред. А.С. Иванова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – 180 с.
8. Доклад Национального антитеррористического комитета за 2022 год / НАК РФ. – М., 2023. – 120 с.
9. О состоянии преступности в России: отчет МВД РФ за 2022 год. – М., 2023. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.10.2023).
10. О состоянии преступности в России: отчет МВД РФ за 2022 год. – М., 2023. – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.10.2023).
11. О мерах противодействия экстремизму: Закон Чеченской Республики от 12.05.2015 № 15-РЗ (ред. от 20.03.2023) // Вестник Парламента Чеченской Республики. 2015. № 5. – Ст. 12.
12. Программа противодействия терроризму в СКФО на 2021-2025 гг.: утв. Правительством РФ 10.12.2020. – Грозный, 2020. – 89 с.
13. Федеральная целевая программа "Антитеррор": Постановление Правительства РФ от 14.10.2020 № 1665 (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 43. – Ст. 6755.
14. Исследование ФСБ России «Общественное мнение о терроризме»: отчет. – М., 2018. – 67 с.

References

1. On Combating Money Laundering: Federal Law of 07.08.2001 № 115-FZ (as amended on 19.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part I). – Art. 3418.
2. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism: concluded in Shanghai on 15.06.2001 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 41. – Art. 3947.
3. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law of 27.07.2006 № 149-FZ (as amended on 24.04.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part I). – Art. 3448.
4. On measures to counter cyberterrorism: Decree of the President of the Russian Federation of 11.03.2021 № 142 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 11. – Art. 1740.
5. Bystrova Yu.V. Theoretical foundations of countering terrorism: monograph / Yu.V. Bystrova. – Moscow: Yurлитinform, 2020. – 320 p.

6. Alkhanov N.M. Regional aspects of national security / N.M. Alkhanov // Bulletin of the Chechen State University. 2021. № 3 (15). – pp. 45-52.
7. Network structures of terrorism in the digital age / edited by A.S. Ivanov. – SPb.: SPbSU Publishing House, 2019. – 180 p.
8. Report of the National Anti-Terrorism Committee for 2022 / NAC RF. – M., 2023. – 120 p.
9. On the state of crime in Russia: report of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2022. – M., 2023. – URL: <https://мвд.рф> (date of access: 15.10.2023).
10. On the state of crime in Russia: report of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2022. – M., 2023. – URL: <https://мвд.рф> (date of access: 15.10.2023).
11. On measures to counter extremism: Law of the Chechen Republic of 12.05.2015 № 15-RZ (as amended on 20.03.2023) // Bulletin of the Parliament of the Chechen Republic. 2015. № 5. – Art. 12.
12. The program for countering terrorism in the North Caucasus Federal District for 2021-2025: approved by the Government of the Russian Federation on 10.12.2020. – Grozny, 2020. – 89 p.
13. Federal target program "Antiterror": Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.10.2020 № 1665 (as amended on 28.12.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 43. – Art. 6755.
14. Research of the FSS of Russia "Public opinion on terrorism": report. – M., 2018. – 67 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ахьядов Эльман С-М., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: akhyadov1990@mail.ru

Akhyadov Elman S-M., Candidate of Sciences in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law, Kadyrov Chechen State University, Grozny

Тепсуев М.С., канд. ист. наук, доцент кафедры права

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, e-mail: tepsuev90@mail.ru

Tepsuev M.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University, Grozny

УДК 340.12 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-147-156

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Беженцев А.А.

ФГБОУ ВО «Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС)», г. Санкт-Петербург

Аннотация. Публикация посвящена концептуальному рассмотрению модели правового государства с исторической позиции выделения в ней собирательных элементов теоретико-методологического анализа, которыми обнаруживаются историко-правовая и теоретико-правовая конструкции модели правового государства. При этом аргументированная таким образом единая теоретическая модель правового государства подвергается рассмотрению в контексте теоретико-исторических проблем ее практической материализации в конституционно-правовой практике. В статье выделены базовые составляющие научного изыскания феномена правового государства и предложены пути взаимосогласования многообразных теоретико-методологических подходов к выработке концепта правового государства в правовой науке. В статье: а) выработана и предопределена общая классификационная модель методов освоения правового государства; б) зафиксировано содержание используемых в концептуальной юридической науке формального и материального подходов в очерчивании понятия правового государства; в) проведен сопоставительный анализ разнообразных моделей правового государства. На базе обследованного в научном труде материала: а) сформулированы тенденции эволюции правового государства; б) установлены базовые проблемы практического осуществления модели правового государства и пути решения; в) проанализированы критерии определения результативности процессов формирования идеального правового государства.

Ключевые слова: государственная власть, правовое государство, принципы правового государства, гражданин, общество, закон, демократия, конституционализм, правовая культура, правосознание, законотворчество, нормативно-правовые механизмы.

Для цитирования: Беженцев А.А. Правовое государство: историко-теоретическая модель // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 147-156.

LEGAL STATE: A HISTORICAL AND THEORETICAL MODEL

Bezhentsev A.A.

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

Abstract. The publication is devoted to the conceptual consideration of the model of the rule of law from the historical position of identifying it in the collective elements of theoretical and methodological analysis, which reveal the historical-legal and theoretical-legal constructions of the model of the rule of law. At the same time, the well-argued that being so unified theoretical model of the rule of law is examined in the context of theoretical and historical problems of its practical materialization in constitutional and legal practice. The work highlights the basic components of scientific research into the phenomenon of the rule of law and suggests ways of mutual coordination of diverse theoretical and methodological approaches to the development of the concept of the rule of law in legal science. The publication: a) develops and pre-determines a general classification model of methods for mastering the rule of law; b) records the content of the formal and material approaches used in conceptual legal science in outlining the concept of the rule of law; c) carries out a comparative analysis of various models of the rule of law. Based on the material examined in the scientific work: a) the trends in the evolution of the rule of law are formulated; b) the basic problems of the practical implementation of the model of the rule of law and ways of solving them are established; c) the criteria for determining the effectiveness of the processes of forming an ideal rule of law are analyzed.

Keywords: state power, rule of law, principles of the rule of law, citizen, society, law, democracy, constitutionalism, legal culture, legal consciousness, lawmaking, normative and legal mechanisms.

For citation: Bezhentsev A.A. Legal state: a historical and theoretical model // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 147-156.

Введение. Фиксация понятия государства в Конституции Российской Федерации,

где оно отмечается как суверенное, независимое, демократическое, социальное, правовое,

превратило нашу державу в реалию, которая определяет перспективную модернизационную эволюцию социума и государства сейчас, и, как мы твердо уверены, будет определять ее и в перспективе. Актуальность обращения к тематике правового государства, к проблемам теоретико-концептуального осмысления этого понятия и сферы практической реализации его принципов, обуславливается несколькими важными моментами. Это то, что можно было бы определить, как **«практическая актуальность исследования»**. Любая целесообразная деятельность – именно таким, по нашему глубокому убеждению, имеет место быть государственный процесс, – всегда связана с переводом определенных идей (теоретических моделей) в реальность. Однако успешная практическая реализация той или иной идеи (а тем более сложного комплекса теоретических представлений, которые связываются с понятием *«правовое государство»*) невозможна, если нам не хватает ясного и четкого понимания содержания этой идеи.

В определенной степени о подобной практической актуальности исследования способов теоретико-правового осмысления правового государства свидетельствует и то, что эта животрепещущая тема возникает во многих фундаментальных исследованиях в области: а) истории государства и права; б) теории государства и права; в) конституционного права; д) философии права [1, с. 100 – 115; 2, с. 32 – 36; 3, с. 22 – 30; 4, с. 5 – 13; 5, с. 46 – 52; 6, с. 14 – 23; 7, с. 29 – 34; 8, с. 141 – 148; 9, с. 114 – 115; 10, с. 25 – 32; 11, с. 120 – 130; 12, с. 12 – 15; 13, с. 89 – 93; 14, с. 30 – 41; 15, с. 337 – 338; 16, с. 151 – 160; 17, с. 134 – 143; 18, с. 81 – 85].

В этом смысле: а) любое исследование проблем обеспечения и реализации прав и свобод человека и гражданина; б) анализ стратегических направлений конституционного развития страны; в) совершенствование системы государственного управления органично связано с проблематикой правового государства, с обеспечением его основных принципов.

Обращение к теме правового государства актуально, учитывая общую потребность правового образования населения и повышение *правовой культуры* граждан. Без четкого понимания того, что именно представляет собой правовое государство и каким образом

оно функционирует, делается невозможным решение основных задач национальных программ правового образования населения.

Все это делает необходимым и *актуальным* дальнейший анализ проблем исторической, теоретической, философской и практической реализации модели правового государства в современных условиях.

Конкретным методам научно-теоретического анализа феномена правового государства, их связям и взаимодействию, их потенциальным возможностям в выяснении сущности правового государства и решении проблем, которые объективно возникают в процессе практической реализации модели правового государства в современных условиях, посвящена концепция научной статьи. Что касается общей характеристики **методологии исследования**, то следует отметить основные общенаучные и специальные методы, которые нами использовались. При этом необходимость применения широкой методологической базы определяется, прежде всего, спецификой самого исследуемого объекта, а также перечнем целей научной публикации.

Среди *общенаучных методов изыскания* следует назвать, прежде всего, *диалектический метод*, который позволил представить феномен правового государства как сложное явление, рассмотреть его в процессе развития и тех специфических взаимосвязей, которые образуются в структуре «государство – общество – человек» в движении материализации теоретической модели правового государства. Обширное привлечение во всех частях публикации получил *метод исторического и историко-компаративного анализа*, который позволил адекватно изобразить не только генезис самой теории правового государства, но и отдельных теоретико-правовых концепций, непосредственно связанных с теми или иными проблемами практической реализации модели правового государства. Особо следует отметить и значимость *системного и функционально-структурного методов*, которые позволили не только определить логический порядок проведения научного исследования, но и продемонстрировать взаимную связь между различными подходами и способами концептуального осмысления как правового государства в целом, так и конкретных путей практической реализации теоретической модели. Па-

раллельно с этим нами был использован *сравнительно-правовой метод*, который позволил исследовать различные модели правового государства, а также опыт их реализации в конституционно-правовой практике. Среди *специально-научных методов исследования* следует назвать *методы нормативного и компаративно-конституционного анализа*, а также *формально-юридический метод*, которые позволили в контексте юридических категорий осмыслить современные проблемы практической реализации теоретической модели правового государства.

Использование широкого списка методов научного исследования и определение принципа комплексности методологической базы обеспечивает объективность и достоверность основных положений и выводов научной публикации. Вместе с тем, опираясь на принцип конкретности в применении тех или иных методов исследования при анализе отдельных проблем, являющихся предметом исследовательской работы, удалось избежать методологической бессистемности и обосновать полученные нами результаты.

1) Теоретико-методологическая база исследования концепций правового государства: историография проблемы.

Первой важной задачей, решаемой в этом разделе, стало четкое определение общей последовательности изложения материала. Так, освещая вопросы, связанные с историко-правовым анализом понятия правового государства, мы обращаемся не только к правовой науке XVII – XIX веков, но и к более ранним этапам становления правовой мысли (Платон, Аристотель, Цицерон, Марсилиус Падуанский, Фома Аквинский, Г. Гроций, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ш.Л. Монтескье). Действительно, не споря о том, что *учение о правовом государстве* было оформлено как теория только в конце XVII века, следует признать, что значительное количество положений, составивших концептуальную основу теории правового государства, разрабатывались раньше. Более того, даже в своем обосновании понятия правового государства мыслители (И. Кант, Р. фон Мольте, К.Т. Велькер, К. фон Роттек, Ф. фон Аретин) обращались к таким понятиям, как «*общественное благо*», «*естественное право*», «*разделение властей*». Это же видно из работ других исследователей. Так,

обосновывая идею «юридической конструкции государства», правовед К. фон Гербер отмечал, что такие *два комплекса представлений*, как: 1) господство права; 2) самоограничения государства правом, составляющих основу теории правового государства, были выдвинуты и обоснованы значительно раньше, чем появился сам термин «правовое государство». Об этом же писал другой классик правовой мысли Л. фон Штейн, считавший, что восприятие правового государства как государства, имеющего своей основной задачей охрану права, мира, согласия, порядка и благосостояния граждан, было присуще политико-правовому мнению XVII – XVIII веков.

Все методы исследования распределяются на: 1) общие; 2) специальные. К первой группе относятся *системный и компаративный методы*, которые позволили в русле каждого из подходов к анализу правового государства выделить общее ядро и продемонстрировать конкретные различия, которые наблюдаются в пределах тех или иных конкретных концепций правового государства. Что касается второй группы методов, то во второй и третьей части научной статьи доминирующим стал *историко-правовой метод*, в четвертом разделе – *метод нормативно-правового анализа*.

Специфическое место проблематики правового государства в современных историко-юридических исследованиях отразилось и на специфике источниковедческой базы. Понятно, что степень научной разработки избранной нами темы обусловлена местом проблемы правового государства в правовой теории. Учитывая теоретико-правовое измерение осмысления понятия правового государства, как это следует из сформулированной в названии научной статьи темы, мы больше обращались к работам, которые создавались правововедами. В этом плане необходимо отметить, что активизация процессов трансформации государства в начале 90-х годов прошлого века привлекла активное внимание специалистов к теме правового государства. Это было связано с *выходом* ряда специальных исследований, где освещались те или иные историко-правовые или отраслевые вопросы, связанные как с реализацией принципов правового государства, так и с появлением общетеоретических исследований, в которых понятие правового

государства освещалось относительно непосредственных реалий отечественной политической и правовой истории.

Параллельно с этим целесообразно назвать авторов юридической науки, которые тоже поставили тематику правового государства в центр своего научного внимания. В этом плане концептуально важные проблемы формирования правового государства исследовались в научных работах С.С. Алексеева, М.В. Баглая, В.Н. Карташова, В.М. Корельского, Б.М. Лазарева, Р.З. Лившица, О.В. Мартышина, В.С. Нерсисянца, В.Д. Перевалова, А.С. Пиголкина, Л.И. Спиридонова, Б.Н. Топорнина, В.А. Туманова, З.М. Черниловского, В.А. Четвернина, Б.С. Эбзеева. Среди западных авторов, работающих над вопросами теоретико-правового осмысления феномена правового государства, следует назвать такие имена, как А. Гроссер, Э. Форстхофф.

II) Источники формирования понятия правового государства в политико-правовой традиции.

Исследуя вопросы конституирования идеи правового государства в контексте соотношения государства, закона и всеобщего блага во взглядах античных мыслителей, целесообразно далее осветить разработку базовых составляющих классической концепции правового государства в политико-правовых теориях мыслителей Нового времени и эпохи Просвещения, а также процесс формирования классической теории правового государства.

Актуальность исследования историко-правового анализа формирования понятия «правовое государство» обусловлена необходимостью уточнения источников и начала его современного понимания. Указанное направление исследования в области науки теории государства и права, конституционного права является актуальным и важным ввиду того, что вследствие четкого понимания истоков различных теоретических моделей правового государства мы находим основания для их синтеза или, по крайней мере, для определения тех свойств, которые являются фундаментальными для правового государства и в своей совокупности образуют их необходимые условия. В то же время обращение к классическому пониманию правового государства, в частности к работам И. Канта, В. фон Гумбольдта, Р. фон Моля, позволяет более четко

осознать сущность изменений, которые произошли в парадигме ученых к определению содержания правового государства. Фактически еще в эпоху античности была обозначена одна из основных целей, которую должна решить политико-правовая теория. Такая общая цель – разработка и обоснование идеального государственного устройства и безупречной модели взаимодействия государства и общества, которая позволила бы осуществить идеалы справедливости и общего блага. Собственно в данном контексте в трудах древнегреческих и римских авторов штудировались дефиниции и конструировались идеи, которые позже будут взяты на вооружение при разработке концепции правового государства.

Одной из главных проблем, которые были затронуты античными мыслителями, решение которой пытались предложить в том числе и авторы классической теории правового государства, является проблема обеспечения соответствия законов общепризнанным и неизменным нормам справедливости, открываемым благодаря анализу умственной природы человека. При этом основным понятием, к которому обращались античные авторы, было понятие «всеобщего блага». Очерчивая связь между теорией общего блага и дальнейшим развитием представлений о правовом государстве, мы указываем на следующие важные импликации, которые в ней содержатся. *Во-первых*, именно исходя из идеи всеобщего блага, античным мыслителям удалось обосновать такие *два основополагающих принципа организации государственной власти*, которые сегодня составляют сердцевину представлений о правовом государстве, как: 1) верховенство закона; 2) соответствие законов праву. *Во-вторых*, понимание наличия разнонаправленных и часто противоречивых по отношению друг к другу интересов отдельных граждан заставило античных авторов искать общую основу для реализации указанных интересов. Такой общей основой, с формальной точки зрения, выступает *право*, благодаря которому в обществе устанавливается определенный правопорядок, становится возможным достижение правового компромисса, а отдельные индивиды получают возможность эффективно реализовывать свою естественную свободу. И, *в-третьих*, практическая реализация теории общего блага предполагает осуществ-

ление в отношениях между гражданами и государством таких требований, как: а) правовая основа деятельности государства и установление законов; б) единство правопорядка; в) правовая справедливость; г) правовое равенство членов полиса.

Специфическим свойством политико-правовой теории Нового времени и эпохи Просвещения является то, что она формулирует ряд фундаментальных идей, которые являются необходимыми составляющими, как классической, так и современной теории правового государства. К ним относятся: а) концепция народного суверенитета; б) идея неизменности и неотчуждаемости естественного права; в) принцип необходимого согласования норм законов с правом и справедливостью; г) принцип ограниченности государственной власти и его служебного характера в отношении прав граждан; д) принцип разделения государственной власти.

Впрочем, говоря о трансформации «классической теории» правового государства, мы имеем все основания считать И. Канта творцом классического учения о правовом государстве и его концептуального оформления, поскольку в своих работах он обосновал не только его основные признаки и принципы, но и продемонстрировал историко-правовую и общественно-политическую его основу. Очерчивая специфику правового государства, И. Кант указывал, что в нем закон может носить только общеобязательный характер, то есть требования закона касаются как отдельных граждан, так и самого государства. В рамках закона обязаны действовать граждане и органы государственной власти. Хотя, указывая на обязательность принципов верховенства права и законности для правового государства, И. Кант все же не связывал их эволюцию со становлением демократии, так как с его точки зрения, из понятия правового государства нельзя непосредственно вывести форму правления. Основным элементом правовой государственности он считал ее ориентированность на обеспечение свободы своих граждан. С этой точки зрения, правовое государство всегда имеет своей мишенью правовое гражданское общество. Следовательно, ее истинным долгом становится содействие благу отдельных субъектов и обеспечение их свободы. В своем видении правового государства И. Канту получилось серьезно сместить

акценты в учении о государстве, изменился характер толкования государства и его деятельности, последняя стала рассматриваться, прежде всего, как служение общественным интересам и общественному благу.

Наряду с рассмотренной И. Кантом проблематикой правового государства в контексте взаимодействия с гражданским обществом мы отмечаем еще два важных источника конституирования классической теории правового государства. *Во-первых*, это определение содержания правового государства через четкое установление границ государственной деятельности и сочетание прав граждан с правами государства, когда правовое государство рассматривается как антипод полицейского государства (В. фон Гумбольдт). *Во-вторых*, это установление юридического понятия правового государства через анализ системы прав, гарантируемых правовым государством, полномочиями, которые оно получает, и требований по содержанию и порядку применения законов, действующих в правовом государстве (Р. фон Мольте).

Уже в середине XIX века фактически выделились, по крайней мере, пять способов теоретического осмысления понятия *правового государства*. *Во-первых*, это тезис о правовом государстве как союзе, образованном для охраны индивидуальных прав граждан, в котором государственное право превращается в способ обеспечения частного права. *Во-вторых*, это толкование правового государства как согласующего права отдельных индивидов в процессе их совместного взаимодействия при максимально полном признании и обеспечении индивидуальных прав. *В-третьих*, это определение правового государства как государства, которое, имея целью общее благосостояние, может применять принуждение только тогда, когда этого требует юридическая необходимость. *В-четвертых*, понятием «правовое государство» часто определялся такой тип государства, которому свойственен отказ от религиозных основ утверждения государственной власти и ее выведение из самой человеческой природы. *В-пятых*, правовым признавалось государство, признающее ограниченность своей власти, которое отказывается от принципа абсолютного государственного произвола и гарантирует гражданам не только ряд естественных, но и публичных прав.

Важной причиной, которая обосновывает необходимость обращения к проблемам историко-правового анализа понятия правового государства, является то, что классическая теория правового государства с того момента, как она появляется в работах И. Канта, В. фон Гумбольдта, К. Велькера, Р. фон Моля, по сути, вынашивала синтетический характер и формировалась как попытка политико-правового мнения. Более того, даже сами только что упомянутые авторы, доказывая те или иные положения касательно правового государства, ссылались на теории и идеи как мыслителей эпохи Нового времени и Просвещения (идея народного суверенитета, естественного права, разделения властей, общественного соглашения), так и на античных авторов (идея всеобщего блага, верховенства законов, приведение законов к требованиям справедливости). Выделение историко-правового аспекта рефлексии формирования понятия правового государства позволяет нам изучить его содержание как итог развития всей культуры, процесса реализации извечного рвения к построению модели справедливой и совершенной страны, которая бы отвечала природе человека и позволила бы воплотить весь положительный потенциал. В этом смысле теория правового государства выступает как логический этап в становлении политико-правовой традиции, а само правовое государство – как цель политико-правового развития.

III) Генезис идеи правового государства в правовой науке XIX – начала XX века

Правовая наука Российской империи внесла весомый вклад в формирование теории правового государства. Причем это связано не только с разработкой базовых принципов и положений, которые были положены в базис теории классической правовой науки, но и с попыткой значительно расширить круг научных поисков, продемонстрировать перспективы и возможные направления адаптации классической модели правового государства. Таким образом, включение в круг анализа историко-правовой реконструкции понятия правового государства славянской теоретико-правовой традиции является вполне обоснованным шагом, позволяющим понять не только характер рецепции идеи правового государства в отечественной юридической науке,

но и осветить ряд фундаментальных аспектов доктрины.

Особое внимание в работах ученых-правоведов уделялось таким *двум основополагающим вопросам*, связанным с формированием правового государства, как: 1) взаимодействие государства и общества, а точнее – правового государства и гражданского общества; 2) соотношение права и закона в процессе развития правового государства. Первый из названных вопросов целесообразно исследовать на материале работ Б.Н. Чичерина и Б.А. Кистяковского. Такой выбор был сделан по двум причинам. *С одной стороны*, по сравнению с работами других исследователей (Н.А. Бердяев, В.М. Гессен, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк), непосредственно занимавшихся проблемами взаимодействия общества и государства, их наследие все еще остается *артефактом*. *С другой стороны*, авторов интересовали не столько философские или общественно-политические, сколько юридические аспекты проблемы взаимодействия государства и общества в рамках формирования на почве правовой мысли теории правового государства.

Обобщая результаты анализа проблемы соотношения государства и права и государства и общества в концепции правового государства Б.А. Кистяковского, констатируем, что он, открывая классический тезис о верховенстве права в процессе деятельности органов государственной власти в условиях правового государства, вместе с тем дополняет его целым рядом содержательных соображений относительно непосредственных механизмов взаимовлияния государства и права. При этом, освещая взаимосвязь между государством и правом, Б.А. Кистяковский предлагает вводить в эту систему еще и такой обязательный элемент, как общество. Это объясняется тем, что баланс между государством и правом в правовом государстве достигается благодаря активному отношению граждан к правам и интересам государства.

Рассматривая вопросы соотношения естественного и позитивного права, П.Д. Юркевич предлагает собственную модель их взаимодействия, характеризующую формирование правового государства. В таком государстве позитивное право основывается на предписаниях естественного права и согласуется с ним. Но в определенных случаях они могут

входить в противоречие, причиной которого является не злая воля государства, а недостаточный уровень развития общества, общественных отношений, правосознания отдельных граждан, что не позволяет отказаться от отдельных законов, которые, с позиции правовой теории, противоречат естественному праву. Описанные П.Д. Юркевичем взаимодействие и взаимосвязь естественного и позитивного права придают правовому государству значительно большую стабильность по сравнению со всеми другими типами государства, поскольку в нем закон опирается на *двойную силу*: 1) силу естественного права; 2) авторитет государственной власти.

Итак, обращение к традиции правовой мысли XIX – начала XX века позволяет утверждать, что понятие правового государства становилось предметом внимания многих ученых. При этом характер их исследований имел целью не просто донести до научного или более широкого сообщества основные положения, разработанные в исследованиях западных авторов, но и решать более сложные задачи. Их суть заключалась в попытке собственного концептуального и модернизационного осмысления базовых принципов правового государства, того, каким образом выработанные идеалы правовой государственности могли быть адаптированы к условиям Российской империи конца XIX – начала XX века. В то же время в их работах мы находим серьезный концептуальный анализ многих проблем, которые пытались решить правоведы. В этом смысле вклад отечественных исследователей неопределим по своей значимости в двух аспектах. *С одной стороны*, – это их общий вклад в теоретическое осмысление основ правовой государственности, того, что представляет собой этот тип организации государственной власти и на каких началах он может стать моделью для практической реализации; *с другой стороны*, – это опыт их собственных попыток предложить такой способ модернизационного элемента понимания правового государства, в котором эпоха развивалась, обогатилась теми глубокими ценностями, которые доминируют в политико-правовом сознании современности.

Выводы. Согласно *цели* и конкретным *задачам* научного исследования в ходе анализа сформулированы следующие *выводы*:

1. Обращение к достижениям историко-правового анализа понятия *правового*

государства позволяет определить ряд фундаментальных идей, концепций, положений, которые формировались в рамках политико-правовой мысли, в правосознании людей и постепенно закладывались в ценности, закрепленные в классической теории правового государства. Освещение названного аспекта анализа понятия правового государства позволяет избежать искаженного восприятия правового государства как искусственного продукта юридической или общественно-политической мысли. С этой точки зрения, развитие теории правового государства выступает как логический итог длительных интеллектуальных поисков, сопровождавших правовую мысль на протяжении многих веков. Этот способ анализа понятия правового государства позволяет органически соединить теорию права и историю правового мнения, представить разные модели правового государства, осветить причины, делающие проблематику правового государства одним из приоритетных предметов исследования как юридической науки в целом, так и отдельных юридических дисциплин.

2. Фактически еще в рамках античных, Нового времени и просветительских представлений о сущности государства и права нами был сформулирован ряд важных вопросов, решение которых оказало существенное влияние на формирование принципов верховенства права, законности, согласованности законов с идеей справедливости, ответственности государства перед своими гражданами. Таким образом, значимость анализа историко-правовой экспликации концепта правового государства заключается в том, что он дает возможность получить целостный взгляд на разнообразные традиции в эволюции политико-правовой мысли через призму такой универсальной проблемы, как осмысление принципов *правового государства*.

3. Специфическим вкладом мыслителей эпохи Нового времени в развитие теории правового государства стало обоснование фундаментальных идей, позже инкорпорированных как необходимые составные части как к классической, так и к современной теории правового государства. К этим идеям относятся: а) концепция народного суверенитета; б) идея неизменности и неотчуждаемости естественного права; в) принцип необходимого согласования норм законов с правом и

представлением о справедливости; з) принцип ограниченности государственной власти и ее служебного характера по правам граждан; д) принцип разделения государственной власти. Практически все эти идеи выступили основой для создания классической теории правового государства, как она была представлена в трудах И. Канта, В. фон Гумбольдта, И.Г. Фихте, Р. фон Моля.

4. Важным вкладом в развитие теории правового государства стало критическое осмысление различных моделей правового государства. В то же время была реализована важная попытка исследовать теорию правового государства в ее связи с рядом фундаментальных проблем науки государства и права (концептуальное соотношение государства и права; права и закона). Вследствие этого сама теория правового государства обогащалась новыми и интересными элементами (А.Д. Градовский, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Б.Н. Чичерин).

5. Важной проблемой в рамках теоретико-правового рассмотрения сути правового государства является нахождение лучшего баланса между материальными и формальными признаками правового государства, а также тем, какой из двух подходов будет господствовать в анализе содержания этого понятия. Акцент только на формальных аспектах в дефиниции правового государства заставляет признать правовым практически каждое государство, поскольку все формальные признаки выступают, по сути, не чем иным, как требованиями сохранения государственности как таковой. Поэтому необходимым шагом теоретико-правового анализа правового государства является сочетание основных *формальных* требований с *материальными*, под которыми подразумеваются базовые идеи, определяющие не только направления и способы деятельности государства, но и его общая конструкция. К таким материальным требованиям следует отнести, прежде всего, воплощение: а) принципов верховенства права; б) разделения властей; в) формального и фактического равенства перед законом; г) реальности прав человека и гражданина; д) обеспечения социальной справедливости.

6. Исследование специфики теоретико-правового анализа понятия правового государства, с точки зрения определения сущно-

сти явления общественного и государственного развития, позволяет выделить *два типа дефиниций*, которые используются в: I) современной юридической; II) политико-правовой науке. *Один* из них может быть описан как «государственный», а *другой* – как «правовой». С точки зрения *государственного подхода*, правовое государство выступает как суверенная политическая организация, объединяющая общество и осуществляющая управление на основе принципа верховенства права, обеспечивающая правопорядок, права и свободы граждан. *Подход* правового государства очерчивают его как правовую форму организации и реализации политической власти, обеспечивающую защиту прав и свобод человека и гражданина, верховенство права, взаимную ответственность государства и гражданина. Однако, даже учитывая подобную «*дуальность*», в дефинициях правового государства не следует делать вывод о том, что мы обречены осуществлять жесткий выбор между одним или другим подходом, поскольку «правовой» подход не отрицает необходимости существования «государственного». С этих позиций методологически продуктивнее является *синтез* этих двух подходов, в базисе которых может лежать система универсальных принципов и признаков правового государства.

Исходя из научно-теоретической и практической значимости темы, мы ставили целью исследовать способы теоретического анализа понятия правового государства, его специфику и взаимосвязь, что позволило составить целостное понимание названного феномена, осветить проблемы практической реализации теоретической модели *правового государства*.

Согласно поставленной *цели* в исследовании решены следующие *научные задачи*: а) определены основные теоретико-методологические подходы в анализе понятия правового государства, охарактеризована источниковедческая база научного исследования и представлена общая историография освещения проблемы построения теоретической модели правового государства; б) предоставлены характеристики историко-правового анализа формирования теории правового государства в политико-правовой традиции, уточнены базовые комплексы идей, связан-

ных с осмыслением феномена правового государства и основные категории, применяемые для концептуальной реконструкции его модели; в) исследован генезис идей правового государства в правовой науке XIX – начала XX века сквозь призму взаимодействия права и закона; г) проанализировано развитие концептуальной модели правового государства в правовой теории, освещены рекомендованные правовой теорией способы практического

обеспечения базовых принципов и признаков правового государства; д) раскрыта сущность проблематики теоретико-правового соотношения и синхронизации процессов становления правового государства и демократии; е) обобщены теоретико-правовой и практический опыт взаимодействия формального и материального подходов в анализе содержания понятия правового государства.

Список источников

1. Захарцев С.И., Кривоносова Д.В., Сальников В.П. Ментальность народа и правовое развитие государства // Теория государства и права. 2024. № 1(35). – С. 100-115.
2. Глушаченко С.Б., Билашенко Е.В., Зуев А.В. Исторические предпосылки возникновения и развития концепции правового государства // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. – С. 32-36.
3. Очередыко В.П. Правовое государство и судебная власть: рассуждения в контексте обновленной Конституции РФ // Российская юстиция. 2022. № 9. – С. 22-30.
4. Малько А.В. Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия // Правовая культура. 2025. № 1(60). – С. 5-13.
5. Гошуляк В.В. Российская Федерация – правовое демократическое государство // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2(53). – С. 46-52.
6. Фролова Е.А. Правовое государство как философско-теоретическая проблема и способ организации власти // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2(72). – С. 14-23.
7. Немыкина О.Е. Роль правового государства в сфере соблюдения механизма реализации и защиты прав человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. – С. 29-34.
8. Умарова А.А. Правосознание и правовая культура в условиях современной реальности // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 4(56). – С. 141-148.
9. Затонский В.А. Государственно-правовая система и государственно-правовая жизнь: соотношение и место в общей теории государства и права // Правовая культура. 2024. № 1(56). – С. 114-115.
10. Бирюков С.В., А.Э. Правовое и (или) социальное государство: монизм или плюрализм? // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 2. – С. 25-32.
11. Куцурубова-Шевченко Е.В. Формирование правосознания и правовой культуры граждан в новых условиях строительства правового государства // Вестник Института экономических исследований. 2022. № 2(26). – С. 120-130.
12. Лобач Д.В. Правовой закон как признак правового государства в фокусе плюралистического подхода // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1(229). – С. 12-15.
13. Самигуллин В.К. Правовое государство: отрицание отрицания // European and Asian Law Review. 2024. Т. 7, № S3. – С. 89-93.
14. Иванов А.М. Философско-правовые аспекты реализации идеи «правового государства» // Теология. Философия. Право. 2024. № 2(22). – С. 30-41.
15. Бутенко А.К. Формирование концепции правового государства в России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. – С. 337-338.
16. Молчанова Е.В. Правовое государство: векторы развития и совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 4-1. – С. 151-160.
17. Ярмач М.К. История формирования концепта правового государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2(157). – С. 134-143.
18. Тарасова Н.Л. К вопросу о социальном государстве в правовом измерении // Правовая культура. 2024. № 2(57). – С. 81-85.

References

1. Zakhartsev S.I., Krivonosova D.V., Salnikov V.P. Mentality of the people and legal development of the state//Theory of state and law. 2024. № 1 (35). – pp. 100-115.
2. Glushachenko S.B., Bilashenko E.V., Zuev A.V. Historical prerequisites for the emergence and development of the concept of the rule of law//Journal of Legal and Economic Research. 2024. № 1. – pp. 32-36.
3. Ocheredko V.P. The rule of law and the judiciary: reasoning in the context of the updated Constitution of the Russian Federation//Russian Justice. 2022. № 9. – pp. 22-30.
4. Malko A.V. Legal Co-creation of the State and Society and Legal Anomie//Legal Culture. 2025. №. 1 (60). – pp. 5-13.

5. Goshulyak V.V. The Russian Federation is a legal democratic state//Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 2 (53). – pp. 46-52.
6. Frolova E.A. The rule of law as a philosophical and theoretical problem and a way of organizing power//The rule of law: theory and practice. 2023. № 2 (72). – pp. 14-23.
7. Nemykina O.E. The role of the rule of law in the sphere of compliance with the mechanism for the implementation and protection of human rights//North Caucasian Legal Bulletin. 2022. № 4. – pp. 29-34.
8. Umarova A.A. Legal consciousness and legal culture in the context of modern reality//Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2024. № 4 (56). – pp. 141-148.
9. Zatonsky V.A. State-legal system and state-legal life: relationship and place in the general theory of state and law//Legal Culture. 2024. № 1 (56). – pp. 114-115.
10. Biryukov S.V., A.E. Legal and (or) social state: monism or pluralism?//Law enforcement. 2024. Vol. 8, № 2. – pp. 25-32.
11. Kutsurubova-Shevchenko E.V. Formation of legal consciousness and legal culture of citizens in the new conditions of building a legal state//Bulletin of the Institute of Economic Research. 2022. № 2 (26). – pp. 120-130.
12. Lobach D.V. Legal law as a feature of the legal state in the focus of a pluralistic approach//Law and state: theory and practice. 2024. № 1 (229). – pp. 12-15.
13. Samigullin V.K. Legal state: negation of negation//European and Asian Law Review. - 2024. Vol. 7, № S3. – pp. 89-93.
14. Ivanov A.M. Philosophical and legal aspects of the implementation of the idea of a «legal state»//Theology. Philosophy. Law. 2024. № 2 (22). – pp. 30-41.
15. Butenko A.K. Formation of the concept of the rule of law in Russia//Actual problems of combating crimes and other offenses. 2025. № 25. – pp. 337-338.
16. Molchanova E.V. Rule of law: vectors of development and improvement//Issues of Russian and international law. 2024. Vol. 14, № 4-1. P. 151-160.
17. Yarmak M.K. History of the formation of the concept of the rule of law//Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 2 (157). – pp. 134-143.
18. Tarasova N.L. On the issue of the social state in the legal dimension//Legal culture. 2024. № 2(57). – pp. 81-85.

Информация об авторах / Information about the Authors

Беженцев А.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права (УП) юридического факультета (ЮФ), Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентской академии), (РАНХиГС), г. Санкт-Петербург, e-mail: adovd@mail.ru

Bezhentsev A.A., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA), St. Petersburg

УДК 34.01

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-157-161

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гергоков З.Т.

Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Аннотация. В статье рассматривается история и современное состояние обычного права на Северном Кавказе, а также анализируется влияние исторических традиций и культурных аспектов на формирование норм и институтов обычного права в регионе. Анализируется проблема роли обычного права у народов Северного Кавказа с акцентом на взаимодействие обычного права с законодательством. Показано, как традиционные нормы продолжают сохранять свою актуальность в условиях современных социально-экономических изменений, не утрачивая при этом важнейший свой компонент – регулятивную роль. Рассматриваются примеры успешной интеграции обычного права в повседневную практику и правоприменение, а также указываются ошибки при использовании обычного права, повлекшие серьезные последствия, о чем свидетельствует история народов Северного Кавказа в период его освоения Российской империей. Обсуждаются проблемы и вызовы, стоящие перед обычным правом в условиях глобализации. В статье делается вывод о необходимости учета обычного права при разработке новых правовых механизмов на Северном Кавказе для дальнейшего изучения и признания роли обычного права в условиях многокультурного общества региона.

Ключевые слова: законодательство, обычное право, Россия, Российская империя, Северный Кавказ, релятивность обычного права, санкционированность обычного права государством.

Для цитирования: Гергоков З.Т. К вопросу изучения обычного права на Северном Кавказе: история и современность // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 157-161.

TOWARDS THE STUDY OF CUSTOMARY LAW IN THE NORTH CAUCASUS: HISTORY AND MODERNITY

Gergokov Z.T.

Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Abstract. The article examines the history and current state of customary law in the North Caucasus, as well as analyzes the influence of historical traditions and cultural aspects on the formation of norms and institutions of customary law in the region. The problem of the role of customary law among the peoples of the North Caucasus is considered with an emphasis on the interaction of customary law with legislation. It is shown how traditional norms continue to remain relevant in the context of modern socio-economic changes, without losing their most important component, the regulatory role. Examples of successful integration of customary law into everyday practice and law enforcement are considered, as well as errors in the use of customary law that have led to serious consequences, as evidenced by the history of the peoples of the North Caucasus during its development by the Russian Empire. The problems and challenges facing customary law in the context of globalization are discussed. The article concludes that it is necessary to take customary law into account when developing new legal mechanisms in the North Caucasus for further study and recognition of the role of customary law in the multicultural society of the region.

Keywords: legislation, customary law, Russia, the Russian Empire, the North Caucasus, the relativity of customary law, the sanctioning of customary law by the state.

For citation: Gergokov Z.T. Towards the study of customary law in the North Caucasus: history and modernity // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 157-161.

Введение. Обычное право представляет собой живую ткань правовой системы, истоки которого уходят в глубокую древность. В отличие от писанного права, основанного на формальных текстах законов, обычное право формировалось путем передачи из поколения в поколение, закрепляясь в общественном сознании в виде устойчивых норм поведения. Эти нормы, регулирующие самые

разные аспекты общественной жизни, существовали задолго до появления государства и представляли собой своего рода «кодекс поведения», обеспечивающий социальную стабильность и порядок в обществе. Важнейшим вопросом изучения обычного права является его санкционированность государством, которую необходимо понимать не просто как фор-

мальное признание, а сложный многоступенчатый процесс, проходивший по-разному в разных исторических периодах. История сохранила для нас немало случаев, когда государство весьма избирательно относилось к обычному праву, отбирая те из них, которые не противоречили его интересам, причем критериями отбора служили не всегда юридические мотивы, а, как правило, политические, идеологические и экономические соображения.

Некоторые обычаи растворялись в законодательстве без следа, поскольку государство принимало их и включало в нормативные акты. Другие обычаи, как правило касающиеся морали, религиозных обрядов, традиционных форм взаимоотношений, продолжали существовать вне системы писанного права, оставаясь в сфере обычного права, но при этом пользуясь негласным признанием государственной власти. Третья часть обычаев категорически не признавалась государством, поскольку противоречило проводимой политике. Идеальной нам представляется ситуация, когда обычаи находят свое отражение в законодательстве, поскольку, «...обычаи и традиции находят законодательное закрепление и приобретают правовое значение и охрану, продолжая регулировать вновь и вновь возникающие общественные отношения» [1, с.93].

Важно понимать, что обычное право не являлось статичной системой, оно постоянно адаптировалось к изменяющимся условиям. Отмечая это обстоятельство, Вертий М.Ю. отмечал: «Обычное право выступает не только как архаичный институт, пережиток социокультурной системы, но и как постоянный и эволюционирующий компонент правового развития любого народа и входящих в него различных этносоциальных групп на всех этапах истории. Без обычно-правовых отношений невозможно устойчивое и преемственное развитие человеческого общества» [2, с.3]. Все это делает вопрос изучения обычного права крайне интересным и, как нам представляется, весьма перспективным с точки зрения его регулятивной роли.

Обсуждение. Наиболее важную роль обычное право играет у народов Северного Кавказа, где можно проследить роль обычного права, его трансформацию, регулятивное зна-

чение. Этот регион выбран отнюдь неслучайно, поскольку «Северный Кавказ – уникальный регион по своей истории, самобытной культуре, полиэтничности и полирелигиозности, традициям, природно-климатическим условиям, географическому, стратегическому положению» [3, с.3]. В течение столетий жизнь данного региона с его многочисленными этносами регулировалась не только формальным правом, но и сложной, многоуровневой системой обычного права, основанного на глубоко укоренившихся традициях и обычаях. Эти обычаи не просто регулировали повседневные отношения внутри общества, но и выступали важнейшим фактором сохранения духовно-нравственных ценностей, обеспечивая преемственность поколений.

Сегодня в период становления гражданского общества и правового государства в России роль обычного права на Северном Кавказе приобретает особую актуальность и требует внимательного и взвешенного подхода. Традиционные институты народов Северного Кавказа – не просто архаичные пережитки прошлого, а ценный ресурс для формирования современной духовно-нравственной личности. Убеждены, что современная задача законодателей состоит не в полном отказе от традиций, от обычного права, а в их осознанной интеграции в рамках современного правового поля. Для этого потребуются диалог между представителями разных культур и правовых систем, развития правовой грамотности населения и создания механизмов учета традиционных норм в решении конкретных правовых ситуаций.

Взаимодействие обычного права и законодательства не ново для северокавказского региона, именно поэтому очень важен опыт изучения этого взаимодействия.

В XVIII – первой четверти XIX вв. можно наблюдать системную работу по сбору обычаев и традиций народов Северного Кавказа. Необходимо признать, что сбор обычаев и традиций народов Северного Кавказа в обозначенный период российскими офицерами стал значимым событием в области этнографии и правоведения. Российское самодержавие прекрасно понимало, что обычное право являлось достаточно эффективным инструментом, позволяющим упорядочить сосуществование различных этнических групп на территории данного региона. Прделанную

работу трудно переоценить, поскольку именно офицеры как элита общества провели титанический труд, который положил основу для серьезных наработок М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и др. Исследователи замечают: «В целом проект по сбору и систематизации адатов горцев Северного Кавказа стал одним из проявлений имперских практик формирования знаний о своих новых подданных. Его участники вышли за рамки кодификации норм обычного права. Важным итогом их интеллектуальной деятельности стало конструирование знания о традиционной культуре горских народов Кавказа с перспективой реконструкции их древней истории» [4, с.74].

Исследователи, занимавшиеся изучением обычного права народов Северного Кавказа, отразили многообразие культуры народов, показали, как традиции влияли на общественные отношения. Особое значение имели и мнения самих исследователей, которые вносили предложения по использованию собранного материала. Вместе с тем далеко не все материалы в ходе проводимой политики российского самодержавия находили свое применение. И здесь следует согласиться с мнением Шапсугова Д.Ю., который отмечал: «Однако последовавшее сразу после завершения этой работы завоевание Северного Кавказа резко снизило практическую потребность в их использовании. Во введенной системе военноподчиненного управления горскими народами Северного Кавказа, хотя и не исключалась полностью возможность применения норм традиционного регулирования отношений, но оно было крайне ограниченным и зависело от решений назначавшихся для руководства ими военных...» [5, с.31 – 32].

Как отмечает Сердюк. А.В., «трепетное отношение сохранялось исключительно в рамках, установленных законодателем. Важнейшим принципом использования обычаев в судопроизводстве было его признание и непротиворечивость российскому законодательству. Обычаи, которые «не вписывались» в проводимую политику, а вместе с этим и в российское правовое поле, не применялись и подлежали искоренению» [6, с.142].

Однако, как показывает история, умелое использование обычного права приносило необходимые плоды именно в сфере управления и судостроительства. К примеру, хорошо себя как механизм использования обычного

права показало использование временных изъятий. Государственный Совет со ссылкой на генерала Ермолова принял решение об утверждении особенных правил по производству суда и расправы над горцами и другими народами Закавказского края, при этом отмечая: «Как общие законы о преступлениях не могут быть в полной мере приложены ко всем вообще народам, обитающим в Закавказском крае, то для некоторых нравов, обычаев и степени образования, постановляется в статьях нижеследующих особый порядок суда и расправы в преступлениях и проступках» [7]. Данный подход свидетельствовал о признании обычного права как регулятора общественных отношений, признании его наряду с имперским законодательством. Именно поэтому, несмотря на проведенные реформы, обычное право оставалось актуальным и в значительной степени определяло правоприменительную практику в регионе.

Маремкулов А.Н. отмечал это взаимодействие, считая, что «изучение судебной системы Кавказа XIX века позволяет понять сложный процесс взаимодействия имперской политики и местных традиций, проиллюстрировать проблемы внедрения единой правовой системы в многонациональном и многокультурном регионе» [8, с.172].

Надо признать, что подобный подход наблюдался и при управлении гражданской частью. В соответствии с п. 62 Высочайше утверждённое учреждение для управления Кавказской Области. 6 февраля. 1826 года: «Законы и сии обычаи имеют сохранить всю силу свою, и приемлются в основании при разбирательствах и решении дел о их народцах, пока с переменою нравов и образа жизни их, самое управление ими не изменится» [9]. Нам кажется, в этом пункте было отражено полностью отношение к обычному праву. Видно, как самодержавная власть стремились к упорядочению судопроизводства с учетом местных практик, что по итогу позволяло обеспечить правовую определенность и снизить напряжение в отношениях между российскими властями и кавказскими народами.

Закрепление в актах правительства подобных положений свидетельствовало об осознании необходимости компромисса, поскольку восприятие законов местным населением во многом зависело от их соответствия обычаям и традициям. Легитимность власти

усиливалась, когда решения принимались с учетом местных реалий, и это, в свою очередь, создавало основу для долгосрочного сотрудничества и стабилизации в регионе.

К сожалению, приходится констатировать, что российское самодержавие не всегда следовало плавному внедрению российского законодательства. Очень часто именно военный способ освоения региона преобладал, что имело не очень хорошие последствия для обеих сторон. Распространение российского законодательства в подобных условиях было неэффективным, так как его применение на фоне проводимой политики вызывало большое недовольство среди местного населения. Попытки навязать единую систему правления, игнорируя местные особенности, приводили к усилению сопротивления, а приоритет военного подхода к освоению Северного Кавказа, хотя и привел к формальному подчинению региона Российской империи, оказался крайне неэффективным и деструктивным. Вместо плавного интегрирования Северного Кавказа в состав империи российское самодержавие получило территорию, пронизанную враждебностью и нестабильностью, что еще долго продолжало отражаться на политической и социальной жизни как самого региона, так и Российской империи в целом.

Данный исторический анализ применения обычного права имеет значение для использования регулятивной роли обычного права на современном этапе. В условиях глобализации и стремительного изменения социально-экономических реалий традиционные правовые системы сталкиваются с рядом вызовов, ключевым из которых по праву можно считать не только их применение, но и сохранение их как таковых.

Современные реалии на сегодняшний день таковы, что под угрозой стоит не только обычное право, но и формализованные источники. Современные технологии не оставляют места творчеству, погружая нас в систему изначально заложенных стереотипов.

Несмотря на подобную ситуацию, необходимо четкое понимание важности сохранения обычного права, регулятивный потенциал которого, на наш взгляд, далеко не исчерпан. Одним из способов сохранения обычного права может стать интеграция обычного права в действующее законодательство. Так, к примеру, одним из эффективных методов может быть использование существующих механизмов для учета этнокультурных особенностей при разработке новых законов и иных нормативных правовых актов.

В этом же ракурсе вполне возможно изучение возможности более активной роли местных институтов в обсуждении вопросов, касающихся обычного права, что позволит наладить конструктивный диалог между традиционными структурами и государственными органами. Современные исследователи должны обратить внимание на регулятивную роль обычного права, которая не исчерпала свой потенциал в первую очередь в вопросах урегулирования периодически возникающих конфликтов в северокавказском регионе. К сожалению, приходится констатировать, что этот потенциал не учитывается, что, в свою очередь, ведет к социальной напряженности. Важную роль в сохранении обычного права народов Северного Кавказа должны сыграть образовательные учреждения, которые должны помочь сохранить и показать подрастающему поколению всю ценность обычного права.

Заключение. Как видно, способы сохранения обычного права имеются, но необходимо четкое понимание и координация со стороны государственных органов власти для использования регулятивной роли обычного права. Можно согласиться с мнением исследователей, отмечающих, что «современное изучение и использование обычного права должно включать в себя, помимо иных, две тесно связанные между собой задачи: использование значения обычного права для правильного отражения, учета специфики того или иного субъекта Российской Федерации при проведении правовой реформы; реформирование российского законодательства с учетом обычного права должно преследовать цель повышения эффективности правовой системы субъекта Российской Федерации» [10, с.33].

Важно понимать, что обычное право не должно восприниматься как фиксированное и тем более архаичное, а должно рассматриваться как динамичное правовое явление, способное адаптироваться к изменениям и с учетом современных вызовов обеспечить дополнительные возможности реализации прав местного населения. Решение этой проблемы мы видим в координации усилий со стороны государства, научных кругов и самих жителей Северного Кавказа, что в итоге будет способствовать устойчивому развитию обычаев и традиций и может стать основой для построения гармоничного общества, где разные правовые системы сосуществуют и взаимодополняют друг друга.

Список источников

1. Карханина Л.В. Значение обычного права в системе источников древнерусского права // Вестник СЮИ. – С. 90-93. file:///C:/Users/User/Downloads/znachenie-obychnogo-prava-v-sisteme-istochnikov-drevnerusskogo-prava.pdf.
2. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры.: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2003. – 13 с.
3. Маремкулов А.Н. Политика Российского государства в Центральном Предкавказье во второй половине XVIII - первой четверти XIX вв.: диссертация к.и.н. – Нальчик. 1999. – 205с.
4. Колосовская Т.А. Роль участников проекта по сбору адатов кавказских горцев в конструировании имперского знания о Северном Кавказе (1840-е гг.) // научная мысль Кавказа. 2022. № 1. – С. 74.
5. Шапсугов Д.Ю. Проблема органичности государственно-правового развития в истории государства и права народов Кавказа // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной практической конференции. – Ростов-на-Дону. 2012. – С. 22-34.
6. Сердюк А.В. Судебная реформа 1864 г.: особенности реализации на Северном Кавказе: вторая половина XIX - начало XX вв.: диссертация ... кандидата юридических наук: – М. 2015. – 170с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) 1831. Т.6. № 4488.
8. Маремкулов А.Н. К вопросу судостройства и судопроизводства народов Кавказа в XIX веке (по материалам (актам) полного собрания законов Российской империи) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. №1. – С. 171-178.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).1830. Т.2. № 878.
10. Михайленко Н.М. Теория обычного права: современный аспект // Философия права. 2008. №2. – С. 28-34.

References

1. Karkhanina L.V. The importance of customary law in the system of sources of Old Russian law//Bulletin of the SSI. – pp. 90-93. file:///C:/Users/User/Downloads/znachenie-obychnogo-prava-v-sisteme-istochnikov-drevnerusskogo-prava.pdf.
2. Vertiy M.Yu. Customary law of the peoples of the North Caucasus as a phenomenon of culture.: abstract dis....cand. of sciences in Philosophy: 09.00.13/Rostov state un-ty. – Rostov-on-Don, 2003. – 13 p.
3. Maremkulov A.N. Politics of the Russian state in the Central Ciscaucasia in the second half of the XVIII - the first quarter of the XIX centuries: dissertate. cand. of sciences in History. – Nalchik. 1999. – 205p.
4. Kolosovskaya T.A. The role of the project participants in the collection of the Caucasian highlanders' adates in the construction of imperial knowledge about the North Caucasus (1840s)//Scientific thought of the Caucasus. 2022. № 1. – P. 74.
5. Shapsugov D.Yu. The problem of the organic nature of state-legal development in the history of state and law of the peoples of the Caucasus//State and law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development. Materials of the international practical conference. – Rostov-on-Don. 2012. – pp. 22-34.
6. Serdyuk A.V. Judicial reform of 1864: features of implementation in the North Caucasus: second half of the XIX - early XX centuries: dissertation... Candidate of sciences in Law: – M. 2015. – 170p.
7. Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI) 1831. V.6. № 4488.
8. Maremkulov A.N. On the issue of judicial system and legal proceedings of the peoples of the Caucasus in the XIX century (based on the materials (acts) of the complete collection of laws of the Russian Empire)//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. №1. – pp. 171-178.
9. Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI) .1830. V.2. № 878.
10. Mikhailenko N.M. Theory of customary law: modern aspect//Philosophy of law. 2008. №2. – pp. 28-34.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гергоков З.Т., аспирант кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, e-mail: zgergokov.20@mail.ru
Gergokov Z.T., Postgraduate student in training direction «Theory and History of State and Law», Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

УДК 343.914

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-162-168

НЕЙРАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ В ГЕНДЕРНОЙ СТАТИСТИКЕ ДЕВИАНТНОСТИ: СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**Горлач М.Ю.***Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел*

Аннотация. В статье сформулирована нейральная концепция гендерных различий статистики преступлений; описываются социобиологические детерминанты, влияющие на поведение, связанное с соблюдением или нарушением уголовно-правовых и иных запретов. Указано на большую изменчивость мужских особей, которая имеет наследственную природу, что влияет на число лиц, имеющих как отрицательные, так и положительные девиации. Подчеркивается, что в крайних случаях такие различия проявляются в большем количестве мужчин, совершивших преступления и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Правила поведения, устанавливаемые социальной средой, постоянно изменяются, а возможность или отсутствие адаптации к таковой детерминируется биологически частично. Социальная среда определяет, кто с большей вероятностью может стать правонарушителем, а кто будет соблюдать изменяющиеся правовые нормы.

Ключевые слова: уголовная ответственность мужчин и женщин; нейральная концепция гендерных различий показателей преступности; биологические различия, связанные со статистикой проявления девиантного поведения мужчин и женщин.

Для цитирования: Горлач М.Ю. Нейральные факторы количественных различий в гендерной статистике девиантности: социобиологический подход // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 162-168.

NEURAL FACTORS OF QUANTITATIVE DIFFERENCES IN GENDER DEVIANCE STATISTICS: A SOCIOBIOLOGICAL APPROACH**Gorlach M.Y.***Central Russian University of Management – the RANEPa's branch, Orel*

Abstract. The article formulates a neural concept of gender differences in crime rates and describes sociobiological determinants influencing behaviour related to compliance with or violation of criminal law and other forms of legal restrictions. It also examines the greater variability of male individuals, which is hereditary in nature and affects the number of people exhibiting both negative and positive deviations. In extreme cases, these differences are reflected in higher number of male offenders serving prison sentences. The behavioural norms established by the social environment are subject to constant change, and the capacity for adaptation or lack of it is partially determined by biological factors. The social environment delineates who is more likely to become an offender and who is likely to adhere to the evolving legal standards.

Keywords: criminal liability of men and women, neural concept of gender differences in crime rates, biological differences related to the statistics of the manifestation of deviant behaviour of men and women.

For citation: Gorlach M.Y. Neural factors of quantitative differences in gender deviance statistics: a sociobiological approach // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 162-168.

Введение. В настоящее время значимым вопросом, требующим научного осмысления, является вопрос о разных статистических показателях мужской и женской преступности в России и за рубежом. Хорошо известно, что число женщин в Российской Федерации превышает число мужчин, причем в зависимости от возраста этот показатель разнится. Однако лиц, совершающих преступления и отбывающих за них наказание, среди

мужчин все же больше. Обозначенная диспропорция требует научного объяснения с опорой на достижения как современной криминологии (использующей преимущественно социологические методы), так и биологии, а также медицинской науки.

В современной России и во времена позднего СССР дети и молодые люди разных полов ходили в одни детские сады, школы, учились вместе в техникумах и высших учеб-

ных заведений. Практика отдельного воспитания и обучения осталась в прошлом. За редчайшим исключением в современном мире формально не дифференцируются мужчины и женщины, работающие на заводах, фабриках, в сельском хозяйстве и тем более в офисах. Существующая достоверно установленная разница в уровне преступности не может быть объяснена только различными социальными требованиями к двум полам. «Давление среды» даже в необычных ситуациях не настолько сильное (интенсивное), чтобы проявлялся настолько большой разрыв в показателях статистики, который мы наблюдаем.

Крупный отечественный специалист в области криминологии Я.И. Гилинский приводит данные о соотношении женской и мужской преступности: женская преступность в 1990 году составила 12,9 %, в 1992-м – 12,4 %, в 1994-м – 12,6 %, в 1996-м – 12,7 %, в 1998-м – 13,9 %, а в 1999-м – 14,4 % [11, с. 53].

В другой, более поздней работе, этот же автор отмечает незначительные колебания доли женской преступности в России на протяжении длительного времени: «Более того, и в современной России, спустя столетие и при совершенно изменившихся социальных, политических, экономических условиях, сохраняются на том же уровне доля женской (11 – 13 % в 1991 – 1994 гг.) и подростковой (14 – 17 % за те же годы) преступности... В 2000-е годы доля женской преступности колеблется от 15 до 17 %» [12, с. 84].

Выводы, сделанные Я.И. Гилинским, подтверждаются и другими исследователями. В частности, в работе о женской преступности Е.В. Королева отмечает: «Главным отличием преступности по половому признаку является численность преступлений. За последние четыре года женская преступность составляет примерно 15 %, а мужская – 85 %» [17, с. 235].

За рубежом женщин, совершивших преступление, так же, как и в России, меньше, чем мужчин. В Англии и Уэльсе общее количество женщин-преступниц составляло в 1990 году 12,9 %, в 1992-м – 12,4 %, в 1994-м – 12,6 %, в 1996-м – 12,7 %, в 1998-м – 13,9 %, в 1999-м – 14,4 %. Как видим, это не более 15 % от общего показателя [5, р. 6, 7].

Преобладание мужчин среди лиц, осужденных за совершение запрещенных уголовным законодательством деяний, в ино-

странных государствах стало предметом исследований целого ряда ученых, которые в большей мере начали обращать внимание на формирование личности правонарушителя под воздействием конкретных социальных и средовых условий, а не на умозрительные объяснительные концепции, существовавшие ранее [2, р. 129 – 159; 3, р. 3 – 30].

Отметим, что мужчины преобладают среди выдающихся ученых не по всем, а только по определенным специальностям: статистические данные свидетельствуют о количественном преобладании мужчин – докторов наук в технических, физико-математических, юридических, политических, экономических, химических и медицинских науках. В то же время ни по одной из названных специальностей не было нулевых показателей среди женщин, что свидетельствует о наличии возможности реализации и для их таланта. Женщины же добились большого успеха в архитектуре, философии, искусствоведении, педагогике. Мужчины также значились по этим направлениям [6, с. 21]. Следовательно, социальная среда давала возможность самореализации в этой сфере и мужчинам.

Методика. Для исследования данной проблемы в работе применялся юридико-социологический подход (метод). Следует отметить, что в гуманитарных науках можно обращаться к методам естественных наук, в частности использовались морфофункциональный и функционально-морфологический методы. В исследовании применялся социобиологический подход, созданный лауреатом Пулитцеровской премии Эдвардом Уилсоном и отображенный в работе «Sociobiology: The New Synthesis» в 1975 году.

Основная часть. Наличие обобщенных данных о меньшей численности мужчин в Российской Федерации, сочетающееся с преобладанием их среди преступников и одновременно ученых, с учетом небольших проявлений обратных случаев, которые только подтверждают правило, показывает нам проблему отрицательных и положительных девиаций в новом свете.

Биологи в ходе исследований установили, что изменяющаяся окружающая среда позволяет с большей эффективностью адаптироваться одним особям, чем другим. В случае отсутствия изменений при размножении, ко-

торое возможно даже у некоторых позвоночных при партеногенезе, быстро адаптироваться к новым условиям внешней среды существующему виду невозможно. При половом размножении вариативность различных признаков увеличивается; некоторые из них будут нести пользу особи, а другие – вредить. Вероятность выживания выше у особей с полезными признаками, которые в биологии называются «hopeful monsters». В популяциях млекопитающих, за редчайшим исключением, количество появляющихся самцов и самок сопоставимо.

Не вдаваясь в особенности полового диморфизма разных видов животных, если он у них есть, следует отметить, что ценность жизни самок выше, так как от их числа зависит устойчивость популяции. По этому поводу В.А. Геодакян пишет: «Отношения самцов со средой “бескомпромиссны” – неподходящие генотипы гибнут, подходящие – получают возможность оставить потомство. Они охотно вступают в контакт с различными факторами среды, проявляют более рискованное, “исследовательское” поведение. Модифицирующее влияние среды на них меньше...” [10, с. 56]. Основные положения теории, объясняющей различия в поведении полов, основанной на больших выборках особей, были представлены в работе В.А. Геодакяна, касающейся эволюционной теории пола. В ней автор отмечает большую пластичность (адаптивность) в онтогенезе женских особей, которую в науках о человеке принято называть конформностью, воспитуемостью или обучаемостью. Для мужских особей более характерным является иной тип поведения, обусловленный узкой нормой реакции, который ориентирован на выход из ситуации, создающей угрозу, поиск нового решения проблемы. В.А. Геодакян прямо указывает, что в социальной среде гендерные различия ведут к тому, что мужские особи в большей мере подвержены «порокам», включая курение, алкоголизм, наркоманию, лудоманию, они чаще совершают преступления. Стоит оговориться, что эта информация касается не единичной особи, наделенной всеми пороками сразу или, наоборот, достоинствами, а проявляется только в больших выборках, причем конкретная особь может обладать «обратным» набором поведенческих признаков, характерных для проти-

воположного гендера. Автор отмечает, что диморфизм того или иного признака свидетельствует о том, что он (признак) достаточно быстро изменяется. Несмотря на преобладание в целом числа преступлений, совершаемых мужчинами (за редчайшими исключениями, которые только подтверждают правило), количество мужчин с необычными творческими способностями в самых разных областях деятельности статистически достоверно больше, чем женщин [9, с. 60 – 69].

Обобщая выводы В.А. Геодакяна, следует заключить, что в социальных науках, в том числе юридических, отклонения от социальной нормы в исследуемых направлениях обычно называют негативными (отрицательными) и позитивными (положительными) девиациями. Природа количественных различий в проявлении девиантного, в том числе преступного – как самого негативного – поведения, заключается, помимо социальных средовых факторов, в биологических детерминантах, связанных с большим разнообразием мужских особей.

Следует отметить, что данные, свидетельствующие о большей приспособляемости женских особей к среде и повышенной вариативности наследуемых признаков у мужских, подтверждены на животных в строго контролируемых экспериментальных условиях. Такая хорошо апробированная и подтвержденная различными способами информация включается биологами даже в учебную литературу.

Например, Д.А. Жуков, рассказывая о результатах своих экспериментов, отмечает: «Результаты тестирования поведения крыс генетически чистых линий двух разных поведенческих типов – А и Б. У мужских особей по сравнению с женскими выше генетическая изменчивость и ниже – средовая... Самцы рождаются разнообразными: различие между двумя линиями, селекция которых проводилась на протяжении более 50 поколений, значительно больше между самцами, чем между самками. Среднее количество избеганий у самцов типа А больше, чем у самцов типа Б, на 90. Разница между самками двух линий составляет только 60. Однако самки больше подвержены средовым влияниям. Это видно из того, что диапазон, в котором изменяется из-

меряемая характеристика поведения, значительно больше у самок обеих линий, чем у самцов» [13, с. 391].

Еще одной областью проявления различий, связанных с изменчивостью и пластичностью полов, будут заболевания, влияющие на поведение особей. Уже в 80-е годы прошлого века была предсказана различная встречаемость заболеваний, обусловленных полом, в значительной степени подтвержденная впоследствии. Меньшая асимметрия мозга женских особей, большие в выборках размеры передней комиссуры, невысокие показатели объема мозолистого тела и одновременно большая асимметрия мозга у мужских особей, меньшие размеры передней комиссуры, объемное мозолистое тело предопределяют повышенную вероятность заболевания мужских особей. Биологи предполагают, что такие отличия влияют на большую встречаемость у мужских особей одних психических заболеваний, а у женских – других [8]. Например, Н.Б. Захаров, М.В. Злоказова, Н.В. Семакина, ссылаясь на исследование коллег, отмечают: «Исследование психических расстройств, ассоциированных с дефицитом внимания и гиперактивностью, выявило значительно большую встречаемость тревоги, депрессии, биполярных и личностных расстройств у женщин по сравнению с мужчинами, за исключением шизофрении и употребления психоактивных веществ (ПАВ), которые чаще встречались у мужчин» [14, с. 78].

Применяя морфолого-функциональный подход для анализа конкретных действий людей, следует остановиться на отдельных 10-м, 45-м, 46-м, 47-м цитоархитектонических полях неокортекса головного мозга человека, которые участвуют в выработке поведения в социальной среде. Начнем с 10-го цитоархитектонического поля. Е.П. Кононова в процессе его исследования показала, что у человека оно составляет $4\ 954\ \text{мм}^2$, что говорит о его важности [16, с. 109 – 111]. Поражение 10-го поля совместно с 9-м, 11-м и 46-м ведет к динамической моторной афазии и снижению инициативы. Разговорная речь беднеет, что связано со снижением психической активности [18, с. 354]. Если происходит поражение многих полей лобной области, то зачастую проявляются аффективные нарушения, выражающиеся в эйфорическом растормаживании

и снижении интеллектуального уровня [15, с. 164].

Значительные отличия от других видов у человека наблюдаются в 10-м, 45-м, 46-м, 47-м полях неокортекса [19, с. 248 – 287]. Их деятельность связана с коммуникацией человека в обществе. В случае поражения 44-го и 45-го полей происходит эфферентная моторная афазия, затрудняются переключения с одной речевой единицы на другую, речь становится медленной, количество слов уменьшается [18, с. 353]. Также может наблюдаться потеря способности произносить слова при травмах 44-го поля. Если страдает 45-е, то может возникнуть вокальная амбузия и аграмматизм, что исключает возможность составления осмысленных предложений [7, с. 326, 327]. Разница размеров 44-го цитоархитектонического поля в мозге людей может составлять 2,96 раза, а 45-го – уже 2,47 раза [20, с. 71]. С.В. Савельев полагает, что 46-е поле связано с торможением рефлекса автоматического хватания, а его травма ведет к навязчивому схватыванию вещей [19, с. 286, 287].

Обширное сравнительное исследование мозга мужчины и женщины провели И.Н. Боголепова и Л.И. Малофеева, отметившие, что очень изменчивое 47-е цитоархитектоническое поле осуществляет социальную регуляцию эмоциональных процессов [6, с. 54]; оно связано с прогностической деятельностью в обществе, причем у одних людей отдельное подполе 47^х присутствует, а у других его нет [20, с. 72].

Восприятие правил поведения, закрепленных в нормативных правовых актах, связано с распознаванием письменной речи. У европеоидов, которые не используют для передачи информации иероглифы, при поражении 39-го цитоархитектонического поля появляется алексия, поскольку это поле связано с ядром зрительного анализатора письменной речи, которое располагается в угловой извилине [7, с. 327]. Письмо у современного человека специалисты связывают с 40-м цитоархитектоническим полем. Его поражение приводит к аграфии, т.е. потере возможности писать рукой [7, с. 326]. Стоит отметить, что цитоархитектонические поля не функционируют сами по себе, они связаны длинными цепочками с другими слоистыми и ядерными структурами, а заканчиваются сенсорными или моторными областями [21, с. 26 – 42, 112 – 115].

Оба поля, 39 и 40, имеют не только количественные, но и качественные различия: в одних случаях у людей определенные подполя присутствуют, а в других их нет [20, с. 80].

Авторы сравнительного монографического исследования мозга мужчины и женщины И.Н. Боголепова и Л.И. Малофеева приводят разницу в строении полей и подполей головного мозга мужчин и женщин. Наиболее существенные отличия были обнаружены в третьем слое 44-го поля, в третьем слое 45-го поля, во втором, третьем, четвертом, пятом слоях 39-го поля, в третьем и пятом слоях 40-го поля и в других областях [6, с. 139, 150, 166, 167, 174].

Необходимо отметить, что горизонтальная изменчивость слоистых структур неокортекса сочетается с вертикальной дифференциацией клеток, сгруппированных в колонки, обеспечивающих нормальное функционирование рецептивных полей. Их изменчивость у разных людей пока не ясна, кроме того, сосудистая система в течение жизни может развиваться, а значит, могут меняться и метаболические возможности функционирования клеток. Деятельность нейронов, обеспечивающих нормальное функционирование рецептивных полей, которые имеют тонотопическое представительство, не является полностью стабильным. В течение жизни оно развивается за счет ангиогенеза, синаптогенеза, гибели клеток и других процессов. Группировка клеток одного столбца в различных слоях неокортекса может существенно отличаться. Особый интерес представляет концепция, которую выдвинул Vernon Benjamin Mountcastle, установивший, что у рядом расположенных колонок нет перекрывающихся рецептивных полей, каждая обрабатывает свои сигналы [4, р. 408 – 434]. Следовательно, число колонок зависит от ширины функционального поля неокортекса, а их разная внутренняя организация увеличивает вариативность обработки информации и принятия решения. Например, в 40-м поле упорядоченность нейронов в колонках у мужчин выше, чем у женщин [6, с. 179].

Теория предсказывающего (прогнозирующего, интеллектуального) кодирования (Predictive coding) обращает внимание на прямые и обратные связи нейронов, объединенных в колонки, которые позволяют за счет

нейронов, находящихся в разных слоях, делать прогнозы и обнаруживать совершенные ошибки [1, с. 695 – 711].

В реальности поведение зависит еще и от гормонов. Получая первоначальный сигнал и обрабатывая его за счет нейронов, организм выделяет гормоны, два каскада которых обеспечивают, модулируют или индуцируют определенное состояние, генерализованно подчиняющее поведение особи определенной задаче.

На основе тщательного исследования мозга мужчин и женщин И.Н. Боголепова и Л.И. Малофеева сделали вывод: «...гендерные различия мозга человека представляют собой сложную многокомпонентную систему, включающую в себя особенности макроскопического, цитоархитектонического и глиоархитектонического строения мозга мужчин и женщин» [6, с. 264].

Понятно, что биологические факторы, которые влияют на преступность, не могут оцениваться с социальных позиций, т.к. правовые, моральные, религиозные, политические и корпоративные нормы, обычаи «подвижные», их действие намного короче существования человеческого вида как такового и млекопитающих в целом. Разные социально-экономические формации предъявляют различные требования к правомерному и противоправному поведению; также и критерии отнесения последнего к той или иной категории отличаются. Например, в античности рабовладение было нормой, а сейчас оно запрещено во всем мире. За нарушение этого запрета во всех цивилизованных государствах установлена уголовная ответственность. Понятно, что требования, предъявляемые социальной средой, постоянно изменяются, а возможность или отсутствие адаптации к таковой частично детерминируется биологически и передается по наследству. Среда определяет, кто с большей вероятностью может стать преступником, а кто будет выполнять постоянно меняющиеся требования. Не человек рождается преступником, а общество в разных социально-экономических формациях по-разному оценивает поведение человека, частично обусловленное наследственностью формирования центральной нервной системы, прежде всего головного мозга, как соответствующее актуальным социальным нормам или противоречащее им.

Заключение. Верный учет биологических факторов будет способствовать грамотному выстраиванию профилактической работы с населением, снижая негативное воздействие преступной среды за счет физиологических детерминант, препятствующих нарушению социальных норм, в том числе и уголовно-правовых запретов. Это обширная тема, которая требует отдельного и вдумчивого анализа. Социальная среда играет важнейшую роль в формировании личности преступника или другого девианта, однако, кроме средовых факторов, действуют еще и биологические, которые объясняют достоверно установленную статистическую разницу в числе преступлений, совершаемых мужчинами и женщинами, в случаях почти одинаковых требований к их поведению, предъявляемых обществом.

Выводы, ожидаемый эффект. Биологические факторы связаны с деятельностью различных структур центральной нервной системы, прежде всего головного мозга. Они частично, в совокупности со средовыми, в нашем случае – социальными факторами – объясняют разницу показателей мужской и женской преступности во всем мире. В настоящее время установление процентного отношения биологических и социальных факторов, влияющих на девиантное поведение, не представляется возможным в силу отсутствия адекватных предмету методов исследования. Нейтральная концепция гендерных различий позволяет прогнозировать в больших выборках направленность как отрицательных, так и положительных девиаций.

Список источников

1. Bastos, Andre M.; Usrey, W. Martin; Adams, Rick A.; Mangun, George R.; Fries, Pascal; Friston, Karl J. Canonical Microcircuits for Predictive Coding // *Neuron*. № 4 (76), 2012. – P. 695-711.
2. Bertrand M. The Myth of Sexual Equality Before the Law // *Proceeding of the Fifth Research Conference on Delinquency and Criminality*, – Montreal, 1967, – P. 129-159.
3. Klein D. The etiology of female crime: a review of the literature // *Issues in Criminology*. Vol. 8. № 2, 1973. – P. 3-30.
4. Mountcastle, Vernon. Modality and topographic properties of single neurons of cat's somatic sensory cortex // *Journal of Neurophysiology*. № 4 (20), 1957. – P. 408-434.
5. Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, – London, 2000.
6. Боголепова И.Н., Малофеева Л.И. Мозг мужчины, мозг женщины: Монография. – М.: ФГБНУ «НЦН» РАМН, 2014.
7. Борзяк Э.И., Бочаров В.Я., Сапин М.Р., Сатюкова Г.С., Селин Ю.М., Спиринов Б.А. Анатомия человека. В 2-х томах. Т. 2 / Под ред. М.Р. Сапина. – 4-е изд., стереотипное. – М.: Медицина, 1997.
8. Геодакян В.А. Эволюционная логика дифференциации полов в филогенезе и онтогенезе: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – М., 1987.
9. Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // *Природа*. – № 8, 1991. – С. 60-69.
10. Геодакян С.В. Человек Асимметричный? Эволюционная теория асимметрии В.А. Геодакяна: Монография. – М., 2023.
11. Гилинский Я.И. Криминология: Курс лекций. – СПб., 2002.
12. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное: Монография. – СПб., 2014.
13. Жуков Д.А. Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы: Учебник. – СПб., 2004.
14. Захаров Н.Б., Злоказова М.В., Семакина Н.В. Гендерный фактор и психические расстройства // *Вятский медицинский вестник*. № 3, 2022. – С. 78.
15. Карцовник И.И. Лобный синдром и его клинические варианты при проникающих ранениях головного мозга: (По материалам глубокого тыла). – Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1949.
16. Кононова Е.П. Лобная область большого мозга: Монография. – Л.: Медгиз, 1962.
17. Королева Е.В. Преступность с женским лицом // *Преступность и социальный контроль в обществе Постмодерна: Сборник материалов XXVIII международной Балтийской криминологической конференции*. В 2 ч. Ч. 1/ Под ред. проф. В.Ю. Сморгуневой, проф. Я.И. Гилинского, проф. Н.А. Исаева. – Санкт-Петербург, 2015.
18. Никифоров А.С., Коновалов А.Н., Гусев Е.И. Клиническая неврология: Учебник. В трех томах. Т. I. М.: Медицина, 2002.
19. Савельев С.В. Возникновение мозга человека: Монография. – М., 2010.
20. Савельев С.В. Изменчивость и гениальность: Монография. – М., 2012.
21. Синельников Р.Д., Синельников Я.Р. Атлас анатомии человека: Учебное пособие в 4 томах. Том 4. – 2-е изд., стереотипное. – М., 1996.

References

1. Bastos, Andre M.; Usrey, W. Martin; Adams, Rick A.; Mangun, George R.; Fries, Pascal; Friston, Karl J. Canonical Microcircuits for Predictive Coding// Neuron. № 4 (76), 2012. – P. 695-711.
2. Bertrand M. The Myth of Sexual Equality Before the Law // Proceeding of the Fifth Research Conference on Delinquency and Criminality, – Montreal, 1967, –P. 129-159.
3. Klein D. The etiology of female crime: a review of the literature // Issues in Criminology. Vol. 8. № 2, 1973. – P. 3–30.
4. Mountcastle, Vernon. Modality and topographic properties of single neurons of cat's somatic sensory cortex // Journal of Neurophysiology. – № 4 (20), 1957. – P. 408-434.
5. Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, – London, 2000.
6. Bogolepova I.N., Malofeeva L.I. The brain of a man, the brain of a woman: Monograph. – M.: FSBSI "NCN" RAMS, 2014.
7. Borzyak E.I., Bocharov V.Ya., Sapin MR, Satyukova GS, Selin JM, Spirin B.A. Human anatomy. In 2 volumes. V. 2/Ed. M.R. Sapina. - 4th ed., Stereotypical. – M.: Medicine, 1997.
8. Geodakyan V.A. Evolutionary logic of sex differentiation in phylogenesis and ontogenesis: Autoref. dis.... Dr. sciences in Biology. – M., 1987.
9. Geodakyan V.A. Evolutionary theory of sex//Nature. – № 8, 1991. – pp. 60-69.
10. Geodakyan S.V. Asymmetric man? Evolutionary theory of asymmetry V.A. Geodakyan: Monograph. - M., 2023.
11. Gilinsky Y.I. Criminology: Course of lectures. - St. Petersburg, 2002.
12. Gilinsky Y.I. Criminology: theory, history, empirical base, social control. 3rd edition, revised and supplemented: Monograph. – St. Petersburg, 2014.
13. Zhukov D.A. Biological basis of behavior. Humoral mechanisms: Textbook. - St. Petersburg, 2004.
14. Zakharov N.B., Zlokazova M.V., Semakina N.V. Gender factor and mental disorders//Vyatka medical bulletin. – № 3, 2022. – P. 78.
15. Kartsovnik I.I. Frontal syndrome and its clinical variants in penetrating brain wounds: (Based on materials from the deep rear). - Novosibirsk: Novosib. reg. state publishing house, 1949.
16. Kononova E.P. Frontal area of the large brain: Monograph. – L.: Medgiz, 1962.
17. Queen E.V. Crime with a female face//Crime and social control in Postmodern society: Collection of materials of the XXVIII International Baltic Criminological Conference. At 2 h. Part 1/Ed. Prof. V.Yu. Smorgunova, prof. Y.I. Gilinsky, prof. N.A. Isaeva. – St. Petersburg, 2015.
18. Nikiforov A.S., Konovalov A.N., Gusev E.I. Clinical neurology: Textbook. In three volumes. V. I. – M.: Medicine, 2002.
19. Savelyev S.V. The emergence of the human brain: Monograph. – M., 2010.
20. Savelyev S.V. Variability and genius: Monograph. – M., 2012.
21. Sinelnikov R.D., Sinelnikov Y.R. Atlas of human anatomy: A textbook in 4 volumes. Volume 4. 2nd ed., Stereotypical. – M., 1996.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горлач М.Ю., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и общеправовых дисциплин Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, e-mail: mihail-gorlatsch@yandex.ru
Gorlach M.Y., Candidate of Sciences in Law, Associate Professor of the Department of Civil and General Law of the Central Russian University of Management – the RANEPA's branch, Orel

УДК 340.5 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-169-180

ЮРИДИКО-БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ ШЕЙХА СУГАИПА-МУЛЛЫ ГОЙСУМОВА: НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И РЕЛИГИОЗНАЯ-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Идрисов Х.В.¹, Ибрагимов Р.А.²

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

²ДОУ ВПО «Курчалоевский исламский институт имени Ахмат-Хаджи Кадырова, г. Грозный

Аннотация. Ислам как одна из мировых религий, приверженцами которой, по разным данным, выступают более 2 млрд человек, играл и продолжает играть важнейшую роль в формировании социокультурных ценностей многих народов, а изучение деятельности исламских ученых, таких как шейх Сугаип-мулла Гойсумов, позволяет лучше понять исторические и современные процессы в мусульманском мире, в умме прошлого и сегодняшнего дня.

В предлагаемой статье рассматривается богатое юридико-богословское наследие шейха Сугаипа-муллы Гойсумова (1837¹ – 1932), выдающегося исламского ученого и правоведа чеченского происхождения, чья деятельность оказала значительное влияние на развитие исламской мысли и религиозной практики в исторической Чечне.

В статье анализируются основные этапы жизни и деятельности Сугаипа-муллы Гойсумова, включая его происхождение, образование и становление как авторитетного религиозного деятеля. В качестве источников исследования используются архивные материалы, рукописи, опубликованные труды шейха, а также свидетельства современников и исторические документы. Отдельное внимание уделяется его религиозно-правовой деятельности, направленной на укрепление исламских принципов и ценностей, разрешение спорных вопросов в соответствии с Шариатом.

Особое место в работе занимает анализ научных трудов Сугаипа-муллы Гойсумова, среди которых особо выделяются «Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи» (О правилах закята и исправлении этого процесса среди жителей Чечни) и «Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-'укъаби» (освобождение мусульманина от фанатичного следования одному мазхабу в отдельных религиозных вопросах²).

В исследовании предпринята попытка продемонстрировать комплексную картину юридико-богословского наследия шейха Сугаипа-муллы Гойсумова, выявить его вклад в развитие исламской юриспруденции и теологии, а также оценить значение его деятельности для современного мусульманского сообщества, частью которого являются и вайнахские общества (чеченцы и ингуши).

Ключевые слова: Священный Коран, Ислам, Шариат, Сугаип-мулла, шейх, закят, фетва, фетвотворчество.

Для цитирования: Идрисов Х.В., Ибрагимов Р.А. Юридико-богословское наследие Шейха Сугаипа-муллы Гойсумова: научные труды и религиозная-правовая деятельность // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 169-180.

THE LEGAL AND THEOLOGICAL LEGACY OF SHEIKH SUGAIP-MULLAH GOYSUMOV: SCIENTIFIC WORKS AND RELIGIOUS AND LEGAL ACTIVITIES

Idrisov H.V.¹, Ibragimov R.A.²

²Kadyrov Chechen State University, Grozny

¹Kurchaloy Islamic Institute named after Akhmat-Hadji Kadyrov, Grozny

Abstract. Islam, as one of the world religions, whose adherents, according to various sources, are more than 2 billion people, has played and continues to play an important role in shaping the socio-cultural values of many peoples, and studying the activities of Islamic scholars such as Sheikh Sugaip-mullah Goysumov, allows us to better understand the historical and modern processes in the Muslim world, in the Ummah of the past and today.

The proposed article examines the rich legal and theological legacy of Sheikh Sugaip-mullah Goysumov (1837-1932), an outstanding Islamic scholar and jurist of Chechen origin, whose work had a significant impact on the development of Islamic thought and religious practice in historical Chechnya.

¹ Прим.: относительно даты рождения шейха Сугаипа-муллы существуют разногласия. Есть данные, что он родился в 1822 году (см.: Киндаров А.Г. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов. Биографический очерк. изд. второе, доп. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2017. – 336 с.), в 1827 или в 1818 году (см.: Акаев В.Х., Солтамурадов М.Д. Сугаип-мулла Белгатовский: жизнь, деятельность и религиозно-философские воззрения // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2011. – № 2 (15). – С. 148-155.).

² Прим.: приводится авторский смысловой перевод наименования книги, буквальный перевод которого выглядит следующим образом: «Освобождение шей от когтей орла».

The article analyzes the main stages of Sugaip-mullah Goysumov's life and work, including his origin, education and formation as an authoritative religious figure. Archival materials, manuscripts, published works of the sheikh, as well as contemporary testimonies and historical documents are used as sources of research. Special attention is paid to his religious and legal activities aimed at strengthening Islamic principles and values, resolving controversial issues in accordance with Sharia Law.

A special place in the work is occupied by the analysis of the scientific works of Sugaip-mullah Goysumov, including "Hidayat ar-Raji ila ma'rifati hukmi zakati an-Nahachi" (On the rules of Zakat and the correction of this process among the inhabitants of Chechnya) and "Fakku ar-Riqabi min kaffi al-'iqabi" (Liberation of people from fanatical adherence to one certain schools of Islam).

The study attempts to demonstrate a comprehensive picture of Sheikh Sugaip-mullah Goysumov's legal and theological legacy, identify his contribution to the development of Islamic jurisprudence and theology, and assess the significance of his work for the modern Muslim community, of which the Vainakh societies (Chechens and Ingush) are part.

Keywords: Holy Quran, Islam, Sharia, Sugaip-mullah, sheikh, zakat, fatwa, fatwa-making.

For citation: Idrisov H.V., Ibragimov R.A. The legal and theological legacy of sheikh Sugaip-mullah Goysumov: scientific works and religious and legal activities // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 169-180.

Введение. Всевышний Аллах оберегает Священную Книгу, которую Он открыл самому любимому и почетному из Своих творений, нашему господину – пророку Мухаммаду (да благословит его Аллах и приветствует). Всевышний Аллах сказал в Священном Писании (смысл): «Поистине, Мы ниспослали [Куръан как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]» (сура «ал-Хиджр», аят 9) [3].

Поэтому Всевышний Аллах выделил плеяду ученых (да помилует их Аллах) и наделил их способностью разъяснять цели Ислама и освещать путь тем, кто выбрал спасение, чтобы они не оказались в числе проигравших и заблудших. Такие ученые во все времена стремятся пробудить души от их беспечности и выстроить знания, науку разумным образом, а также стремятся передать их и распространить на все века и поколения людей. Без сомнения, ученые прошлого находились на высоком уровне знаний и преуспели во многом в исследовании исламских наук, а также в религиозной практике и обрядах.

Среди таких выдающихся деятелей, просветителей достойное место занимает и шейх Сугаип-мулла – один из плеяды чеченских учёных прошлого, известный своими глубокими познаниями, трудолюбием и аскетизмом, благочестием. Шейх пользовался выдающимся социальным статусом, авторитетом в среде чеченцев, он был для них старейшиной и наставником. У него были особые религиозные познания и богоугодное поведение, в качестве образцового примера которого чеченцы по сей день придерживаются с любовью и почетом.

Актуальность исследования предопределена следующими принципиально важными аспектами. Во-первых, недостаточная разработанность темы жизни и деятельности ученых-богословов прошлого Чечни является своеобразным пробелом как в изучении истории чеченского народа, так и духовной, религиозной и просветительской деятельности отдельных его представителей. Во-вторых, необходимость анализа и осмысления жизнедеятельности самого шейха Сугаипа-моллы, его роли как личности, сыгравшей большое значение в духовно-религиозном подъеме народа Чечни, его научная работа и практическая деятельность, снискавшие шейху заслуженно высокое место в чеченском обществе как в прошлые времена, так и много времени спустя после его смерти; его работы, которые отличались оригинальностью и смелым, оправданным в условиях того времени новаторством – все это привлекает внимание и обуславливает высокую степень актуальности выбранной темы.

Авторы прониклись целью возродить научное наследие шейха Сугаипа-моллы, стряхнуть с него пыль забвения, проанализировать и опубликовать то, что было заточено в архивах, в забытых документах и личных коллекциях некоторых людей. Авторы понимают и принимают ту высокую степень ответственности, которая ложится на их плечи и плечи других учёных и исследователей (да помилует их Всевышний и уберезет от ошибок), в исполнении миссии сохранения и передачи будущим поколениям трудов прошлого и уберечь их от утраты в будущем. Кроме того, перед исследователями стояла и другая задача,

возможно, главная задача настоящего исследования – исправление от заблуждений некоторых людей, считающих, что учёные прошлых времен, жившие и работавшие на чеченской земле, не находились на той степени по уровню религиозных знаний, которая присутствует у современных ученых.

Вопрос возрождения научного наследия, оставленного нашими почтенными предками, выявление и изучение личностей выдающихся богословов из исторического прошлого чеченской земли, внесших неоценимый вклад в дело распространения Ислама на вайнахской земле, является краеугольным вопросом в понимании истории чеченского народа, его ценностей, адатов, формировавшихся на протяжении веков и религиозных императивов.

Фигура шейха Сугаипа-муллы Гойсума занимает особое место в истории чеченского народа, представляя собой уникальный синтез религиозного авторитета, юридической практики и просветительской деятельности. Изучение его юриди́ко-богословского наследия – задача, актуальная не только для понимания эволюции религиозно-правовых норм в Чечне, но и для осмысления роли традиционных институтов в формировании идентичности и социальной структуры чеченского общества. Данная статья посвящена исследованию этого малоизученного аспекта в жизни и деятельности шейха, при анализе его вклада в развитие адата (традиционного права) и Шариата, а также его роль в духовно-просветительском движении чеченского народа. В работе будет проанализирован корпус доступных источников – как письменных свидетельств, так и устных преданий, передающихся в среде потомков шейха и знатоков чеченской истории. Особое внимание будет уделено контексту, в котором формировались взгляды шейха Сугаипа-муллы Гойсума, с учетом исторических, социально-политических и религиозных реалий непростого времени, в которое жил и работал ученый. Повышенный интерес и актуальность изучения личности шейха были предопределены и в научных взглядах ученого на исламскую юриспруденцию и его позицию в суфизме, возможность знакомства с методом накшбандия, по принципам которого шейх Сугаип-мулла преподавал свои занятия и уроки, вел богословскую деятельность.

Это одно из первых научных исследований, авторы которого предприняли попытку осмыслить труды шейха Сугаипа-муллы в разрезе различных научных областей, которыми занимался шейх, продолжая цикл статей авторов, посвященных выдающимся религиозным деятелям Чечни. И вся хвала Всевышнему Аллаху за дарование тауфика на этом пути!

Ислам как неотъемлемая часть российского исторического и духовного наследия

Ислам занимал и занимает значительное место в историческом и духовном наследии России, формируя многовековую и сложную взаимосвязь между различными культурами и конфессиями. Его влияние простирается далеко за пределы географических границ современных мусульманских регионов России, затрагивая историческое, культурное и политическое развитие страны в целом.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, «геополитическое положение России оказывало значительное влияние на развитие национальной правовой системы... нормативные акты, которые объединили различные местные и региональные правовые традиции в единую правовую систему» [10, с. 128]. Включение обширных территорий Поволжья, Северного Кавказа, Сибири и других регионов в состав Российского государства привело к включению в российское культурно-правовое пространство многомиллионного мусульманского населения. Взаимодействие между мусульманскими и православными институтами было неоднородным и характеризовалось как периодами сотрудничества и мирного сосуществования, так и моментами напряженности и конфликтов.

Исторически сложившаяся система управления мусульманскими общинами, основанная на традиционных институтах и исламском праве, играла важную роль в сохранении культурной идентичности и социальной стабильности в мусульманских регионах. Многие мусульманские деятели принимали в прошлом активное участие в общественной и политической жизни Российской империи, внося свой вклад в развитие экономики, науки и культуры.

Однако процесс интеграции мусульманского населения в российское общество был сопряжен с многочисленными вызовами,

включая вопросы религиозной свободы, национальной идентичности и межконфессиональных отношений. Государственная политика в отношении Ислама неоднократно менялась, отражая смену политических режимов и идеологических установок.

В современном российском обществе ислам продолжает оставаться важной частью культурного ландшафта. Мусульманские религиозные организации играют заметную роль в социальной сфере, занимаясь благотворительностью, образованием и просвещением. Однако вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений, а также проблема радикализации и экстремизма на современном этапе развития общества остаются актуальными и требуют внимательного и взвешенного подхода.

Все это требует внимательного изучения в разрезе исторического аспекта, личностей, живших и работавших в это время, с уклоном на анализ закономерностей и причин, способствовавших становлению и развитию той ситуации, которую мы наблюдаем в наше время.

Научные работы, посвященные деятельности шейха Сугаипа-муллы

Авторы настоящей статьи не нашли среди работ ученых, изучавших личность шейха Сугаипа-муллы, комплексного научного исследования, за исключением отдельных работ, которые касались бы отдельных аспектов из жизни шейха. Одним из тех, кто исследовал жизнедеятельность шейха Сугаипа-муллы, являлся Абдулла-хаджи Киндаров [4].

Абдулла-хаджи Киндаров написал книгу про шейха Сугаипа-муллу, в которой ему удалось простыми, но душевными словами передать благодарным читателям в том числе и теплоту домашней атмосферы, которую создали Гойсум-мулла и его супруга Маса – родители Сугаипа-муллы – для сына и его сверстников, изучавших религиозные знания.

Причина, по которой исследователь Абдулла-хаджи Киндаров написал книгу про шейха Сугаипа-муллу, заключается в том, что он считал своим долгом упомянуть и разъяснить отдельные аспекты из жизни своего шейха и наставника, надеясь от Всевышнего Аллаха, что Он будет доволен своим рабом, и надеясь быть верным слугой своей религии, а также быть среди тех, кто отдает долг своим

учителям и наставникам по жизни. В 2017 году в издательстве «Грозненский рабочий» вышло второе, доработанное издание книги Абдулла-хаджи Киндарова [5].

Абдулла-хаджи Киндаров написал свою работу достаточно интересно и аргументированно. При этом он уважительно обращается к материалам своих предшественников, воспоминаниям соотечественников, использует архивные документы, что в результате придаёт академический колорит произведению. Более того, автор, сопровождая своё произведение историческими справками и фактами, краткими экскурсами в историю, мысленно возвращает читателя в прошлое.

В своей книге Абдулла-хаджи Киндаров привел факты из жизни и деятельности шейха Сугаипа-муллы, но не смог раскрыть все стороны такой многогранной, несомненно, богатой личности шейха. Так, автор книги ограничился некоторыми аспектами из жизни шейха, но упустил, как нам кажется, ряд важных из них, к примеру: изучение трудов шейха Сугаипа-муллы в области юриспруденции и основ юриспруденции (фикх и усуль-фикх), а также упоминание мнений, выраженных учеными – современниками его времени по вопросу выплаты закята на кукурузу до её очищения от початков; также стихотворных форм, которые написал шейх Сугаип-мулла, восхваляя Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), и стихов, которыми шейх Сугаип-мулла восхвалял своих наставников (да помилует их Аллах). Возможно, причина всего этого кроется в том, что рука автора не дошла до этой информации, или из-за того, что исследователь жизни шейха не владел арабским языком, так как большинство трудов шейха Сугаипа-муллы были написаны на красноречивом арабском языке. Тем не менее Абдулла-хаджи Киндаров заложил первое семя, первоначальный фундамент в деле изучения персоны шейха Сугаипа-муллы. И авторы настоящего исследования не стали исключением в этом вопросе, так как книга Абдулла-хаджи Киндарова стала для них одним из первоисточников, за что мы ему очень благодарны.

Одним из тех, у кого удалось получить задокументированную информацию о шейхе Сугаип-мулле, является чеченский историк Адам Духаев. В своей книге «Эпоха шей-

хов» [1] он упоминает многих известных ученых чеченского народа, одним из которых является и шейх Сугаип-мулла. Одному из авторов лично удалось встретиться с историком и получить у него ценную информацию о жизни и работе шейха Сугаипа-моллы, за что мы также благодарны и ему.

Одной из источниковых баз, откуда черпалась информация для научного исследования, явилась и книга «Шали – документальная история» [6]. Не менее важными источниками информации послужили и полевые материалы авторов (различные интервью со старейшинами, аксакалами, родственниками шейха).

В зависимости от того, что уже было известно о жизни шейха, что было написано о нем, и дабы знать, что осталось исследовать авторам, был проанализирован и отражен ряд обстоятельств, фактов, которые не были затронуты предыдущими исследованиями, либо если и рассмотрены, то было это сделано лишь кратко и сжато. Те источники, к которым у авторов был доступ, были либо на чеченском языке, либо на русском языке, при этом авторы настоящей работы не нашли ни единого источника, который бы вникал в суть исследований, трудов шейха Сугаипа-моллы, написанных им на арабском языке по различным областям юриспруденции, основам юриспруденции, о суфизме, о поэзии и др.

Анализ вышеприведенных источников, а также ряда других позволил сделать ряд промежуточных выводов следующего плана:

1. Шейх Сугаип-мулла был выдающейся личностью, сыгравшей важную роль в религиозной и политической жизни Чечни. Его религиозная, миссионерская, просветительская деятельность (преподавание, фетвотворчество, судебные функции и пр.) представляла важное значение как для жителей Шалинского округа (место непосредственной деятельности шейха), так и для всего чеченского народа.

2. Шейх Сугаип-мулла был одним из тех, кто в религиозных вопросах и обрядах придерживался позиции наибольшей предпочтительности в контексте религиозно-правовой школы (мазхаб). Ученый-богослов ратовал за то, что представляет наибольшую пользу для представителей общества в рамках соответствия шафиитской правовой богословской школы и течения суфизма накшбандия.

Более того, он был наставником в этом направлении.

3. Труды шейха Сугаипа-моллы, которые проанализировали исследователи, его взгляды в исламской юриспруденции, в других религиозных вопросах – все это указывает на его полезный вклад в дело развития чеченского общества в русле соответствия той правовой школе, к которой он и его соплеменники относились. В исключительных случаях, когда в некоторых религиозных, противоречивых и неоднозначных вопросах, возможная польза превышала ущерб, ученый-богослов давал наставление по искомому вопросу и его ответу (дозволенности), которые приводились в других правовых школах (мазхабах). При этом шейх не выносил решение, выходя из своей правовой школы. На это указывают методы исследования шейха Сугаипа-моллы в его научных трудах и религиозно-прикладной деятельности.

4. Не секрет, что эпоха, в которую жил и работал шейх Сугаип-мулла, была очень сложной для тех, кто придерживался религии. Окончание периода царизма и становление новой большевистской власти, когда большая страна находилась на перепутье, вопросы религии и исполнения религиозных обрядов в прямом смысле находились под государственным запретом. Стоит ли говорить о сложности процесса передачи религиозных знаний новым поколениям? Однако при помощи Всевышнего Аллаха шейх Сугаип-мулла смог вести просветительскую, образовательную деятельность, хоть и при больших рисках и личных угрозах, опасности преследований новой власти.

5. Относительно фетвотворческой деятельности шейха укажем, что одним из важных вопросов, получивших свое шариатское разрешение, является вопрос о дозволенности шейхом выплаты закята на кукурузу до процесса очищения её от початков, несмотря на спорность этого мнения по шафиитской правовой школе.

6. Также среди составляющих вклада ученого-богослова в решение вопросов религиозно-правовой практики и исполнения обрядов является то, что шейх дозволил и считал действительным закалывание животного, находящегося в стадии стельности, если хозяин забил его, не зная о таком состоянии животного заблаговременно.

7. Помимо своих знаний в области религии и исламской юриспруденции и ее базисных принципов, шейх был знатоком поэзии. Им написано немало прекрасных стихов на высокопоэтическом арабском языке на уровне носителя языка, в которых он в стихотворной форме восхваляет пророков и праведников.

Личность шейха. Не возникает сомнений, что человек, являясь биосоциальным существом, является при этом «продуктом» той среды, где он родился, рос и получал образование. Шейх Сугаип-мулла как лучший образец человека своего времени, без сомнения, имел огромное влияние на судьбы многих людей, но при этом и на него как на личность, на его жизнь и научную деятельность также влияли обстановка, люди и события того времени, поэтому необходимо ознакомиться с этим человеком, изучив его личность через призму политической, социальной и научной среды, в которой он жил, чтобы мы могли иметь точное, правильное, адекватное восприятие и знания о научной и практической деятельности шейха, чтобы мы могли вынести заключение о ценности его идей и решений.

Чеченский народ, как и любой другой, имеет плеяду представителей, в разное время ушедших в вечность, но записавших свои имена на все времена в историю народа своими благородными и богоугодными делами,

навсегда оставшись в благодарной памяти соотечественников. В этом ряду достойных одно из самых высоких мест, бесспорно, занимает и шейх Сугаип-мулла Гойсумов, в народе – на чеч.яз. «Шелара молла» (мулла из Шали), обессмертивший свое имя преданным и искренним служением Всевышнему Аллаху, всю свою сознательную жизнь денно и нощно совершая дела и поступки, угодные Всевышнему, а для своих соплеменников – дела нужные и полезные.

Об имени шейха Сугаипа-моллы, его нраве, образовании и деятельности

Это имя при рождении дал ему отец Гойсум-мулла с надеждой на то, что его сын будет походить в своем нраве и действиях на сподвижника Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), которого звали Сухайб ар-Румий. Шейх Сугаип-мулла имел величественную внешность, немного смеялся и много думал, но тем не менее у него было улыбающееся лицо. Шейх был среднего роста, с широкой грудью, имел длинную бороду (рис.1), носил длинный плащ-накидку, как это было в привычках ученых того времени; он не выходил на улицу без посоха, и его походка была походкой умудренного жизнью человека. Разговор его был понятен тому, кто слушал его, потому что он разговаривал внятно, вразумительно и содержательно.

Рисунок 1. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов.

Источник фото: авторская фотообработка обложки книги: Киндаров А.Г. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов, 2-е изд., доп. Грозный: «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017. – 336 с.

Шейх Сугаип-мулла отличался хорошими манерами и умением общаться с людьми. Он предпочитал общество бедняков, нежели общество людей достатка. В его моральные принципы входил принцип говорить немного. Частью его морального поведения было проявление уважения к своим шейхам и своим сверстникам, ученым и праведным людям.

Шейх Сугаип-мулла претерпел много трудностей в поиске и получении знаний, поскольку был убежден в формуле знаний, которая указывает, что тот, кто ищет путь знания, тот ищет путь в Рай. Ведь, как приводится в хадисе Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует): «*مَنْ سَلَكَ طَرِيقاً يَطْلُبُ مِنْ سَلَكِ طَرِيقاً يَطْلُبُ*» (смысл), «вступившему на какой-нибудь путь в поисках знания Аллах (за это) облегчит путь в рай» [2].

В связи с этой важнейшей причиной и условием учёный-богослов делал все возможное ради личного образования и не допускал со своей стороны упущений в поисках знаний. Его достижения в этой области были обусловлены высокой решимостью, честным и благородным характером, честолобием, сильной памятью и хорошим воспитанием в добродетельной семье. Семья, в которой родился и вырос шейх, была известна своей тягой к знаниям и благочестию; отец ученого был выдающимся богословом, известным по всей округе и далеко за ее пределами.

В возрасте пяти лет шейх Сугаип-мулла начал изучать исламские науки под руководством своего отца. Сначала он научился внимательно и правильно читать Священный Коран, а затем выучил всю Священную Книгу наизусть, став таким образом хафизом. В возрасте пятнадцати лет его память была настолько сильна, что шейх Сугаип-мулла говорил: «Если бы все копии Корана были утеряны, я смог бы написать его целиком, не изменив ни слова, ни огласовки».

Кроме изучения Священной Книги, шейх Сугаип-мулла обучился у своего отца и другим наукам: юриспруденции, акиде (вероубеждение), арабскому языку, грамматике, морфологии, риторике и ряду других предметов. После периода обучения отец пришел к мнению, что все знания, которые он мог передать сыну, его сын впитал в себя, и далее сына следует отправить туда, где он мог еще больше их получить. Выбор пал на соседнюю

братскую республику Дагестан, которая славилась своими учеными. Впоследствии шейх удостоился чести получать знания под руководством именитых ученых Дагестана.

После получения необходимого уровня знаний шейх начал вести свою практическую религиозно-богословскую деятельность, в том числе в сфере преподавания исламских наук, что было предметом особой ценности для шейха Сугаипа-моллы. В силу жизненных перипетий, а также по многочисленным просьбам жителей селения Шали после смерти отца шейх, покинув родовое село Белгатай, переехал жить и работать в село Шали в качестве преподавателя и имама местной сельской мечети. Там же он впоследствии и женился. Жители села с воодушевлением, с теплом и добродушием приняли своего долгожданного гостя, как будто он всегда был их односельчанином. Шейх Сугаип-мулла с большим желанием приступил к своей работе, на поприще которой ему было уготовано всемерное признание.

После того, как шейх Сугаип-мулла прожил свою наполненную знаниями жизнь, он перешел в иной мир в 1350 в году по лунному календарю (хиджре), который соответствует 1931 – 1932 году по григорианскому стилю. Ученого-богослова, несмотря на то, что он был родом из села Белгатай, в дань уважения его личности и его трудам, за его заслуги перед жителями села Шали, ставшему ему по сути родным, похоронили, где он жил и работал до самого конца. Сугаип-мулла был признанным шейхом всех жителей Шали и наставником по накшбандия. Односельчане построили над его могилой, которая стала на сегодняшний день местом посещения паломников с разных мест (место совершения зиярат), купол.

О его завете представителям будущих поколений чеченцев известно то, что шейх настоятельно призывал людей своей веры к необходимости получения знаний, поскольку они защищают своего обладателя от ошибок в религии, да и в целом, в обыденных вопросах жизни каждого человека. При наличии достаточного уровня знаний человек осознает и понимает важнейшие постулаты и догмы веры, правильно выполняет религиозные обряды и предписания, ведет халяльную экономическую деятельность и многое другое.

Кроме указанного выше, шейх Сугаип-мулла завещал будущим поколениям изучение языков. По его мнению, в новом, изменяющемся мире, принципиально важной составляющей образованного человека должно было быть знание не только родного языка, что само собой разумеется, но и других языков. Сам шейх Сугаип-мулла владел несколькими языками и придавал знанию языков других народов огромное значение, говоря следующее: «Изучайте арабский язык – это язык Священного Корана, язык Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), язык святой веры и нашей мусульманской уммы. Изучайте английский язык – это язык богатства и успеха в этой жизни, язык торговли и общения многих народов мира. Изучайте русский язык – это окно в мир, он поможет вам узнать тайны и закономерности прошлого, а также то, что ждет вас в ближайшее время и заглянуть в более отдаленное будущее. Изучайте, любите, берегите свой родной чеченский язык – это язык ваших предков, вашей крови и плоти, без него не будет вас, а значит и потомства вашего» [5, с. 262].

Учителя и наставники шейха

Богослов обучался у многих известных алимов прошлого. Ранее было упомянуто, что шейх Сугаип-мулла в начале своей жизни чер-

пал исламские знания от своего отца. Впоследствии шейх удостоился чести повысить степень своих знаний у таких известных алимов прошлого, как шейх Ташов-Хаджи из Индерея, а также от Умалат-шейха ал-Кастаки и др.

Шейх Сугаип-мулла имел прекрасную возможность быть в наставничестве и получать духовные знания из уст таких видных ученых своего времени, как шейх Хаваж-Бахауддин и шейх Абдул-Муталлиб и др.

Сверстники и ученики шейха

Наиболее приближенными сверстниками шейха Сугаипа-муллы были такие богословы, как Элах-мулла и Ибрахим-Хаджи.

Наиболее известными учениками шейха Сугаипа-муллы были: шейх Болат-хан и шейх Хасан из Ингушетии.

Основные богословские труды шейха Сугаипа-муллы. *Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи (О правилах закята и исправлении этого процесса среди жителей Чечни)*

Первая из книг богослова, о которой необходимо упомянуть, – это работа, которая называется «Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи» (О правилах закята и исправлении этого процесса среди жителей Чечни) (рис.2).

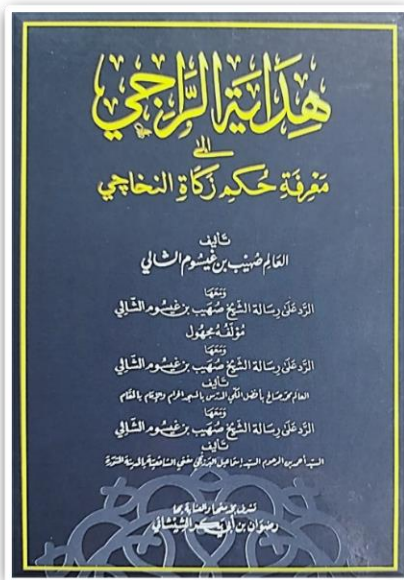

Рисунок 2. *Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи (О правилах закята и исправлении этого процесса среди жителей Чечни).*

Источник фото: авторское фото обложки книги: Шейх Сугаип-мулла ибн Гойсум. *Хидаят Арражый ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачий (рукописи трудов на араб. яз.) / оформление, перевод и разъяснения Р.А. Ибрагимова. – Махачкала, 2021. – 160 с.*

Как было сказано ранее, шейх Сугаип-мулла имел научные разработки в области юриспруденции, акиды, суфизма и др. Причиной написания этой книги была следующая. Как известно, одним из столпов Ислама является закят. Шейх Сугаип-мулла в данном исследовании разъясняет процедуру и тонкости выплаты закята с такой зерновой культуры, как кукуруза, но не очищенная от початков. В связи с тем, что в данном вопросе шафиитская правовая школа (мазхаб имама аш-Шафии) придерживается классически устоявшегося мнения, возникали разного рода трудности в реализации данной процедуры. Богослов приводит доводы о недозволённости проявления фанатизма в правовых школах (мазхабах), отрицая одни и повышая искусственно статус других, а также заявляет о необходимости соблюдения этики в среде ученых, взаимоуважения и научной дисциплины. Ученый-богослов обосновал мнение о том, что выплата закята в такой форме с кукурузы дозволительна.

Шейх Сугаип-мулла детально объяснил и аргументировал вопрос о выплате закята с кукурузы до очищения ее от початков: саму процедуру (как производить выплату, когда допускается это делать и пр.) и обоснование такого мнения. Шейх, будучи кадием Шалинского округа, разрешал выплачивать закят сразу после сбора урожая кукурузы, при этом

не очищая ее от початков, но при условии необходимости взвешивания кукурузы до положенной и необходимой массы (нисаб). Проблемность этого процесса состоит в том, что кукуруза, очищенная от початков, хранится многим меньше, чем та же кукуруза, но в початках. Жители были заинтересованы хранить полученную в качестве закята кукурузу именно в початках, так как это гарантировало им съестной запас на продолжительное время.

Между тем на такую позицию шейха в этом вопросе были отклики современников – ученых-богословов того времени, приводивших в противовес позиции шейха доказательства и высказывания ученых шафиитской правовой школы (мазхаба). Некоторыми из этих ученых, которые опровергали мнения шейха Сугаипа-моллы, являлись такие богословы, как шейх Мухаммад Салих из Мекки, а также шейх Ахмад ал-Барзанжи из пресветлой Мединны.

Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-‘укъаби» (Освобождение мусульманина от фанатичного следования одному мазхабу в отдельных религиозных вопросах)

Данная работа посвящена анализу отдельных институтов усуль-фикха (основ юриспруденции) и включает в себя семь разделов и заключение (рис. 3).

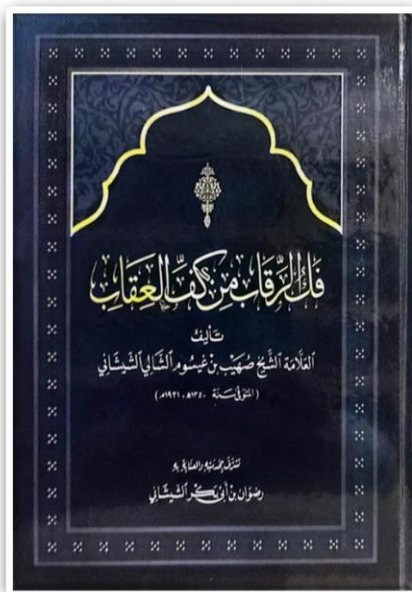

Рисунок 3. Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-‘укъаби» (Освобождение мусульманина от фанатичного следования одному мазхабу в отдельных религиозных вопросах)

Источник фото: авторское фото обложки книги: Шейх Сугаип-мулла ибн Гойсум. Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-‘укъаби (рукописи трудов на араб. яз.) / оформление, перевод и разъяснения Р.А. Ибрагимова. – Махачкала, 2021. – 126 с.)

Коротко приведем информацию по каждому разделу. Первый раздел книги шейх Сугаип-мулла сформулировал следующим образом: «Объяснение условий отрицания и его характеристики». В данном разделе имеется ввиду ситуация, когда человек отрицает что-то, какое-то явление или процесс, то он должен быть настолько осведомлен об этом явлении, процессе, вещи со всех сторон и позиций, что это знание человека должно быть полным, ясным, не противоречивым. Именно полноценное знание об этом может дать исследователю такого вопроса право отрицать какое-то положение.

Второй раздел книги носит наименование «Объяснение постановления о науках священных». Речь в данном разделе книги идет о том, что работы суфийских ученых-богословов столь же значимы, как и исследования других шариатских ученых, или сильнее их, и дозволено следовать за ними, за их постановлениями. Третий раздел работы носит наименование «Изложение правила того, что он добавил к ясной Книге и Сунне усердием». Четвертый раздел получил название «Подражание и допустимость следовать за слабой версией без колебаний». В свою очередь, пятый раздел книги шейх Сугаип-мулла поименовал следующим образом: «Объяснение: как и когда заключается действующее единогласное решение в религии». Шестой раздел получил следующее наименование: «Разъяснение: что такое единогласное решение в религии». И наконец, седьмой раздел шейх Сугаип-мулла поименовал так: «О фетвотворческой деятельности».

Заключение к своей книге, которое поименовано как «Объяснение истины Шариата и то, что достигается его нарушением, благотворной пользы и бесподобности науки и ее ученых», шейх Сугаип-мулла посвятил выводам, сформулировав ряд важнейших постулатов религиозного плана.

О фетвотворческой деятельности шейха Сугаипа-моллы. Фетвотворческая деятельность – это деятельность высокоответственная. У человека, выносящего фетву, должно быть понимание о сущности фетвы, он должен владеть информацией о процедуре ее вынесения, о статусе фетвы, о методе вынесения фетвы, который, кстати, был использован самим шейхом Сугаипом-моллой в различных проблемных вопросах. Решения

шейха Сугаипа-моллы касались различных религиозно-практических тем, в том числе и в области поклонения (ибадат). Так, шейх разъяснял ряд действий шариатского толка, таких как повторение полуденной молитвы после пятничной молитвы, о постановлении выплаты закята аль-фитра от имени отсутствующего родственника и др. Также шейх выносил шариатские решения, касающиеся взаимоотношений и личного статуса людей, в частности, такие ситуации, при которых ссылаются на слова женщины о разрешении выдачи её замуж; о принятии согласия женщины о завершении периода ожидания после развода и др. Разъяснялись шейхом вопросы и относительно табакокурения, по постановлениям совета сельских старейшин и др.

О трудах шейха Сугаипа-моллы в области арабской поэтики. Шейх Сугаип-молла имел таланты в области стихотворных форм на арабском языке, которые сочинялись им в целях восхваления посланника Аллаха – Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) и его праведных сподвижников, а также достойных предшественников нашей уммы. Шейх сочинил много стихов на классическом литературном арабском языке, восхваляя своих наставников. Темы стихов шейха Сугаипа-моллы также носили характер порицания насилия и вражды между людьми, зависти и других пагубных грехов человека.

Заключение. В заключение следует отметить, что изучение истории Ислама в России является важным аспектом понимания многообразия российской культуры и формирования национальной идентичности. Только через объективное и всестороннее исследование этого сложного исторического наследия можно строить эффективные межконфессиональные и межнациональные отношения в современной России.

Важно отметить тот факт, что чеченские ученые-богословы прошлых времен имели достаточно высокий уровень знаний в различных областях религиозных наук, не отставали по уровню знаний от других ученых-современников, о чем свидетельствуют их научные труды, основанные на достижениях шафиитской религиозно-правовой школы.

Подводя выводы о результатах юридико-богословской деятельности шейха Сугаипа-моллы, необходимо отметить, что жизненный путь шейха и его научные труды

направлены на наставление и просвещение представителей чеченского народа в области знаний о исламском религиозном вероучении и нормах Шариата, которые являлись важными и неотъемлемыми регуляторами общественных отношений как в среде вайнахов, так и в среде многих кавказских народов.

Данные о жизнедеятельности шейха, которые приведены в исследовании, свидетельствуют об уникальности личности шейха Сугаипа-муллы в области исламской юриспруденции и арабского языка (напомним, что большинство работ шейха Сугаипа-муллы написаны на классическом арабском языке). И даже сегодня носители арабского языка удивляются, когда знакомятся со стихотворными формами шейха, которые написаны на классическом, грамотном и поэтичном арабском языке.

Несмотря на преклонный возраст, шейх Сугаип-мулла находился в полном расцвете как духовных, так и творческих сил. Он писал трактаты на различные религиозно-философские темы, изучал жизнь и деятельность других богословов-суфиев, историю распространения ислама в Чечне, будучи, таким образом, и сам своеобразным звеном в такой цепи передачи знаний из поколения в поколение.

Некоторые из своих трудов ученому-богослову удалось издать. Старейшины аксакалы, знавшие и близко общавшиеся со своим устазом, шейхом Сугаипом-муллой, утверждали, что до Октябрьской революции было напечатано семь трудов Сугаипа-муллы под его собственным именем и еще несколько под именем Имрана, его сына, но, к сожалению, до нас они не дошли. Наибольшую известность получили следующие научные труды шейха: Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи (О правилах закята и исправлении этого процесса среди жителей Чечни) и Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-'укъаби (Освобождение

мусульманина от фанатичного следования одному мазхабу в отдельных религиозных вопросах).

Сыновья шейха – Имран и Аббас и дочь Асийят, а также наиболее близко знавшие шейха последователи оставили устные воспоминания о постоянном и упорном труде своего отца, учителя и наставника над собиранием воспоминаний участников Кавказской войны, исторических преданий, документов на арабском и турецком языках об истории чеченского народа.

Есть свидетельства того, что к некоторым из них шейх выезжал за информацией в дальние аулы и глухие хутора, чтобы лично выслушать живые рассказы очевидцев, свидетелей тех событий и процессов. К сожалению, мы не знаем, успел ли ученый завершить какой-либо из этих трудов, какая тема была отражена в работе и какие материалы ожидали очереди на публикацию.

С помощью и щедростью Всемогущего Аллаха мы завершаем настоящее исследование, посвященное жизни и деятельности шейха Сугаипа-муллы. Авторы просят у Всемогущего Аллаха сделать эту скромную работу искренней для Него и во имя Его, и пусть Всевышний Аллах дарует им и всем мусульманам успех в следовании примеру таких выдающихся деятелей в совершении добрых дел, и пусть Всевышний Аллах сделает этот труд полезным для авторов и для всех мусульман в этом мире (дунья) и в будущей жизни (ахират).

Авторы постарались по мере всех своих сил (умственных и физических) изучить труды шейха Сугаипа-муллы и выполнить свой долг, но, как и любые люди, они не застрахованы от непреднамеренных ошибок (ибо любой человек может ошибиться). Если исследователи допустили ошибку, то большая просьба исправить их с наставлением, и только Аллах – Даритель успеха и Он – тот, кто помогает!

Список источников

1. Духаев А.И. Эпоха шайхов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 344 с.
2. Имам ан-Навави. Рийад ас-Салихин (Хадисы Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), глава 241. О достоинстве знания (1381)). URL: <https://isnad.link/book/riyadh-as-salikhin> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Калам Шариф. Перевод смыслов. – Казань: «Издательский дом «Хузур» – «Спокойствие», 2020. – 652 с.
4. Киндаров А.Г. Х1айба. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов (биографический очерк), 1-е изд. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2012. – 256 с.
5. Киндаров А.Г. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов, 2-е изд., доп. – Грозный: «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017. – 336 с.

6. Шали: документальная история: сб. документов и материалов / ответ. составители: Инуркаева А.Д., Ченчиева М.Х., Духаев А.И., Орсаханов А.Р. – Архивное управление Правительства Чеченской Республики. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. – 654 с.
7. Шейх Сугаип-мулла ибн Гойсум. Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-'икаби (рукописи трудов на араб. яз.) / оформление, перевод и разъяснения Р.А. Ибрагимова. – Махачкала, 2021. – 126 с.
8. Шейх Сугаип-мулла ибн Гойсум. Хидаят Арражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачий (рукописи трудов на араб. яз.) / оформление, перевод и разъяснения Р.А. Ибрагимова. – Махачкала, 2021. – 160 с.
9. Акаев В.Х., Солтамурадов М.Д. Сугаип-мулла Белгатоевский: жизнь, деятельность и религиозно-философские воззрения // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). – С. 148-155.
10. Богатырев М.Р., Тураева Д.С., Хакимова М.Р. Эволюция государства и права России: историко-правовой анализ // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 125-130.

References

1. Dukhaev A.I. The era of shaikhs. – Nalchik: LLC "Pechatny Dvor", 2016. – 344 p.
2. Imam al-Nawawi. Riyad al-Salihin (Hadith of the Prophet Muhammad (may Allah bless him and greet him), chapter 241. On the dignity of knowledge (1381)). URL: <https://isnad.link/book/riyadh-as-salikhin> (accessed: 08.09.2025).
3. Kalam Sharif. Translation of meanings. - Kazan: "Publishing house "Khuzur" - "Calm," 2020. - 652 p.
4. Kindarov A.G. Haiba. Sheikh Sugaip-Mulla Goisumov (biographical sketch), 1st ed. - Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex "Grozny Worker", 2012. – 256 p.
5. Kindarov A.G. Sheikh Sugaip-Mulla Goisumov, 2nd ed., suppl. – Grozny: "Publishing and printing complex "Grozny Worker," 2017. – 336 p.
6. Shali: documentary story: Collection of documents and materials/responsible for compiling: Inurkaeva A. D., Chenchieva M. Kh., Dukhaev A. I., Orsakhonov A. R. - Archival Department of the Government of the Chechen Republic. – Nalchik: "Fregat" LLC, 2021. – 654 p.
7. Sheikh Sugaip-mulla ibn Goisum. Fakku ar-Rikjabi min kaffi al- 'ikabi (manuscripts of works in Arabic)/layout, translation and explanations of R. A. Ibragimov. – Makhachkala, 2021. – 126 p.
8. Sheikh Sugaip-mulla ibn Goysum. Hidayat Arrazhiy ila ma'rifati hukmi zakati an-Nakhachiy (manuscripts of works in Arabic)/layout, translation and explanations of R. A. Ibragimov. – Makhachkala, 2021. – 160 p.
9. Akaev V.Kh., Soltamuradov M.D. Sugaip-mulla Belgatovsky: life, activity and religious and philosophical views//Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2011. № 2 (15). – pp. 148-155.
10. Bogatyrev M.R., Turaeva D.S., Khakimova M.R. Evolution of the state and Russian law: historical and legal analysis//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 2(58). – pp. 125-130.

Информация об авторах / Information about the Authors

Идрисов Х.В., канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный,
e-mail: huseyn23@rambler.ru

Idrisov H.V., Candidate of Sciences in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Kadyrov Chechen State University, Grozny

Ибрагимов Р.А., д-р ислам. наук, преподаватель исламских дисциплин
ДООУ ВПО «Курчалоевский исламский институт имени Ахмат-Хаджи Кадырова, г. Грозный,
e-mail: rizva2021@mail.ru

Ibragimov R.A., Doctor of Islamic Sciences, Lecturer of Islamic disciplines,
Kurchaloy Islamic Institute named after Akhmat-Hadji Kadyrov, Grozny

УДК 340.1

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-181-190

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА: МИРОВЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Канамготов К.А.

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик

Аннотация. В исследовании рассматриваются фундаментальные мировые тенденции эволюции федеративных систем, учитывая их воплощение в разнообразных федеративных государствах с присущими им национальными особенностями. Разграничиваются общие закономерности и индивидуальные черты трансформации федеративных конструкций под влиянием актуальных глобальных проблем. Современные вызовы трансформируют традиционные модели федеративного устройства, что становится предметом детального анализа в представленном исследовании. В статье рассматриваются как общие тенденции видоизменения федеративных систем в глобальном масштабе, так и особые пути их эволюции в конкретных государствах, обусловленные национальной спецификой. Автор выявляет, что классические федеративные конструкции сегодня претерпевают фундаментальные изменения через смешение различных элементов государственного устройства. Исследование демонстрирует, что гибридный федерализм постепенно утверждается в качестве преобладающей концепции организации государственной власти, объединяя универсальные принципы с уникальными национальными характеристиками различных федеративных государств.

Ключевые слова: децентрализация, централизация, национальная идентичность, унитаризм, федерализм, интеграционный федерализм, успешный федерализм.

Для цитирования: Канамготов К.А. Эволюция федеративной формы государства: мировые векторы трансформации // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 181-190.

EVOLUTION OF THE FEDERAL FORM OF THE STATE: GLOBAL VECTORS OF TRANSFORMATION

Kanamgotov K.A.

Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Abstract. The study examines the fundamental global trends in the evolution of federal systems, taking into account their implementation in various federal states with their inherent national characteristics. The publication distinguishes between general patterns and individual features of the transformation of federal structures under the influence of current global problems. Modern challenges are transforming traditional models of the federal structure, which becomes the subject of a detailed analysis in the presented study. The article examines both the general trends in the modification of federal systems on a global scale, and the special ways of their evolution in specific states, due to national specifics. The authors reveal that classical federal structures are undergoing fundamental changes today through the mixing of various elements of the state structure. The study demonstrates that hybrid federalism is gradually being established as the prevailing concept of the organization of state power, combining universal principles with unique national characteristics of various federal states.

Keywords: decentralization, centralization, national identity, unitarianism, federalism, integration federalism, successful federalism.

For citation: Kanamgotov K.A. Evolution of the federal form of the state: global vectors of transformation // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 181-190.

Введение. Публичная власть в государствах федеративного типа характеризуется двойственной динамикой — попеременным усилением централизации и децентрализации. Эта тенденция формируется под воздействием двух противоположных сил. С одной стороны, внутренние факторы подталкивают к сохранению уникальной национальной идентичности

и созданию управленческих моделей, учитывающих особенности конкретного государства. С другой стороны, внешнее влияние глобализации укрепляет позиции международных правовых норм и транснациональных структур, которые всё активнее вмешиваются в формирование внутригосударственных институтов власти и управления.

В современном мире возникла новая модель государственного устройства – интеграционный федерализм, объединяющий элементы различных федеративных систем: дуалистической, кооперативной, конкурентной и солидарной. Понятие "успешный федерализм" было введено для обозначения эффективных федеративных форм, достигнутых государствами на определенных этапах своего развития. Сущность этой комбинированной системы заключается в гармоничном сочетании унитарных и федеративных характеристик, где региональные субъекты и центральная власть действуют сообща для решения глобальных вызовов, обеспечения устойчивого развития и выживания в современных условиях.

Основное содержание. Современная концепция федерализма характеризуется балансом между централизацией и автономией. Национальная идентичность отражается через адекватность, эффективность, демократичность и оптимальность государственного устройства. Хотя сохраняются важные централизованные аспекты – государственный суверенитет, иерархия правовой системы и единство государственной власти – публичная власть всё больше обогащается практиками самоуправления. Вертикальное разделение власти, опирающееся на относительную самостоятельность участников федерации, дополняется принципами кооперации и солидарности, расширяя возможности взаимодействия между различными уровнями управления.

Разработка целостной теории федерализма сохраняет свою актуальность [1, с.19], поскольку анализ его эффективности и результативности является чрезвычайно сложным исследовательским вопросом. Традиционная интерпретация федерализма в публично-правовой науке характеризует его как многоаспектное явление – одновременно принцип, режим и форму государственного устройства. Данная концепция обеспечивает баланс между государственной целостностью и распределением властных полномочий в многоуровневой территориальной организации, которая может охватывать центральный, региональный и в определенных случаях муниципальный уровни управления.

Принцип вертикальной организации публичной власти – федерализм – существенно расширил область своего влияния. В

современном мире он становится не только механизмом интеграционного объединения территорий и государств в гармоничное сообщество, но и выходит за рамки внутригосударственных взаимоотношений [2, с.109]. Федерализм сегодня применяется как инструмент оптимизации надгосударственных и межгосударственных взаимодействий, а также отношений между негосударственными социальными структурами. Глубинное понимание федерализма раскрывает его как действенный способ обеспечения мирного урегулирования конфликтов и прогрессивного развития на разных уровнях функционирования и организации публичной власти.

Фундаментальной при исследовании эволюции межгосударственных, внутригосударственных и общественных взаимоотношений стала идея федерализма во второй половине XX столетия. Даниил Елазар, известный исследователь федерализма, утверждал, что федеративные связи отражают естественное стремление людей к объединению, их глубинную взаимосвязь и приверженность гражданскому согласию, божественному соглашению и концепции глобального единства [3, р.36]. На разных уровнях территориальной организации власти именно эта концепция считалась идеальным механизмом для создания устойчивого и гармоничного человеческого сообщества.

В контексте многоуровневых взаимоотношений федерализм выходит за рамки обычного государственно-территориального устройства. Он функционирует как постоянно действующий механизм координации между различными публичными структурами. Горизонтальное взаимодействие между внутригосударственными территориальными единицами составляет лишь один из аспектов этого явления. Не менее важны отношения между центром и региональными образованиями, включая автономии и муниципалитеты. Особую роль играет вертикальное распределение публичной власти в надгосударственных союзах, где государства-участники совместно определяют принципы разделения полномочий как между уровнями, так и внутри каждого иерархического слоя властных структур [4 с.4].

Современное понимание федерализма выходит далеко за рамки простого территори-

ального устройства государств. Наднациональные объединения, такие как Союзное государство Беларуси и России или Европейский Союз, демонстрируют черты федеративной и конфедеративной организации, укрепляя межгосударственные связи. Международная арена насыщена организациями федеративного типа – от Всемирной федерации профсоюзов до спортивных федераций, от Международной федерации журналистов до объединений по правам человека. Эти структуры подтверждают, что федерализм стал неотъемлемым элементом глобальной общественной архитектуры, объединяющим международные сообщества различной направленности [5, с.45].

Континентальное или глобальное объединение государств в единую федеративную структуру, хотя и привлекает внимание некоторых теоретиков (например, идеи о Всемирной Федерации или Соединенных Штатах Европы), остается лишь концептуальной моделью, далекой от практической реализации. Современная политическая реальность свидетельствует об обратном: даже в рамках максимально интегрированного Европейского Союза страны-участницы настойчиво отстаивают верховенство национального суверенитета и конституционных норм над общеевропейским правом. Любые попытки ограничить национальные интересы встречают решительное сопротивление государств, что демонстрирует фундаментальное противоречие между теоретическими идеалами глобального консенсуса и практическим нежеланием стран отказываться от своей независимости в пользу наднациональных структур.

Современная геополитическая ситуация демонстрирует отсутствие стремления государств к созданию более тесных федеративных объединений. Еще Монтескье подметил парадоксальную тенденцию: "Небольшие республики уязвимы перед внешними врагами, тогда как крупные подвержены внутреннему распаду" [6, с. 32]. Для защиты от внешних вызовов независимые государства иногда объединяются в федеративные союзы, становясь частями нового федеративного образования. Однако успешное проведение политических, экономических и социальных преобразований в федеративных государствах невозможно без тщательного анализа особенностей данной формы государственного устройства

[7, p.157].

Распределение государственной власти по вертикали между разноуровневыми территориальными образованиями в рамках единого государства – это суть федерализма как формы государственного устройства и режима. Федеративный принцип служит инструментом для сглаживания противоречий и объединения отдельных лиц и их групп на общегосударственном уровне. Централизованные государственные структуры, стремясь избежать внутреннего разрушения, могут трансформироваться в федеративные объединения, где полномочия разделены между центральными и региональными институтами. Такая трансформация не только поддерживает государственную целостность, но и делает управленческие процессы более результативными.

Федеративное устройство выполняет ключевую структурирующую роль, распределяя властные полномочия между разными государственными уровнями при сохранении единства власти. Такой механизм способствует формированию действенной и демократической системы публичного управления, адаптированной к особенностям конкретного государства.

Практическая реализация принципов федерализма происходит через решение определенного набора задач. При комплексном рассмотрении можно выделить два основных типа задач федеративного государства: специализированные и социально-политические.

Федеративное устройство ставит перед собой специфические задачи: обеспечение эффективного взаимодействия между различными уровнями власти для создания единой публичной системы; внедрение действенных управленческих подходов с учетом территориальной многоуровневости; предоставление регионам автономии при сохранении государственного единства, суверенитета и правовой целостности. Кроме того, приоритетом становится формирование пространства, где этнические, культурные, религиозные и языковые группы могут мирно сосуществовать в рамках единого государственного образования.

Анализируя федеративные модели, учёные выделяют несколько базовых критериев классификации. Среди них – способ возникновения (договорной, конституционный или смешанный характер), процесс создания

(слияние территорий или разделение полномочий центра), юридическая основа (конституция, соглашение или специальный акт), степень централизации функций (от высокоцентрализованной до децентрализованной системы), характер взаимодействия властных структур (дуалистический, кооперативный, состязательный или солидарный тип), а также статус регионов (симметричная или асимметричная организация, включая промежуточные варианты).

В современных условиях государственного устройства особую значимость приобретает учёт многообразия этнических, культурных, национальных и конфессиональных особенностей населения. Это особенно актуально для территорий с концентрированным проживанием групп, обладающих уникальными языковыми традициями, религиозными практиками, культурной самобытностью и этническими характеристиками.

Уникальные характеристики каждого государства раскрывают особенности федеративной модели организации. Снижение социальных, политических и национальных конфликтов достигается благодаря гибким механизмам федерации, в отличие от унитарных государств, где преобладают стабильность и эффективность централизованного управления. На формирование федеративного устройства влияют множественные факторы: историческое развитие государственности, культурные традиции, религиозное и национальное разнообразие народов, входящих в состав федерации. Именно это многообразие часто определяет выбор федеративной структуры как оптимальной для конкретного государственного образования.

В современном контексте публичных отношений сложно однозначно определить государство как федеративное в чистом виде. Причина не только в субъективности критериев оценки, из-за которых отсутствует единая общепризнанная классификация. Несмотря на то, что федеративная структура способствует повышению эффективности управления и достижению общественного консенсуса, недостатки в организации федерации и слабое развитие политико-правовых связей между составляющими её субъектами могут вызывать напряжённость даже при наличии федеративной системы.

Федеративное устройство в современном мире характеризуется уникальным сплавом различных типов государственных связей. Примечательно, что некоторые официальные федерации, такие как Индия, демонстрируют меньшую вертикальную децентрализацию власти по сравнению с формально унитарными государствами [8, с. 59]. Испания и Италия, хотя и считаются унитарными по своей структуре, предоставляют автономным регионам настолько широкие полномочия, что те превосходят права субъектов определенных федераций. Особенности каждого государства определяют разумные пределы, в которых может варьироваться баланс между федеративными элементами, составляющими основу государственности, и компонентами унитаризма или конфедеративных взаимоотношений. Мировой опыт показывает, что степень децентрализации не всегда соответствует формальному статусу государственного устройства [9, с. 144].

Согласно Конституции Непала, статья 58 устанавливает, что федеральный центр получает все неопределённые полномочия [10, с. 9]. Любые компетенции, которые не указаны четко как принадлежащие провинциям, муниципалитетам или не включены в перечень совместных полномочий, автоматически становятся федеральной прерогативой. Важно понимать, что даже если бы остаточные полномочия были переданы не центру, а региональным субъектам, это само по себе не гарантировало бы формирование децентрализованной федеративной системы. Принцип остаточных полномочий в Непале работает в пользу федерального уровня, закрепляя за ним все компетенции, не описанные явно в основном законе страны [10, с. 11].

Несмотря на декларируемые в статье 73 Конституции России гарантии полноты государственной власти для регионов в вопросах, не относящихся к федеральному или совместному ведению, фактическая ситуация разительно отличается от конституционных принципов. Существующее федеральное законодательство создало серьёзный перекося в распределении властных полномочий. Практика показывает значительный разрыв между теоретическими конституционными положениями и реальным разграничением компетенций между центром и субъектами. Региональные власти в действительности располагают

лишь незначительными остаточными полномочиями, тогда как ключевые рычаги управления даже в областях совместного ведения сконцентрированы в руках федерального центра.

Эволюция российского федерализма привела к усилению вертикали власти, что является очевидным фактом, несмотря на продолжающиеся экспертные дискуссии о государственном устройстве страны. Первоначально расширенные полномочия субъектов постепенно уступили место централизованной модели управления. Такая централизация, хотя и укрепляет государственное единство, при чрезмерном развитии порождает серьезные вызовы. Творческий потенциал и инициативность регионов и муниципалитетов угасают из-за отсутствия механизмов самостоятельности. Когда местные органы власти лишаются автономии в принятии решений, это негативно сказывается на эффективности управления и ослабляет контроль за общественно-государственными процессами в целом.

Исследования современного федерализма всё чаще обращают внимание на централизацию механизмов защиты прав и свобод в США. Примечательно, что не только американская модель, но и другие традиционно децентрализованные системы – от европейских Швейцарии, Германии и Австрии до Канады и Австралии – постепенно движутся к усилению центра. Это гибридное сочетание централизованных и децентрализованных компонентов федеративного устройства порождает активные научные споры, охватывающие не только западные демократии. Подобные дискуссии разворачиваются также вокруг федеративных моделей в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Мексика, Венесуэла) и на Африканском континенте (ЮАР, Нигерия, Эфиопия), где федерализм получает различные толкования [11, с. 49].

Современное государственное устройство характеризуется преобладанием гибридных федеративных конструкций, где происходит активное смешение различных концепций федерализма. Центральная власть систематически сосредотачивает в своих руках управленческие полномочия, постепенно сужая самостоятельность регионов. Этот тренд наблюдается в разнообразных сферах жизни обще-

ства – от обеспечения избирательных возможностей для женщин до контроля безопасности на дорогах и социальной защиты людей, оставшихся без работы [12, с. 151]. Современная практика государственного строительства и её теоретическое обоснование свидетельствуют о превалировании комбинированных моделей федеративного устройства.

Конституционный фундамент играет решающую роль в формировании вертикального разделения властных полномочий федеративного государства. Методология распределения ответственности между различными уровнями управления и организации государственной деятельности отражаются в особых характеристиках федерации. Несмотря на существование гибридных форм, есть определенные фундаментальные признаки, позволяющие классифицировать государство как федеративное. Превышение критических пределов, установленных конституционной основой федерализма, может спровоцировать изменение всей системы государственного устройства.

Глобальные трансформации привели к фундаментальному пересмотру управленческих моделей во многих странах мира. Унификация подходов к демократическим принципам, защите прав человека и обеспечению безопасности стала результатом международных процессов, усиливших роль централизованного регулирования в государственных структурах.

Федерализм как правовой механизм становится ключевым стабилизатором государственно-правовой системы, предотвращая дисбаланс властных отношений и поддерживая устойчивое развитие. Когда установленные границы нарушаются, под угрозой оказывается не только формальный статус государства, но и его практическая способность реализовывать эффективное демократическое управление, защищая систему от деформаций, способных подорвать сбалансированное функционирование власти [12, с. 151].

Международные стандарты привнесли новые демократические принципы в федеративное устройство, включая субсидиарность, кооперацию и конституционную защиту автономии при вертикальном разделении власти. Единое правовое пространство существенно ограничило автономные полномочия субъектов федераций, передав многие сферы, ранее

находившиеся под местным управлением, под федеральный контроль. Это произошло в результате конституционного включения международных обязательств, которые потребовали от таких федеративных государств, как США, Мексика, Германия, Австралия и Швейцария, обеспечить унификацию правовых норм на всех своих территориях.

Современные вызовы цивилизации привели к появлению оптимальной управленческой модели – интеграционного федерализма, сформированного под влиянием внутренних и внешних процессов централизации и децентрализации. Эта многокомпонентная система объединяет центральную власть и региональные субъекты в синергетическом взаимодействии, направленном на общие цели развития и сохранения. В отношениях между территориальными единицами и центром интеграционный федерализм гармонично сочетает элементы различных федеративных моделей – дуалистической, кооперативной, состязательной и солидарной, одновременно балансируя принципы унитаризма и федерализма в общей структуре государственного устройства.

В определенные исторические периоды государственное и общественное устройство совершенствуется благодаря слаженному взаимодействию различных уровней власти. Муниципальные структуры, региональные органы и центральная администрация функционируют как элементы единого механизма в рамках интеграционного федерализма, где приоритет отдается координированному партнерству для достижения общих задач.

Кризис, вызванный COVID-19, ярко высветил сложное сочетание разнообразных принципов управления. Субъекты федерации вместе с федеральным центром, противостоя пандемическим вызовам, наглядно продемонстрировали практическое воплощение конкурентных и солидарных подходов, дуалистических концепций, а также балансирование между централизованным и децентрализованным управлением.

Опыты различных государств по созданию оптимальных моделей взаимодействия между центральной властью и регионами показали схожие тенденции. Как подчеркивает руководитель Международной ассоциации центров федеративных исследований Франческо Палермо, концепция федерализма

и вертикальное разделение полномочий оказались особенно уязвимыми перед лицом чрезвычайных ситуаций, включая пандемию COVID-19 [13, p.4]. В ходе государственного строительства выявились универсальные принципы: более четкое распределение сфер ответственности, укрепление вертикальных связей в системе публичного управления и стремление к повышению эффективности государственного аппарата через совершенствование отношений между центром и территориями.

Эксперты конституционного права отмечают, что глобальные кризисы, подобные пандемии, способствуют двойной концентрации властных полномочий. С одной стороны, происходит перераспределение функций по горизонтали – от законодательных органов к исполнительным, с другой – наблюдается вертикальная миграция компетенций, когда местные и региональные уровни уступают свои права центральным структурам. Однако степень такой централизации значительно различается между странами, что может указывать на разный уровень укоренённости федеративных принципов в институциональной и социальной ткани государств. Интересно, что параллельно наблюдается и противоположная тенденция – процесс децентрализации, при котором муниципалитеты и регионы приобретают больше полномочий в решении жизненно важных задач.

Региональные и муниципальные органы всё активнее вовлекаются в миграционные процессы благодаря делегированию полномочий с верхних уровней власти. Трансфер ответственности и финансовых ресурсов на уровень провинций, округов и муниципалитетов представляет собой суть децентрализации управления. Эффективность решения насущных задач повышается при использовании принципа субсидиарности, который оптимизирует распределение властных функций между различными уровнями государственного аппарата.

Опыт США в борьбе с терроризмом наглядно демонстрирует, как законодательные изменения на федеральном уровне 1980 – 1990-х годов значительно увеличили нормативные полномочия местных властей и штатов. Эти возможности активно использовались после террористических атак сентября 2001 года. В различных правовых системах

передача полномочий часто считается ключевым фактором или даже основой для создания локальных и региональных систем миграционного контроля [14, p.167].

Муниципальные образования и городские структуры получили положительный эффект от передачи им полномочий по управлению миграцией.

Антитеррористическая деятельность стала результативнее, причем преимущества ощутили как территории, сокращающие приток приезжих, так и населенные пункты с политикой гостеприимства к мигрантам.

Разнообразные способы делегирования миграционных функций были характерны для стран Европейского Союза. Контроль над перемещением населения распределялся между различными уровнями власти: от обще-европейских институтов до местных администраций, включая автономные регионы, федеративные субъекты и негосударственные организации, которые принимали на себя часть обязанностей национальных правительств.

В современном мире важно понять, какой образец федерализма можно считать успешным. Анализируя эволюционные процессы государственного устройства в мировой цивилизации, мы пытаемся выявить оптимальную модель, способствующую эффективному функционированию всех уровней власти и прогрессивному развитию государства.

Что сегодня представляет собой федерализм как принцип, режим и форма государственного устройства? Какими стандартами он должен руководствоваться? Изучение федерализации в разных странах позволяет определить основные тенденции, формирующие прогрессивные черты федеративного устройства на определенных исторических этапах развития конкретного государства. Именно такую форму можно назвать эталонной или успешной.

Многоуровневая структура управления, характерная для федеративной системы, создает региональные и локальные барьеры для центральной власти, однако это может негативно влиять на права меньшинств и блокировать законодательство, направленное на общее благо [15, с.154]. Несмотря на гибкость, федерализм требует точечного применения в конкретных условиях и корректной калибровки, подобно специализированному инстру-

менту. Современные исследователи подчеркивают, что принцип федеративного устройства не является универсальным решением для всех государств, как и другие механизмы – бикамерализм, право вето, референдумы или судебный надзор. Эти инструменты не всегда обеспечивают идеальные решения в разнообразных ситуациях государственного управления.

Эффективное федеративное устройство определяется рядом ключевых факторов. Соответствие национальной самобытности, демократические основы с принципом субсидиарности, рациональное построение и продуктивное функционирование – вот что характеризует успешную федерацию.

Оценивая результативность федеративной системы, отмечаем, что первостепенное значение имеет то, насколько выбранная модель учитывает уникальность государства. Это предполагает внимание к специфическому историческому развитию страны, её особым экономическим, политическим и социокультурным характеристикам.

Взаимодействие априорного и апостериорного элементов в механизме, сочетающем централизацию с децентрализацией, отвечает современным требованиям реформирования общественных институтов и государственного аппарата. Распределение финансового и материального обеспечения должно соответствовать компетенциям и ответственности органов публичной власти. При этом важен баланс между демократическими принципами, включая субсидиарность в федеративной системе, и возрастанием ответственности государственных структур пропорционально увеличению их властных полномочий и функциональных обязательств.

Для эффективного государственного управления необходимо объединение усилий и совместная деятельность всех уровней власти. Определение оптимальных управленческих стратегий требует взаимной поддержки и партнерства между государственными структурами.

Распределение полномочий, экономических и финансовых инструментов должно учитывать уникальные характеристики территорий, включая риски стихийных бедствий, вооруженных конфликтов, экологические и демографические проблемы, а также климати-

ческие особенности. Важно найти оптимальное соотношение между конкуренцией за ресурсы (гранты, субсидии, программы развития) и принципами справедливого распределения, обеспечивающими благополучие всех регионов с учетом их специфики.

Заключение. Современный федерализм претерпевает значительные изменения, где солидарность, взаимодействие и самоуправление становятся движущими силами укрепления системы публичной власти. Несмотря на сохранение вертикального разделения власти и определенной автономии субъектов федерации, структура федеративных отношений трансформируется под влиянием текущих параметров и индикаторов. Принципы государственного суверенитета, монолитность власти и иерархическая организация общенационального права продолжают поддерживать фундаментальные элементы централизации, однако новая конфигурация федеративных взаимоотношений всё больше характеризуется балансом между целостностью и дифференциацией публичной власти.

Самоуправление, по сути, представляет собой децентрализацию власти государства, распределяя её по различным уровням. Судебная практика и законодательство приобретают всё большее значение, при этом договорные механизмы становятся ключевыми в регулировании отношений, что отражает принцип кооперации, укрепляющий взаимную ответственность и партнёрские связи между участниками. Объединение ресурсов, обмен опытом и взаимная поддержка для решения разнообразных задач воплощают принцип солидарности, основанный на сотрудничестве для достижения общих целей.

Современные эффективные модели федерации отличаются особым распределением власти: центр и структурные элементы сохраняют единство и иерархичность, но при этом вместе управляют государством. Такая система базируется на трех принципах: самоуправлении, солидарности и кооперации. Последняя представляет собой комплексное партнерство, где все участники не только контролируют друг друга, но и несут совместную ответственность за разделенные между ними властные полномочия.

Хотя существует эталонная концепция федерализма с общими индикаторами развития, каждое государство с федеративным

устройством демонстрирует свои отличительные черты, позволяющие классифицировать его в рамках определенной модели. Степень зрелости правовой, политической, экономической и социальной систем накладывает ограничения на практическое воплощение этих индикаторов в конкретных странах. Федеративные принципы реализуются по-разному в зависимости от уникальных характеристик государства, включая его религиозные, этнические, культурные и демографические особенности. Таким образом, современные тенденции развития федерализма, формирующие теоретическую модель, на практике адаптируются к идентификационной специфике каждой отдельной страны.

Федеративные модели государственности претерпевают существенные метаморфозы в современных условиях, когда мир одновременно объединяется и фрагментируется, порождая как вызовы, так и новые решения для противостояния им. Эти изменения отражают глобальные направления эволюции государственности в целом.

Исследуя, как работают и развиваются федерации на практике, можно составить представление об их эффективности, структурной оптимальности и демократических основах. Особого внимания заслуживают внутренние механизмы автономного управления, взаимодействия различных уровней власти и поддержания государственного единства. В своем непрерывном стремлении к совершенству федеративные государства постоянно модифицируют свою архитектуру в поисках идеальной формы политического устройства.

В современном мире даже стабильные федеративные государства претерпевают существенные изменения под влиянием различных факторов. Швейцария в настоящее время движется к модели солидарного федерализма, а Германия демонстрирует переход от кооперативных форм федеративных отношений к конкурентным.

Что касается России, она находится в процессе формирования уникальной смешанной модели – интеграционного федерализма, балансируя между централизованной федеративной и унитарной системами. Эволюция правовой системы Российской Федерации предполагает развитие механизмов совместного решения общественных проблем. Усовершенствование структуры распределения

полномочий, финансовых и имущественных ресурсов, а также других элементов власти возможно через эффективную координацию между органами власти федерального и регионального уровней.

В России более чем тридцать лет после принятия Конституции государственное устройство эволюционировало в смешанную модель, отклонившись от классического федерализма. Современное общество явно нуждается в интеграционном федерализме как но-

вом векторе развития российской государственности. Такая система должна способствовать сглаживанию экономических кризисов, уменьшению социально-политического напряжения и выравниванию дисбаланса в социально-экономическом развитии между регионами. Стимулирование самостоятельного развития регионов и создание здоровой конкурентной среды между субъектами РФ представляет собой главную задачу предлагаемых преобразований.

Список источников

1. Гуляков А.Д. Достижения и проблемы в исследовании федерализма // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №2 (38). – С. 16-26.
2. Умнова-Конюхова И.А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. – С. 101-112.
3. Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of intergovernmental Relations, Queen's University Kingston, Ontario, Canada, 1994, – 170 p.
4. Станских С., Фогельклу А. Проблемы реформирования федеративных отношений в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. – С. 3-6.
5. Ромайкин И.А. О характере федерализма // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. №1 (45). – С. 42-48.
6. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.
7. Putting Federalism in Its Place: The Territorial Politics of Social Policy Revisited / by Scott L. Greer, Daniel Béland, André Lecours, and Kenneth A. Dubin. University of Michigan Press, 2019, – 241 p.
8. Басу Д. Д. Основы конституционного права Индии. – М., 1986. – 660 с.
9. Аболин О. Ю. Всемирный и европейский федерализм: вероятные перспективы // Политические исследования. 1994. № 5. – С. 140-149.
10. Канак Б.Т., Вол Б.М. Обзор развития правовой системы в Непале // Известия Восточного института. 2011. №1. – С. 7-17.
11. Гуляков А.Д. Экспертная оценка зарубежных моделей федерализма (сравнительный историко-государствоведческий анализ) // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2020. №35. – С. 43-55.
12. Эриашвили Н. Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 10. – С. 150-155.
13. Steytler Nico How federations combat Covid19 // Comparative federalism and Covid19 Combating the Pandemic. Edited by Nico Steytler. Routledge Studies in Federalism and Decentralization, London and New York, 2022, – pp. 1-10.
14. Theorizing local migration law and governance / Ed. M. Baumgaertel, S. Mielliet. Cambridge, 2022, 364 p.
15. Морено Луис Многообразие и единство в федеративных государствах мира // Полит. наука. 2011. №1. С. 149-169.

References

1. Gulyakov A.D. Achievements and problems in the study of federalism//News of universities. Volga region. Social sciences. 2016. №2 (38). – pp. 16-26.
2. Umnova-Konyukhova I.A. Evolution of federal statehood: global trends//Bulletin of SUSU. "Law" Series. 2023. – pp. 101-112.
4. Stanskikh S., Vogelklu A. Problems of reform of the federation of modern Russia//State power and local self-government. 2005. № 11. – pp. 3-6.
5. Romyakin I.A. On the nature of federalism//News of universities. Volga region. Social sciences. 2018. №1 (45). pp. 42-48.
7. Montesquieu Sh. Selected works. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 799 p.
8. Basu D. D. Fundamentals of Indian Constitutional Law. – M., 1986. – 660 p.
9. Abolin O. Yu. World and European federalism: probable prospects//Political research. 1994. № 5. – pp. 140-149.
10. Kanak B.T., Vol B.M. Review of development of the legal system in Nepal//Proceedings of the Oriental Institute. 2011. №1. – pp. 7-17.
11. Gulyakov A.D. Expert assessment of foreign models of federalism (comparative historical and state analysis)//Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. №35. – pp. 43-55.
12. Eriashvili N.D. Theoretical and legal foundations for development of federalism in the context of state power

- centralization in the Russian Federation//State and law. 2022. № 10. – pp. 150-155.
13. Steytler Nico How federations combat Covid19 // Comparative federalism and Covid19 Combating the Pandemic. Edited by Nico Steytler. Routledge Studies in Federalism and Decentralization, London and New York, 2022, – pp. 1-10.
 14. Theorizing local migration law and governance / Ed. M. Baumgaertel, S. Miellet. Cambridge, 2022, – 364 p.
 15. Moreno Luis. Diversity and uniformity in federal world states //Political science. 2011. №1. – pp. 149-169.

Информация об авторах / Information about the Authors

Канамготов К.А., аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г Нальчик, e-mail: kanamgotov02@gmail.com

Kanamgotov K.A., graduate student of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

УДК 343.9

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-191-195

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ (на примере экокriminalологии)

Тангиев Б.Б.¹, Гельдибаев М.Х.², Мальцагов И.Д.³

¹ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт», г. Санкт-Петербург

²ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

³ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. На примере развития экокriminalологии проводится криминалогический анализ угроз научному и образовательному суверенитету России. Выявлены внутренние и внешние деструктивные факторы, приводящие к эрозии отечественной терминологической системы, игнорированию правовой преемственности и заимствованию чуждых научных парадигм. Обоснована необходимость разработки и законодательного закрепления механизмов криминалогической экспертизы, разведки и расследования для защиты национальных интересов в сфере науки и образования. Сформулированы концептуальные предложения по противодействию данным угрозам, включая создание криминалогического экспертного совета при Президенте РФ.

Ключевые слова: терминологическая система криминалогии; экокriminalология; экологическое право, экобезопасность; экология; экоцид; экопреступность; научный суверенитет; этимологическая, семантическая, синтаксическая терминосистемы; терминообразования отечественной правовой системы; анализ диссертаций.

Для цитирования: Тангиев Б.Б., Гельдибаев М.Х., Мальцагов И.Д. Криминалогический анализ внешних и внутренних угроз научно-образовательному суверенитету России (на примере экокriminalологии) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 191-195.

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF EXTERNAL AND INTERNAL THREATS TO THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA (on the example of ecocriminology)

Tangiev B.B.¹, Geldibaev M.H.², Maltagov I.D.³

¹Baltic Humanitarian Institute, Saint Petersburg

²Russian State University of Justice, St. Petersburg,

³Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. A systematic analysis of only one industry demonstrates an increased degree of influence of scientific foreign agents in an attempt to block the development of domestic science. In modern conditions, the goals of this influence are obvious, but the question is whether we, scientists and civil society, will be able to ensure the protection of scientific sovereignty. No science, no development is a priority issue of national security. We have tried to outline a vision of this problem and focus on the complex processes taking place in science and the challenges it has to face. And it all starts, as it were, with harmless discrimination of the scientific and conceptual apparatus, and then ignoring the domestic legal system, empirical continuity, and as a result, the complete borrowing of the Anglo-Saxon empirical base and oblivion of the achievements of domestic science, with all the consequences that, in principle, we have to reap the benefits of the Bologna and other veiled systems in science and education.

Keywords: terminological system of criminology; ecocriminology; environmental law, environmental safety; ecology; ecocide; ecocrime; scientific sovereignty; etymological, semantic, syntactic terminological systems; terminology, formation of the domestic legal system; dissertation analysis.

For citation: Tangiev B.B., Geldibaev M.H., Maltagov I.D. Criminological analysis of external and internal threats to the scientific and educational sovereignty of Russia (on the example of ecocriminology) // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 191-195.

Введение. В современных условиях глобального противостояния наука и образование перестали быть нейтральными сферами воспроизводства знания, превратившись в арену острой геополитической конкуренции.

Целенаправленное деструктивное воздействие на эти системы ставит под вопрос не только технологический суверенитет, но и культурно-цивилизационную идентичность государства. Актуальность данного исследо-

вания обусловлена необходимостью криминологического осмысления этих угроз и выработки адекватных механизмов защиты. В качестве «модельного случая» рассматривается история становления и развития отечественной **экокриминологии**, в судьбе которой, как в капле воды, отразились все системные вызовы, стоящие сегодня перед российской наукой в целом.

Постановка проблемы: от терминологических блужданий к утрате суверенитета

В наших предыдущих работах [12] был введен и проанализирован феномен «**терминологического блуждания**» в криминологии. Его генезис связан с фундаментальным игнорированием принципов исторической и правовой преемственности, традиционно сложившихся в романо-германской правовой семье, к которой принадлежит и Россия. Следствием этого является не критическое, а тотальное заимствование западных научных конструктов, понятий и методологий, навязываемых через такие инструменты мягкой силы, как **Болонская система** и деятельность различных иностранных фондов.

Данный процесс не является стихийным. Это спланированная кампания, ведущая к последовательной деградации отечественной научной школы и виктимизации общества, которое лишается аутентичных знаний, ценностных ориентиров и, в конечном счете, способности к самостоятельному интеллектуальному развитию. Таким образом, проблема из сугубо научно-методической трансформируется в проблему **национальной безопасности**.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий:

- **Сравнительно-правовой анализ** законодательно закрепленных понятий и научных доктрин.
- **Криминологический анализ** деструктивных процессов в научно-образовательной сфере.
- **Терминологический анализ** с применением методов этимологии, семантики и синтаксиса для оценки структурных изменений в понятийном аппарате.

• **Каузальный анализ** причинно-следственных связей между деятельностью иноагентов и причиняемым ущербом.

Целью работы является разработка научно обоснованной концепции защиты научно-образовательного суверенитета на основе системного криминологического анализа угроз и формирования адекватного правового инструментария.

Результаты и обсуждение: систематизация угроз

1. Внутренние факторы риска: криминологическая энтропия

Проведенный анализ позволил идентифицировать ряд внутренних дестабилизирующих факторов, создающих питательную среду для внешнего вмешательства.

а) Конфликт интересов и ведомственный протекционизм. Искусственно разжигаемое противостояние между научными школами и коллективами, подпитываемое извне, эффективно блокирует развитие перспективных национальных направлений. Узкокорпоративные и меркантильные интересы зачастую приводят к дискредитации ученых и научных направлений, представляющих угрозу сложившейся коррупционной системе распределения ресурсов.

б) Научный ревизионизм и феномен «родолюбия». Проявляется в бездоказательном отрицании достижений отечественной науки, что создает благоприятную почву для внедрения заимствованных моделей. Отсутствие «родолюбия» [1], понимаемого как духовно-нравственная связь с интеллектуальными традициями своей страны, является психологической основой для научного коллаборационизма.

в) Лоббирование и манипуляции в законотворчестве. Классической иллюстрацией данного фактора является история с принятием УК РФ 1996 года. Как отмечают участники тех событий, научно обоснованный проект, разработанный ведущими правоведами страны во главе с академиком В.Н. Кудрявцевым, был в последний момент подменен чуждым отечественной правовой традиции документом, что было публично раскритиковано ученым на Первом Всероссийском конгрессе [8]. Этот казус наглядно демонстрирует феномен «**криминологии закона**» (по Д.А. Шестакову [2]), когда принимаемые нормы сами

по себе обладают криминогенным потенциалом, создавая правовой хаос, который мы определяем как **внутреннюю криминологическую энтропию**.

г) Ксенофобия и дискриминация. Проявления национализма в научной среде, особенно обостряющиеся в периоды «geopolitical» напряженности, наносят урон консолидации научного сообщества и затрудняют реализацию справедливой кадровой политики, о необходимости которой неоднократно говорил Президент РФ В.В. Путин [3].

2. Внешние факторы риска: технологии гибридного воздействия

а) Информационная война в научной сфере. Наиболее наглядно этот фактор проявляется в манипуляциях с открытыми электронными энциклопедиями, такими как «Википедия». Проведенный нами анализ показывает целенаправленную ревизию научного приоритета. Термин «**экокриминология**», разработанный и обоснованный в рамках отечественной науки, в последние годы стал активно присваиваться англосаксонским школам. Это осуществляется путем некорректного перевода их собственных терминов («environmental criminology», «green criminology») на русский язык и подмены содержания. При этом ссылки на труды указанных западных авторов не подтверждают их приоритета в создании именно *экокриминологии* в ее российском понимании. Данная операция является элементом гибридной войны, нацеленной на подрыв авторитета российской науки и изъятие ее достижений из международного контекста.

б) Деятельность западных фондов и аналитических центров. Реализуется стратегия, которую мы условно обозначаем как «**знаменатель Джорджа Сороса**». Она сводится к навязыванию практике избыточного, противоречивого и хаотичного нормотворчества. Цель — создать режим перманентной правовой нестабильности, при котором ученые и эксперты не успевают адаптировать свои исследования к быстро меняющемуся законодательству, что приводит к их профессиональному выгоранию, нигилизму и добровольному уходу из профессии.

в) Болонская система и наукометрические индексы. Внедрение образовательной модели, ориентированной на чуждые стандарты, а также тотальная зависимость карьеры

ученого от индексов цитирования в зарубежных базах данных (Scopus, Web of Science) привели к системной девальвации российских научных журналов. Данная практика вынуждала исследователей передавать интеллектуальные продукты для оценки зарубежными центрами, обеспечивая утечку идей и технологий, а также формируя у научной молодежи комплекс неполноценности и установку на вторичность.

Выводы и концептуальные предложения

Для противодействия выявленному комплексу угроз необходима консолидация усилий государства, научного и экспертного сообществ. Предлагается следующий комплекс мер, имеющий не только прикладное, но и стратегическое значение:

1. Законодательное закрепление статуса криминолога. Необходимо наделить криминологов официальными полномочиями по проведению криминологической экспертизы, разведки и расследования в сфере науки и образования, по аналогии с полномочиями адвокатов и журналистов.

2. Создание Криминологического экспертного совета (КЭС) при Президенте РФ с разветвленной сетью региональных отделений. КЭС должен стать ключевым органом, наделенным правом проведения независимой криминологической экспертизы законопроектов, государственных программ и анализа деятельности, наносящей ущерб научному и образовательному суверенитету.

3. Разработка и безотлагательное принятие Федерального закона «О криминологической экспертизе», базовый проект которого уже разработан научным сообществом (А.И. Долгова).

4. Формирование государственной системы мониторинга и оценки ущерба, причиняемого деятельностью иноагентов и реализацией враждебных программ в сфере науки и образования. Без количественных показателей невозможно выстроить адекватную систему противодействия.

5. Активная работа по очищению, защите и легитимации отечественного понятийного аппарата. Требуется государственно-частное партнерство для включения корректных научных формулировок и установления исторического приоритета в автори-

тетные российские энциклопедические словари, глоссарии и образовательные стандарты.

Настоящее исследование призвано не только констатировать существующие угрозы, но и стать основой для широкой научной и общественной дискуссии. Защита

научно-образовательного суверенитета является краеугольным камнем в фундаменте национальной безопасности и суверенного будущего России. Дальнейшее бездействие или принятие половинчатых мер чревато невосполнимыми потерями и окончательной утратой позиций на мировой арене.

Список источников

1. Данилов А.П. Родолубие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. На украинском и русском языках. – С. 28-33.
2. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. Учебник. СПб. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2006.
3. Обращение Президента РФ. Источник: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/>
4. Шестаков Д.А. Конституция РФ: Внесенные поправки и нерешенные вопросы (мнение криминолога)// Криминология: вчера, сегодня, завтра № 3 (58) 2020. – С.16.
5. Коновалов А.И., Кинетова Л.А. Правовой режим национального достояния // Закон и право № 10-2020.
6. См. Википедия: Environmentalcriminology (стали переводить как экокriminalология, оставляя последующий текст, относящийся к англосаксонским изобретениям и не имеющим никакого отношения к экокriminalологии. Соответственно и основатели якобы английские). Эл. ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_criminology
7. https://ru.mgwiki.top/wiki/Environmental_criminology
8. См. «Международное признание» (интервью с Б.Б. Тангиевым, адвокатом международной коллегии адвокатов, к.ю.н., к.т.н., профессором СПб Университета ГПС МЧС России, экспертом Центра международных программ ЮНЕСКО в области экокriminalологии) / "Гражданин и право", N 8, август 2009 г. Эл. ресурс: <https://base.garant.ru/5747672/> // В своих воспоминаниях Тангиев Б.Б., указывает: «Большое впечатление на меня произвело знакомство с академиком РАН Владимиром Николаевичем Кудрявцевым; никогда не забуду его выступление на Первом конгрессе, посвященном уголовному праву, в МГУ.
9. Коновалов А.И., Кинетова Л.А. Правовой режим национального достояния // Закон и право № 10-2020.
10. См. Сайт Министерства юстиции, последнее обновление: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/normativnye-pravovye-akty-nko/>
11. См. Новые ограничения для иноагентов: <https://www.kommersant.ru/doc/7552862>
12. Гельдибаев М.Х. Тангиев Б.Б. Мальцагов И.Д. «Терминологические блуждания в криминологии» или защита научного суверенитета на примере отрасли: экокriminalология – oikoscrimenlogos // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 138-146.

References

1. Danilov A.P. Rodolyuby and we//Crimean legal readings: Materials of the international scientific and practical conference on May 11, 2012/National University "Odessa Legal Academy." Faculty of Economics and Law in Simferopol. Simferopol: KRP "Publishing house "Krymuchpedgiz," 2012. In Ukrainian and Russian. pp. 28-33.
2. Shestakov D.A. Criminology: New approaches to crime and criminality: Criminogenic laws and criminogenic legislation. Countering crime in a changing world. Textbook. St. Petersburg. Publishing house R. Aslanov "Legal Center Press." 2006.
3. Address of the President of the Russian Federation. Source: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/>
4. Shestakov D.A. Constitution of the Russian Federation: Amendments and unresolved issues (opinion of a criminologist)//Criminology: yesterday, today, tomorrow № 3 (58) 2020. – P.16. 5.
5. Konovalov A.I., Kinetova L.A. Legal regime of the national treasure//Law. № 10-2020.
6. See Wikipedia: Environmentalcriminology (began to be translated as ecocriminology, leaving the subsequent text related to Anglo-Saxon inventions and not related to ecocriminology. Accordingly, the founders are supposedly English). E-resource: https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_criminology
7. https://ru.mgwiki.top/wiki/Environmental_criminology
8. See "International recognition" (interview with B.B. Tangiev, a lawyer of the international bar association, Candidate of Sciences in Law, professor at St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, expert of the UNESCO Center for International Programs in the Field of Ecocriminology)/"Citizen and Law, "N 8, August 2009. E-resource: <https://base.garant.ru/5747672/>///In his memoirs, B.B. Tangiev

points out: "I was very impressed by my acquaintance with the academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev; I will never forget his speech at the First Congress devoted to criminal law at Moscow State University.

9. Konovalov A.I., Kinetova L.A. Legal regime of the national treasure//Law. № 10-2020.
10. See Ministry of Justice website, last updated: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/normativnye-pravovye-akty-nko/>
11. See New restrictions for foreign agents: <https://www.kommersant.ru/doc/7552862>
12. Geldibaev M.Kh. Tangiev B.B. Maltagov I.D. "Terminological wanderings in criminology" or the protection of scientific sovereignty on the example of the industry: ecocriminology - oikoscimenlogos//Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 2(58). – pp. 138-146.

Информация об авторах / Information about the Authors

Тангиев Б.Б., канд. юрид. наук, профессор заведующий кафедрой уголовного и уголовно-процессуального права ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт», г. Санкт-Петербург, e-mail: tangievb@yandex.ru

Tangiev B.B., PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Criminal Procedure Law, Baltic Humanitarian Institute, Saint Petersburg

Гельдибаев М.Х., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», декан юридического факультета ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт», член-корреспондент РАН, г. Санкт-Петербург, e-mail: geldibaev@mail.ru.

Geldibaev M.Kh., Dr. Jurid. PhD, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Dean of the Faculty of Law of the Baltic Humanitarian Institute, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, St. Petersburg

Мальцагов И.Д., канд. юрид. наук, доцент кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: ipa.maltagov@mail.ru

Maltagov I.D., PhD in Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УЧЕНИЯ О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ: ОТ ИМПЕРИИ К СОВЕТСКОМУ ПРАВУ

Масленников Д.А.¹, Працко Г.С.^{2,3,4}, Ярычев Н.У.⁴

¹ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону

²ФГБОУ ВО «Российский государственный университет путей сообщения», г. Москва

³ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону

⁴ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции учений о судебной власти в России в период значительных правовых изменений, происходивших с конца 19 века до начала 20 века. Актуальность как темы, так и самой статьи обусловлена ключевыми аспектами судебной реформы 1864 года, которые стали основополагающим направлением не только в формировании правосознания и правовой культуры общества, но и в создании независимой судебной системы. Раскрывая тему статьи, особое внимание авторы акцентировали на теоретических подходах правоведов Н.М. Коркунова и А.Ф. Кони, которые в своих трудах подчеркивали важность судебной власти как гаранта прав и свобод граждан. В статье также анализируется, как политические репрессии и влияние исполнительной власти подрывали независимость судов в имперский период. Радикальное изменение в понимании роли судебной власти произошло в тот момент, когда произошёл переход к советскому праву, и суды стали инструментом государственной власти, подчиняющейся идеологии партии. В статье подчеркивается, что теоретические достижения имперского периода в советский период на практике привели к утрате независимости судебной власти. В статье сделан анализ исторического опыта в целях преодоления современных задач, стоящих перед судебной системой России и подчеркнута значимость независимости судебной власти как одного из ключевых элементов правового государства.

Ключевые слова: судебная власть, правовые реформы, империя, советское право, судебная реформа 1864 года, независимость судов, правосознание, Н.М. Коркунов, А.Ф. Кони, правовое государство.

Для цитирования: Масленников Д.А., Працко Г.С., Ярычев Н.У. Учения о судебной власти в контексте правовых реформ: от империи к советскому праву // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 196-202.

DOCTRINE ON JUDICIAL POWER IN THE CONTEXT OF LEGAL REFORMS: FROM EMPIRE TO SOVIET LAW

Maslennikov D.A.¹, Pratsko G.S.^{2,3,4}, Yarychev N.U.⁴

¹Rostov State Transport University, Rostov-on-Don

²Rostov State Transport University, Moscow

³Don State Technical University, Rostov-on-Don

⁴Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. The article is devoted to analysis of evolution of the doctrines of judicial power in Russia during the period of significant legal changes that took place from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century. The relevance of both the topic and the article itself is due to the key aspects of the judicial reform of 1864, which became a fundamental direction not only in the formation of legal consciousness and legal culture of society, but also in the creation of an independent judicial system. Disclosing the topic of the article, special attention is paid to the theoretical approaches of legal scholars N. M. Korkunov and A. F. Koni. In their works, legal scholars emphasized the importance of the judiciary as a guarantor of the rights and freedoms of citizens. The article also analyzes how political repression and the influence of the executive branch undermined the independence of the courts in the imperial period. A radical change in the understanding of the role of the judiciary occurred at the time when the transition to Soviet law took place and the courts became an instrument of state power, subordinate to the ideology of the party. The article emphasizes that the theoretical achievements of the imperial period in the Soviet period in practice led to the loss of independence of the judiciary. The article analyzes historical experience in order to overcome the modern challenges facing the Russian judicial system and emphasizes the importance of the independence of the judiciary as one of the key elements of the rule of law.

Keywords: judicial power, legal reforms, empire, Soviet law, judicial reform of 1864, independence of courts, legal awareness, N.M. Korkunov, A.F. Koni, the rule of law.

For citation: Maslennikov D.A., Pratsko G.S., Yarychev N.U. Doctrine on judicial power in the context of legal reforms: from empire to soviet law // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 196-202.

Введение. Рассматриваемый вопрос о судебной власти в контексте правовых реформ в период конца 19 – начала 20 века занимает центральное место в правовой системе России. Актуальность рассматриваемой темы выражена не только в наблюдении за историческим развитием отечественной судебной системы, которая претерпевала значительные изменения, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами, но и тем, что судебная власть как один из ключевых элементов государственной власти играет центральную роль в обеспечении правопорядка и защиты прав граждан.

Исследовав научные труды правоведа Соловьева В.Н., нельзя не согласиться с общим выводом, что судебная реформа 1864 года в отечественной истории являлась важным этапом в развитии судебной власти Российской империи. Одним из основополагающих направлений реформаторского направления являлось повышение независимости судов и улучшение доступа граждан к правосудию. Реформаторская политика судебной системы успешно проявила себя в введении института присяжных заседателей, создании мировых судов, упрощении судебных процедур. Серьезные преобразования судебной власти значительно приближали ее к демократизации. Между тем, несмотря на правовые достижения, независимость и эффективность судебной системы ограничивалась исполнительной властью [1].

Оценив переломный этап России, выраженный в переходе к советскому праву в 1917 году, стоит упомянуть о кардинальных изменениях в структуре и функциях судебной власти. Анализ научных трудов правоведа Петрова И.И. привел к обоснованному выводу, что советская система права основана иначе, нежели система права Российской империи: фундаментальный базис советского права лежал на идеологических принципах марксизма-ленинизма, что заставило переосмыслить роль суда как инструмента классовой борьбы. Судебная власть в Советском союзе была подконтрольна партийным органам, следуя их указаниям, ввиду чего следует вывод о том, что судебная власть не была наделена независимостью, что ограничивало права и свободу граждан [2].

Совершая попытку анализировать судебную власть в контексте правовых реформ в рассматриваемый период, стоит сделать вывод, что эти реформы не только отражали изменения в политической системе, но и оказывали влияние на правосознание общества. Изучив научные труды правоведа Кузнецова А.В. [3], следует полагать, что судебная власть в контексте правовых реформ позволяет глубже понять актуальность и масштабность рассматриваемой темы. Поскольку последовательное течение исторических событий сформировало правовую систему России, стоит полагать, что любая история циклична, следовательно, ответы на возникающие задачи на современном этапе развития государства находятся в уже пройденных этапах истории России.

Исследование данной статьи направлено на анализ правовых реформ и их влияния на функционирование судебной системы в заданный период, где рассмотрены основные этапы реформ, их цели и результаты, а также последствия, проявляющиеся на правосознании и правовой культуре общества.

Методы. Подчеркнем, что реформаторские направления, цели и результаты в рассматриваемом периоде развития России являются важной составляющей, влияющей не только на развитие современной ветви судебной власти, но и на политико-правовые процессы. При этом указанные механизмы носят, по мнению авторов, комплексный характер.

Исследование основывалось на междисциплинарном подходе, сочетая методы цивилистики, правовой социологии и сравнительного правоведения. Были использованы такие научные методы, как сравнительный анализ судебной реформы 1864 года и систематизация теоретических разработок отечественных ученых.

Для достижения поставленных задач в качестве эмпирической базы анализа использовались судебная реформа Российской империи и научные статьи правоведов Коркунова Н.М., Кони А.Ф. и других правоведов, освещающих основные черты судебной власти и её этапы развития в России.

Результаты. Раскрывая сущность проблематики исследуемой темы, стоит начать с

того, что учения о судебной власти в контексте правовых реформ от империи к советскому праву в исторической литературе являются достаточно дискуссионными.

Между тем эта проблема имеет значительную актуальность в силу того, что в новейшей истории России судебная ветвь власти имеет серьезное влияние на социальную, культурную и на политическую сферу жизнедеятельности отечественного государства.

Исследуя тематику статьи, стоит упомянуть то, что Россия претерпевала значительные социальные, экономические и политические изменения в конце 19 – начале 20 века, которые оказали значительное влияние на правовую систему государства в целом и на судебную власть в частности. Рассматриваемый период озаглавлен модернизацией и реформаторскими направлениями, что было необходимо в свете общественных протестов и требований демократизации.

Учитывая то, что Россия к концу 19 века находилась на пороге индустриализации, активно происходило развитие капиталистических отношений и рост рабочего класса, возникли новые условия, требующие преобразования в правовой системе государства. Учитывая нарастающее недовольство рабочего класса и крестьян, логически можно понять, что старые методы управления и правосудия устарели и не соответствуют новым реалиям.

Анализируя поставленную тему, важно упомянуть, что в конце 19 века в России имелся плюрализм направлений в учениях о судебной системе. Н.М. Коркунов являлся влиятельным ученым того периода, который подчеркивал значимость судебной власти как гаранта прав и свобод граждан. Правовед акцентировал свое внимание на том, что суду необходима независимость в целях обеспечения справедливости и защиты верховенства закона над всеми слоями общества, что способствовало бы справедливости отправления правосудия и защите прав граждан. Он утверждал, что "...судебная власть должна быть свободной от влияния исполнительной власти, чтобы обеспечить защиту прав граждан..." [4]. В своей работе "Учение о праве" он утверждал, что судебная власть должна быть "...гарантом прав и свобод личности..." [5]. Логично предположить, что изложенные утверждения правоведа стали основополагающими в его учениях о судебной власти.

Акцентируя внимание на высказываниях Н.М. Коркунова, стоит полагать, что ученый рассматривал суд не только с того ракурса, что это орган, способный разрешить определенные споры, но и с того соображения, что это орган, способный сформировать и укрепить правосознание населения, выраженное в доверии к правовой системе. В рассматриваемом направлении следует полагать, что в тех сложившихся внутригосударственных условиях судебной системе и гражданам был необходим принцип доступности правосудия в целях обеспечения справедливости.

Коркунов был не только юристом, но и философом, что естественным образом отразилось на его учении о судебной власти. Как следует из научных трудов Кузнецова А.В., основу идей своих учений Коркунов Н.М. черпал из немецкой классической философии, а именно из работ Гегеля и Канта, вследствие чего мысль Коркунова Н.М. заключалась в том, что право являлось не только сводом норм, но и целой системой моральных принципов и идей справедливости. Именно на этом утверждении, по мнению Коркунова Н.М., и должен суд осуществлять правосудие, тем самым являясь не только юридическим, но и моральным институтом.

Изучая научные труды Федорова С.А. [11], стоит подчеркнуть, что Коркунов Н.М. затрагивал не только судебную систему в общем, но и роль судьи в судебном процессе – в частности. Коркунов Н.М. полагал, что судья не должен определяться исключительно техническим экспертом в области права. По мнению правоведа того времени, судье необходимо обладать моральным авторитетом и твердостью характера в целях справедливого отправления правосудия. Отсюда следует, что правовед подчеркивал важность человеческого фактора в правосудии.

Между тем, несмотря на значимость учений Коркунова, его идеи критиковались. Выдвигались теории о том, что вклад деятеля в правовой институт слишком идеализирован и не способен существовать в реальных условиях функционирования судебной системы в заданный временной период. Несмотря на плюрализм мнений, работы Коркунова Н.М. стали основой дальнейших исследований в области судебной власти. Изучив научные труды правоведа Соловьева В.Н., стоит сде-

лать вывод, что учения Коркунова Н.М. являются актуальными и на современном этапе правоправедения. Его идеи о независимости судебной системы и морального облика судьи находят отражение в современных концепциях правового государства, поскольку его труды заложили основу для дальнейшего развития и анализа судебной власти в России.

Стоит упомянуть правоведа А.Ф. Кони. Специфика его учений акцентировала свое внимание на моральном аспекте судебной системы. Его учение строилось на той идее, что суд должен не только применять закон, но и учитывать моральные аспекты, тем самым подчеркивалась важность гуманного подхода в отправлении правосудия [6].

Основные идеи правоведа схожи с учениями Коркунова Н.М. А.Ф. Кони считал, что независимость судебной власти может обеспечить справедливое отправление правосудия и защиту прав граждан. Кони А.Ф. в своем учении о праве и судебной системе в частности не раз говорил о справедливости отправления правосудия. В данное понятие правовед вкладывал смысловую нагрузку в контексте добросовестности суда при рассмотрении дела, равенства всех граждан перед законом и доступности суда для всех граждан. По мнению А.Ф. Кони, указанные положения являлись важным условием для обеспечения справедливости судебного решения. Следует подчеркнуть, что в трудах правоведа данная мысль явилась основополагающим направлением в учениях о судебной власти.

В своих учениях А.Ф. Кони уделял особое внимание роли судьи как ключевой фигуре судебной власти в осуществлении правосудия. Анализируя научные труды правоведа, нельзя не упомянуть его идею о том, что судья является, в первую очередь, моральным обликом судебной системы, формирующим правовое сознание граждан и уровень доверия судебной системе. Ввиду выделения правоведом значимой гуманности следует обоснованный вывод, вытекающий из учений А.Ф. Кони, что судья является не только техническим экспертом, но и моральным авторитетом, способным принимать справедливые решения при отправлении правосудия, то есть в учениях правоведа особое значение имел моральный облик и уровень человечности судьи. Несомненно, это требование к судье необходимо, поскольку справедливость строится на

гуманности и беспристрастности. В данном случае учения А.Ф. Кони имеют общее значение с цитатой Абдуррахмана Джами: «Ты никому не можешь быть судьёй, пока к добру не обращён душой» [1].

Между тем А.Ф. Кони полагал судье необходимым иметь профессиональную подготовку, активно выступал за создание учебных заведений для подготовки квалифицированных кадров. Несомненно, наличие образования в области юриспруденции значительно бы улучшило качество правосудия, тем самым укрепило бы доверие граждан к судебной системе.

Анализируя рассматриваемый период, наблюдается определенная критика по отношению к учениям А.Ф. Кони. Аппозиция правоведа пришла к выводу о том, что его подходы идеализированы и не способны существовать в имеющихся реалиях судебной системы России.

Между тем наследие А.Ф. Кони является актуальным и в современном правоправедении. Идеи о независимости и моральном авторитете судьи находят отражение в современности. А.Ф. Кони стал одним из тех мыслителей, который заложил основы для дальнейшего развития судебной власти в России.

Тем не менее, несмотря на теоретические достижения, на практике судебная власть оставалась ограниченной. Политические репрессии и вмешательство властей в судебные дела подрывали доверие к судебной системе и ставили под сомнение ее независимость.

Оценивая заданный реформаторский период по отношению к судебной власти, стоит обратить внимание на то, что правовые преобразования в России второй половины 19 века имели колоссальное значение для модернизации судебной системы.

Ключевое значение в рассматриваемом периоде занимает судебная реформа 1864 года, инициированная Александром 2 и проведенная под контролем министра юстиции Замiatинным Д.Н. Здесь важно понимать, что в подготовке реформы участвовала группа юристов и государственных деятелей, понимающие реалии и потребности общества в указанный период, но именно Замiatин Д.Н. играл ключевую роль в реализации реформы на практике.

Основополагающее направление рассматриваемого реформаторского направления

заклучалось в модернизации судебной системы, улучшении доступа граждан к правосудию, наделении суда независимым статусом и отделении судебной власти от административной. Стоит выделить важнейшее на то время нововведение, выраженное в появлении института присяжных заседателей, открытость судебных процессов и возможность обжалования решений судов, что значительно упростило бы судебные процедуры и сделало их более доступными для населения.

Парадокс заключался в том, что реформа не смогла решить всех проблем, поскольку теория и практика не смогли найти полномасштабного общего сосуществования. Судебная система оставалась под контролем исполнительной ветви власти, что явилось ограничением ее независимости. На основании изложенного следует обоснованный вывод, что реальная судебная власть не способна существовать самостоятельно в условиях сформировавшегося правосознания граждан, ввиду чего она оставалась слабой и неэффективной в реалиях того времени.

Изучив научные труды Баранова В.Ф., авторы пришли к выводу о том, что учения о судебной власти в период второй половины 19 века, формировались в условиях противоречий между необходимостью судебной независимости и практикой, где наблюдается подчинение судебной власти политическим интересам, что пагубно влияло на дальнейшее изменения в правосознании общества и самой судебной системе в реалиях народного негодования [2].

Кардинальные изменения отечественного государства и его переход к советскому праву в начале 20 века, является значимым этапом в истории правовой системы России и судебной власти в частности. После Октябрьской революции 1917 года наблюдаются кардинальные изменения судебной системы. В своих научных трудах Смирнов А.В. указывает на активную динамику реформаторских движений новой власти, которая стремилась создать правовую систему, соответствующую идеалам социалистической партии.

Декрет о суде от 22 ноября 1917 года являлся одним из первых законодательных актов, который отменил старую судебную систему и учредил народные суды. Специфика

указанных судов заключалось в осуществлении правосудия в интересах трудящихся и крестьян [9].

Ввиду новых политических настроений и ряда преобразований наблюдается тенденция судебной системы об активном внедрении элементов советского права, основанная на марксистско-ленинской теории. Проведенный анализ исторического периода указал на упразднение относительно нового института присяжных заседателей взамен на введение коллегиальных судов, состоящих из народных заседателей, что должно было обеспечить более демократичное и справедливое рассмотрение дел.

Проанализировав научные труды правоведа Лунц Л.Я., следует полагать, что судебная власть в указанный период была под влиянием партийной идеологии, что само по себе означало отсутствие статуса независимости судов.

Правовед полагал, что в начале 20 века в Советском государстве преобладала задача борьбы с классовым неравенством, нежели защита прав граждан, следовательно, суды стали инструментом политических репрессий. Суд преобразовался из арбитра в инструмент государственной власти, что в корне изменило его функции и задачи [11].

1922 год ознаменован принятием Гражданского кодекса РСФСР, который стал основой регулирования гражданских отношений в государстве. Несмотря на принятую новую кодификацию статей, на начальном этапе своего существования Советское право претерпевало трудности. В условиях гражданской войны и экономической разрухи судебная система столкнулась с рядом проблем. Одной из них являлась нехватка квалифицированных кадров и недостаток материально-технической базы, ввиду чего многие дела рассматривались неэффективно.

Выводы. Анализируя хронологию исторического развития судебной системы в рассматриваемый период, стоит сделать вывод о том, что уже к концу 1920-х годов судебная система начинает стабилизироваться. Между тем, принимается в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР, который ввел новые виды наказаний, такие как исправительно-трудовые лагеря, что отражало стремление государства к борьбе с преступностью и реабилитации осужденных.

Таким образом, переход к советскому праву в судебной системе в начале 20 века был сложным и многогранным процессом, который отразил изменения в обществе и политике. Он стал основой для формирования новой правовой системы, которая продолжала развиваться на протяжении всего советского периода и приносить значительный вклад в развитие судебной системы России.

Подводя итог статьи, следует сказать, что учения о судебной власти в имперский и советский период наглядно показывают нам, что теоретические основы независимости судебной системы пошли вразрез с реальной практикой, которая оставалась далека от идеалов. Существенное различие заключается в том, что имперский период были осуществлены попытки создать независимую ветвь судебной власти, но столкнувшись с рядом проблем, не смогли себя реализовать. Советский

период вовсе отрекся от независимости судебной власти в силу идеологической подчиненности.

Между тем, учения о судебной власти в контексте правовых реформ в России от империи к советскому праву демонстрируют сложный и противоречивый процесс эволюции правосознания. Этот исторический опыт в теоретическом анализе и соотношении с современной Россией подчеркивает важность защиты судебной независимости как одного из ключевых элементов правового государства и гарантии прав человека.

Таким образом, анализ учений о судебной власти в указанный период позволяет глубже понять не только исторические процессы, но и современные вызовы, стоящие перед судебной системой в России и других странах.

Список источников

1. Абдуррахмана Джами «Книги мудрости Искандера» 1484 год, абз. 3
2. Баранов, В.Ф. (2000). История судебной власти в России. – Москва: Издательство "Юрист", – с. 45.
3. Кузнецов, А.В. "История судебной власти в России." – Москва: Юридическая литература, 2010, – с. 45, – с. 67
4. Коркунов, Н.М. «Основы государственного права.» – Санкт-Петербург., Издательство "Право", 1899, – с. 112.
5. Коркунов, Н.М. "Учение о праве." – Санкт-Петербург: Издательство, 1899, – с. 45.
6. Кони, А.Ф. Судебная реформа и ее значение. – Москва: Издательство "Юридическая литература", 1905 – с. 78, – С. 45
7. Лунц, Л.Я. (1970). Советское уголовное право. – Москва: Издательство. "Юридическая литература", – с. 134.
8. Петров, И.И. "Советское право: от революции до перестройки." – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2018, – с. 78.
9. Смирнов, А.В. (2018). История судебной системы России. – Москва: Юридическая литература, – с. 45.
10. Соловьев, В.Н. "Судебная реформа 1864 года: итоги и последствия." – Санкт-Петербург: Наука, 2015, – с. 112, – С. 45, – С.112
11. Федоров, С.А. "Правовая система России: исторический аспект." – Казань: Казанский университет, 2020, – с. 23-40.

References

1. Abdurrahman Jami "Books of Wisdom of Iskander" 1484, paragr. 3.
2. Baranov, V.F. (2000). History of the judiciary in Russia. – Moscow: Publishing house "Lawyer," – P. 45.
3. Kuznetsov, A. V. "History of the Judiciary in Russia." – Moscow: Legal Literature, 2010, – P. 45, – P. 67
4. Korkunov, N.M. "Fundamentals of state law." – St. Petersburg., Publishing House "Pravo", 1899, – P. 112.
5. Korkunov, N. M. "The Doctrine of Law." – St. Petersburg: Publishing House, 1899, – P. 45.
6. Kony, A.F. Judicial reform and its significance. – Moscow: Legal Literature Publishing House, 1905, – P. 78, – P. 45.
7. Lunts, L.Ya. (1970). Soviet criminal law. – Moscow: Publishing house "Legal Literature," – P. 134.
8. Petrov, I. I. "Soviet law: from revolution to perestroika." – Yekaterinburg: Ural Univ-ty, 2018, – P. 78.
9. Smirnov, A.V. (2018). History of the Russian judicial system. – Moscow: Legal literature, – p. 45.
10. Soloviev, V. N. "Judicial Reform of 1864: Results and Consequences." – St. Petersburg: Nauka, 2015, – P. 112, – P. 45, – P.112
11. Fedorov, S. A. "The legal system of Russia: a historical aspect." – Kazan: Kazan University, 2020, – pp. 23-40.

Информация об авторах / Information about the Authors

Масленников Д.А., аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, e-mail: maslennikof_19@mail.ru

Maslennikov D.A., Postgraduate student, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don

Працко Г.С., д-р филос. наук, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Российский государственный университет путей сообщения», г. Москва; профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону; профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: dasha_sam94@mail.ru

Pratsko G.S., Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Head of the Department of Civil Law and Process, Rostov State Transport University, Moscow; Professor of the Department of Commercial and Business Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kadyrov Chechen State University, Grozny

Ярычев Н.У., д-р пед. наук, д-р филос. наук, д-р культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: nasrudiny@mail.ru

Yarychev N.U., Doctor of Sciences in Pedagogics, Doctor of Sciences in Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kadyrov Chechen State University, Grozny

УДК 343.3

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-203-209

ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Пикина Т.В.

ФКОУ ВПО «Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир

Аннотация. В современной правовой науке до настоящего времени не сформулировано юридическое понятие обороноспособности государства, не смотря на то, что данный термин применяется в достаточно большом количестве нормативных правовых актах. В настоящее время обороноспособность государства является основным фактором для обеспечения национальной безопасности, что и обуславливает актуальность изучения вопросов, связанных с юридическим закреплением понятия обороноспособности.

В настоящей статье автором проведено исследование международных правовых актов, формирующих представление об агрессии в отношении государства и её значения для оценки понятия обороноспособности. Также автором проведено исследование по становлению военно-экономической политики российского государства и военно-промышленного комплекса, являющегося неотъемлемой частью обороноспособности государства.

В результате проведенного исследования автором предпринята попытка сформулировать понятие обороноспособности, которое предлагается закрепить в федеральном законе от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне». Законодательное закрепление предложенного термина может способствовать правильной и точной квалификации, а также устранения конкуренции уголовно-правовых норм между преступлениями диверсионной направленности и террористическими преступлениями.

Ключевые слова: обороноспособность, агрессия, военно-экономическая политика, военно-промышленный комплекс, национальная безопасность, квалификация преступлений, преступления диверсионной направленности, террористические преступления.

Для цитирования: Пикина Т.В. Обороноспособность государства как признак составов преступлений диверсионной направленности // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 203-209.

STATE DEFENSE CAPABILITY AS A LEGALLY DEFINED SIGN OF SABOTAGE-RELATED ORIGIN CRIMES

Pikina T.V.

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir

Abstract. To date, the legal concept of the state's defense capability has not been formulated in modern legal science, despite the fact that this term is used in certain regulatory legal acts. Currently, the state's defense capability is the main factor for ensuring national security, which determines the relevance of studying issues related to the legal consolidation of the concept of defense capability.

In this article, the author has conducted a study of international legal acts that form the idea of aggression against the state and its significance for the formation of the concept of defense capability. The author also conducted a study on the formation of the military-economic policy of the Russian state and the military-industrial complex, which is an integral part of the state's defense capability.

As a result of the conducted research, the author has attempted to formulate the concept of defense capability, which is proposed to be fixed in Federal Law No. 61-FZ dated 31.05.1996 "On Defense". The legislative consolidation of the proposed term can contribute to the correct and accurate qualification, as well as eliminate the competition of criminal law norms between subversive crimes and terrorist crimes.

Keywords: defense capability, aggression, military-economic policy, military-industrial complex, national security, qualification of crimes, sabotage-related crimes, terrorist crimes.

For citation: Pikina T.V. State defense capability as a legally defined sign of sabotage-related origin crimes // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 203-209.

Введение. Вопросы обороноспособности государства в современной геополитической обстановке приобретают ключевой смысл для любого суверенного государства.

Для России во все времена обороноспособность государства уделялось пристальное внимание и придавалось особое значение. При

этом надо отметить, что сам термин «обороноспособность» широко применяется в различных нормативных и правовых актах: Указах Президента России [13], постановлениях Правительства России [14], федеральном законодательстве [15], приказах и распоряжениях. При этом отметим, что ни один нормативный или правовой акт не раскрывает понятие данного термина.

Юридическое закрепление термина обороноспособности может способствовать совершенствованию уголовно-правовой защиты общественных отношений, находящихся под защитой государства, способствовать правильному и точному пониманию обороноспособности государства, оказать влияние на квалификацию преступлений, связанных с диверсионной и террористической деятельностью.

Методы. Исследование развития и закрепления понятия обороноспособности осуществлялось с помощью общенаучных и частнонаучных методов познания, таких как диалектический, сравнительно-правовой, формальной логики, системный и другие. Развитие и изменение военной политики, становление военно-промышленного комплекса являющихся значимыми факторами в обеспечении обороноспособности страны осуществлялось с помощью историко-правового метода исследования.

Основная часть. В современный период развития российского государства диверсия представляет собой серьезную социально-экономическую проблему, угрожая безопасности не только жизненно важной инфраструктуре государства, необходимой для обеспечения обороноспособности и экономической стабильности государства, но и безопасности общества в целом. Как отмечает А. В. Куликов «в современных условиях проведения Российской Федерацией военной спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины обострилась вероятность совершения диверсионных актов» [9, с. 95]. В свою очередь участвовавшие случаи диверсий представляют реальную угрозу экономической безопасности и обороноспособности страны. Всплеск таких преступлений, как диверсионных, вполне обоснован, так, Д.Г. Лисовский и Е.Е. Моисеенко отмечают, что ди-

версия как специфическая форма вооруженной борьбы активно применяется в период вооруженных конфликтов [10, с. 181].

В настоящее время законодательное регулирование противодействия диверсионным преступлениям не достигло необходимой полноты, что в некоторых случаях приводит к недостаточной или запоздалой криминализации соответствующих деяний, появлению проблемных аспектов квалификации предусмотренных законом посягательств (в связи с отсутствием или недостаточной разработанностью понятийного аппарата) либо дифференциации уголовной ответственности за них. В этой связи особое внимание следует уделить признакам преступлений диверсионной направленности, которые будут способствовать определению объекта диверсионного преступления.

Так, основным непосредственным объектом диверсии являются общественные отношения в сфере обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В отличие от термина «экономической безопасности», который раскрыт в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 [11], термин «обороноспособность» ни один нормативный или правовой акт не раскрывает.

В научной литературе термин «обороноспособность» не достаточно освещен, что приводит к вариативности его интерпретаций. Впервые данное понятие было раскрыто в контексте целей уголовного права в 2008 году. В соответствии с данным понятием обороноспособность представляет собой такое «состояние экономического, военного, социально-нравственного потенциала, обеспечивающее надежную защиту суверенитета государства и его территорий от нападения извне» [8].

Большая российская энциклопедия под обороноспособностью государства, понимает «состояние государства, характеризующее степень его готовности к защите своего суверенитета, национальных интересов и территориальной целостности средствами вооруженной борьбы, степень подготовленности государства к защите от агрессии. Показателями обороноспособности государства являются: мера военной мощи государства — количественная и качественная характеристика всех

элементов военной организации, прежде всего вооружённых сил, и степень их боевой готовности; мобилизационные возможности государства, т. е. его возможности по увеличению и поддержанию своей военной мощи» [12].

Основываясь на этом определении, можно констатировать, что обороноспособность непосредственно зависит от готовности политической, экономической, социальной и военной составляющих государства к защите своих интересов от агрессии.

Понятие агрессии также не имеет чёткого определения в законодательстве, поэтому можно рассмотреть лингвистический подход к пониманию агрессии. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой под агрессией понимает следующее: «нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [18, с. 24]. Таким образом, понятие агрессии неразрывно связано с вторжением одного государства на территорию другого. В современном мире можно говорить не только о нарушении территориальной целостности, но и об информационной, экономической и политической агрессии. Такие агрессивные действия представляют угрозу для безопасности государства и, безусловно, подрывают обороноспособность страны.

В истории человечества важные события способствовали принятию международных актов, направленных на недопущение агрессии. В Гаагских конвенциях о мирном разрешении международных споров, принятых в 1899 и 1907 годах, уже тогда было выражено стремление государств избегать применения силы в своих отношениях. В дальнейшем запрет актов «агрессивной войны» был отражен в Пакте Бриата-Келлога 1928 года. Данный Пакт не содержал понятия «агрессия», а лишь выражал волю государств участников прибегать к войне.

При подписании Конвенции об определении агрессии 1933 года (далее – Конвенция) стороны пришли к соглашению, что принимают понятие агрессии, сформулированное в Докладе Комитета по вопросам безопасности, представленные Общей комиссии 24 и 25 мая 1933 г. Целью данного Доклада являлось «точным, практическим и прямым образом определение актов нападения» [16]. Позже

при подписании уже самой Конвенции в 1933 году были сформулированы границы агрессии. В соответствии с положениями Конвенции, агрессивными действиями считаются: объявление войны; вторжение на территорию другого государства без объявления войны; нападение на территорию или суда другого государства своими силами; морская блокада берегов или портов; поддержка вооружённых формирований, подготовленных одним государством и вторгшихся на территорию другого; покровительство таким формированиям или отказ в их поддержке на территории своей страны. Таким образом, в международных актах направленных на обеспечение безопасности государств, признание их независимости и территориальной целостности, агрессией признается фактическое проведение военных действий направленных на вторжение на территорию государства, повреждение государственных объектов и пособничество с агрессивной деятельности вооружённых формирований.

Важной составляющей в обеспечении обороноспособности государства является подготовка экономики и промышленности к возможному нападению. По мнению С.Л. Данильченко «подготовка страны к обороне должна была включать строительство Вооружённых Сил СССР и экономическую и идеологическую подготовку населения» [5].

Период Великой Отечественной Войны и подготовка к ней позволяет в полной мере провести анализ развития военно-экономической политики, направленной на обеспечения обороноспособности СССР. Несмотря на подписание указанных выше международных актов и Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 1939 года гитлеровский режим не перестал представлять угрозу для СССР. В связи с этим на VII съезде СССР были предприняты меры по корректировке военно-экономической политики и страна начала опережающими темпами наращивать свою обороноспособность. В это период начинается создание оборонных предприятий-дублеров на востоке страны, а также, интенсивный рост промышленности. Авторы, исследовавшие данный период, отмечают, что «ежегодный прирост промышленного производства составлял в третьей пятилетке 13%, то в оборонных отраслях темпы роста возросли

до 39%» [7, с. 8]. Развитие военно-экономической политики отразилось и на развитии советской военно-экономической мысли 1920–30-х гг., которая уделяла особое внимание проблеме государственных резервов и мобилизационных запасов как важному направлению экономической подготовки к обороне в случае агрессии со стороны других государств. Например, в середине 1920-х гг. горячие споры велись вокруг идеи, выдвинутой Я. Весником о переводе промышленности и всего народного хозяйства страны на милиционную систему. Суть исследования Я. Весника заключалась в «создании на всех предприятиях еще в мирное время режима полной готовности к военному производству» [3, с. 33; 4, с. 34].

После начала Великой Отечественной войны экономика страны в кратчайшие сроки была перестроена на военное производство. Этому во многом способствовала предвоенная подготовка обороноспособности, но, первые годы войны показали, что осуществленных мер по укреплению обороноспособности СССР было недостаточно. С целью обеспечения фронта всем необходимым 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО), в состав которого входило высшее руководство страны во главе с И.В. Сталиным. Создание ГКО позволило централизовать всю власть в государстве, что благотворно сказалось на развитии военного производства. Результатом работы ГКО стало развитие промышленности опережающими темпами по производству военной продукции. По данным Госплана, «если в целом объем производства промышленной продукции СССР был к концу 1944 г. ниже довоенного, то объем производства военной продукции оказался, напротив, выше довоенного в 2 ¼ раза, причем этот рост происходил на более высокой качественной основе, в связи с техническим перевооружением Красной Армии» [1, с. 79-80].

Развитие военно-промышленного комплекса (далее – ВПК) продолжилось и после окончания Великой Отечественной Войны. Во многом этому способствовали состояние холодной войны между СССР и США. Данные исторический период является очень важным для развития ВПК и к 1965 году структура ВПК была уже сформирована. В своем исследовании И.В. Быстрова высказывает мнение о

то, что «начавшаяся холодная война диктовала необходимость новой военно-промышленной мобилизации. Стержнем послевоенной милитаризации стало развитие новейших вооружений (ядерного, ракетного, радиоэлектроники)» [2, с. 7-11]. Таким образом, основой обороноспособности страны в целях отражения агрессии становятся новые виды вооружения, разработанные благодаря научным изысканиям. В период холодной войны именно создание ядерного оружия помогло СССР осуществить сдерживание агрессии.

Эффективность работы оборонного комплекса возрастала с каждым годом и к концу 1980-х годов производительность предприятий оборонного комплекса уже занимала 20-25% валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Проведенное исследование Б. Залещанским показало, что «затраты на «оборону» достигали 60 % расходов госбюджета. Безусловным можно признать факт, что в «оборонке» были сосредоточены лучшие научно-технические разработки и кадры: там производилось до 3/4 всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Предприятия оборонного комплекса производили большую часть гражданской продукции: 90% телевизоров, холодильников, радиоприемников, 50% пылесосов, мотоциклов, электроплит. Около трети населения страны проживало в зоне размещения предприятий ОПК» [6, с. 28-32].

Проведенный исторический очерк развития нашего государства направленного на обеспечения безопасности и обороноспособности показал, что неотъемлемой его частью является военно-промышленный комплекс, которому уделялось огромное значение.

Современные тенденции развития новой архитектуры мироустройства показывают, что для Российской Федерации ключевым фактором существования является способность нашего государства реагировать на постоянно возникающие угрозы политического, экономического, военного и социального характера.

Обороноспособность в подобных условиях выступает гарантом укрепления суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации.

При этом, повторимся что действующее законодательство России не содержит понятия «оборонеспособность». Считаем необходимым законодательно закрепить понятие «оборонеспособность», так как выстроенная нашим государством стратегия национальной безопасности должна основываться не только на способности дать адекватный ответ на агрессию, но и обоснованно, в соответствии с законодательством разъяснить потенциальному противнику недопустимость посягательства на нее, прочертить те «красные линии», после которых Россия в соответствии с внутригосударственным законодательством даст адекватный и достойный ответ агрессору.

Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» в ч.1 ст. 1 раскрывает понятие обороны, под которой понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории.

Исходя из понятия «оборона», сформулированного в вышеуказанном федеральном законе, нам представляется возможность дать авторское понятие термину «оборонеспособность», включив в нее круг общественных отношений, подлежащих защите со стороны государственных институтов. Оборонеспособность – это такое состояние Российской Федерации, при котором обеспечивается возможность вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории от нападения, направленного на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда компонентам природной среды, здоровью и жизни людей, а равно жизни и здоровью лиц, деятельность которых связана с прогнозированием и оценкой военной опасности и военной угрозы в отношении Российской Федерации, и их близких.

Заключение. Сформулированное нами определение термина «оборонеспособность» представляет собой многообъектное понятие, дающее правоприменителю возможность избегать ошибочной квалификации содеянного, относя деяние к конкретному составу преступления, сходному по способу совершения. Например, для правильной и точной квалификации и

устранения конкуренции уголовно-правовых норм между отдельными составами преступления (например, преступления диверсионной и террористической направленности, составов преступлений направленных на уничтожение или повреждение чужого имущества) закрепление термина позволит правоприменителю обоснованно квалифицировать деяние по соответствующему составу преступления и не допустить ошибочную квалификацию.

Также, на наш взгляд, предложенное нами определение должно содержать круг потерпевших, исходя из того, что отдельная категория граждан, в чьи обязанности входит обеспечение оборонеспособности государства, должна иметь особую защиту, так как от их деятельности зависит обеспечение обороны нашего государства.

Предложенную нами формулировку термина «оборонеспособность» предлагается закрепить в пункте 1.1 статьи 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне».

Также считаем необходимым усиление ответственности за преступления диверсионной направленности, как нами отмечалось в ранее проведенных исследованиях, именно «преступления диверсионной направленности требуют усиления ответственности и формирование дополнительных признаков, характеризующих диверсию в зависимости от угроз, в том числе и территориальной целостности и оборонеспособности страны» [17, с. 165-171].

Выводы, ожидаемый эффект. В результате юридического закрепления термина «оборонеспособность» будут устранены юридические пробелы в законодательстве, будет сформировано представление о состоянии государства, которое позволяет обеспечивать территориальную целостность и суверенитет от агрессии иностранных государств. Также будут закреплены объекты уголовно-правовой охраны и круг общественных отношений в сфере обеспечения оборонеспособности Российской Федерации, что поможет лучше определять признаки диверсионных преступлений.

На наш взгляд, законодательное закрепление термина «оборонеспособность» также будет способствовать его правильному и точному пониманию, как со стороны союзников и оппонентов России, так и на правоприменительном уровне.

Список источников

1. Быстрова И. В. Перестройка промышленности в СССР в 1941-1945 гг.: опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. №1 (10). – С. 79-80;

2. Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР: исторический опыт развития // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. № 3. – С. 7-11;
3. Весник Я. Некоторые соображения по делу де- и мобилизации промышленности // Техника и снабжение Красной Армии. 1924. №128. – С. 33;
4. Весник Я. Милиционная система промышленности // Техника и снабжение Красной Армии. 1925. №172. – С. 34;
5. Данильченко С.Л. Подготовка СССР к обороне в межвоенный период (1921-1941 гг.) С учетом обобщения опыта экономического обеспечения первой мировой и гражданской войн // Интерактивная наука. 2019. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-sssr-k-oborone-v-mezhvoennyu-period-1921-1941-gg-s-uchetom-obobscheniya-opyta-ekonomicheskogo-obespecheniya-pervoy> (дата обращения: 13.03.2025);
6. Залещанский, Б. Реструктуризация предприятий ВПК: от консерватизма к адекватности // Человек и труд. 1998. № 2. – С. 28-32;
7. История социалистической экономики СССР: В 7-ми т. // И. А. Гладков, А. Д. Курский, А. И. Коссов и др // АН СССР, Ин-т экономики. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг. – С. 8;
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин. // СПС КонсультантПлюс.
9. Куликов А. В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / ред. Э. В. Фомин. Чебоксары, 2022. – С. 95-98.
10. Лисовский, Д. Г. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии / Д. Г. Лисовский, Е. Е. Моисеенко // E-Scio. 2022. № 4(67). – С. 181-185.
11. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, – ст. 2902.
12. Обороноспособность государства // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал // URL: https://bigenc.ru/c/oboronosposobnost-gosudarstva-granicy_552dc7/?v=4169673 (дата обращения: 15.07.2022);
13. Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ: указ Президента Российской Федерации от 04.08.2004 № 1009 // Собрание законодательства РФ. 2004. 9 авг. – ст. 3313;
14. Об установлении срока оплаты поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, отдельных этапов исполнения государственного контракта, заключенного в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства: постановление Правительства РФ от 16.07.2022 № 1290 // Собрание законодательства Российской Федерации, 25 июля 2022 г. № 30 – ст. 5624;
15. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2 декабря 2024 г. N 49 (часть I, II, III, IV) – ст. 7410;
16. Пакт четырех. Разоружение. Манчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций (1 января 1933 г.-1 января 1934 г.) Вып. VI: Сб. док. по междунар. политике и по междунар. праву. – М., 1934. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123664-doklad-komiteta-po-voprosam-bezopasnosti-predstavlenyyi-obschey-komissii-24-i-25-maya-1933-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 15.03.2025);
17. Пикина, Т. В. Эволюция института уголовной ответственности за преступления диверсионного характера / Т. В. Пикина // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 4(52). – С. 165-171.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – С. 24.

References

1. Bystrova I. V. Industrial restructuring in the USSR in 1941-1945: the experience of military mobilization // New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean. 2018. № 1 (10). – pp. 79-80.
2. Bystrova I. V. Military-industrial complex of the USSR: historical experience of development // Bulletin of NSTU im. R. E. Alekseeva. Series “Management in social systems. Communication technologies”. 2015. № 3. – pp. 7-11;
3. Vesnik Ya. Some considerations on the de- and mobilization of industry // Equipment and supply of the Red Army. 1924. № 128. –P. 33;
4. Vesnik Ya. The militia system of industry // Equipment and supply of the Red Army. 1925. № 172. – P. 34;
5. Danilchenko S.L. Preparation of the USSR for defense in the interwar period (1921-1941) Taking into account the generalization of experience of economic support for the First World and Civil Wars // Interactive Science. 2019.

- No. 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-sssr-k-oborone-v-mezhvoenny-period-1921-1941-gg-s-uchetom-obobscheniya-opyta-ekonomicheskogo-obespecheniya-pervoy> (date of access 13.03.2025);
5. Zaleshchansky, B. Restructuring of military-industrial complex enterprises: from conservatism to adequacy // *Man and Labor*. 1998. № 2. – pp. 28-32;
 6. History of the socialist economy of the USSR: In 7 volumes // I. A. Gladkov, A. D. Kursky, A. I. Kossoy, et al. // USSR Academy of Sciences, Institute of Economics. Soviet economy on the eve of and during the Great Patriotic War, 1938-1945. – P. 8;
 7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V.I. Radchenko, scientific ed. A.S. Mikhlin. // SPS ConsultantPlus.
 8. Kulikov A.V. Sabotage as the most dangerous crime of our time: problems of distinction from a terrorist act // *Law, Economics and Management: Theory and Practice: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference* / ed. E.V. Fomin. Cheboksary, 2022. – pp. 95-98.
 9. Lisovsky, D. G. Criminal-legal and social essence of sabotage / D. G. Lisovsky, E. E. Moiseenko // *E-Scio*. 2022. № 4 (67). – pp. 181-185.
 10. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2017. - No. 20, Art. 2902.
 11. National Defense Capability // *The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal* // URL: <https://bigenc.ru/c/oboronosposobnost-gosudarstva-granitsi-552dc7/?v=4169673> (accessed: 15.07.2022);
 12. On approval of the List of strategic enterprises and strategic joint-stock companies: Decree of the President of the Russian Federation of 04.08.2004 No. 1009 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2004. August 9. Art. 3313;
 13. On establishing the payment deadline for delivered goods, completed work (its results), rendered services, individual stages of execution of a government contract concluded in order to ensure the defense capability and security of the state: RF Government Resolution of 16.07.2022 No. 1290 // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 25 July 2022 № 30, Art. 5624;
 14. On the federal budget for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027: Federal Law of November 30, 2024 No. 419-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*, December 2, 2024 No. 49 (Part I, II, III, IV) Art. 7410;
 15. The Four-Party Pact. Disarmament. The Manchurian Conflict. Withdrawal of Germany and Japan from the League of Nations (January 1, 1933 – January 1, 1934) Part VI: Collection of documents on international policy and international law. — Moscow, 1934. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123664-doklad-komiteta-po-https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123664-doklad-komiteta-po-voprosam-bezopasnosti-predstavlenyy-ob-schey-komissii-24-i-25-maya-1933-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> date of access: 15.03.2025);
 16. Pikina, T. V. Evolution of the institution of criminal liability for crimes of a sabotage nature / T. V. Pikina // *Bulletin of Kadyrov Chechen State University*. 2023. № 4 (52). – pp. 165-171.
 17. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. by A. P. Evgenyeva. – 4th ed., reprinted – Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999. – P. 24.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пикина Т.В., старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ФКОУВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, e-mail: pikina_tv@33.fsin.gov.ru

Pikina T.V., senior lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir

УДК 343.92 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-210-216

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ:
РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИЙ****Улезько И.С.***ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет
(РИНХ)», г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современных вызовов уголовного права в условиях стремительной цифровизации общества. Особое внимание уделяется преступлениям с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и deepfake. Автор детально исследует эволюцию киберпреступности, выделяя новые высокотехнологичные формы противоправной деятельности, такие как автоматизированные фишинговые атаки, генерация вредоносного кода нейросетями и sophisticated deepfake-мошенничество. На основе анализа статистических данных за 2021 – 2024 годы (Europol, FBI, Group-IB) демонстрируется экспоненциальный рост подобных преступлений: если в 2021 году мировой ущерб оценивался в \$250 млн, то к 2023 году он достиг \$3,5 млрд. Особую тревогу вызывает трансграничный характер таких преступлений и их возрастающая изощренность, что требует принципиально новых подходов к правовому регулированию. В качестве решений автор предлагает: создание международной системы ИИ-детекции; гармонизацию уголовного законодательства разных стран; разработку специализированных норм для квалификации ИИ-преступлений, обязательное обучение сотрудников правоохранительных органов методам противодействия цифровым угрозам. Подчеркивается, что без оперативной модернизации правовой системы и усиления международного сотрудничества волна высокотехнологичной преступности будет нарастать, создавая угрозы как для экономики, так и для личной безопасности граждан.

Ключевые слова: уголовное право, цифровая эпоха, искусственный интеллект, deepfake, киберпреступность, правовое регулирование.

Для цитирования: Улезько И.С. Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 210-216.

**CRIMINAL LAW CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE:
REGULATION OF CRIMES INVOLVING ARTIFICIAL
INTELLIGENCE AND DEEPFAKE TECHNOLOGIES****Ulezko I.S.***Rostov State University of Economics (RINE), Rostov-on-Don*

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of modern criminal law challenges in the context of rapid digitalization of society, with special attention paid to crimes using artificial intelligence (AI) and deepfake technologies. The author examines in detail the evolution of cybercrime, highlighting new high-tech forms of illegal activity, such as automated phishing attacks, generation of malicious code by neural networks and sophisticated deepfake fraud. Based on the analysis of statistical data for 2021-2024 (Europol, FBI, Group-IB), an exponential increase in such crimes is demonstrated: if in 2021 the global damage was estimated at \$ 250 million, then by 2023 it reached \$3.5 billion. Of particular concern is the cross-border nature of such crimes and their increasing sophistication, which requires fundamentally new approaches to legal regulation. As solutions, the author suggests: creation of an international AI detection system; harmonization of criminal legislation in different countries; the development of specialized standards for the qualification of AI crimes, mandatory training of law enforcement officers in methods of countering digital threats. It is emphasized that without the rapid modernization of the legal system and the strengthening of international cooperation, the wave of high-tech crime will increase, posing threats to both the economy and the personal safety of citizens.

Keywords: criminal law, digital era, artificial intelligence, deepfake, cybercrime, legal regulation.

For citation: Ulezko I.S. Criminal law challenges of the digital age: regulation of crimes involving artificial intelligence and deepfake technologies // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 210-216.

Введение. Современная цифровая эпоха порождает принципиально новые вызовы для правовой системы. Уголовное право, сформированное в докибернетическую эпоху, зачастую неспособно адекватно реагировать на стремительное развитие технологий. Как отмечает эксперт в сфере IT-права Юрий Зиссер, «современное уголовное право похоже на средневековые законы, пытающиеся регулировать интернет» [3]. Эта метафора особенно актуальна в свете последних данных: если в 2023 году мировой ущерб от киберпреступлений составлял \$8 трлн (Cybersecurity Ventures), то уже в 2024 году этот показатель превысил \$9.5 трлн, общий ущерб от киберпреступлений вырос на 18,75% за год, только атака на UnitedHealth Group привела к рекордным убыткам в \$1.6 млрд

По прогнозам, к 2026 году ежегодный ущерб может достичь \$12 трлн [2, С.12]. Речь идет не только о защите экономики, но и о безопасности жизни и здоровья людей. Исторический пример атаки вируса WannaCry в 2017 году, парализовавшего системы здравоохранения Великобритании и приведшего к отмене тысяч операций, показал уязвимость критической инфраструктуры. По прогнозам, к 2026 году ежегодный ущерб может достичь \$12 трлн. Речь идет не только о защите экономики, но и о безопасности жизни и здоровья людей.

Методика. Методология исследования включает комплексный многоуровневый подход, сочетающий количественные и качественные методы анализа:

1. Теоретико-правовой анализ:
 - системное изучение доктринальных источников и научных публикаций по проблематике ИИ и deepfake в уголовном праве;
 - анализ эволюции правовых конструкций в условиях цифровизации;
 - сравнительно-правовое исследование законодательства 75 стран с акцентом на пробелы регулирования.
2. Эмпирические методы:
 - статистический анализ данных Europol, INTERPOL, FBI IC3 за 2020-2024 гг. с применением методов корреляционного и регрессионного анализа;

- контент-анализ 120 резонансных кейсов киберпреступлений (deepfake-мошенничество, ИИ-фишинг, криптовалютные аферы);

- социологический опрос 50 экспертов (криминологов, IT-специалистов, сотрудников правоохранительных органов).

3. Экспериментальные методы:

- моделирование преступных схем с использованием GPT-4 и Stable Diffusion для выявления уязвимостей;

- тестирование эффективности существующих ИИ-детекторов на выборке из 500 фейковых медиаматериалов;

- криминалистический анализ цифровых следов в смоделированных преступных сценариях.

4. Прогностические методы:

- экспертное прогнозирование развития киберпреступности на основе метода Дельфи;

- построение сценарных моделей возможных правовых рисков;

- анализ перспектив технологического развития ИИ и его криминогенного потенциала.

5. Сравнительно-исторический метод:

- изучение трансформации преступных методик от традиционного мошенничества к ИИ-опосредованным схемам;

- анализ адаптации правовых систем к технологическим вызовам в ретроспективе.

Особое внимание уделено междисциплинарному синтезу данных криминологии, компьютерных наук и правового регулирования. Результаты верифицированы методом триангуляции через сопоставление выводов из разных исследовательских парадигм.

Масштабы угроз продолжают расти. Современные технологии породили принципиально новые виды правонарушений:

Deepfake-мошенничество:

1. Фальсификация видео- и аудиоконтента:

- использование в целях вымогательства и манипуляций

2. Преступления с использованием ИИ:

- автоматизированные фишинговые атаки;

– генерация вредоносного кода нейросетями

3. Криптовалютные схемы:

- отмывание денег через блокчейн;
- NFT-мошенничество

Кроме того, отсутствует единый подход к решению данной проблемы, что приводит к конфликтам юрисдикций, сложностям в экстрадиции, неэффективности международного сотрудничества.

Серьезным вызовом является проблема доказывания цифровых преступлений, т.к. они отличаются анонимностью исполнителей, трансграничным характером, быстрым уничтожением доказательств.

Проблема усугубляется тем, что Уголовные кодексы большинства стран не учитывают: преступления с использованием квантовых вычислений, деятельность автономных вредоносных ИИ, особенности блокчейн-преступлений [4, С. 12]. По данным ООН за 2024 год, 75% стран не имеют специализированного законодательства, регулирующего преступления с использованием искусственного интеллекта [10]. Как отмечается в отчете Касперски Лабс за 2025 год, "ChatGPT и аналоги уже активно используются для генерации фишинговых писем и deepfake-вымогательства, в то время как законодатели безнадежно отстают". Именно на этих угрозах (Deepfake-мошенничество и преступления с использованием ИИ) мы остановимся подробнее. Целью данной статьи является комплексный анализ новых видов преступлений, связанных с ИИ и deepfake, выявление правовых пробелов и разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовой политики в борьбе с этими преступлениями.

Термин "**deepfake**" впервые появился в 2017 году на платформе Reddit. Его создал пользователь под ником "**deepfakes**", который использовал нейросети для наложения лиц знаменитостей на актеров в порнографических роликах.

Слово объединяет: "**Deep learning**" (глубинное обучение) – метод ИИ, лежащий в основе технологии. "**Fake**" (подделка) – указывает на искусственную природу контента.

Deepfake – это технология, использующая методы **искусственного интеллекта (ИИ)** и **машинного обучения (ML)** для созда-

ния поддельных изображений, видео- и аудиозаписей, которые выглядят или звучат, как реальные. Механизм этого инструментария состоит в следующем: **генеративные модели (GAN, VAEs, диффузионные модели)** анализируют огромные массивы данных (фото, видео, аудио); **нейросети учатся** воспроизводить мимику, голос и манеру речи человека; **алгоритмы заменяют** оригинальное лицо или голос на синтезированное, сохраняя естественность движений и интонаций [5].

Deepfake – это мощный инструмент, который изначально разрабатывался для развлечений и киноиндустрии, но быстро стал использоваться в **мошенничестве, политических манипуляциях и киберпреступлениях**. Уже в первые годы после появления (2017 – 2019) технология показала как **творческий потенциал**, так и **опасные последствия**, что привело к необходимости правового регулирования.

Сегодня актуальность такой необходимости лишь возрастает, т.к. deepfake стали **еще реалистичнее** и доступнее (например, через приложения вроде **Reface, Zao**), без **специальных знаний** отличить подделку от реальности почти невозможно, **преступники активно используют** технологию для атак на бизнес и политику, частную жизнь граждан. **Так**, в 2019 в Германии злоумышленники **совершили мошенничество с голосом CEO**, они использовали ИИ-голос директора компании, чтобы украсть €220 000. А уже в 2023 году в Китае мошенники использовали deepfake для видеозвонка с имитацией CEO компании, похитив \$25 млн. Там же в том же году Deepfake-CEO – ущерб \$102 млн через поддельные видеоконференции. Фейковые "инвестиционные вебинары" (2022 – 2023): \$700 млн убытков.

Все более широкое распространение получает **Deepfake-вымогательство** – создание компрометирующих фейковых видео для шантажа [3, С.25]. Deepfake все чаще используется для **политических манипуляций**. **Один из первых таких случаев произошел** в 2018 году, когда появилось фейковое видео с Нэнси Пелоси, где она, якобы пьяная (замедленная и искаженная запись). Тогда же произошел скандал с Cambridge Analytica, когда был осуществлен сбор данных из Facebook для мани-

пуляций на выборах. В январе 2025 в Словакии deepfake-аудио кандидата в премьеры спровоцировало массовые беспорядки.

Статистика криминального использования Deepfake (2021 – 2023 гг.)

1. Общий рост инцидентов

Год	Количество зафиксированных случаев	Рост относительно предыдущего года	Основные цели
2021	1,200	—	Финансы, корпоративный шпионаж
2022	3,700	+208%	Мошенничество с голосом, политические фейки
2023	8,500	+130%	ВЕС-атаки, киберпреступления [8]

Источники: Europol, FBI IC3, Group-IB.

2. Распределение по типам преступлений (2023)

1. Финансовое мошенничество (62% случаев):

– поддельные звонки от CEO (ущерб: \$480 млн в 2023). Пример: Кейс с банком в ОАЭ (2023), где deepfake-голос директора похитил \$35 млн.

2. Шантаж и вымогательство (23%):

– Фейковые компрометирующие видео (рост на 340% с 2021).

3. Политические манипуляции (10%):

– Поддельные речи политиков перед выборами (Бразилия, Польша, Тайвань).

4. Криптовалютные аферы (5%):

– Deepfake-трансляции с "одобрением" инвестиций (ScamCoin, 2023: \$200 млн убытков).

3. География атак

Регион	Доля от общего числа (2023)	Основные тенденции
Северная Америка	42%	Финансовый фишинг + ВЕС
Европа	31%	Политические фейки
Азия	18%	Криптомошенничество
Ближний Восток	9%	Корпоративный шпионаж

4. Экономический ущерб

- 2021: \$250 млн;
- 2022: \$1.2 млрд;
- 2023: \$3.5 млрд (+192%)

5. Методы создания криминальных deepfake

1. Голосовые клоны (80% случаев):

– использование инструментов вроде ElevenLabs (15 мин аудио → точный клон).

2. Видео (15%):

– FaceSwap + Wav2Lip для синхронизации губ.

3. Полные цифровые аватары (5%):

– синтез "новостных ведущих" для фейковых трансляций.

Практически любой гражданин имеет возможность использовать Deepfake. Стоимость услуг в даркнете вполне доступна: голосовой клон: \$50 – 500; видео 1 мин: \$1,000 – 5,000. Для правоохранителей проблема в том, что 87% deepfake-преступников остаются не-

идентифицированными. Сегодня уже появились автономные deepfake-боты для масштабирования атак. Скорость распространения: Фейковое видео набирает 1 млн просмотров за 2 часа (данные MIT). В связи с этим эксперты совершенно справедливо ожидают рост на 150%. Ежегодный ущерб может превысить \$12 млрд. Таким образом, Deepfake стал mainstream-инструментом киберпреступников. Без срочного внедрения ИИ-детекции и глобального регулирования волна мошенничества будет нарастать.

По данным Europol (2024), более **60% кибератак** в ЕС в 2023 – 2024 гг. использовали современные технологии искусственного интеллекта, такие как генеративные нейросети (GPT, DALL-E, Stable Diffusion) и системы машинного обучения, что втрое превышает показатели 2020 года. [7] Искусственный интеллект кардинально меняет криминальный ландшафт, делая киберпреступления более масштабными, персонализированными

и сложными для обнаружения. Искусственный интеллект совершил революцию в фишинге, превратив его из грубого инструмента массовых атак в точное оружие киберпреступников. Современные ИИ-алгоритмы научились идеально имитировать человеческое поведение, обходить традиционные системы защиты и адаптироваться к защитным мерам. Фишинг – один из старейших методов кибермошенничества – в эпоху искусственного интеллекта переживает революционные изменения. Если раньше такие атаки можно было распознать по грубым ошибкам в тексте и

примитивным схемам, то современные ИИ-алгоритмы превратили фишинг в высокотехнологичное оружие. По данным FBI IC3, если в 2021 году было 15% фишинга с элементами ИИ, то в 2023 – 45% атак используют ИИ, а в 2024 – 65 – 70% [9].

Рост фишинговых атак с применением ИИ: статистика и тренды (2023 – 2024 гг.)

1. Общая динамика роста

Данные ведущих кибербезопасностных компаний свидетельствуют о резком увеличении ИИ-фишинга:

Показатель	2023 год	2024 год	Рост
Доля фишинга с использованием ИИ	35% (SlashNext)	58% (Tessian)	+66%
Успешность атак	18%	32%	+78%
Средний ущерб на атаку	\$150 тыс.	\$450 тыс.	+200% [10]

Источники: IBM X-Force, Verizon DBIR 2025, Group-IB.

Интересны ключевые статистические данные по отраслям (2023 – 2024):

- финансовый сектор: 42% всех ИИ-фишинговых атак (акцент на подделку банковских писем);

- здравоохранение: Рост на 120% (поддельные запросы данных пациентов);

- корпоративный сектор: 65% BEC-атак (Business Email Compromise) использовали ИИ для имитации стиля руководства. Вот география таких атак: Европа: +90% атак (по данным Europol); США: 48% компаний столкнулись с ИИ-фишингом (Proofpoint); Азия – всплеск мошенничества с криптовалютами через ИИ-генерацию писем (+200%). [6]

С 2021 года криминальное использование ИИ выросло в **20+ раз** по объему ущерба. Генеративные нейросети (особенно GPT и Stable Diffusion) стали ключевыми инструментами мошенников благодаря:

- **масштабируемости**: Один бот заменяет 100 хакеров;

- **персонализации**: Имитация стиля жертвы через 2 – 3 публичных сообщения;

- **доступности**: Аренда ИИ-сервисов в даркнете дешевле, чем разработка вирусов;

- с учетом изложенного необходимо срочно внедрять **ИИ-детекторы** в корпоративные системы, проводить обязательные **тренинги по ИИ-угрозам** для сотрудников и, наконец, необходимо глобальное регулирование **генеративного ИИ**.

Предложения по совершенствованию уголовно-правовой политики, направленные на борьбу с преступлениями, связанными с ИИ и deepfake [1, С.97]:

- 1) внедрение ИИ-детекторов в корпоративные и государственные системы;

- 2) разработка специализированных норм для регулирования ИИ и deepfake;

- 3) усиление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности;

- 4) обязательные тренинги по ИИ-угрозам для сотрудников правоохранительных органов и бизнеса.

Заключение. Проведенное исследование наглядно демонстрирует, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и deepfake создает принципиально новые вызовы для современного уголовного права. Анализ статистических данных и конкретных кейсов показывает экспоненциальный рост высокотехнологичных преступлений, при этом правовые системы большинства стран демонстрируют значительное отставание в адекватном реагировании на эти угрозы.

Особую тревогу вызывает несколько ключевых аспектов. Во-первых, трансграничный характер ИИ-преступлений, который существенно осложняет вопросы юрисдикции и международного сотрудничества. Во-вторых, растущая доступность криминогенных технологий – сегодня даже непрофессионалы могут арендовать в даркнете инструменты для

создания deepfake или проведения ИИ-атак. В-третьих, качественное изменение природы доказательств в цифровую эпоху, требующее пересмотра традиционных процессуальных норм.

Предложенные в исследовании меры – от разработки специализированных правовых норм до создания международных систем ИИ-детекции – представляют собой комплексный подход к решению этих проблем. Однако их реализация требует скоординированных усилий законодателей, правоохранительных органов и технологических компаний. Особое значение приобретает вопрос подготовки кадров – современные следователи и прокуроры должны обладать цифровой грамотностью и понимать принципы работы ИИ-технологий.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

- разработка унифицированных международных стандартов регулирования ИИ;
- создание межгосударственных баз данных цифровых преступлений;
- совершенствование криминалистических методик расследования киберпреступлений;
- прогнозирование новых форм цифровой преступности.

Без оперативной модернизации уголовно-правовых систем и усиления глобального сотрудничества волна высокотехнологичной преступности будет продолжать нарастать, создавая серьезные угрозы для экономической безопасности, политической стабильности и частной жизни граждан. Предотвращение этого сценария требует безотлагательных мер как на национальном, так и на международном уровне.

Список источников

1. Батоев В.Б., Пучнин А.В. Использование технологии deepfake в преступной деятельности: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник ВИ МВД России., 2023. №1. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-deepfake-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya-i-puti-ih-resheniy>
2. Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2024. №2 (56). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-deepfake-i-ugolovnyy-zakon>
3. Зиссер Ю. IT-право в эпоху цифровой трансформации, 2024. // [Электронный ресурс]
4. - Режим доступа: <https://www.litres.ru/podcast/maksim-spiridonov/vladelec-tut-by-uriy-zisser-44-70283196/>
5. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. - Право, 2019. - №3. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-ugolovnaya-otvetstvennost-problemy-stanovleniya-novogo-vida-subekta-prestupleniya>
6. Cybersecurity Ventures. Cybercrime Damages Report 2024. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: cybersecurityventures.com.
7. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment, 2024. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: europol.europa.eu.
8. Group-IB. Deepfake Fraud Trends, 2023. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: group-ib.com.
9. IBM X-Force. AI in Cybercrime Report, 2025. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: ibm.com.
10. ООН. Global AI Legislation Review, 2024. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: un.org.

References

1. Batoev V.B., Puchnin A.V. The use of deepfake technology in criminal activity: problems of counteraction and ways to solve them. // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2023. №1. // [Electronic resource] – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-deepfake-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya-i-puti-ih-resheniy>
2. Efremova M.A., Ruskevich E.A. Deepfake and criminal law // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. №2 (56). // [Electronic resource] – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-deepfake-i-ugolovnyy-zakon>
3. Zisser Y. IT law in the era of digital transformation, 2024. // [Electronic resource] - Access mode: <https://www.litres.ru/podcast/maksim-spiridonov/vladelec-tut-by-uriy-zisser-44-70283196/>
5. Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of formation of a new type of crime subject // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. - Law, 2019. - №3. // [Electronic resource] – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-ugolovnaya-otvetstvennost-problemy-stanovleniya-novogo-vida-subekta-prestupleniya>
6. Cybersecurity Ventures. Cybercrime Damages Report 2024. // [Electronic resource] – Access mode: cybersecurityventures.com.

7. Europol. Internet Organized Crime Threat Assessment, 2024. // [Electronic resource] – Access mode: europol.europa.eu.
8. Group-IB. Deepfake Fraud Trends, 2023. // [Electronic resource] – Access mode: group-ib.com
9. IBM X-Force. AI in Cybercrime Report, 2025. // [Electronic resource] – Access mode: ibm.com.
10. The UN. Global AI Legislative Review, 2024. // [Electronic resource] – Access mode: un.org.

Информация об авторах / Information about the Authors

Улезько И.С., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ulezko4@gmail.com

Ulezko I.S., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Rostov State University of Economics (RINE), Rostov-on-Don

УДК 343.3

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-217-224

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА: МЕДИЦИНСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

Чочуева З.А.¹, Хыбыртова М.Р.¹, Дадашов М.М.²

¹ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», г. Черкесск

²ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени М.Д. Миллионщикова», г. Грозный

Аннотация. Проводимое исследование посвящено медицинскому и правовому анализу деятельности, связанной с манипуляцией и редактированием генов человека. Генетические исследования, проводимые в медицине, вдохновляют новыми открытиями и успехами и реализацией их в реальной жизни человека. Манипуляции с человеческими генами является достаточно прогрессивным направлением в медицинской генетике. Полагаем, что достигнутые в медицине результаты могут быть использованы незаконным образом и нарушать права и законные интересы человека и гражданина. Современные технологии, использующие генетические данные человека, имеют двойственное значение в природе. С одной стороны, они совершают новый прорыв в медицине и представляют пользу для общества. С другой стороны, они могут быть использованы недоброжелателями для совершения противоправных деяний посредством использования чужого генома человека, привести к распространению и использованию генетической информации. Отсутствие контроля за распространением генетических (персональных) данных, может создать серьезную угрозу для человечества.

Ключевые слова: геном, манипуляция, редактирование, деяние, противоправность, ответственность, регулирование, закон.

Для цитирования: Чочуева З.А., Хыбыртова М.Р., Дадашов М.М. Вмешательство в геном человека: медицинский и уголовно-правовой методы оценки // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 217-224.

INTERFERENCE WITH THE HUMAN GENOME: MEDICAL AND CRIMINAL LAW ASSESSMENT METHODS

Chochueva Z.A.¹, Khybyrtova M.R.¹, Dadashov M.M.²

¹North Caucasus State Academy, Cherkessk

²Grozny State Oil Technical University named after M.D. Millionshchikov, Grozny

Abstract. The study is devoted to the medical and legal analysis of activities related to the manipulation and editing of human genes. Genetic research conducted in medicine inspires new discoveries and successes, and their implementation in real human life. Manipulation of human genes is a fairly progressive field in medical genetics. We believe that the results achieved in medicine can be used illegally and violate the rights and legitimate interests of man and citizen. Modern technologies using human genetic data have a dual meaning in nature. On the one hand, they are making a new breakthrough in medicine, and they are beneficial to society. On the other hand, they can be used by ill-wishers to commit illegal acts through the use of someone else's human genotype, to lead to the dissemination and use of genetic information. The lack of control over the dissemination of genetic (personal) data can pose a serious threat to humanity.

Keywords: genome, manipulation, editing, act, illegality, responsibility, regulation, law.

For citation: Chochueva Z.A., Khybyrtova M.R., Dadashov M.M. Interference with the human genome: medical and criminal law assessment methods // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 217-224.

Введение. Выбранная для исследования тема в настоящее время является актуальной и обусловлена тем, что генетические исследования, проводимые учеными-медиками, получили широкое распространение. Манипуляции, связанные с генетикой человека, вторгаются в личное пространство. Частная и личная жизнь человека и гражданина регулируется

Конституцией РФ, а в случае их нарушения происходит вмешательство в общественные отношения и норм уголовного законодательства. Считаем, что необходимо предусмотреть процедуру защиты прав и интересов личности, связанных с генетическими исследованиями. С правовой точки зрения стоит отметить, что генетические исследования являются новеллой в природе человека, и пока еще

трудно говорить, каким образом закон готов защищать права человека, если манипулировали в противоправных целях его генами.

Методика. При проведении исследования по данной теме авторами использовались различные методы анализа, сравнения, наблюдения. Был проведен медицинский разбор деятельности в сфере генной инженерии, рассмотрено, как и каким образом подобные экспериментальные исследования могут принести благо для общества. Метод сравнения определил соразмерность полученного положительного результата с вредными последствиями, которые причиняются или могут быть причинены проведением опытов с геном человека. Правовое исследование позволило определить, в какой степени в наше время под защитой находятся сведения, содержащие генетическую информацию.

Основная часть

Медицинский аспект. Генная инженерия – междисциплинарная область биотехнологий, рассматривающая вопросы синтеза рекомбинированных ДНК и РНК, производящая перестройку генотипов посредством удаления, введения или редактирования целевых генов.

Начало генной инженерии можно проследить с конца XX века, с активного применения ее в клеточной биологии и биоматериалах. Благодаря возможности биоинженерии переносить различные генетические конструкции в геном другого организма, в том числе и другого вида организма, тем самым изменяя генетические формы микроорганизмов, она значительно расширилась в промышленном производстве, сельском хозяйстве и, конечно, в медицине.

По данным исследований, проведенных в 2008 году PhRMA (Pharmaceutical Research And Manufacturers Of America), благодаря производству биотехнологий было выпущено 633 лекарственных средств для лечения хронических и генетических заболеваний, используемых в настоящее время в различных нозологиях. Среди лекарственных групп препаратов, созданных генной инженерией, особое место занимают инсулин, гормон роста, эритропоэтин, факторы свертывания крови, урокиназа, моноклональные антитела, а также ферменты, соответствующие ферментам человека.

В генной инженерии для создания лекарственных препаратов используют рекомбинантный способ, основанный на синтезировании нужных белковых молекул встроенным ДНК в клеточную линию. Таким образом, воспроизводя новые ферменты, клетка начинает продуцировать новые для себя вещества. Эти изменения происходят под действием множества химических и физических факторов.

Одним из достижений генной инженерии, применяемым по сей день, являются гормоны. С 1982 года человеческий рекомбинантный инсулин с измененной нуклеотидной последовательностью, полученный методом внедрения рекомбинантной ДНК в геном бактерии *Escherichia coli*, получил одобрение и широко применяется в медицине. Одним из преимуществ его является отсутствие побочных эффектов, а также он дешевле живого инсулина. Аналогичным образом был создан ген, кодирующий образование гормона роста человека, например, соматотропин.

Антибиотики – одна из больших групп препаратов, полученных также биотехнологическим путем (ванкомицин, эритромицин, тетрациклин и другие), благодаря рекомбинантному способу создания оказывают более мощное воздействие против целевых патогенов с минимальными побочными действиями.

Вакцины, произведенные с помощью технологий рекомбинантных ДНК, являются одним из рывков для общественного здравоохранения и фармацевтической промышленности. Примерами служат моновалентная вакцина для борьбы с H1N1, полученная также путем модификации генома патогенных микроорганизмов (удаляя кодирующие вирулентность гены), противохолерная вакцина, произведенная в рекордные сроки, векторная вакцина от SARS-CoV-2, сыгравшая важную роль в борьбе с пандемией против COVID-19.

Еще одной перспективной разработкой считается использование химерных антигенных рецепторов при лечении рака, основоположником которой является ученый Залигу Эшраху. Сутью данного лечения является то, что при использовании химерного рецептора, лимфоциты получают возможность точно определять раковые клетки, и при активации лимфоцита он уничтожает клетку-мишень. Для активации лимфоцитов активируются Т-лимфоциты, создающие искусственные CAR

и таким образом создаются химеры. Для внедрения трансгенов в аутологичные клетки используются не имеющие вирулентности лентивирусы, одним из примеров которого может являться вирус иммунодефицита человека (ВИЧ). До внедрения в клетку лентивирус модифицируется таким образом, что у него нет в дальнейшем возможности привести к возникновению заболевания. При внедрении в клетки человека трансген оказывается добавленным в ДНК, и после уничтожения опухоли они выполняют те же функции, что и стандартные лимфоциты. Несмотря на успешное применение лечения CAR-T-лимфоцитами, имелись и неблагоприятные эффекты, такие как нетаргетный эффект и синдром выброса цитокинов.

Одним из векторов генной инженерии – является генная терапия, включающая манипуляцию с ДНК для определения генетических детерминант, ответственных за наследственные заболевания и их изменения. В данном случае речь идет об использовании технологии CRISPR/Cas9 для лечения наследственных заболеваний, таких как серповидноклеточная анемия, муковисцидоз и другие. Метод основан на использовании иммунных защитных средств бактерий благодаря специальной части ДНК (CRISPR). Для редактирования гена требуется два компонента: нуклеаза Cas и РНК-гид. Внедренные РНК- гиды обнаруживают разные генетические локусы, а благодаря особому Cas-белку происходит обнаружение проникшего в клетку бактерий вируса и как следствие – разрушение вирусной ДНК – защита клетки от инфекции. Данное направление позволяет создать новые методы лечения наследственных заболеваний. Безусловно, имеются при этом риски, так как любое введение в клетку человека чужеродного генетического материала может привести к нежелательным последствиям вследствие нежелательных изменений в соматических и половых клетках. Обусловлено это риском нецелевых эффектов РНК-гидов, невозможностью Cas9 достигать определенных позиций, отсутствием биосовместимости и отсутствием терапевтического эффекта. При этом последствия могут вызвать различные заболевания и иметь наследственный характер. Примером этому может служить не совсем удачный эксперимент, совершенный биотехнологами в 2015 году, по исправлению генома человеческого

эмбриона. Они попробовали у оплодотворенной человеческой яйцеклетки исправить негативно измененный ген, приводящий к болезни крови – бета талассемии. С целью исправления гена внутрь были введены белок Cas9 и РНК- гид. Ученым удалось добиться хороших результатов в виде достижения 6-12% случаев исправленной мутации у эмбрионов. Были и неожиданные результаты, заключавшиеся в том, что у большинства клеток вылеченных эмбрионов в других местах появилось большое количество мутаций, что привело к неожиданным последствиям.

Несмотря на множество преимуществ использования данной методики для создания лекарственных препаратов, имеется ряд вопросов, требующих уточнения. Ученые выражают мнение о возможном многообразии токсичности лекарственных средств полученных путем рекомбинирования [6]. При этом к неблагоприятным эффектам относят недостаточную безопасность самого рекомбинантного белка и примесей различной природы. Не исключена также аномальная токсичность из-за остаточных компонентов микроорганизмов.

Спорная ситуация возникает и в вопросе об использовании ДНК-вакцин, в частности, может ли вводимая ДНК встраиваться в геном клетки человека и иметь возможные отдаленные последствия в виде иммуносупрессии, аутоагрессии, иммунопатологий и других патологических проявлений [7]. Опасение ученых не напрасны, учитывая опыт применения аминокислоты L-триптофан. В результате применения данной аминокислоты в США в XX веке у нескольких тысяч человек был обнаружен синдром эозинофилии-миалгии, погибли 37 человек. Оказалось, в результате процесса рекомбинирования бактерия начала образовывать этилен-бис-триптофан, который и послужил причиной гибели людей [10].

Правовое регулирование. Научные исследования, проводимые в области медицины, одновременно создавая уникальные возможности для разработки уникальных и чудодейственных препаратов для продолжения человеческого рода, открывает двери для злоумышленников, неправомерно использующих полученные исследованиями результатов. Нельзя отрицать значимость и важность гене-

тических исследований, посредством изучения которых учеными изобретаются проекты наследственности человека, дальнейшей репродукции человека, клонирования каких-либо генов и даже самого человека. Такой успех в медицине непременно связан и с различного рода рисками использования полученной информации в преступных целях, так как медицинская генетика уже вмешивается в естественную природу человека, разрушая естественные биологические процессы.

На наш взгляд, важным является установление:

- границ вмешательства и неприкосновенности человеческой жизни;
- возможности лишения жизни человека по медицинским показателям, устанавливающим несовместимость полученных данных с дальнейшей жизнедеятельностью, причиняющих нравственный, психический и физический вред;
- законности проведения экспериментов на человеке, даже если с его личного разрешения и в каких пределах;
- этических и правовых основ, связанных с манипуляциями генов или эмбриона человека;
- возможности использовать органы или ткани человека для их трансплантации другому лицу;
- насколько разрешено медицине вторгаться в естественную биологическую жизнь человека.

Правильная деятельность, связанная с генетическими исследованиями, регулирование прав и ответственности участвующих субъектов, должны быть проработаны в национальном законодательстве каждой отдельно взятой страны. Для этого необходимо установить достаточную правовую базу, которая будет отвечать на все вопросы, касающиеся исследований и использования генетических и биомедицинских технологий, что позволит обеспечить защитой людей от угрозы вмешательства и злоупотреблений с их личными биологическими данными.

Российское уголовное законодательство обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина от различного рода противоправных посягательств. Не является исключением и вмешательство в личную жизнь и генетические данные человека путем приме-

нения современных биотехнологий и медицинских исследований. В УК РФ нет специальной уголовно-правовой нормы, которая бы именовалась генетическим преступлением или предусматривала ответственность за нарушение генетических и конфиденциальных данных. При этом в случае нарушения прав и законных интересов в сфере применения биотехнологий и проведения генетических исследований можно предусмотреть норму, которая по своим объективным и субъективным признакам более точно могла бы характеризовать вред, причиненный такой деятельностью. К примеру, уголовно-правовую оценку можно дать деянию, совершением которого были распространены и использованы личные генетические данные лица. При этом нет уголовно-правовой нормы, которая прямо предусматривала нарушения прав потерпевшего в сфере генетики. Для квалификации данного преступного деяния обращаемся к норме, которая предусматривает ответственность за незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих личную или семейную тайну, без его согласия – ст. 137 УК РФ. При этом в правоприменительной практике очень сложно доказать, что геномная информация о человеке может быть предметом преступления.

Другой пример. Когда в результате проведенных медицинских исследований, связанных с экспериментами и опытами над жизнью и здоровьем человека, причиняется смерть человеку, то такое деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Непросто дать уголовно-правовую оценку и такому деянию, когда человека принуждают к изъятию фрагментов части тела, его генетической наследственности и т.д. Это сложно, так как ст. 120 УК РФ предусматривает ответственность за «принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения», при этом такие действия совершенные в сфере биотехнологий привязать к данной норме невозможно или затруднительно.

Из вышеуказанного следует вывод о том, что нет специального блока или отдельных норм в уголовном законе, которые бы предусматривали привлечение к ответвен-

ности именно за вред, причиненный посредством проведения генетических исследований.

Несомненно, что исследования учеными проводятся в сфере медицинской генетики с целью извлечь благо для человека, предусмотреть наперед возможность появления различных генетических заболеваний, предупредить их появление уже на самой ранней стадии, клонировать гены человека и т.д. При этом вмешательство в настолько личную жизнь человека может привести и к серьезным нарушениям прав человека, неправомерному использованию его генотипов, клонирование данных без получения согласия и разрешения и т.д. Такие опасения часто возникают в сознании многих представителей уголовно-правовой науки.

Еще в 2007 году, занимаясь исследованием преступлений в сфере здравоохранения, И.О. Никитина выделила необходимость включения в Уголовный кодекс РФ таких новых составов преступлений как «Незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона человека» и «Использование эмбриона человека в иных целях, кроме имплантации» [8].

Похожие научные размышления имелись и у Н.Е. Крыловой, заключающиеся в ее предложении наказать лицо за «умышленное изменение генотипа человека в целях, не связанных с лечением». Автором подготовлена готовая редакция данной статьи в следующем виде:

«Статья 120.2 Вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением

1. Вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением тяжелых наследственных заболеваний, наказывается... (преступление средней тяжести).

2. То же деяние, совершенное:

- а) в отношении двух или более лиц;
- б) из корыстных побуждений;
- в) с применением насилия или с угрозой его применения;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказывается» [5].

В настоящее время мировая общественность бурно обсуждает эксперименты Хэ Цзянькуя, который самым первым смог создать генетически модифицированного человека. Им, вместе с его научной медицинской

командой путем лабораторных вмешательств были изменены геномы двух девочек близняшек (Лулу и Нана) еще на стадии зародыша. Вмешательство в гены девочек было проделано для того, чтобы у них заранее был заложен ген, отвечающий за иммунитет к вирусу иммунодефицита человека. Такой эксперимент мировым научным сообществом был воспринят крайне негативно. Его признали опасным и вредоносным, были подвергнуты сомнению полученные результаты. В результате Хэ Цзянькуй был привлечен к уголовной ответственности и осужден на три года лишения свободы.

Есть выдающиеся деятели в медицине и в Российской Федерации. Таким ученым в области генетики выступает Денис Ребриков, который в 2019 году стал очень популярным в научном сообществе после выпуска работы, в которой вместе с коллегами проделал исследование, заключающееся в успешном редактировании гена CCR5 в оплодотворенной яйцеклетке. Отличие от китайского эксперимента состояло в том, что не было пробации данного научного опыта реально на людях. Если бы эксперимент проводился вживую, то это выглядело бы следующим образом: эмбрион производится в пробирке, и после прохождения определенного времени (не более 14 суток) он переносится в матку женщины. Денис Ребриков отметил, что не спешит с воплощением этой идеи в жизнь, ссылаясь на то, что редактирование гена не исследовано достаточным образом, поскольку не определены побочные эффекты или возможные дополнительные мутации эмбриона.

Рассматривая с правовой точки зрения научные изыскания Ребрикова, А. Алексеенко пишет: «Если в ходе проведения дополнительных исследований выяснится, что вероятность незапланированных мутаций отсутствует, то генетик планирует запросить в Министерстве здравоохранения РФ разрешение для семейной пары на редактирование генома эмбриона» [4].

Медицинские организации обычно просят прошение, чтобы получить разрешение на внедрение в практику новых медицинских лекарств и препаратов, которые не были зарегистрированы в России. Так как в России нет прямого запрета на манипуляции с генами человека, если они не нарушают научную этику,

а также права и законные интересы обладателей этих генов, то ученые или исследовательские медицинские лаборатории могут выходить с инициативой проведения реальных экспериментов с письменного согласия лиц, которые в них участвуют. Давать лицензию и разрешение на такую деятельность, является прерогативой самого Министерства здравоохранения РФ. В рамках сказанного, полагаем для предотвращения злоупотреблений с такими экспериментами и причинения значительного вреда здоровью и жизни людей, законодателю следует предусмотреть возможность введения в уголовный закон нового состава преступления, предусматривающего привлечение к уголовной ответственности за незаконные манипуляции с генами человека. Наличие такого состава деяние заблаговременно предусматривает ответственность лица за неудачный исход проводимого эксперимента.

В настоящее время подобные случаи можно квалифицировать ст. 238 УК РФ как «деятельность и оказание услуг, не отвечающим требованиям безопасности». Но для того, чтобы правоприменитель определил эту статью подходящей, стоит пройти долгий путь по доказыванию, собиранию, исследованию практически никому неизвестных и непонятных предметов преступного деяния, называемых геном или эмбрионом человека. В таких ситуациях помогают разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ», где указано: «положения данной статьи применимы при условии, что опасность работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной» [2].

Если мыслить позитивно, то подобные научные исследования в медицине можно рассматривать как попытку ученых изобрести что-то новое и полезное для человечества, что не преследовалась цель нанести вред, создать опасность для жизни и здоровья людей, а, напротив, – облегчить условия репродукции и подарить шанс семейным парам, у которых естественным путем не получается родить детей, редактировать заблаговременно больной ген, излечить неизлечимую болезнь.

Врач-исследователь пытается достичь общественно полезной цели, и для ее достижения рискует, поставляя в опасность жизнь и

здоровье человека. При таких рассуждениях данная деятельность может рассматриваться с точки зрения обоснованного риска, предусмотренного ст. 41 УК РФ и исключающего преступность деяния. Законодатель в части первой этой статьи определил, что «не является преступлением причинение вреда при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели». Всеобщая декларация о геноме человека предусматривает, что «цель прикладного использования результатов научных исследований, касающихся генома человека, особенно в области биологии, генетики, медицины, заключается в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья каждого человека и всего человечества» [1].

Генетическая медицина сравнительно новая сфера, где есть еще множество направлений, которые не изучены и не исследованы в достаточной степени. Поэтому риск причинения вреда или создание опасности неизбежен практически в каждом экспериментальном случае. Представители научного сообщества по данному вопросу пишут: «Невозможно однозначно и с полной уверенностью говорить, что проводимые в геноме человека изменения не вызовут никаких последствий в организме, а если вызовут, то будет достаточно сложно установить какие именно это будут изменения» [9].

Часть 2 ст. 41 УК РФ обязывает лицо, которое идет на обоснованный риск, предпринять все возможные способы для устранения возможных вредных последствий. К примеру, в случае с манипуляциями гена эмбриона человека медицинский работник, определивший порок в данном эксперименте, должен быть готов к тому, что устранит последствия рождения ребенка с другими мутационными заболеваниями, вместо того, который был устранен.

Кроме обоснованного риска для того, чтобы оправдать позитивную научную деятельность медицинских работников, можно обратиться к нормам крайней необходимости, где для предотвращения большего вреда врач причиняет меньший вред. В качестве такого примера может послужить редактирование и манипуляции с генами человека, проводимые ради спасения его жизни. Или другой пример, когда происходит редактирование наследственного генетического заболевания с целью

продления жизнедеятельности человека, но это возможно только в случае проведения эксперимента, так как ранее не было апробировано.

Заключение. Анализ медицинской деятельности свидетельствует о том, что исследования в области генетической информации необходимы. Результаты, полученные в результате редактирования и изменения ген, позволят излечить тяжело или неизлечимо больного человека, оказать помощь на ранней стадии начала заболевания.

Рассмотренное нами уголовное законодательство позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время нет никаких легальных запретов для проведения различных исследований в области генетики человека и манипуляций с генами. А если причиняется вред жизни и здоровью человека, или создается угроза такого причинения, то достаточно сложно данное деяние подогнать к существующим уголовно-правовым статьям.

Считаем, что вмешательство уголовного права в такие научные эксперименты обязательно, поскольку сложно предугадать,

какой вред человечеству они способны причинить, пытаясь достичь общественно полезной цели. Наличие уголовно-правовых запретов и предписаний в Уголовном Кодексе РФ позволит минимизировать незаконное вмешательство медицинских работников в геном человека и злоупотреблять его конфиденциальными генетическими данными.

Выводы, ожидаемый эффект. Тема вмешательства в генетическую природу человека в научном сообществе остается практически неизученной, и ее анализ, с одной стороны, позволит развить исследования и выявить несовершенства, имеющиеся в законодательстве РФ, с другой стороны, результаты, проделанные в работе, позволят практическим работникам более эффективно выявлять нарушения биометрических и генетических данных людей. Поскольку манипуляции с генами человека не могут полностью отвечать за положительный исход испытания, то данную медицинскую деятельность следует ограничить правовыми пределами, за нарушение которых будет предусмотрена ответственность.

Список источников

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 12.04.2025)
2. Постановление Пленума ВС РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. – Ст. 2954. – Ст. 21.
4. Алексеенко А. Что стоит за заявлением российского ученого о генетическом редактировании эмбрионов? // Forbes. 2019. <https://www.forbes.ru/tehnologii/377645-chto-stoit-za-zayavleniem-rossiyskogo-uchenogo-o-geneticheskom-redaktirovanii> (дата обращения: 12.04.2025)
5. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. юрид. наук. М.: Изд-во МГУ, 2006. – 54 с.
6. Мякинкова Л.Л. Губченко Л.Н., Маклецкая А.В. Биотехнология для медицины: Вакцины нового поколения (Обзор) // Инноватика и Экспертиза: Научные Труды. 2012. № 1. – С. 27-39.
7. Неугодова Н.П., Долгова Г.В., Гавриков А.В. Некоторые вопросы оценки токсичности генно-инженерных лекарственных // Биомедицина. 2011. № 3. – С. 98-100.
8. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 270 с.
9. Bourn D. Mainstreaming genomic medicine // Lancet. 2017. September 23. Vol. 390.
10. Castot A., Bidault I., Bournerias I., Carlier P., Efthymiou M.L. «Eosinophilia-myalgia» syndrome due to L-tryptophan containing products. Cooperative evaluation of French Regional Centers of Pharmacovigilance. Analysis of 24 cases // Therapie. 1991. № 46(5). – P. 355-365.

References

1. The 1997 Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (date of request: 04.12.2025)
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 № 18 «On judicial practice in cases of crimes provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 9.

3. Criminal Code of the Russian Federation № 64-FZ of June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. – Art. 2954. – Art. 21.
4. Alekseenko A. What is behind the Russian scientist's statement about the genetic editing of embryos? // Forbes. 2019. <https://www.forbes.ru/tehnologii/377645-chto-stoit-za-zayavleniem-rossiyskogo-uchenogo-o-genetich-eskom-redaktirovanii> (date of access: 04.12.2025)
5. Krylova N.E. Criminal law and bioethics (criminal law problems of the application of modern biomedical technologies): the abstract. diss. ... for Doct. of Law M.: Publishing House of Moscow State University, 2006. – 54 p.
6. Myakinkova L.L. Gubchenko L.N., Makletskaya A.V. Biotechnology for medicine: New generation vaccines (Review) // Innovation and Expertise: Scientific Papers. 2012. № 1. – pp. 27-39.
7. Neugodova N.P., Dolgova G.V., Gavrikov A.V. Some issues of assessing the toxicity of genetically engineered drugs // Biomedicine. 2011. № 3. – pp. 98-100.
8. Nikitina I.O. Crimes in the field of healthcare (legislation, legal analysis, qualifications, causes and preventive measures): dis. ... cand. Sciences in Law. – N. Novgorod, 2007. – 270 p.
9. Bourn D. Mainstreaming genomic medicine // Lancet. 2017. September 23. Vol. 390.
10. Castot A., Bidault I., Bournierias I., Carlier P., Efthymiou M.L. «Eosinophilia-myalgia» syndrome due to L-tryptophan containing products. Cooperative evaluation of French Regional Centers of Pharmacovigilance. Analysis of 24 cases // Therapie. 1991. № 46(5). – pp. 355-365.

Информация об авторах / Information about the Authors

Чочуева З.А., канд. юрид. наук., доцент, зав. кафедрой «Уголовное право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», г. Черкесск, e-mail: zulfiyaebzeeva@mail.ru
Chochueva Z.A., Candidate of Sciences in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law
and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy, Cherkessk

Хыбыртова М.Р., канд. мед. наук. декан факультета иностранных обучающихся,
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», г. Черкесск, e-mail: h.marina91@mail.ru
Khybyrtova M.R., Candidate of Medical Sciences, Dean of the Faculty of Foreign Students,
North Caucasus State Academy, Cherkessk

Дадашов М.М., доцент кафедры информационного права и юриспруденции
Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М.Д. Миллионщикова, г. Грозный,
e-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru
Dadashov M.M., Associate Professor of the Department of Information Law and Jurisprudence
Grozny State Oil Technical University named after M.D. Millionshchikov, Grozny

УДК 340.15

DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-225-231

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СССР В 1941 – 1945 ГГ.

Шатковская Т.В.

*Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию особой роли правового просвещения в мобилизации общества при кризисах. Её целью стало выявление эффективных практик правового просвещения в СССР в 1941 – 1945 гг. и установление возможностей их адаптированного использования в современных условиях. Значимость работы состоит в преодолении научного дисбаланса: вместо акцента на репрессивных мерах анализируются просветительские механизмы. Исследование показало, что советское государство использовало комплекс каналов (газеты, плакаты, лекции) для разъяснения законов военного времени; ключевую роль играли визуализация (карикатуры Кукрыниксов) и эмоциональные нарративы; женщины составили до 60% агитаторов, обеспечив адресность подачи информации. Исторический опыт демонстрирует эффективность простых, массовых и визуальных форматов правового просвещения, актуальных для современных стратегий гражданской мобилизации.

Ключевые слова: советское государство, правовое просвещение, Великая Отечественная война, военные законы, советское законодательство, правовая пропаганда, правовая агитация.

Для цитирования: Шатковская Т.В. Правовое просвещение в СССР в 1941 – 1945 гг. // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 225-231.

LEGAL EDUCATION IN THE USSR IN 1941-1945

Shatkovskaya T.V.

*South-Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Rostov-on-Don
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don*

Abstract. The article is devoted to the substantiation of a special role of legal education in the mobilization of society in crises. Its goal was to identify effective practices of legal education in the USSR in 1941-1945 and establishment of possibilities of their adapted use in modern conditions. The significance of the work consists in overcoming a scientific imbalance: instead of an emphasis on repressive measures, educational mechanisms are analyzed. The study showed that the Soviet state used a set of channels (newspapers, posters, lectures) to clarify the laws of wartime; A key role was played by visualization (Kukrynikov caricatures) and emotional narratives; Women amounted to up to 60% of agitators, providing targeted information. Historical experience demonstrates the effectiveness of simple, mass and visual formats of legal education, relevant for modern civil mobilization strategies.

Keywords: Soviet state, legal education, Great Patriotic War, military laws, Soviet legislation, legal propaganda, legal agitation.

For citation: Shatkovskaya T.V. Legal education in the USSR in 1941-1945 // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 225-231.

Советское государство в годы Великой Отечественной войны активно издавало законы военного времени. В них вводились новые составы преступлений (дезертирство, паникёрство), ужесточались наказания за дисциплинарные правонарушения, устанавливались дополнительные социальные гарантии. Однако реализация военных законов была невозможна без своевременного информирования населения. В этих условиях правовое просвещение стало важным элементом мобилизационной политики государства.

В научной литературе в изучении права военного времени акцент сделан на карательных мерах государства (приказы НКВД, приговоры трибуналов), разъяснительная работа с населением остаётся в тени [12]. Однако содержание, формы и методы юридического просвещения в годы Великой Отечественной войны впечатляют своим разнообразием, масштабом и результативностью. В нём объяснение новых военных законов сочеталось с противодействием панике и «вражеской пропаганде» через разъяснение правовых норм [16, с.20 – 25].

Правовое просвещение в военный период стало важным инструментом государственной политики, сочетавшим идеологическую пропаганду с практическими задачами управления обществом в экстремальных условиях. Его основные задачи можно разделить на несколько ключевых направлений: обеспечение законопослушания и мобилизационной дисциплины, поддержание образа «справедливого советского права», идеологическая консолидация [17, с.165 – 168]. Правовое просвещение обеспечивало воспитание патриотизма через право. Лозунги связывали законопослушание с защитой Родины: «Соблюдая законы – помогаешь фронту!».

Методами правового просвещения советских граждан обучали действиям в чрезвычайных ситуациях. Правовое просвещение включало практические инструкции, к примеру поведение в оккупации. Листовки типа «Что делать, если пришли немцы» (скрывать партбилеты, не сотрудничать). Правила затемнения, поведения при бомбёжках подавались как правовая обязанность каждого, влекущего в случае невыполнения уголовные наказания. В деле военного учета разъяснялись обязанности по явке в военкоматы.

Через правовое просвещение населению внушали непримиримость к коллаборационизму. Чрезвычайные законы типа Указа от 19 апреля 1943 г. о казни изменников Родины немедленно тиражировались в газетах и на радио. Бдительность к шпионам и диверсантам воспитывалась посредством наглядной агитации. Плакаты в стиле «Не болтай!» (1941) сопровождалась ссылками на ст. 58 УК о контрреволюционных преступлениях.

Опыт правового просвещения населения в годы Великой Отечественной войны нуждается в осмыслении сегодня. Он позволяет понять, как право использовалось для мобилизации общества, защиты граждан и поддержания порядка в экстремальных условиях, что актуально в современных кризисных ситуациях. Опыт военных лет демонстрирует роль права в укреплении патриотизма и социаль-

ной сплочённости, что важно для современных стратегий воспитания гражданской ответственности. Поэтому целью данной статьи стало выявление лучших практик правового просвещения населения для определения его влияния на формирование правосознания общества и возможности применения исторического опыта в современных условиях.

С началом войны советское законодательство претерпело радикальные изменения. Уголовная ответственность широко применялась за дисциплинарные и административные правонарушения, что было связано с необходимостью жёсткого поддержания порядка в условиях военного времени. К примеру, Указ Президиума ВС СССР «О военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении» 22 июня 1941 г.¹ передавал дела о самовольном уходе с работы, опозданиях и прогулах (ранее дисциплинарные проступки) в ведение трибуналов и предусматривал наказание до 5 лет лишения свободы. Постановлением от 6 июля 1941г. вводилась уголовная ответственность за распространение ложных слухов, подрывавших обороноспособность государства. Наказание до 5 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах – до 10 лет².⁴ Указом Президиума ВС СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» работники оборонных заводов приравнивались к военнослужащим. Самовольный уход с работы карался тюремным сроком от 5 до 8 лет³.⁵

В числе широко известных указов, изменивших жизнь всех советских граждан назовем Указ от 26 июня 1941г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»⁴,⁶ фактически отменявший выходные дни и отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы (1 – 3 часа в день), самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству. Постановлением СНК СССР от 18.07.1941 «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные то-

¹ Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29

² Указ Президиума ВС СССР от 06.07.1941 «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 32.

³ Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941(с изм. от 08.09.1943) «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 2.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941(с изм. от 09.04.1942) «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 30.

вары», введены хлебные карточки (позже распространены на все продукты). Указом от 8.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» вводился налог на бездетность (для мужчин 20 – 50 лет и женщин 20 – 45 лет), ужесточались разводы (только через суд с высокой пошлиной), незарегистрированные браки лишались юридической защиты.

Советские граждане особенно в сельской местности не знали о новых законах. Из-за разрушения инфраструктуры, эвакуации и дефицита бумаги многие законы и указы не доходили до населения. В докладной записке НКЮ РСФСР (1942) отмечалось: «Колхозники не понимают, почему за сбор колосков на поле дают 10 лет лагерей». Государству было важно не просто довести законы до сведения граждан, но и убедить их в справедливости требований, чтобы обеспечить добровольное соблюдение (например, в вопросах трудовой мобилизации, уплате налогов или помощи раненым). Правовое просвещение стало инструментом не только информирования, но и укрепления доверия к власти в критический период.

Для правового просвещения использовались разнообразные каналы. Наиболее привычным из них были газеты. В «Правде» ввели раздел «Законы военного времени» с комментариями юристов. В «Красной звезде» военнослужащим разъясняли статьи 193 УК РСФСР (дезертирство, самовольная отлучка) [10].

Массовым источником информирования населения становились брошюры. Они издавались сотнями тысяч экземпляров. «Что должен знать боец о воинских преступлениях» (1942) – тираж 500 тыс. экз. «Как судит военный трибунал» (1943) – разбор реальных дел с морализаторскими выводами.

Для визуальной агитации использовались плакаты и листовки как самый оперативный и наглядный способ донесения информации. Они сочетали яркие изображения с кратким текстом законов или указов. «Родинамать зовёт!» (1941) – призыв встать на защиту страны с отсылкой к мобилизационным законам и напоминанием об ответственности за уклонение от призыва [9, с.45 – 50]. «Не болтай!» (1941) – напоминание об уголовной ответственности за разглашение гостайны (ст.

58 УК РСФСР). Плакат «Ты чем помог фронту?» (1942) обращает внимание на налоговые обязанности и связь трудовой дисциплины с уголовным правом. Упрощённый язык, акцент на эмоциях (страх наказания или гордость за исполнение долга) делал эту форму просвещения наиболее доступной для населения. Тиражи популярных плакатов достигали до 500 тыс. экземпляров.

Интерес вызывает такая форма правовой агитации как карикатура. Особой популярностью пользовался главный сатирический журнал СССР «Крокодил». К примеру, серия «Спекулянт – враг народа» (ст. 107 УК РСФСР). Через сатиру и визуальные образы населению и военнослужащим разъясняли виды ответственности за воинские преступления (дезертирство, мародёрство, паникёрство); нормы трудового права (санкции за прогулы, нарушения трудовой дисциплины); содержание уголовной ответственности за спекуляцию, хищение госимущества, пособничество врагу.

Помимо «Крокодила», платформами для публикации сатирических рисунков были газеты («Правда»), в том числе фронтовые газеты («Красная звезда», «Боевой листок»), агитационные плакаты («Окна ТАСС», «Окна РОСТА»), брошюры и листовки. Творчество Кукрыниксов (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) в годы войны стало мощным инструментом «визуального правового просвещения» [5, с.32, 35]. Их карикатуры и плакаты разъясняли законы, формировали образ «врага права» через сатиру показывали последствия нарушений (паникёры, мародёры), популяризировали правовые нормы. Их работы печатались в газетах («Правда») [11, с.3], листовках и даже на открытках для фронта [6, с.56 – 78].

Многие работы Кукрыниксов стали широко известны, к примеру плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (1941) как отсылка к законам о военных трибуналах. Карикатура «Поджигатели» (1943) указывала на нарушения оккупантами международного права. Карикатура «Беглец» (1942) содержит изображение трусливого солдата, убегающего с фронта, а за ним гонится статья 193 УК РСФСР (расстрел за дезертирство) [8].

Карикатурист Б.Е. Ефимов участвовал в правовом просвещении через сатиру, визуализируя нормы военного законодательства и

формируя общественное осуждение нарушений. В его работах критикуется дезертирство и паникёрство. Плакаты «Бегство фашистов из Новороссийска» (1943), «Трус и предатель – врагу помогают!» (1941) показывают связь между дезертирством и пособничеством врагу. Источник: Газета «Красная звезда», 5 ноября 1941. Карикатура «Спекулянт» (1942) в газете «Крокодил» иллюстрировала Постановление от 22 июля 1941 г. об уголовной ответственности за спекуляцию. На карикатуре «Спекулянт на рынке» (1943) изображен мешочник с надписью «300% навар» за решёткой, а ниже подпись «по Указу от 22.06.1941 – расстрел» («Окна ТАСС», № 543 (1943)).

В тылу и на фронте проводились лекции и собрания на правовую тематику. Народные судьи проводили «правовые пятиминутки» на заводах, например, на Уралмаше они регулярно были в 1943 г. В условиях войны лекции стали инструментом правового просвещения, сочетая устную пропаганду с живым общением людей. Их вели как профессиональные юристы, так и партийные агитаторы, адаптируя сложные законы под нужды фронта и тыла.

В архивах сохранились уникальные стенограммы, позволяющие услышать «живые голоса» военного времени. 1941 год: лекция о военном положении (фронт). Лектор: Капитан юстиции И.П. Громов (Западный фронт). Дата: 15 октября 1941. Место: 112-я стрелковая дивизия [1, л.45-48]. Лектор обращался к слушателям со словами: «Товарищи бойцы! По Указу от 22 июня 1941 года за мародёрство – расстрел. Вчера в 48-м полку расстреляли двух бойцов за кражу часов у раненого. Это не грабёж – это измена! Вопрос из зала: А если взял трофейное? Ответ: Только с разрешения командира. Иначе – трибунал по статье 193.7». Лекции состоят из коротких рубленных фраз, насыщены конкретными примерами уголовных наказаний, имеют диалоговую форму.

Лекция 1942 г. о трудовой дисциплине (тыл). Лектор: Прокурор А.М. Козлова (г. Горький). Дата: 12 апреля 1942 г. Место: завод №92 им. Сталина [2, л.12 – 15]. Из стенограммы выделим следующий фрагмент: «Работницы завода! Указ от 26 декабря – это ваш устав. Прогульщица Карпова с цеха №4 получила 5 лет. Её дети теперь в детдоме. (Шум в зале) Тише! Вопрос: «Муж на фронте – могут

ли посадить?» Отвечаю: Могут. Льгот нет. Но кто работает на две нормы – те получают дополнительный паёк». Особенности этой лекции стал акцент на семейных последствиях нарушений, работа с возражениями, применение метода «кнути и пряника» в аргументации.

Лекция 1943г. о правах семей фронтовиков. Лектор: юрист О.В. Лепешинская (Свердловск). Дата: 8 марта 1943. Место: Клуб железнодорожников [4, л.33] «Матери и жёны защитников! По Указу от 5 июля 1941 года вы имеете право: 1) На 50% скидку по квартплате. 2) Внеочередной ремонт жилья. 3) Бесплатный проезд к месту службы мужа. Записывайте! Вчера в Верх-Исетске 17 семьям отказали в льготах – после жалобы прокурор арестовал двух чиновников». В лекции четко перечисляются права, приведены примеры успешной защиты. Связь с праздничной датой (8 марта)

1944 год: Лекция для репатриантов. Лектор: Майор НКВД С.И. Воронцов (Харьков). Дата: 15 сентября 1944. Место: Фльтрационный лагерь №178. [3, л.89]. Стенограмма: «Граждане! Директива НКВД №0038 требует: все бывшие в плену должны доказать, что не служили немцам. Вопрос: Как доказать, если свидетелей нет?» Ответ: Ищите однополчан. У кого есть немецкие документы – немедленно сдайте! Скрывающий – 10 лет по статье 58-1». Лекция наполнена жёсткими формулировками, инструкциями по доказательной базе.

Анализ стенограмм показывает, что в 1941-1942 лекции представляли собой монолог с использованием устрашения. Лексика лектора изобиловала словами «расстрел», «трибунал», «предатель». В 1943-1945 лекции приобретают диалогический формат. В них даются разъяснения с использованием слов «право», «жалоба», «компенсация». Акценты в лекциях смещались с наказаний на социальные гарантии, разъяснялись права на пенсии раненым, пособия семьям погибших, используя это для моральной мобилизации. Разъяснение льгот для инвалидов войны или налоговых послаблений должно было укреплять доверие к власти. Тем самым война ускорила переход от «революционной» правовой риторики 1920-х к этактистскому языку правового просвещения. В нём был сделан акцент на долг перед государством.

В условиях войны женщины стали основными проводниками правовых знаний в СССР, заменив ушедших на фронт мужчин-юристов и агитаторов. Их деятельность охватывала как формальные институты (наркоматы, суды), так и низовую пропаганду – от заводских лекций до сельских кружков. Согласно отчётам НКЮ за 1943 год женщины составляли 38% сотрудников органов юстиции [3, л.15 – 18]. В прокуратурах регионов – до 22% личного состава [1, л.23].

В военных трибуналах на 1 января 1944 года работали 217 женщин (7,4% от общего числа). В Ленинграде (1942 г.) – 19 женщин-прокуроров (14% от штата), 8 судей городского суда [15, л.12]. Динамика изменений выглядит следующим образом: рост численности женщин-юристов: 1941: ~12% в среднем по системе; 1944: до 27 – 30%.

Женщины составляли до 60% сотрудников отделов правовой пропаганды. В Рязанской области 80% сельских агитаторов – женщины. Авторы пропагандистских материалов: Нина Николаевна Ватолина – одна из авторов культового плаката «Не болтай!» (1941), где связывала болтовню с уголовной статьёй о шпионаже. Ольга Бурова – плакат «Сдай налог вовремя!» (1943) с изображением женщины-работницы. Женщины не просто заполнили кадровый вакуум, они трансформировали правовое просвещение, сделав его более доступным (упрощённый язык, наглядность), адресным (учёт потребностей матерей, эвакуированных), эмоциональным (связь законов с защитой семьи).

Примерами правового просвещения для военных могут служить «боевые листки» и памятки, к примеру, «Памятка красноармейцу» (1942). В ней в лаконичной форме отмечалось, что «за самовольную отлучку – трибунал. За сдачу оружия – расстрел». Только в 1942 г. было издано свыше 1 млн экземпляров памяток для военнослужащих. Газета «Фронтальная правда» публиковала реальные приговоры с пояснениями: «Лейтенант Петров осуждён на 8 лет за оставление позиции – учитесь на его ошибке!».

Для гражданских издавались листовки о «законах военного времени». Указы о мобилизации трудоспособного населения (1941 – 1942 гг.) сопровождались памятками для рабочих и колхозников, где разъяснялись санк-

ции за прогулы или самовольный уход с предприятий. К примеру, Указ от 26.12.1941 «Об ответственности за самовольный уход с работы». Им вводился тюремный срок (до 8 лет) за прогул на заводе. Указ разъяснялся в брошюре «Твой станок – оружие» (1942) и наглядно в форме плаката «Прогульщик – предатель!». «За прогул – тюрьма. За кражу угля – 5 лет лагерей» (Наркомюст РСФСР, 1943). В плакатах и листовках подчеркивалась строгость наказаний, использовались лозунги: «Трусость – предательство!», «Беглец – враг народа!».

Вышеизложенное позволяет заключить, что советское государство создало многослойную систему правового просвещения, адаптированную к условиям войны. Правовое просвещение в 1941 – 1945 гг. преследовало не только утилитарные цели (контроль над поведением населения), но и формировало новую правовую культуру, где законность отождествлялась с патриотическим долгом. Оно стало уникальным примером милитаризации права, когда нормы подавались как оружие в борьбе за победу.

В работе использовались образы, соответствовавшие уровню правовой культуры населения. Визуальные образы запоминались лучше текста (особенно для малограмотных). Страх стать объектом осмеяния усиливал действие законов. В отчётах политуправлений отмечалось, что в частях с регулярным выпуском сатирических листов снижалось число дисциплинарных нарушений. В 1942 – 1943 гг. в Ленинграде (блокадном!) было проведено более 5 тыс. лекций по военному праву, что способствовало снижению паники и укреплению дисциплины [13, с.102 – 105]. После 1943 г. снизился уровень дезертирства, что отчасти произошло благодаря правовому просвещению.

Правовое просвещение в 1941 – 1945 гг. предстает не как второстепенный пропагандистский инструмент, а как сложный социокультурный и управленческий механизм, способствовавший мобилизации общества, поддержанию правопорядка и легитимности власти в экстремальных условиях. Его изучение предоставляет неоценимый исторический материал для разработки научно обоснованных моделей эффективной правовой коммуникации в современных условиях нестабильности и кризисов, подчеркивая непреходящее

значение права как языка социальной консолидации в периоды испытаний.

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что простота, эмоциональность и массовость – ключ к эффективному правовому просвещению. Современные технологии (соцсети, игры, AI-боты) позволяют делать это еще точнее. Главное – не просто информи-

ровать, но и вовлекать широкие слои населения в правовое просвещение, как это делали через карикатуры и радиопередачи в 1941 – 1945 гг. Аналогами карикатур и плакатов могут быть мемы и инфографика в соцсетях, стрит-арт и социальная реклама. Лекций и радиопередачи в молодежной среде успешно заменят подкасты и стримы с известными юристами.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 142.
2. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 402.
3. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 134.
4. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. Р-1812. Оп. 4. Д. 56.
5. Жуков Ю.А. Кукрыниксы в годы Великой Отечественной войны. – М.: Искусство, 1985. – 335с.
6. Жуков С.И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 147 с.
7. Исаев М. М. Военские преступления / М. М. Исаев и Б. С. Утевский; Под ред. И.Т. Голякова; Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. – Москва: Юриздат, 1942. – 64 с.
8. Крокодил. 1942. № 14.
9. Меньшагин В. Д. Уголовная ответственность за дезертирство. – Ашхабад: Военно-юрид. акад. РККА, 1942. – 52 с.
10. Оружие – наша сила, наша победа: Сб. статей [из газ. «Кр. Звезда» и жур. «Пропагандист Кр. Армии»]. – М.: Воениздат, 1942 (Свердловск). – 72 с.
11. Правда. 1942, 15 марта.
12. Скрытая правда войны: 1941 год: неизвестные документы: [сборник / сост. П.Н. Кнышевский и др.]. – Москва: Русская книга, 1992. – 380 с.
13. Соболев Г.Л. Учёные Ленинграда в годы блокады. – М.–Л.: Наука, 1966. – 172с.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО). Ф. 345. Оп. 5487. Д. 189.
15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф.Р-7384. Оп. 18. Д. 194.
16. Чхиквадзе В.М. Уголовная ответственность за неисполнение приказа / В.М. Чхиквадзе. – Ашхабад: Воен.-юрид. акад. РККА, 1942. – 26 с.
17. Шатковская Т.В. Война и право: о подвиге советских юристов в годы Великой отечественной войны // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. – С. 164-169.

References

1. State Archives of the Russian Federation (hereinafter SARF). F. R-9492. L. 6. D. 142.
2. SARF. F. R-8131. L. 37. D. 402.
3. SARF. F. R-9401. L. 2. D. 134.
4. State Archive of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as SASR). F. R-1812. L. 4. D. 56.
5. Zhukov Yu.A. Kukryniksy during the Great Patriotic War. – M.: Art, 1985. – 335p.
6. Zhukov S.I. Front seal during the Great Patriotic War. – Moscow: Publishing House of Moscow St. University, 1968. – 147 p.
7. Isaev M. M. Military crimes/M. M. Isaev and B. S. Utevsky; Ed. I.T. Golyakova; All Union ins. of Law Sciences of the PKLS USSR. – Moscow: Yurizdat, 1942. – 64 p.
8. Crocodile 1942. № 14.
9. Menshagin V. D. Criminal liability for desertion. - Ashgabat: Military Judicial Acad. Red Army, 1942. - 52 p.
10. Weapons are our strength, our victory: Coll. articles [from paper "Red Star" and Jour. "Propagandist of Red Army"]. - M.: Military Publishing House, 1942 (Sverdlovsk). – 72 p.
11. Pravda, 1942, March 15.
12. The hidden truth of war: 1941: unknown documents: [collection/comp. P.N. Knyshevsky et al.]. – Moscow: Russian Book, 1992. – 380 p.
13. Sobolev G.L. Scientists of Leningrad during the blockade. – M.-L.: Science, 1966. – 172p.
14. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter CAMD). F. 345. L. 5487. D. 189.
15. Central State Archive of St. Petersburg (hereinafter CSA St. Petersburg). F.R-7384 L. 18. D. 194.
16. Chkhikvadze V.M. Criminal liability for failure to comply with the order/V.M. Chkhikvadze. - Ashgabat: Military and Legal Acad. of Red Army, 1942. – 26 p.

17. Shatkovskaya T.V. War and law: about the feat of Soviet lawyers during the Great Patriotic War//North Caucasian Legal Bulletin. 2020. № 2. – pp. 164-169.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шатковская Т.В., д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону; профессор кафедры гражданского права Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, e-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Shatkovskaya T.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State South-Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Rostov-on-Don; Professor of the Department of Civil Law Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don

УДК 336 DOI: 10.36684/chesu-2025-3-59-232-239

**МИНИМИЗАЦИЯ РИСКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ
В ПРЕСТУПНЫХ СХЕМАХ ОТМЫВАНИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА****Яргутова В.Ю.***Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород*

Аннотация. В статье автор подробно останавливается на рассмотрении цифровых активов, в частности криптовалюты, отмечая, что их стремительное распространение порождает риски использования в преступных целях, создает возможности для шифрования данных отправителя и получателя денежных средств. Обосновывается необходимость поиска новых, более эффективных форм борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма, связанных с оборотом криптовалюты, в том числе путем создания высокоэффективных инструментов, способствующих анализу сложных цепочек блокчейна. Автором проанализированы нормативные правовые акты, научная и публицистическая литература, посвященные обороту криптовалют в России и за рубежом; разработаны прикладные рекомендации по предупреждению и минимизации рисков использования криптовалют в преступных схемах отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Ключевые слова: модернизация, криптовалюта, блокчейн, противодействие, отмывание доходов, финансирование терроризма.

Для цитирования: Яргутова В.Ю. Минимизация рисков использования криптовалюты в преступных схемах отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 232-239.

**MINIMIZING RISKS OF CRYPTOCURRENCY USE IN CRIMINAL SCHEMES
OF MONEY LAUNDERING AND TERRORISM FINANCING****Yargutova V.Yu.***Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEP, Nizhny Novgorod*

Abstract. In the article, the author dwells in detail on the consideration of digital assets, in particular cryptocurrency, noting that their rapid spread creates risks of criminal use, creates opportunities for encrypting the data of the sender and recipient of funds.

The article justifies the need to find new, more effective forms of combating money laundering and terrorist financing associated with cryptocurrency trafficking, including by creating highly effective tools that contribute to the analysis of complex blockchain chains. The author analyzed regulatory legal acts, scientific and journalistic literature on the circulation of cryptocurrencies in Russia and abroad, developed applied recommendations to prevent and minimize the risks of using cryptocurrencies in criminal schemes for laundering proceeds from crime and financing terrorism.

Keywords: modernization, cryptocurrency, blockchain, counteraction, money laundering, terrorism financing.

For citation: Yargutova V.Yu. Minimizing risks of cryptocurrency use in criminal schemes of money laundering and terrorism financing // Bulletin of Kadyrov Chechen State University. 2025. № 3(59). – P. 232-239.

Введение. 29 мая 2025 года на 42-м пленарном заседании Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма председателем Правительства РФ М.В. Мишустинным было указано на результативность внедрения высоких технологий, которая выразилась в автоматизации многих процессов, снижении издержек, однако вышеуказанные про-

цессы привели и к появлению новых схем преступлений, связанных с использованием криптоактивов [19]. 8 июля 2025 года на встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с директором Росфинмониторинга Ю.А. Чиханчиным последним было отмечено, что Росфинмониторинг совместно с ВТБ и ЦБ России совершенствует проект «Прозрачный блокчейн», который позволяет успешно кон-

тролировать и мониторить операции с криптовалютой [2]. 24 июля 2025 года советник Управления развития информационных технологий финансового мониторинга Росфинмониторинга Наталья Мануйлова на Международной конференции по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ ICT-Crime-2025, отметила ежегодный рост финансовых расследований, связанных с использованием криптовалют для отмыывания доходов, констатируя тот факт, что, осознавая рискованность проведения операций в традиционной финансовой системе, преступники все чаще используют цифровые активы [3]. Все вышеизложенное подчеркивает актуальность выбранной темы научного исследования.

Целью статьи является оценка влияния развития рынка криптовалют на способы отмыывания доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма (далее по тексту – «ОД/ФТ»); рассмотрение мировых моделей противодействия ОД/ФТ, связанных с оборотом криптовалюты; разработка прикладных рекомендаций по минимизации рисков использования криптовалют в преступных схемах ОД/ФТ.

Методология. В ходе исследования использовались следующие методы: анализ (определение роли и значения криптовалют на мировом уровне), синтез, дедукция, аналогия, моделирование, метод аналитической обработки и графического представления информации.

Основная часть. Масштабность оборота криптовалют на мировом уровне мы можем проследить на основании обзора компании Chainalysis от 17 июля 2025 года, согласно которому за первое полугодие 2025 г. из криптовалютных сервисов было украдено более 2,17 миллиарда долларов (примечательно, что эта сумма превышает уже показатели полного 2024 года) [7].

Несмотря на то, что согласно статистическим данным ЦБ России, в 2024 году наблюдается значительное сокращение объемов подозрительных операций (по сравнению с 2023 годом) (рис.1.), оценить в полной мере объемы выводимых денежных средств в теневой оборот в настоящий момент не представляется возможным, поскольку значительная часть из них переводится в криптовалюту.

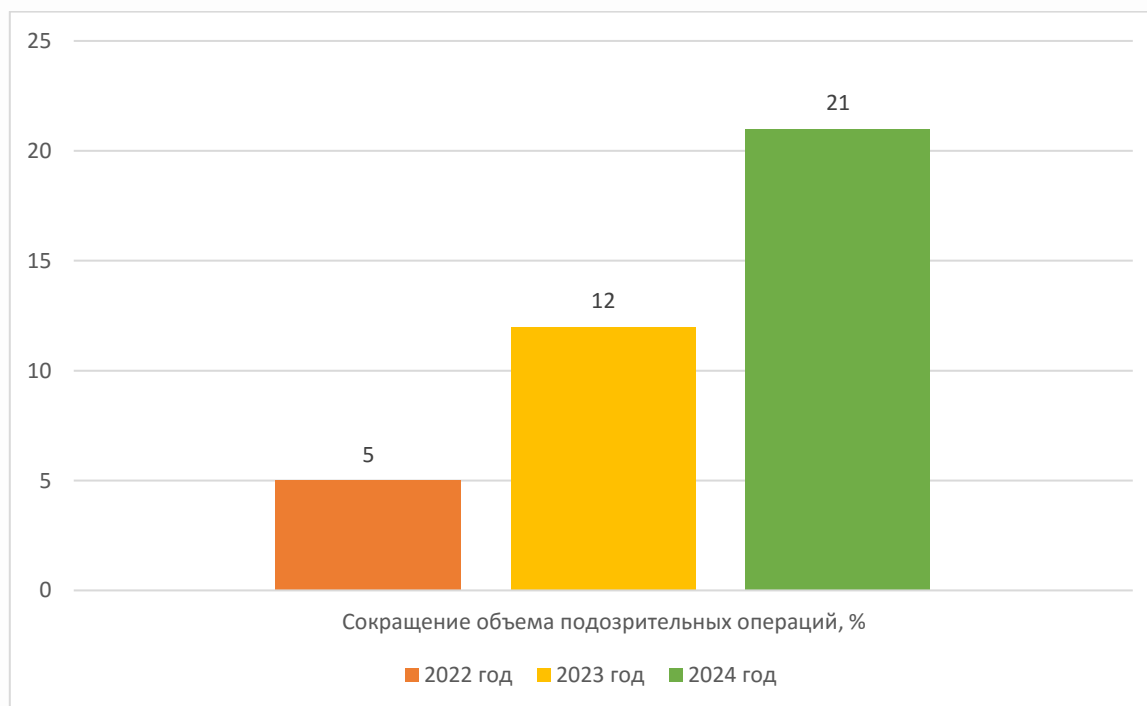

Рисунок 1. Динамика сокращения объема подозрительных операций за 2022 – 2024 гг., %.

Источник: составлено автором по [14].

Проведенный анализ аналогичных периодов 2022, 2023 годов показал, что в 2024 году количество указанных операций значительно сократилось. Существенным явилось уменьшение в 2024 году на 17% (до 25,6 млрд руб.) по сравнению с 2023 годом подобных

операций, связанных с выводом денежных средств за рубеж.

Также стоит отметить, что, согласно данным ЦБ России, в 2024 году, как и в 2022, 2023 годах, подозрительные операции осуществлялись преимущественно в строительной сфере, торговле и сфере услуг (рис.2).

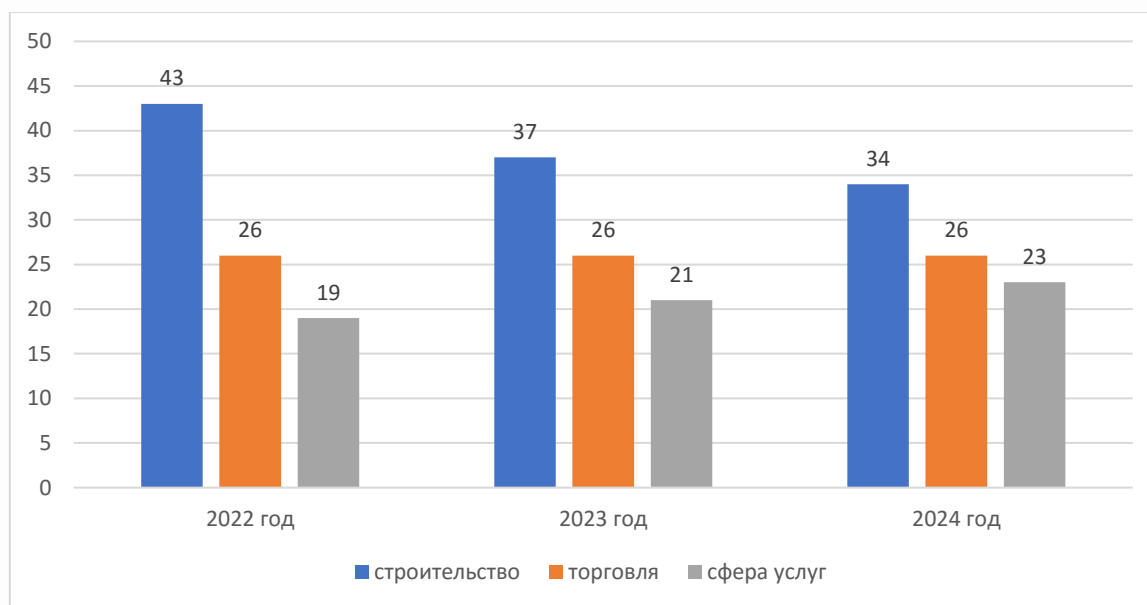

Рисунок 2 – Отрасли, в которых формировался основной спрос на теневые финансовые услуги в 2022 – 2024 гг., %.

Источник: составлено автором по [14].

Рассуждая о правовом статусе криптовалют в России, представляет научный интерес позиция ЦБ России: 3 июля 2025 года на брифинге в рамках Финансового конгресса Э.С. Набиуллина обозначила, что Банк России до сих пор против того, чтобы криптовалюта использовалась как средство платежа; к тому же, учитывая волатильность криптовалют, Банк России не намерен включать их в свой инвестиционный портфель [8]. Видя опасность указанных операций, ЦБ России в феврале 2024 года подготовил отдельные рекомендации, в которых наибольший акцент был сделан на необходимости тщательного анализа счетов дропов на предмет «покупки-продажи» цифровых валют [22].

Примечательно, что в России регулирование оборота цифровых валют основано на ФЗ № 259 [20]. Цифровая валюта признается имуществом и не может выступать в качестве средства платежа. Важным изменением явились новшества, вступившие в силу с 1 января

2025 года: в Налоговый кодекс РФ были внесены нормы, официально признавшие криптовалюту имуществом. Существенным нововведением являются вступившие в силу 1 июня 2025 года поправки в ФЗ № 115 (статья 8), согласно которым Росфинмониторинг был наделен правом приостанавливать операции с денежными средствами или имуществом в случае наличия подтвержденных данных об их получении в результате совершения преступления [21]. Отметим также, что в июле 2025 года председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, А.Г. Аксаков сообщил, что с 2026 года россиян будут штрафовать за оплату криптовалютой: штраф для физических лиц составит от 100 000 рублей, для юридических лиц – от 700 000 рублей [15].

Исследованию криптовалюты и ее влиянию на экономическую безопасность страны посвящены работы отечественных и зарубежных авторов. Еще в 2023 году С.Б. Гладкова в своем научном исследовании указала на влия-

ние отмывания преступных доходов с использованием криптовалюты на национальную безопасность, устойчивость экономики [3, с.339]. О том, что «использование криптовалют в преступной деятельности в силу присущей им псевдоанонимности представляет собой серьезную проблему для правоохранительных органов», отмечали в 2024 году в своем исследовании В.Ф. Васюков, А.Н. Старжинская [1, с.75]. Интересна позиция зарубежных исследователей. Так, в Республике Беларусь, как утверждает О.А. Слащинин, для получения информации по криптокошелькам весьма продуктивна разведка по открытым источникам, в том числе Интернет-разведка и разведка по утечкам данных [13, с.266]. Как было отмечено директором Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь Д.В. Захаровым, на законодательном уровне деятельность в сфере оборота виртуальных активов регламентирована; работать в этом направлении возможно только на территории Парка высоких технологий при соблюдении обязательного требования – использования программного обеспечения и всех его обновлений, разрабатываемых авторитетными финтех-компаниями, которые специализируются на решениях в области блокчейн-аналитики [4, с.19].

Использование криптовалюты при совершении преступлений предполагает наличие у сотрудников контролирующих органов умений и навыков по анализу блокчейна. В настоящий момент на мировом уровне существуют различные инструменты для этих целей, в качестве примера можно привести «Reactor» компании Chainalysis, при помощи которого с 2014 года проводится исследование криптовалют. Стоит заметить, что весьма важную роль в процессе анализа криптовалют имеет кластерный анализ, который в зависимости от степени схожести определенных характеристик осуществляет подразделение на группы (кластеры). Важность данных инструментов обусловлена возможностью анализа методов обфускации, таких как миксеры, мосты и др. Примечательно, что в настоящий момент в схемах очень часто используется криптомиксер – сервис, позволяющий смешивать криптовалюты в целях сокрытия происхождения и владельцев средств. К тому же распро-

странение получило использование криптовалют с повышенной анонимностью (рост отмечается в том числе при ФТ).

Мониторинг и контроль за криптовалютой требуют наличия отдельного программного обеспечения для анализа данных. В России с 2021 года действует программа для ЭВМ «Прозрачный блокчейн. Государственный модуль», которая применяется Росфинмониторингом в основном для внутреннего использования [11]. Как отметил в феврале 2025 г. заместитель директора Росфинмониторинга А.С. Лисицын, данным сервисом уже пользуются более 12 тыс. специалистов, в том числе сотрудники правоохранительных органов и подразделений антиотмывочной разведки стран СНГ. Планируется, что к концу 2025 года к указанному сервису будут подключены все российские банки [12].

У нас в России есть ряд организаций, способных предоставить отдельные программные продукты в целях мониторинга криптовалютных операций. Так, например, ИТ-компанией ООО «ГК «Иннотех» была разработана информационная система «Инчейн» [6]. Основными функциями указанной программы являются: проведение расследований движения криптовалюты (расследование всей цепочки от покупки криптовалюты клиентом до выявления недобросовестных провайдеров (dark market, обменники и т.д.) и адресов, связанных с преступной деятельностью); выполнение рекомендации ЦБ России № 16-МР (выявление необычного поведения клиентов на стороне кредитных организаций); определение риска участников для кредитных организаций (выявление фиатных операций, связанных с покупкой и продажей криптовалюты для определения риска фиатной операции на предмет ПОД/ФТ); риск-профиль провайдеров (создание риск-профиля отдельных провайдеров виртуальных активов, непрерывный мониторинг и оценка объемов бизнеса провайдеров, определение структуры контрагентов) [5].

Как было отмечено в Типологическом проекте ЕАГ «Краткое резюме Мониторинга оперативной обстановки в государствах-членах в части новых рисков ОД/ФТ – обзор за 2024 год», легализация преступных доходов всё чаще осуществляется с использованием многоуровневых схем, в которых задействованы криптовалюты, «дропы». Использование

последних осуществляется, как правило, для транзита, обналичивания и вывода денежных средств за рубеж, для организации деятельности нелегальных криптообменников и криптобирж [16]. То же самое можно сказать о финансировании терроризма. Распространение получили схемы с использованием криптообменников, в том числе зарубежных, и криптокошельков, которые открываются преимущественно на подставных лиц. Именно в результате анализа платежных документов можно обнаружить, например, указание номера транзакций в блокчейне [17].

Представляет значительный интерес практика борьбы с ОД/ФТ, связанных с оборотом криптовалюты, зарубежных стран. В качестве положительного опыта можно рассмотреть эффективную практику Монголии. Так, Национальное полицейское агентство Монголии не только наделено полномочиями вызывать в суд представителей зарубежных криптовалютных платформ, но и по его запросу биржа Binance должна заморозить счета, связанные с ОД/ФТ [18].

Особый интерес представляет нормативно-правовое регулирование криптовалют в Республике Беларусь. С 2022 года в Республике Беларусь ведется реестр адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, в котором отражаются кошельки, вовлеченные в преступную деятельность.

Заключение. Безусловно, в целях минимизации рисков использования криптовалют в преступных схемах ОД/ФТ необходимо проведение на регулярной основе профилактических мероприятий, которые позволят обеспечить эффективное снижение рисков ОД/ФТ, связанных с оборотом криптовалюты.

Ведущую роль необходимо выделить образовательным организациям, одной из задач которых будет являться подготовка обучающихся методических материалов и видеокурсов, посвященных рассмотрению некоторых особенностей оборота криптовалют и рисков ОД/ФТ с обязательным отражением некоторых особенностей проведения финансовых расследований. Так, показательным примером является деятельность ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С 2013 года университет является участником Международного сетевого института в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Сравнительно недавно, в апреле 2025 года, на его базе была открыта лаборатория Научно-образовательного центра финансового мониторинга ННГУ «ФинБез Lab», где были продемонстрированы собственные цифровые наработки, в том числе интерактивная игра по проведению финансовых расследований [9]. С учетом востребованности криптовалют на мировом рынке весьма значимым является умение выявлять и пресекать преступные операции, в которых они задействованы. В таком контексте достаточно весомым элементом является применение специальной информационной программы для анализа криптовалютных операций и проведения расследований в целях ПОД/ФТ. Автор предлагает разработать единую для всех пользователей информационную программу для отслеживания подозрительных транзакций, связанных с криптовалютами. Эффективность предложенных способов минимизации рисков использования криптовалют в преступных схемах ОД/ФТ будет зависеть от комплексного применения всех предложений.

Список источников

1. Васюков В.Ф. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют / В.Ф. Васюков, А.Н. Старжинская // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. – С. 68-78.
2. Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с директором Росфинмониторинга. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/releases/8922/> (дата обращения: 30.07.2025).
3. Гладкова С. Б. Новые инструменты легализации теневых доходов в условиях цифровизации экономики: криптовалюта и цифровой рубль / С. Б. Гладкова // Экономика. Информатика. – 2023. – Т. 50, № 2. – С. 335-345.
4. Захаров Д.В. Все государства – члены ЕАГ интегрированы в мировую систему борьбы с отмыванием денег // Финансовая безопасность. 2024. № 44. – С.18-21.
5. Инчейн. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inno.tech/ru/solutions/inchain/?ysclid=mdt7todnt5636282382/> (дата обращения: 30.07.2025).
6. Инчейн. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/2196092/> (дата обращения: 30.07.2025).

7. Криминальная сводка за первое полугодие 2025 года: рост числа похищенных средств, КНДР устанавливает новые рекорды. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/blog/2025-crypto-crime-mid-year-update/> (дата обращения: 30.07.2025).
8. Набиуллина: Центробанк против криптовалюты как платежного средства внутри России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/6453525/?ysclid=mdit8esj9r109374620/> (дата обращения: 30.07.2025).
9. ННГУ и Росфинмониторинг провели международный круглый стол «Актуальные практики и проблемы научно-образовательного развития финансовой безопасности» с участием представителей 15 стран - Университет Лобачевского. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unn.ru/site/about/news/nngu-i-rosfinmonitoring-proveli-mezhdunarodnyj-kruglyj-stol-2025/> (дата обращения: 30.07.2025).
10. Представитель Росфинмониторинга отметила рост числа финрасследований, связанных с использованием криптовалют в преступных целях. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/releases/8964/> (дата обращения: 30.07.2025).
11. Росфинмониторинг – программа для ЭВМ «Прозрачный блокчейн. Государственный модуль». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul/> (дата обращения: 30.07.2025).
12. Росфинмониторинг до конца года запустит сервис криптопроверки в банках – Коммерсантъ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7521060?ysclid=mduo6rqelo771932357/> (дата обращения: 30.07.2025).
13. Слащинин О. А. Криптовалюта в следственной деятельности: особенности обнаружения, установления характера и обстоятельств ее использования / О. А. Слащинин // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию со дня образования кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 13 апреля 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 262-270.
14. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 30.07.2025).
15. С 2026 года россиян начнут штрафовать за оплату криптой. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/1922846/taibat-agasieva-anton-belyj/postavit-na-bit-s-2026-goda-rossiyan-nachnut-shtrafovat-za-oplatu-kripto/> (дата обращения: 30.07.2025).
16. Типологический проект ЕАГ «Краткое резюме Мониторинга оперативной обстановки в государствах-членах в части новых рисков ОД/ФТ – обзор за 2024 год». 2024 г. [Электронный ресурс] – <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects?ysclid=mdvrytbucuk967504381/> (дата обращения: 30.07.2025).
17. Типологический проект ЕАГ «Критерии, признаки и иные практические аспекты выявления подозрительной деятельности компаний и их руководителей, доверенных лиц, бенефициарных владельцев, контрагентов (связанной с отмыванием преступных доходов или совершением предикатных преступлений, направленных на вывод денежных средств в теневой оборот)». 2025 г. С.1-7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects/> (дата обращения: 30.07.2025).
18. Типологический проект ЕАГ «Мониторинг рисков использования виртуальных активов в преступных целях». 2024 г. 79 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects/> (дата обращения: 30.07.2025).
19. Участникам и гостям 42-го пленарного заседания Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://http://government.ru/gov/persons/151/telegrams/55169/> (дата обращения: 30.07.2025).
20. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 30.07.2025).
21. Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 30.07.2025).
22. ЦБ рекомендовал минимизировать взаимодействие с криптовалютами. Кого это затронет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65e0a15e9a7947e24edfd0ec/> (дата обращения: 30.07.2025).

References

1. Vasyukov V.F. On operational-search and investigative measures to counter the legalization of criminal proceeds using cryptocurrencies / V. F. Vasyukov, A. N. Starzhinskaya // Russian Law: Education, Practice, Science. 2024. No. 4. – Pp. 68-78.

2. Meeting of the President of the Russian Federation V.V. Putin with the Director of Rosfinmonitoring. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.fedsfm.ru/releases/8922/> (date of access: 30.07.2025).
3. Gladkova S. B. New tools for legalizing shadow revenues in the context of digitalization of the economy: cryptocurrency and the digital ruble / S. B. Gladkova // Economics. Informatics. 2023. Vol. 50, № 2. – Pp. 335-345.
4. Zakharov D.V. All EAG member states are integrated into the global system of combating money laundering // Financial Security. 2024. No. 44. Pp. 18-21. 5. Inchain. [Electronic resource] – Access mode: <https://inno.tech.ru/solutions/inchain/?ysclid=mdt7todnt5636282382/> (accessed on 30.07.2025).
5. Inchain. [Electronic resource] – Access mode: <https://inno.tech.ru/solutions/inchain/?ysclid=mdt7todnt5636282382/> (date of access: 30.07.2025).
6. Inchain. [Electronic resource] – Access mode: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/2196092/> (date of access: 30.07.2025).
7. Criminal report for the first half of 2025: an increase in the number of stolen funds, and North Korea setting new records. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.chainalysis.com/blog/2025-crypto-crime-mid-year-update/> (date of access: 30.07.2025).
8. Nabiullina: The Central Bank is against cryptocurrency as a means of payment within Russia. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kp.ru/online/news/6453525/?ysclid=mdit8esj9r109374620/> (accessed on 30.07.2025).
9. NNSU and Rosfinmonitoring held an international roundtable entitled "Current Practices and Challenges in Scientific and Educational Development of Financial Security" with the participation of representatives from 15 countries. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.unn.ru/site/about/news/nngu-i-rosfinmonitoring-proveli-mezhdunarodnyj-kruglyj-stol-2025/> (accessed: 30.07.2025).
10. The representative of Rosfinmonitoring noted an increase in the number of financial investigations related to the use of cryptocurrencies for criminal purposes. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.fedsfm.ru/releases/8964/> (accessed: 30.07.2025).
11. Rosfinmonitoring – computer program "Transparent Blockchain. State Module". [Electronic resource] – Access mode: <https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul/> (accessed on 30.07.2025).
12. Rosfinmonitoring will launch a crypto verification service in banks by the end of the year – Kommersant. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/7521060?ysclid=mduo6rqelo771932357/> (accessed: 30.07.2025).
13. Slashchinin O. A. Cryptocurrency in investigative activities: features of detection, determination of the nature and circumstances of its use / O. A. Slashchinin // Conceptual foundations of modern criminalistics: theory and practice: Proceedings of a scientific and practical conference with international participation dedicated to the 50th anniversary of Formation of the Criminology Department of the Law Faculty of Belarusian State University, Minsk, April 13, 2023. – Minsk: Belarusian State University, 2023. – P. 262-270.
14. The structure of suspicious transactions and the sectors of the economy that formed the demand for shadow financial services. [Electronic resource] – Access mode: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (accessed: 30.07.2025).
15. Starting in 2026, Russians will be fined for paying with cryptocurrency. [Electronic resource] – Access mode: <https://iz.ru/1922846/taibat-agasieva-anton-belyj/postavit-na-bit-s-2026-goda-rossiyan-nachnut-shtrafovat-za-oplatu-kriptoj/> (date of access: 07.30.2025).
16. EAG Typological Project "Brief summary of Monitoring the operational situation in the Member States regarding new ML/FT risks – review for 2024". 2024 [Electronic resource] – <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects?ysclid=mdvrytbuk967504381/> (accessed: 30.07.2025).
17. The EAG's typological project "Criteria, signs, and other practical aspects of identifying suspicious activities of companies and their managers, trustees, beneficial owners, and counterparties (related to the laundering of criminal proceeds or the commission of predicate crimes aimed at transferring funds into the shadow economy)." 2025, pp.1-7. [Electronic resource] – Access mode: <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects/> (accessed: 30.07.2025).
18. EAG typological project "Monitoring the risks of using virtual assets for criminal purposes". 2024 79 p. [Electronic resource] – Access mode: <https://eurasiangroup.org/ru/eag-typology-projects/> (accessed: 30.07.2025).
19. To the participants and guests of the 42nd plenary session of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism. [Electronic resource] – Access mode: <https://http://government.ru/gov/persons/151/telegrams/55169/> (accessed: 30.07.2025).
20. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 12/28/2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus (accessed: 30.07.2025).
21. Federal Law No. 522-FZ dated December 28, 2024, "On Amendments to the Federal Law on Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus (accessed: 30.07.2025).

22. The Central Bank has recommended minimizing interaction with cryptocurrencies. Who will be affected. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65e0a15e9a7947e24edfd0ec/> (accessed: 30.07.2025).

Информация об авторах / Information about the Authors

Яргутова В.Ю., кандидат юрид. наук, доцент кафедры финансов, налогов и кредита УНК ПЭиНП, Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород; доцент кафедры финансов и правового регулирования финансового рынка, Нижегородский институт управления - филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород, e-mail: vera.tomilova.84@mail.ru

Yargutova V.Yu., Candidate of Law. Associate Professor, Department of Finance, Taxes and Credit, UNK PEiNP, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod; Associate Professor, Department of Finance and Legal Regulation of the Financial Market, Nizhny Novgorod Institute of Management, RANEPA Branch, Nizhny Novgorod

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
научно-аналитического журнала
«Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова»

Просим авторов статей руководствоваться приведенными ниже правилами. Рукописи статей, оформленные не по правилам, не рассматриваются. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые посланы в другие издания или напечатаны в них.

1. Перед текстом должны быть указаны:

- УДК;
- полное название статьи (на русском и на англ. яз.);
- фамилия и инициалы автора (авторов) (на русском и на англ. яз.);
- должности, ученые степени и звания автора (авторов) (на русском и на англ. яз.);
- контактный телефон, полный почтовый адрес и e-mail;
- название организации, где выполнена работа (на русском и на англ. яз.);
- аннотация на русском и на англ. языке, объемом не менее (по ГОСТ 7.9-95 – 850 знаков (от 100 до 150 слов);
- ключевые слова на русском и на англ. языке (не более 4-6 слов).

2. В научной статье должны найти отражение:

- введение
- методика
- основная часть
- заключение
- выводы, ожидаемый эффект
- список литературы

При этом обозначение введения, основной части и заключения отдельными подзаголовками в тексте статьи не является обязательным.

3. Технические требования:

Текст необходимо набирать в формате страницы А4, с межстрочным интервалом «одинарный». Поля текста – по 2 см. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта – 12, абзацный отступ – 1,5 см. Набор таблиц: тип шрифта Таймс, размер шрифта 12 пт. Использовать стиль «Normal» или шаблон «Обычный».

Объем основного текста статьи (без аннотации и библиографического списка) должен составлять **20 000–25 000 печатных знаков без пробелов (5–12 страниц текста)**.

Список использованной литературы дается пронумерованный в конце статьи. **Ссылки на литературные источники приводятся в алфавитном порядке в квадратных скобках и обозначаются цифрами.**

4. Перечень использованных источников должен оформляться в соответствии со стандартом, установленным системой Российского индекса научного цитирования и включать: название, место и год издания, издательство, номер тома (выпуска), страницы (на русском и английском языках). Количество источников должно быть не менее 10. При этом автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники. Запрещается использовать в тексте автоматические ссылки, гиперссылки и автоматические сноски Word.

5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с государственным стандартом, например *статья*: Илаева З.М. Государственная служба в РФ и особенности системы мотивации госслужащих // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 3(51). – С. 46-52; Ссылки на используемые в статье источники в тексте указываются в квадратных скобках, например [4, С.96], и являются обязательными. Таблицы,

схемы, графики, рисунки должны сопровождаться ссылками на источник, из которого они были взяты. Общее количество ссылок должно быть не менее количества источников в списке.

6. Рисунки (графики, диаграммы) в редакторах Word, Excel – только черно-белые. Не вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы). Рисунки обязательно должны быть выполнены на отдельном полотне рисунка и должны быть сгруппированы (т.е. не должны "разваливаться" при перемещении и форматировании). Недопустимо использование рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы. Поворот рисунков и таблиц в вертикальную ориентацию запрещен. Надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми

7. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку.

8. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ; географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

9. Рукописи статей, оформленные не по правилам, не рассматриваются. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые посланы в другие издания или напечатаны в них.

10. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправоверного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений.

11. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь будет рассматриваться редакционным советом. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания. Статьи, отклоненные редакционным советом, повторно не публикуются.

12. Вниманию авторов!

В обязательном порядке все статьи проходят проверку по программе «Антиплагиат». Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

«Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова» сообщает, что Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России.

В соответствии с решением Минобрнауки России при итоговом распределении изданий из рецензируемого Перечня с 2024 года Вестник отнесен к категории K2.

(с 29.03.2022 г.), по юридическим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки,

5.1.4. Уголовно-правовые науки

(с 25.04.2023 г.), по экономическим научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика,

5.2.4. Финансы.

Редакционная коллегия

**ВЕСТНИК
ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. А.А. КАДЫРОВА**

Дизайн и верстка – **Р.Р. Эдаев**

Редактор-корректор – **Н.Э. Бегагаева**

Подписано в печать 01.12.2025 г. Формат 60х84/8
Бумага офисная. Печать-ризография.
Уч.-изд. л. 21,9. Заказ №426/03-22 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Адрес: 364037 Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33